

ПРОГРАММА ОБНОВЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

А.П. ЦЫГАНКОВ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ
РЕЖИМЫ: СТРУКТУРА, ТИПОЛОГИЯ,
ДИНАМИКА**

(УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ)

Рецензенты:

доктор социологических наук *Л.Н. Вдовиченко* доктор философских наук *Е.Б. Шестопал*

Л.П. ЦЫГАНКОВ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ: СТРУКТУРА,
ТИПОЛОГИЯ, ДИНАМИКА**

Зав. редакцией В.И. Михалевская Техн. редактор Г.З. Кузнецова
ЛР№ 060663 от 05.02.92

Подписано в печать 08.06.95. Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Гарнитура
"Таймс". Печать офсетная. Объем 18,5 усл. п. л. Тираж 3000 экз. Бесплатно. Зак.
939.

Фирма «Интерпракс» 103031, Москва, 2-й Неглинный пер., 4

Отпечатано с готового оригинал-макета

и Московской типографии № 6

Министерства печати и информации РФ

109088, Москва, Южнопортовая ул., 24

ISDN 5-85235-212-8

© Интерпракс, 1995.

© Цыганкой А.П., 1995,

Оглавление

Предисловие

Вместо введения: понятие режима в политической науке

I. Происхождение понятия "политический режим" и основные исследовательские подходы. 19

1. Античная политическая философия 19

2. Политическая философия Нового времени 27

3. Маркс и марксизм. 40

4. Теоретическая социология и идея социального порядка. 45

5. XX век: М. Вебер и школа "элитологии". 57

6. XX век: эволюция политической науки и новейшие подходы к анализу режимов. 70

II. Структура и особенности функционирования политического режима 82

1. Среда функционирования режима 82

2. Структура политического режима: взаимодействие правительства и оппозиции 94

3. Структура политического режима: процесс принятия решений 110

4. Ресурсы жизнеспособности режима. 119

5. Задачи, решаемые политическим режимом: стабильность или реформы? 126

6. Средства, используемые для поддержания стабильности 135

7. Политическое поведение правящего режима. 143

III. Типы современных политических режимов 150

1. Существующие классификации политических режимов и условия их использования. 150

2. Демократические режимы. 153

3. Авторитарные режимы. 167

4. Тоталитаризм: концепция и реальность. 182

5. Другие типологии политических режимов. 197

IV. Динамика режимов и проблемы политического перехода. 205

1. Понятие и параметры политического перехода. 207

2. Теории демократического перехода 211

3. Дестабилизация авторитаризма и начало перехода к демократии.	217
4. Процесс перехода к демократии.	223
5. Способы и последовательность демократического перехода.	233
6. Внешний фактор и демократический переход	241
7. Проблемы консолидации демократических институтов.	251
8. Результаты демократических переходных процессов	259
Вместо заключения	266
Рекомендуемая литература	268
Примечания	277

Предисловие

ПОСВЯЩАЮ МОИМ РОДИТЕЛЯМ ПАВЛУ АФАНАСЬЕВИЧУ И СВЕТЛАНЕ МИХАЙЛОВНЕ

Мы знаем, что правительства отличаются друг от друга и что различия гражданства или подданства в той или иной стране ощутимы даже в повседневной жизни. Нам также известно, что почти все правительства иногда действуют одинаково, и мы подчас ощущаем себя анархистами, для которых все государства принципиально схожи уже потому, что они государства.

Хуан Х. Линц

Для того, чтобы демократии появлялись на свет, будущие политические элиты должны быть, по меньшей мере, уверены, что демократия как форма правления является наименьшим из всех существующих зол как для обществ, в которых они живут, так и для них самих. Наряду с этим, политические элиты обязаны овладеть искусством осуществления демократического перехода вопреки сопротивлению со стороны радикалов и противников реформ. Демократия будет распространяться по миру в той степени, в какой этого хотят те, кто осуществляет политическое руководство в мире и в отдельных странах.

Самуэль П. Хантингтон

Работа "Современные политические режимы" завершена, и я должен теперь предупредить читателя о том, что он сможет и чего не сможет найти на ее страницах.

Работа разделена на четыре главы, которые, как мне кажется, последовательно рассматривают теоретические истоки анализа политических режимов, их структуру, типологию и динамику. Сразу оговорюсь, что не ставил себе целью формирование целостной, завершенной теории режимов. Моя задача состояла в прямо противоположном — по возможности, непредвзято и полно представить богатство имеющихся в мировой науке подходов к анализу политических режимов и систем.

Естественно, что эти подходы не следует рассматривать как взаимоисключающие. Их связывает между собой особый, макрополитический угол зрения, учитывающий в своем анализе частности, но стремящийся видеть картину политического развития в целом и позволяющий широкие страновые и региональные сопоставления. Кроме того, различные исследовательские направления подчас не столько конкурируют, сколько взаимодополняют друг друга, выявляя новый, ранее не затрагиваемый пласт изучаемого предмета или предлагая неожиданный взгляд на то, что считалось устоявшимся и аксиоматическим. Поэтому, в целях достижения большей стройности изложения я провел первоначальную синтетическую работу.

В то же время такая, подчиненная задачам первоначальной организации учебного материала работа, не имеет практически ничего общего с формированием синтетической теории. И я хочу подчеркнуть, что несмотря на имеющиеся между исследовательскими направлениями и подходами связи и области соприкосновения, они имеют различное методологическое происхождение и в принципе не могут быть сведены друг к другу. Поэтому любые попытки полноценного теоретического синтеза обречены на провал и примитивизацию рассматриваемых ниже подходов.

Будучи уверен, что единой, вбирающей в себя различные подходы теории — своего рода, монотеории режимов — не существует, я был рад возможности использовать для рассмотрения имеющихся концепций форму учебного пособия. Учебное пособие значительно меньше располагает к формулированию "выводов" и "результатов" и значительно больше — к их критическому сопоставлению. Думаю, что студенту особенно важно с первых лет учебы проникнуться осознанием относительности получаемого социального знания. Студенту, изучающему политические науки, важно вдвойне, ибо завтра из него может вырасти политик, озабоченный проблемами социального переустройства. И хотя без разностороннего образования современный политик обречен на "профнепригодность", не менее существенным для практической политики была и остается способность ее участников "стоять на земле", доверяясь своей интуиции и здравому смыслу, а не самодовлеющим теоретическим схемам. Нормальная политика — не место для поклонения абсолютным ценностям и, вопреки распространенному убеждению, является плодом творчества соглашателей и оппортунистов.

Вторая особенность предлагаемой работы — ее ориентация на российского читателя. По разным причинам российская политическая наука осталась в стороне от "столбовой дороги" развития мировой политологии или даже просто адаптации ее достижений. Но именно россияне являлись и являются обладателями уникального опыта политического развития, привлекающего к себе внимание международной исследовательской мысли. Логично предположить, что в конечном счете россиянам и должна принадлежать пальма первенства в теоретическом осмыслении особенностей этого развития.

В то же время я, как и многие мои коллеги, убежден, что политическое развитие России может и должно осмысливаться с использованием развивающихся в западной науке теорий. Для самопознания и саморазвития россиянам, как это повелось еще с Петра Великого, совершенно необходимо использовать западные технологии. Использовать критически, помня, что ни одна из этих теорий — коллапса империй, национального строительства, подъема крайне правых сил и, тем более, традиционной кремленологии и советологии — не может служить исчерпывающим ориентиром. Слишком сложной и многоступенчатой стала российская социальная реальность в посткоммунистический период. Сегодня на Западе предпринимаются новые усилия как по осмыслению посткоммунистической политики, так и переосмыслению политики коммунистического и докоммунистического периодов. Теории режимов — важнейшая составляющая этих усилий. Хочу надеяться, что и моя работа, изложенные в ее рамках теоретические

подходы смогут способствовать лучшему пониманию российской политической реальности.

* * *

Реализация этого проекта была бы невозможной, если бы не поддержка коллег, друзей, родственников.

В 1992 г. по совету Валерия Ивановича Коваленко и Александра Сергеевича Панарина я подал заявку на изучение политических режимов в Фонд Сороса. Рекомендательные письма этих людей и поддержка ими избранной мною темы, несомненно, способствовали получению гранта на реализацию проекта.

В первой половине 1993 г. в рамках того же проекта и с использованием разработанных для его реализации теоретических подходов я написал и опубликовал небольшую монографию "Правящий режим постсоветской России: социальные устои, политическое поведение, варианты эволюции (январь 1992 — март 1993)", в связи с чем хочу еще раз выразить свою благодарность МГИМО, внимательно отнесшемуся к моей рукописи и оперативно ее опубликовавшему. Это стало дополнительным стимулом в продолжении начатой мною работы по сбору материала и концептуализации политических режимов.

Однако работа не была бы написана без моей стажировки и последующей работы в Вашингтоне (США) — сначала в рамках исследовательского проекта в международном Центре Вудро Вильсона, а затем в Программе переходов к демократии в университете Джорджа Вашингтона. Здесь три человека по-разному способствовали тому, чтобы моя работа продолжалась: директор Программы Константин Менгес, профессор университета и специалист по классической теории режимов Карл Линден и директор Института российских, европейских и евразийских исследований при университете Джорджа Вашингтона Джеймс Миллар. Моя глубокая признательность этим людям.

Наконец, в это бурное время мне, как никогда прежде, была необходима моральная поддержка самых близких и дорогих для меня людей — моих родителей. Без этой поддержки, ощущавшейся мною постоянно, где бы я ни находился, проект не был бы ни завершен, ни даже начат. Моим родителям я и посвящаю эту книгу.

Февраль 1995 г.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: ПОНЯТИЕ РЕЖИМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Прежде чем приступить к рассмотрению основных составляющих политического режима, его разновидностей и особенностей модификации, нам представляется важным выяснить, какое содержание вкладывают в данное понятие в современной науке.

"Режим" в системе категорий политической науки

Самый верный путь к тому, чтобы разобраться, какое содержание в современной политической науке вкладывают в понятие режима — проведение его логико-семантического анализа, выяснение его происхождения и основных вех развития. Это большая и сложная работа, по-видимому, нуждающаяся в отдельном исследовании. Но так или иначе, составной частью такой работы должно стать сопоставление интересующего нас понятия с такими, получившими распространение понятиями, как "политическая власть" и "государство", "политическая система" и "процесс", "государственный строй" и "форма правления" и др. Посмотрим, как выгладит "режим" с этой точки зрения. В качестве рабочего используем следующее, весьма распространенное, определение: режим есть совокупность властных структур, которые в значительной степени контролируют или задают способы функционирования и воспроизводства политического сообщества (1). Подобные определения легко встретить как в отечественной, так и в зарубежной литературе.

Прежде всего, понятие "режим" следует соотнести с понятием "власть", занимающим, бесспорно, центральное место в политической науке. Без преувеличения можно сказать, что решение, изучение любой конкретной проблемы в политологии обязательно упирается в проблему политической власти, и поэтому любой, даже кажущийся самым беспристрастным, анализ политической ситуации обязательно содержит в своем основании то или иное представление о сущности власти. Власть может рассматриваться по-разному, но практически во всех

случаях исследователи считают необходимым подчеркнуть, что она представляет собой отношение и включает в себя два основных компонента — приказ и подчинение. "Власть, замечает по этому поводу польский политолог Е. Вятр, — это возможность приказывать, когда тот, кому приказывают, обязан повиноваться" (2).

Власть может осуществляться в двух формах — господства и влияния. Господство представляет собой ситуацию, в которой властвующий обладает способностью добиться выполнения своего приказа, прибегнув для этого, если потребуется, к использованию силы. Влияние не обладает подобной мощностью "фронтального" принуждения и осуществляется в значительно более мягких формах. Тем не менее, и в данном случае мы имеем дело с проявлением власти, ибо влияющий оказывается в состоянии (хотя и иными методами) добиться желаемого результата от того, кто выступает в качестве объекта влияния. Здесь уже требуется иное, более емкое, по сравнению с вятровским, определение власти. Удачным представляется, например, то, которое принадлежит американскому политологу Р. Далю. С его точки зрения "власть А над В есть способность добиться того, чтобы В сделал нечто, чего он никогда не сделал бы без воздействия А" (3).

Рассмотренное таким образом понятие власти оказывается типологически близким понятию политического режима. Различие заключается лишь в том, что режим есть организация власти в масштабах человеческого сообщества, ее структурирование в определенных целях и с использованием специфических методов.

Нередко понятие "режим" сопоставляют с относительно молодым в политической науке понятием "система". Политическая система сделалась предметом исследования приблизительно с середины 50-х годов и особенно обязана в данном отношении американскому ученому Д.Истону, который впервые попытался использовать методы кибернетики и общей теории систем в изучении политики. Один из простых, но весьма важных для политолога выводов системного анализа заключался в том, что политика, политический процесс представляет собой динамическое единство, систему субъектов, позволяющую им реализовать имеющиеся у них способности и намерения (4). Однако, если системная теория задавалась выявлением общих функций политической системы, то политический режим, по мнению, например Р. Макридис, "обозначает специфические пути и средства, какими эти функции могут быть структурированы и встроены в институты и процедуры, а также возникающие в ходе этого специфические взаимоотношения" (5). Очевидно, например, что одна и та же политическая система может, в зависимости от исторических обстоятельств, функционировать в различных режимах. Советская система выступала в этом смысле в разных обличьях в конце 30-х и начале 60-х годов, в начале 70-х

и середине 80-х. Кроме того, если "система", по словам того же исследователя, есть понятие обобщающее, аналитическое, играющее в осмыслении политических реальностей роль концептуального ядра, то "режим" способствует эмпирическому описанию этих реальностей.

В таком понимании "режим" оказывается весьма близок "политическому процессу", значение которого тесно переплетено с содержанием системы. Политический процесс, по существу, представляет собой динамический аспект политической системы, он и есть эта система, но представленная в разрезе ее становления, функционирования и развития. При всех различиях в толковании политического процесса практически всегда обращается внимание на его динамическую сторону, способность оживлять, наполнять действием имеющиеся политические структуры и институты. "Политический процесс", — замечает в этой связи А.М. Салмин, — одна из тех универсалий, которые обеспечивают диалог людей и культур, не предопределяя его исхода, подобно тому как общий язык дает возможность собеседникам говорить друг с другом, не обязательно при этом договариваясь" (6). "Тип процесса, характеризующего социальную систему, — формулирует эту же мысль Т. Парсонс, — есть то, что мы называем *взаимодействием*" (7). Выступая как деятельностное начало, политический процесс в то же время способствует стабилизации политической системы и ее институтов, упорядочивает имеющиеся в них связи и отношения.

Можно сказать поэтому, что понятия режима и процесса объединяет между собой, во-первых, акцентирование динамического аспекта политической жизни, а во-вторых, способность определяемых с помощью данных понятий явлений оказывать на политику стабилизирующее воздействие. В то же время, режим — лишь одна из характеристик процесса, один из возможных способов его рассмотрения. Сегодня это еще и один, из самых (если не самый) распространенных способов. Но все же "один из". Ибо политический процесс может быть проанализирован и с точки зрения возможных циклов и ритмов, т.е. в его диахронном, стадийном измерении. Если подходить таким образом, то режим можно определить и как синхронное, структурное измерение политического процесса. Различия здесь вполне очевидны. Одно дело — сталинский режим с характерными для него властными структурами и методами организации политического равновесия, а другое — логика и этапы становления, консолидации и распада режима. Первое относится к режиму, его структуре и поведению непосредственно, а второе — скорее косвенно, помогая, впрочем, понять его исторические границы и особенности эволюции.

Немаловажно уяснить и то, как соотносятся между собой понятия "режим" и "государство". "Государство" — одно из самых древних и

употребимых политическими мыслителями понятий, в то время как обращение к категории режима датируется второй половиной XX столетия. Принципиальное понимание государства связано, во-первых, с изучением специализированного аппарата людей, занятых организацией и принуждением в целях управления обществом, а во-вторых, с отнесением к сфере государственной деятельности любого социального действия. В первом случае государство есть лишь определенный политический институт, во втором — устройство политической власти в обществе, то, что позднее получит наименование политической системы. Уже Аристотель достаточно четко разграничил категории "государства" и "государственного устройства". С его точки зрения, "государство (polis) представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, но состоящему из многих частей", а "государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства" (8). Поэтому можно сказать, что понятия "государство" и "государственный строй" являются в известном смысле традиционными аналогами более современных, возникших уже в XX веке понятий "политическая система" и "политический режим". Эти последние лишь подтвердили правильность догадок своих предшественников относительно необходимости комплексного, макросоциального осмысления политических явлений.

Разновидности определений политического режима

В политической науке сложилось, по меньшей мере, две традиции в осмыслении политических режимов. Одна из них связана с политико-правовым, или институциональным подходом, другая — с социологическим. Различия, имеющиеся в рамках данных традиций, весьма существенны, хотя и отнюдь не непреодолимы. В первом случае преимущественное внимание уделяется формально-юридическим, процедурным характеристикам осуществления власти, во втором — ее социальным основаниям и происхождению. Рассмотрим данные определения более подробно.

Ученые, представляющее первое, институциональное направление политического анализа, склонны смешивать "режим" с понятием форм правления или государственного строя. "Политический режим есть система или форма правления", — пишет, например, американский исследователь К. Бекстер (9). Подобная постановка вопроса традиционно была характерна и для французского государствоведения, где монархия и республика различались, главным образом, именно как формы правления, а сам термин "политический режим" считался частью категориального аппарата конституционного права и связывался с особенностями разделения государственной власти и их соотношении

см (10). Соответственно, выделялись режим слияния властей (абсолютная монархия), режим разделения властей (президентская республика) и режим сотрудничества властей (парламентская республика). Однако, постепенно понятие режима обрело права самостоятельного "гражданства" и уже в 1968 году известный французский ученый М. Дюверже отмечал, что подобная классификация рассматривается французскими политологами как подсобная, в ней видят не классификацию политических режимов, а лишь классификацию "типов правительственных структур" (11).

К этой группе политического анализа примыкают и неинституциональные разработки, нередко связывающие свое происхождение с именем крупнейшего американского политолога Г. Лассуэла. Особенность понимания режима Лассуэлом связана, прежде всего, с тем, что режим рассматривается им как способ упорядочения, легитимизации политической системы. По словам ученого, "режим ("форма правления", "политический порядок") представляет собой образец политических форм... Режим функционирует для того, чтобы свести к минимуму элемент принуждения в политическом процессе" (12). Любопытно, что Лассуэл противопоставляет режим "правлению", которое, с его точки зрения, включает в себя "пути распределения и реализации контрольных функций в политике". Такое понимание, во-первых, связывает режим, главным образом, с конституционными действиями, а во-вторых, отказывает военным диктатурам в праве называться режимами. Такое понимание позволяет ему причислить Лассуэла и его последователей (таких, как Ф. Риггс, Р. Бейкер и др.) к представителям политико-правового осмысления режимов.

Второе направление политического анализа режимов уделяет первостепенное внимание осмыслению тех связей между обществом и государством, которые сложились реально и не обязательно в соответствии с предписанными конституцией и иными правовыми актами нормами политического поведения. В данном случае режим рассматривается не только как "форма" (будь то правления или государственного устройства) и даже не только как структура власти с присущими ей методами реализации политической воли, но и в гораздо более широком значении — как баланс, соответствие, имеющееся во взаимоотношениях социального и политического. Сам термин "порядок", "режим", по меньшей мере, со времени выхода в свет работы А. Токвиля "Старый порядок и революция" обладает здесь совершенно иным смысловым звучанием.

* Причем, характерно, что на языке оригинала и на английском языке порядок звучит как "regime".

В рамках социологического осмысления режимов имеется значительное разнообразие позиций, что вполне объяснимо, если иметь ввиду обозначенную нами содержательную глубину (чтобы не сказать, "размытость") трактовки самого этого термина. И если переспрос направление политического анализа склонно отождествлять режимы с формами правления и государственного устройства, то представители второго нередко не проводят никаких разграничений между политическими режимами и политическими системами. В то же время практически все представители данного направления сходятся на том, что режимы не могут быть трансформированы путем изменения определяющих их существование правовых процедур. Каждый режим покоится на определенной системе социальных оснований, и поэтому переход может состояться лишь только если данные основания принимаются в расчет.

Одно из характерных в данном отношении определений политического режима принадлежит упоминавшемуся уже М. Дюверже, который в одном случае рассматривал его как "структуру правления, тип человеческого общества, отличающий одну социальную общность от другой", а в другом — как "определенное сочетание системы партий, способа голосования, одного или нескольких типов принятия решений, одной или нескольких структур групп давления". В этом же стиле выдержано и определение одного из последователей Дюверже Ж.-Л. Кермопа: "Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период" (13). Режим таким образом предстает как значительно более сложная организация, нежели совокупность юридических механизмов или даже стремления правящего класса. Наконец еще одна формулировка содержания термина "режим", близкая к только что упомянутым и принадлежащая перу американских исследователей Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера: режим есть "совокупность структур, явных или скрытых, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, которые считаются для этих структур подходящими или неподходящими, используемые ими ресурсы и стратегии в целях получения желаемого назначения" (14).

В отечественной науке также получила распространение позиция (сформулированная Ф. Бурлацким и А. Галкиным), согласно которой

* В этой связи симитоматично, что известнейший предприниматель системного анализа политологии Г. Алмонд в своё время предлагал отказаться в целях сравнительного анализа от самой категории "политический процесс", содержательно близкой категории режима (См.: Almond G. Comparative political systems. — Political behavior. London In theory research. Ed. by H Eulau, e.a. Glencoc, 1956)

"для определения политического режима необходимо сопоставление официальных, в том числе конституционных и правовых, норм с реальной политической жизнью, провозглашенных целей — с действительной политикой" (15). Такое понимание вносило существенные коррективы в другое, выдержанное в политико-правовой традиции, понимание, определяющее режим как "систему методов осуществления государственной власти, отражающую состояние демократических прав и свобод, отношение органов государственной власти к правовым основам их деятельности". Как видим, размежевание политико-институционального и социологического подходов не обошло стороной и российскую политическую науку. Подобно представителям западной политической социологии, Ф. Бурлацкий и А. Галкин связывают анализ режимов с выявлением не только моделей поведения, но и социальной природы политической власти. В совокупности же изучение режима требует, по их мнению, ответа на следующие вопросы: "какие группировки господствующего класса находятся у руководства государством; каким методам господства и управления отдается предпочтение — прямым, насильственным или косвенным, демократическим; какие партии или партийные коалиции выступают в качестве руководящей силы; допускается ли и в каких пределах деятельность институтов социальной борьбы и давления, в частности оппозиционных, революционных партий, профсоюзов и других форм объединений трудящихся; каково положение личности в государстве и т.п."

К такому пониманию режима близок и М.А. Хрусталева, полагающий, что понимание политического режима отнюдь не сводится к выявлению взаимоотношений между институциональными субъектами политики (для этого, по мнению ученого, существуют категории политического и государственного строя) (16). И хотя "исходным аспектом понятия "политический режим" выступает все та же проблема разделения государственной власти", в данном случае она затрагивает взаимоотношения правящей элиты и массы, "под которыми подразумеваются все социальные субъекты политики, а сама элита...берется как малая социальная группа". Это понимание режима, ставящее на первое место взаимоотношения "элита—масса", в целом вписывается в серию приведенных выше определений, ибо так же как и они, уделяет первостепенное внимание проблеме упорядочения социального (а не только институционального) пространства.

Итог: основные признаки политического режима

На основании сказанного можно выделить следующие отличительные признаки политического режима.

Во-первых, режим недостаточно связывать лишь с формой правления. Решая задачи социальной и политической стабилизации, он спо

способствует организации значительно более масштабных, макросоциальных процессов. В этом режим близок по содержанию политической системе, раскрывая ее динамический аспект. Именно на эту сторону деятельности режима обратила внимание политическая социология, в задачу которой изначально входил анализ взаимосвязей политики и социальных процессов. Любой режим в своей деятельности стремится опираться на сложившуюся систему экономических интересов и культурных ценностей, а его действия непременно отзываются внутри этой системы, укрепляя или ослабляя имеющиеся в ней связи и отношения. В этом смысле любой режим обречён решать проблемы взаимоотношений, складывающихся между государством и гражданским обществом. Ведь именно в структурах гражданского общества коренятся отношения правительства и оппозиции, являющиеся ключевыми в характеристике типа и особенностей режима.

Во-вторых, очевидно, что режим обеспечивает не только динамизм, но и определенную стабилизацию политической системы, приводя ее элементы, структурные характеристики в упорядоченное взаимодействие, обеспечивая их слаженность и координацию. И эта задача также решается им успешно лишь в том случае, если политико-правовые механизмы создаются с учетом устройства и особенностей развития социальных структур. Проблема заключается не только в том, чтобы предписать обществу ту или иную "формулу легитимности" (например, президентскую или парламентскую модель), но и в том, чтобы выявить имеющиеся для ее "трансплантации" социально-исторические предпосылки. Любой режим в этом смысле может быть рассмотрен как некий способ разрешения, или артикуляции конфликта между обществом и правительством (17).

В-третьих, режим, несомненно, представляет собой совокупность властных структур, позволяющих правящему классу осуществлять возложенные на него полномочия. В одних случаях могут существовать институт многопартийности и развитые структуры гражданского общества, в других — политические решения принимаются и реализуются режимом в опоре на принципиально иные структуры и механизмы, без всякого согласования с общественными интересами. Одно из определений режимов, обращающее внимание на эту сторону проблемы, принадлежит известному американскому исследователю Марку Хагопиану. Он рассматривает режим "как специфическую институциональную структуру, которая характеризует политическую систему страны" и деятельность которой шире, чем деятельность правительства или отдельных групп официальных лиц, представленных в институтах (18).

Здесь необходимо иметь в виду, что режимы, как справедливо отмечается исследователями элит, функционируют не только на основа

нии тех решений, которые принимаются в рамках имеющихся в обществе политико-правовых процедур. Не меньшее значение имеют неформальные механизмы принятия политических решений. По точному замечанию Р. Макридис, "в то время как изучение командной структуры всегда наделяет нас знанием того, каково её формальное устройство, изучение элиты почти всегда обеспечит нас информацией относительно отсутствующих (и иногда более важных) связей в организации, а именно — распределении и границах власти" (19). Опыт различных политических устройств убеждает в том, что понятие господствующего класса не является бессодержательным, а политика нередко "делается" представителями крупных финансовых и промышленных кругов, теми, кто наделен ресурсами политического влияния. Властные структуры поэтому не следует отождествлять лишь с формально-юридическими механизмами осуществления власти. И на эту сторону деятельности режима в той или иной форме обращается внимание практически во всех приведенных выше определениях.

В-четвертых, любой режим в своей деятельности обращается к тем или иным методам достижения целей. Режимы могут существенно отличаться друг от друга, в зависимости от того, какие методы (насильственные или ненасильственные) используются ими в достижении поставленных целей. Важно не смешивать между собой методы осуществления власти и собственно властные структуры. Свидетельством того, что это не одно и то же, служит, например, богатый опыт функционирования авторитарных режимов. Обладающие нередко сходными репрессивными структурами политической власти, авторитарные режимы далеко не всегда обращаются к фронтальному насилию в достижении поставленных целей. В тех случаях, когда более эффективным оказывается использование методов убеждения, а не принуждения, репрессивный по своей природе режим может, вопреки ожиданиям, оказаться способным проявить "несвойственную" для него гибкость и склонность к компромиссам. Возможно здесь заслуживает упоминания один из методов массовой мобилизации, использованных режимом и, персонально, И. Сталиным в начале отечественной войны с фашизмом. Прямое обращение к нации ("Братья и сестры!"), культивирование национального единства перед лицом общей опасности сыграло не последнюю роль в достижении целей режима, существо которых совершенно не изменилось — всеми средствами сохранять власть.

Таким образом, методы осуществления власти и властные структуры могут существенно различаться. Поэтому следует подчеркнуть, что режим обладает не только специфическими структурами власти (ими обладает и политическая система), но и особыми методами ее реализации.

Наконец, в-пятых, режим, по сравнению с системой, обладает своими собственными временными характеристиками. Четче всего этот признак отражен в определении режима, данном американскими политологами Дж. Барнсом, М. Картером и М. Скидмором: "Режим есть специфический период действия политической власти, осуществляемой в рамках политической системы" (20). Мы уже заметили выше, что одна и та же политическая система может функционировать в разных режимах.

Суммируя сказанное, можно сформулировать следующее определение. Политический режим есть совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы. Режим, таким образом, это своего рода жизнь, "дыхание" политической системы, ее упорядоченная динамика. Таким образом, он весьма близок к политической системе содержательно (на основании общности первого — третьего признаков), что в целом ряде случаев позволяет рассматривать данные понятия как взаимозаменяемые. Из такого понимания мы будем исходить в своих дальнейших рассуждениях. Нам хотелось бы, однако, чтобы читатель имел ввиду два следующих обстоятельства. Первое: данное определение — всего лишь рабочее, и его неверно было бы рассматривать как окончательное. И второе: оно вовсе не является новаторским, ибо все основные его компоненты были уже проанализированы политической мыслью, начиная с Античности.

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ "ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ" И ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ

В данной главе нас будет интересовать происхождение понятия "политический режим", возникновение и накопление в истории политической мысли определенных предпосылок, которые способствовали введению концепции "режимов" в оборот экспериментальных и теоретически ориентированных социальных дисциплин. Мы попытаемся, таким образом, показать, что утверждение и широкое использование данного термина, причем, не только учеными, но и журналистами, публицистами, явление вполне закономерное.

1. АНТИЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философская мысль — величайшее культурное достояние человеческой цивилизации. Все великие религиозные системы, естественнонаучные открытия, гуманитарные прозрения рождались в лоне философской мысли, а само интеллектуальное творчество обладало несвойственной для него теперь многогранностью и универсальностью. Это в значительной степени относится и к политической философии. Те проблемы, которые в наши дни "разнесены" по полюсам политической психологии и политической экономики, политической социологии и антропологии, когда-то рождались и сосуществовали в рамках единой политической философии.

Политическую философию, как справедливо отмечал Д. Аптер, издавна интересуют принципы установления и функционирования так называемого "хорошего" общества (являющегося таковым в понимании того или иного мыслителя), определение и постановка моральных и иных целей перед человеческим сообществом (21). Однако вместе с тем, как достижения политической философии правомерно рассматривать и правовые идеи Ш. Л. Монтескье о необходимости "разделения властей", и социологические в своем существе концепции элиты и господства, и психологическое учение Д. Юма об эгоизме, и философские рассуждения М. Вебера об этике убеждения и этике ответствен

ности. Все эти идеи — не "внебрачные", а вполне "законнорожденные" дети политической философии, ибо возникли в её лоне и на ее почве. Сказанное в полной мере относимо и к изучению политических режимов. Несмотря на то, что сегодня режимы исследуются, главным образом, в рамках макрополитического анализа, развивающегося автономно от политической философии, многие важные и даже непреходящие по своей значимости идеи, помогающие развитию общей теории режимов, были высказаны именно философами. В кратком очерке мы попытаемся проследить те представления политико-философской мысли, которые, по нашему убеждению, и сегодня являются значительным подспорьем в изучении политических режимов. Естественно, что наш выбор, учитывая всю неохватность и многообразие интеллектуального материала, не может не быть в значительной мере случайным и субъективным.

* * *

Строго говоря, никто из мыслителей древних времен не употреблял понятия "политический режим". Как мы пытались только что показать, это понятие возникло значительно позднее. Но само его возникновение было в значительной степени подготовлено ходом политической мысли, а многие из важнейших, использующихся в современном политическом анализе идей, берут свое начало в Античности.

Восток

Формирование политико-правовой мысли на Древнем Востоке и в Древнем Западе не было явлением одного порядка. На Востоке мифологические представления оказывали несравненно большее влияние на повседневную жизнь людей, а власть воспринималась, прежде всего, как результат божественных деяний. Такое представление о власти и правлении характерно и для древневавилонских Законов Хаммурапи, и для персидского зороастризма, и для древнеиндийских Упанишад. Практически все борющиеся между собой идеи, позиции оказывались в плену сакральных представлений о политической власти. В качестве примера можно упомянуть о концепции Будды, выступавшего с критикой основных положений Вед, Упанишад и брахманистской идеологии в целом. Выдвигая в качестве мирообразующего начала "дхарму" как управляющий миром естественный закон, буддизм подчеркивал его разумное начало. "Дхармы, — подчеркивается в "Дхаммападе", — обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены..." (22). Однако вместе с тем, буддизм ориентировал на индивидуальный путь спасения и достижение нирваны и фактически остался без внимания к реальным политико-правовым явля

ниям. Следовательно, его рационализм не распространялся на вопросы политической жизни.

Определенный интерес к проблемам государственного управления можно обнаружить в древнекитайской философии. Конечно, и здесь власть имеет божественное происхождение, но китайские мыслители проявляют несомненный интерес к особенностям ее функционирования и предлагают определенные меры по её "совершенствованию". Нас в данном случае интересует не столько то, какой, например, концепции правления и по каким причинам придерживался Конфуций, сколько высказанные им суждения и наблюдения относительно принципов функционирования различных типов правления и условий их стабильности. В отличие от ряда эллинических мыслителей, Конфуций (551—479 гг. до н.э.) отстаивал недемократические формы общественного устройства, вполне определенно отдавая предпочтение правлению посредством добродетели перед правлением посредством закона. Строгая иерархия, принцип "исправления имен", т.е. административное распределение социальных, политических и правовых статусов различных лиц и групп населения в государственной системе — таковы были в представлении Конфуция основы неизменности, стабильности китайского государства. В этом отношении особый интерес могут представлять для нас те меры, которые, согласно китайскому мыслителю, обеспечивают внутренний мир между верхами и низами общества, стабилизируют систему правления. Подобно всем остальным авторитарным системам и учениям, конфуцианство, также как и легизм, является неопределимым источником осмысления природы и особенностей функционирования авторитарных режимов.

С этой точки зрения, интересно отметить, что конфуцианство описывало, несомненно, умеренный вариант авторитарного правления, особенно, по сравнению с идеями, заложенными в трактате Шан Яна (390—338 гг. до н.э.), видного теоретика легизма и основателя школы "законников". Конфуций выступал за построение отношений между правящими и подданными на началах добродетели, отвергал насилие как метод решения общественных проблем и обращал внимание на необходимость преодоления в целях поддержания общественной стабильности поляризации богатства и бедности среди населения. Легисты же прямо провозглашали произвол в качестве основополагающего и образцового принципа правления. "Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими"; "идеал правления — это когда подданные не могут постичь тайны управления" — таковы классические заповеди легизма. Легизм рассматривал отношения общества и государства как систему "с нулевой суммой", когда выигрыш государства может быть обеспечен лишь ценой поражения общества и наоборот. "Когда народ сильнее

своих властей, государство слабое; когда же власти сильнее своего народа, армия могущественна", — отмечалось в трактате IV века до н.э. "Шан цзгань шу". Тем самым, принцип "кто — кого", сформулированный значительно позднее основателем большевизма, можно обнаружить уже в наследии древнекитайских мыслителей.

Легисты весьма выпукло показали принципы функционирования авторитарных (а в целом ряде аспектов — и тоталитарных) режимов. И если Конфуций отстаивал своего рода "опекунский авторитаризм", то теоретики легизма ясно и недвусмысленно обнародовали не только свой идеал жесткого правления, но и лежащие в его основании социальные и правовые механизмы. Легистский порядок — это полнейшее безволие поданных, позволяющее деспотической центральной власти осуществлять над ними тотальный контроль, это всеобщая слежка и круговая порука, это не только приверженность старым законам и ритуалам, но и жесткие, ничем не ограниченные наказания провинившихся,

Лаоцзы (VI—V вв. до н.э.) и Моцзы (479—400 гг. до н.э.), критиковавшие позиции легистов, призывая власти проявить интерес к самостоятельности общества, тем не менее обосновывали свои позиции менее последовательно и убедительно, чем легисты.

Греция

В наследии Древней Греции особый интерес представляют идеи Платона и Аристотеля, выступавших во многом с отличных друг от друга позиций и пользовавшихся различными способами аргументации. И тот, и другой внесли свой вклад практически во все интересующие нас вопросы деятельности политических режимов — в анализ особенностей их функционирования, способы типологизации и динамику трансформации. Платон (427—347 гг. до н.э.), унаследовавший элитаризм во взглядах на политику (свойственный, в основном, всем мыслителям периода расцвета древнегреческой философии и, частично, периода эллинизма), был в этом, как и во многом другом, последователем идей своего учителя Сократа. Он оставил интересные наблюдения о формах государственного устройства, выделив аристократию, тимократию, олигархию, демократию и тиранию и связав их при этом с пятью видами душевного склада людей. Но его главный вклад состоит, конечно же, не в этом. Главное в том, что будучи пессимистом и усматривая определенную деградацию в эволюции политических форм, Платон в своем "Государстве" и, особенно, в "Законах" создал образ "идеального государства", которое, в действительности, является продолжением легистских проектов и всесторонне обосновывает концепцию тоталитарного правления. Маркс, как известно, использовал иную аналогию в характеристике платоновской республики: "она

представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя..." Но Платон не просто "идеализировал" иерархическую систему Востока. Он подошел к этой системе со своей меркой, используя в ее трансформации и развитии всю незаурядную мощь своего интеллекта и пополнив ее новыми, существенно важными для понимания тоталитаризма элементами (например, обосновал уникальную роль идеологии и политической мифологии, вообще идущей от правителя "целительной лжи" для поддержания стабильности режима).

Здесь не место анализировать причины такой эволюции Платона в сторону от позиций, завещанных ему Сократом и отстаивавшихся им в своих ранних сочинениях. Для нас важнее обратить внимание на те из идей Платона, которые уместны для политического анализа и которые совершенно недостаточно квалифицировать как "утопические", рассматривая их в общем контексте эволюции политических идей. "Законы" Платона — это не только "этап развития утопического мышления", впечатляющий памятник этому мышлению, но и способная воплотиться (и воплотившаяся, и в этом смысле, реалистичная) политическая программа, предусматривающая в своей регламентации все сферы общественной жизнедеятельности. Программа, безусловно, "тоталитаристская", по выражению К. Поппера (23), и заслуживающая своего всестороннего изучения с точки зрения общей теории политических режимов. Лейтмотив этой программы удачно выражают собственные слова Платона Афинского: "Никто никогда не должен оставаться без начальника — ни мужчины, ни женщины. Ни в серьезных занятиях, ни в играх никто не должен приучать себя действовать по собственному усмотрению: нет, всегда — и на войне, и в мирное время — надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям... пусть человеческая душа приобретет навык совершенно не уметь делать что-либо отдельно от других людей и даже не понимать, как это возможно".

Принципиально отличными были взгляды на политику Аристотеля (384—322 гг. до н.э.), этого гиганта Античности, человека подлинно энциклопедических познаний и донесшего до нас в своих сочинениях все интеллектуальное и нравственное богатство своего времени. По точному замечанию Е. Вятра, его подход к анализу политических явлений существенно отличался "от других древних философов, в частности, от Платона", т.к. "он впервые в истории общественной мысли применил эмпирический метод — наблюдение и индукцию. О том, что есть, он судит, опираясь на фактический материал, и, следовательно, с точки зрения метода поступает, как современный социолог политики" (24). И хотя Аристотель, как отмечают специалисты, отнюдь не является мыслителем, свободным от предрассудков времени, хотя и

для него характерны попытки конструировать явно утопические проекты "идеального государства" (25), все же основной его вклад в развитие политической мысли связывают не с этим. Вообще аристотелевские, содержащие в себе утопические *элементы* проекты являются, по наблюдению многих исследователей, не более, чем "бледной копией" платоновских "Законов". Все это позволяет предположить, что основные работы Аристотеля, возможно, правильнее было бы квалифицировать не столько как философию, сколько как политическую теорию, более свободную от ценностей и субъективных пристрастий исследователя. Можно сказать, что Аристотель обстоятельно проанализировал взгляды Платона и опроверг их. С точки зрения Аристотеля, государство представляет собой слишком сложный организм ("некое множество"), чтобы его можно было без ущерба для приспособляемости и развития сделать "чрезмерно единым". Такие попытки, по убеждению мыслителя, не приведут ни к чему, кроме уничтожения государства.

Аристотелевская классификация политических режимов

Формы	Один	Несколько	Множество
Правильные	Монархия	Аристократия	Полития
Неправильные (или коррупцированные)	Тирания	Олигархия	Демократия

Чрезвычайно интересной представляется разработанная Аристотелем типология политических форм или режимов (см. схему).

Ученый полагал, что всякая форма правления, любой сколько-нибудь устойчивый режим может существовать в двух различных состояниях. Во-первых, режим (независимо от своих структурных характеристик) может быть адекватен ситуации и быть способен в целом действовать в интересах широких слоев общества. Во-вторых, режим, правящая элита, даже в условиях демократии, может отстаивать и стремиться провести в жизнь свои собственные, узкокорыстные интересы. Эллинский мыслитель выделил три основных формы правления: монархию, аристократию и политию. Их он рассматривал как "правильные", т.е. в основном отвечающие интересам общества. Однако, наряду с этими формами существуют также и "неправильные", возникновение которых связано с вырождением правильных. Таким образом, писал

* Ист.; Braud Ph. Manuel du sociologie politique. P., 1992, P, 126.

Аристотель, монархия вырождается в тиранию, аристократия — в олигархию, а полития — в демократию (или охлократию, как уточнял позднее Полибий).

Особенность аристотелевской типологии — в её ориентации, во-первых, на выявление социальной природы, происхождения политической власти, а во-вторых, на анализ способа взаимоотношений, складывающихся между обществом и государством. В этом — уникальность данной типологии, содержащийся в ней эвристический потенциал. Не случайно термин "олигархический" прочно вошел в арсенал современной политической науки.

Аристотелю принадлежат также интересные и, по-видимому, менее всего оцененные по достоинству замечания о переходных формах правления, самом этапе политической трансформации. Будучи сторонником относительно равномерного распределения политической власти, он усматривает начало перехода, "источник возмущения" в "отсутствии равенства". Причем, равенство, по убеждению мыслителя, может быть двух видов — "по количеству" и "по достоинству" (26). Соблюдение первого вида равенства соответствует демократии, соответствие второго — олигархии или царской власти. Во втором случае достойных, знатных людей может быть хоть и немного в количественном отношении, но достаточно для поддержания политической стабильности. Как только равенство нарушается, возникает ситуация перехода, создающая предпосылки для совершения государственных переворотов или смены форм правления. Соответственно, опасности для демократии заключены во всевластии демагогов, пренебрегающих интересами знати, а для олигархии они исходят либо из чрезмерного притеснения народных масс, либо из концентрации власти "в руках еще меньшего количества лиц" (27). Весьма подробно Аристотель анализирует и причины падения, угрозы, существующие для функционирования монархической власти.

Наконец, Аристотель высказал и принципиально важные идеи о принципах функционирования современного ему государства и об условиях его стабильности. В этом отношении практически по всем пунктам он выступает последовательным оппонентом своего учителя Платона. С его точки зрения, условием успешного функционирования государства является оптимальное соотношение равенства и свободы (разумеется для граждан, а не для рабов). Развивая эти идеи, Аристотель последовательно опровергает платоновские представления о неприемлемости частной собственности, об общности жен, о возможностях исправления человеческой природы и пр. Принципиально важной для Аристотеля оказывается мысль о том, что "власть закона предпочтительнее власти любой личности" (28). Но, возможно, наиболее важ

ными для современной теории политических режимов являются его замечания о стабильности политической власти. Во-первых, здесь мыслитель четко выделяет социально-имущественные основания политической стабильности. Популярная в наши дни идея "среднего класса" была впервые высказана именно в "Политике" и в связи с размышлениями об умеренности и стабильности. Во-вторых, Аристотель без колебаний связывает свои симпатии со смешанными формами правления (полития и аристократия), где в той или иной форме реализуются права различных социальных страт и количественного большинства граждан. "Устойчивым государственным строем бывает единственно такой, при котором осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит" (29). Многие его наблюдения заставляют вспомнить о последующей аргументации сторонников "демократии элит". В-третьих, он фактически предвосхищает идею легитимности, но главное — не связывает стабильность режима (как это нередко делается в современной политологии) лишь исключительно с нею: "Сохранению государственного строя способствует не только то, что он далек от всякого разрушающего начала, но иногда и самая близость последнего, внушая страх, побуждает тверже держаться имеющегося государственного строя" (30).

Рим

Важные суждения по интересующей нас проблематике были высказаны после крушения античного полиса и в период возвышения Римской империи. Надо отметить стоиков и Цицерона (106—43гг. до н.э.), которые обосновали важнейшие, высказанные Платоном и Аристотелем положения; но применительно к условиям становления принципиально иного по своей организации имперского государства. Основной лейтмотив стоиков — отстаивание идеи личной свободы и индивидуальной свободы перед лицом любой власти. Стоицизм несомненно оказал влияние на становление первого общепланетарного мировоззрения — христианства, на утверждение всеобщих прав гражданина. Есть прямая связь между высказыванием Марка Аврелия — "у всех нас, разумных существ, разум один: если так, то есть закон, общий для всех; если так, то все мы сограждане; если так, мир — единое государство" и словами апостола Павла — "ни Эллины, ни Иудеи, ни свободные, ни рабы" (31). Такое понимание гражданских прав оказало, в чем убеждает римское право, глубокое влияние и на понимание власти имущими стоящих перед ними обязанностей и форм управления своими подданными. Возникла ситуация, когда стало более невозможным полное игнорирование режимом индивидуальной свободы

граждан. Новый политический баланс должен был строиться теперь с учетом этого обстоятельства.

Цицерон не принадлежал к числу мыслителей по роду своих занятий. Но его фигура представляет интерес уже тем, что будучи законником и занимая самые высокие посты в государстве, он воплотил собой дух римского отношения к идеям греческой цивилизации. По меткому выражению В.Эбенштейна: "Рим воспринял греческую цивилизацию и передал ее Европе не столько через идеи, сколько через учреждения" (32). В своих работах "Республика" и "Законы" Цицерон обосновал умеренность, согласие и конституцию как основы правления Римской империей, а в своей практической деятельности подчеркивал важность лидерства в стабилизации политических структур. Блестящий оратор, Цицерон прекрасно понимал, какими возможностями располагает способный убеждать и располагать к себе политический деятель.

И хотя ни стоики, ни Цицерон не создали достаточно развитой концепции демократического правления, как не создали ее и их предшественники (такие концепции возникнут уже в Новое время), некоторые принципы их деятельности и суждения о взаимоотношениях индивида и государства приближают нас к пониманию особенностей функционирования современных политических режимов.

2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Одно из самых ярких имен Нового времени — итальянец Николло Макиавелли (1469—1527), прекрасно разобравшийся в механизмах политического и существенно (наряду с Аристотелем) продвинувший политическую мысль в освобождении ее от догм и стереотипов. Макиавелли, несомненно, был одним из самых первых (если не самым первым) в числе тех, кто уяснил принцип *самодостаточности власти* и построил концепцию политики в соответствии с таким пониманием. Знаменитое положение Макиавелли — "цель оправдывает средства" — следует понимать именно как попытку (в целом удачную) выстроить приоритеты в деятельности политического лидера, подчинить всю эту деятельность не аморальной цели, но напротив — высшему благу, которое великий флорентиец связывал с "безопасностью государства". "Если безопасность государства зависит от предстоящего решения, не следует учитывать, справедливо оно или нет, гуманно или жестоко, благородно или постыдно. Отодвинув все в сторону, нужно задаваться только одним вопросом — спасет ли принятое решение жизнь и свободу государства?" (33). Итальянский мыслитель именно поэтому неправомерно обвиняется в крайнем цинизме, лицемерии и т.п. Он лишь пре

вратил добро и зло из категорий абсолютных в категории относительные, но он вовсе не предавал анафеме сами эти понятия. Поэтому «заслуга Макиавелли, — как пишет в своей книге М. Юсим, — состояла не в освобождении "науки" от морали, а в освобождении ее от абстрактного морализирования» (34).

Отмеченный прагматизм Макиавелли сказывается во всем — в оценке роли религии в обществе, в описании возможностей установления "чистых" и смешанных форм правления, в практических рекомендациях государственному деятелю. Любое политическое действие он связывает с соотношением политических сил. Именно сила, в его понимании, является ключевым компонентом в проведении государственной политики, и именно ее анализ должен, прежде всего, интересовать аналитика. Можно сказать поэтому, что непроизнесенная мыслителем категория "ресурс" фактически является для него одной из центральных.

Макиавелли не создал какой-то принципиально новой типологии политических режимов или форм правления, следуя в этом за рассуждениями Полибия. Но, во-первых, он придал им совершенно новую трактовку в условиях становления абсолютистского государства, продемонстрировал, что типология древних вполне работоспособна и при анализе политической борьбы в совершенно новых условиях; во-вторых, сделал ряд важных замечаний относительно перехода от одной формы правления к другой (35). Им впервые были вскрыты социальные корни установления тирании и показано, что ее приход подготавливают национальная раздробленность, ослабление государства от иноземных захватчиков, явления, которые Макиавелли называет "распущенностью" и "развращенностью". Флорентийский мыслитель достаточно подробно анализирует социальные основания различных политических систем, обращаясь за примерами не только к европейской, но и к восточной действительности. Можно сказать, что в этом отношении он выступает предшественником М. Вебера, сделавшего данную тематику основной в своем творчестве. Согласно Макиавелли, явления "распущенности" неизбежны в условиях становления новой государственности, а поэтому ее становление будет проходить две ступени: 1) установление единоличной власти "нового государя", мо

* Вообще "сходство" Макиавелли с Вебером не может не броситься и глаза любому сколько-нибудь внимательному исследователю. Можно выделить еще, по меньшей мере, две общие темы у этих мыслителей: авторитаризм как переходная ступень к республиканскому правлению (у Макиавелли это — "монархическая диктатура", у Вебера — "плебисцитарная демократия"); интерес к личностям политических лидеров, создание самостоятельных и частью пересекающихся типологий лидерства, сходные наблюдения на этот счет. Наконец, их обоих объединяет сама парадигма политического и социального анализа, связанная со свободой от бесплодного в научном отношении морализирования.

нархической диктатуры в целях объединения и возвышения обескровленного государства; 2) введение смешанной формы правления, умеренной республики, не только отличающейся стабильностью устоев, но и соединяющей в себе идеалы свободы и равенства.

Следует упомянуть и еще об одной особенности взглядов Макиавелли. Он одним из первых уделил значительное внимание психологическим характеристикам политики, описав народы и властителей с помощью красочных эпитетов "злой", "кровавый", "развращенный" и т.п. Обстоятельно проанализировав феномен политического лидерства, Макиавелли дал оригинальную типологию лидеров ("львы" и "лисицы") и показал, сколь велика их роль в укреплении государственного могущества.

С точки зрения теории режимов, весьма важно сопоставить методологию двух политических мыслителей — Томаса Гоббса (1588— 1679) и Джона Локка (1632—1704), разделенных отношением к английской буржуазной революции XVII века и рассуждавших в принципиально различных плоскостях. Если Гоббс был сторонником государственного абсолютизма и политики своего рода "опекунского авторитаризма", то Локка следует рассматривать как теоретика политических систем либерального типа. Гоббс рассматривал человека как существо глубоко эгоистическое, обуяемое страхом, жадностью и честолюбием. "Человек человеку — волк", а если это справедливо, то состояние "войны всех против всех" следует считать для человеческого сообщества неизбежным. И потому правителю следует жестко, используя силу и неизбежность своих прав, насаждать в обществе порядок, "гражданские законы" — это единственный способ избежать всеобщей анархии и войны.

Конечно, полагал Гоббс, существуют и "естественные законы" (Гоббс насчитывает их до 19-ти), действие которых связано с инстинктом сообщества к самосохранению. Например, естественным являлось бы стремление людей к достижению мира, отказ от некоторых препятствующих общей безопасности прав, осознание ответственности за выполнение взятых на себя естественных соглашений и т.д. Но без государственного абсолютизма, сосредоточения монархом в своих руках всей полноты власти все эти законы обречены остаться всего лишь благими пожеланиями. Гоббс совершенно недвусмысленно выступает против разделения власти суверена, какими бы соображениями такие действия не обосновывались. "Делить власть государства — значит разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга". Суверен рассматривается им как носитель верховной

власти по отношению к своим подданным, который не связан с народом никаким договором и никакой ответственности перед ним не несет.

Локк, напротив, строит свои рассуждения исходя из необходимости скорректировать гоббсовскую теорию "естественного права". Для него фундаментальным понятием выступает "общественный договор", заключаемый между государством и народом во взаимных интересах. Локк утверждает, что государство является опекуном над народом лишь постольку, поскольку выполняет его интересы. Ни о каких интересах опекуна не может быть и речи. Государство обладает лишь обязанностями и лишено всяких прав; оно, по сути дела, выполняет сугубо служебные функции и потому абсолютно демистифицировано. "Народ вправе отменить или изменить законы, если найдет, что они противоречат порученному им делу, ибо вся власть, данная опекуну— закону, ограничена интересами народа, и если этими интересами пренебрегают, опеку необходимо отобрать и вернуть тому, кто дал ее и может вручить другим, более достойным доверия, по его мнению".

Локк, как и Гоббс, полагает, что сохранение личной безопасности и имущества — главный побудительный мотив совместного существования человеческого сообщества. Он также убежден, что необходимо лишь соединить общественный договор с осознанием естественно присущих для совместно проживающих людей законов. Принципиальное же отличие их позиций связано с выяснением того, каков механизм выявления "естественных законов" и организации человеческой жизни в соответствии с ними. Гоббс высказывается в данном отношении в пользу государства, Локк — общества. Гоббс убежден, что суверен знает эти законы и обязан научить им своих подданных, выполнив тем самым возложенную на него воспитательно-просветительскую роль. Локк полагает, что законы следует находить, и никакое правительство не в состоянии будет сделать это, минуя общество.

Различие позиций кардинальное. Но нам, в соответствии с поставленными целями, представляется особенно важным отметить другое. И Гоббс, и Локк в стремлении обосновать жизненность противоположных концепций правления были правы каждый по-своему. Гоббс, с глубоким подозрением относившийся к "чистым помыслам" человека, убедительно показал, что во времена кризиса авторитарное правление способно утвердиться как гарант обеспечения стабильности в обществе. В свою очередь, Локк, доверившись обществу и прочности сложившихся в нем (помимо деятельности государства) связей, показал возможность иного выхода из создавшейся кризисной ситуации. В известном смысле, и тот, и другой были реалистами, и их позиции могут быть рассмотрены как взаимодополняющие друг друга. Гоббс увидел, вслед за Макиавелли, что власть самодостаточна, что роль силы в

государственном управлении нередко оказывается решающей. Локк, из этих же соображений, имел все основания не доверять власти и свои надежды на стабильность связывал с обществом, развитием института частной собственности и правом большинства народа "на неповиновение" несправедливым законам. Практика английской политики показала правоту Локка, но можно ли считать, что развитие политической жизни в других странах, где общество все еще находится в зародышевом состоянии, опровергло сформулированные Гоббсом положения концепции "опекунского авторитаризма"? Заслуга мыслителей состоит в выявлении особенностей функционирования различных режимов, в их взаимосвязи с социальными структурами. Хотя нельзя не заметить и того, что ни тот, ни другой не обнаружили интереса к проблемам политического перехода и поиску механизмов трансформации одних политических систем в другие.

Противоречия Гоббса и Локка в определенном смысле преодолел Шарль Луи Монтескье (1689—1755), который, хотя и рассматривал по традиции скорее "чистые типы" политического правления, подошел к ним с историко-географической меркой и четко обосновал, что политические учреждения и законы в обществе не просто являются результатом "общественного договора" или ниспосланы мудрым правителем. Эти законы весьма разнообразны в каждом конкретном обществе и всецело определяются его особенностями — климатом, "нравами", величиной территории, исторической обстановкой. Монтескье весьма подробно рассматривает поэтому вопрос о среде функционирования политического режима — географической, психологической, социальной.

Развиваясь в рамках политической философии, Монтескье (как и Гоббс, и Локк) не был свободен от морализаторства и определенного смещения его собственных предпочтений с исследованием эмпирической реальности. Но в основном исследовательское начало, стремление делать выводы исходя "не из своих предрассудков, а из самой природы вещей" было в нем значительно сильнее. Такой подход, в частности, характерен для анализа французским мыслителем того, что он определяет как "принцип правления". Здесь нельзя не упомянуть о содержательной близости "принципа правления" веберовскому понятию "политического господства". Задолго до Вебера Монтескье выявляет те "страсти", которые лежат в основе того или иного правления. Так,

* Вспомним, что по Веберу в основе социальной и политической действительности лежит действительность психической жизни. За патриархальным господством скрывается "объективированная" способность памяти, за бюрократическим господством — рассудок и за харизматическим — интуиция (36).

деспотизм опирается, главным образом, на страх, ибо в деспотическом государстве господствует произвол. Умеренное же правление, осуществляемое конституционными монархиями и республиками, опирается соответственно на "честь" и "добродетель". Весьма важно то, что Монтескье, по сравнению с его предшественниками, интересовали не столько законы сами по себе, сколько "дух законов". В этом, главным образом, заключается вклад французского мыслителя в разработку типологии политических режимов.

С именем Монтескье связывают также развитие концепции "разделения властей", предпосылки которой содержались уже у Цицерона и, позднее, у Локка. Эта концепция, служащая обоснованием принципа законности, обеспечения политической свободы и превращения права в истинный регулятор взаимоотношений между государством и его гражданами — несомненный вклад в осмысление либерально-демократических систем. В дальнейшем идеи разделения властей, "сдержек и противовесов" будут развиты эмпирически ориентированной политической теорией американских "федералистов".

Если теоретические работы Монтескье можно, прежде всего, оценивать как вклад в осмысление либерально-демократических систем — в этом смысле он наследует Локку — то Жан Жак Руссо (1712— 1778), хотя и в весьма своеобразной манере, скорее всего продолжил "дело" Гоббса.

Его место в палитре мировой и европейской политической философии помогают понять и глубокие замечания английского исследователя Д. Хелда. Изучая демократическую теорию Запада, Хелд прослеживает в ее формировании несколько стадий (далее, в этой главе, мы скажем об этом несколько более подробно). Одна из наиболее значительных стадий — модель либеральной демократии, которую разрабатывали такие мыслители, как Макиавелли, Гоббс, Локк, Монтескье, Джеймс Милль, Бентам, Руссо, Волстоункрафт, Дж.Ст.Милль, Токвиль и др. Однако Руссо, по сравнению с четырьмя своими предшественниками — Макиавелли, Гоббсом, Локком, Монтескье — представляет совершенно иное, с точки зрения Хелда, направление в рамках модели либеральной демократии. Хелд называет это направление "развивающейся демократией" (protective democracy), по сравнению с "защищающейся демократией" (developmental democracy) (37). Различие данных моделей связано, прежде всего, с принципом их легитимизации, тем, как они обосновывают свое право на справедливость. Защищающаяся демократия утверждает, что граждане нуждаются в защите от правителей, а также друг от друга. Только такая защита сможет обеспечить проведение правителями той политики, которая

могла бы учитывать интересы всего сообщества. Развивающейся демократии этого становится недостаточно. Ее принцип легитимизации звучит иначе: оптимальная государственная политика требует широкого участия граждан в политической жизни. Такое участие необходимо не только для защиты индивидуальных интересов, но и для создания неформального, структурированного и развивающегося гражданства. Кроме того, вовлеченность в политические дела сообщества существенна для высшего и гармоничного расцвета индивидуальных способностей.

Принимая такую классификацию наиболее известных политических теорий, следует сказать, что Руссо принадлежит место зачинателя новой модели организации политической жизни. Эта модель не была абсолютно новаторской, ибо во многом, как показал другой исследователь политической мысли К.Поппер, базировалась на античных, в особенности платоновских представлениях о социальной справедливости (38). И все же это была совершенно иная модель, развиваемая в иное время и для условий общественного устройства нациигосударства.

Любопытно, что создав теоретическую модель жесткого авторитарного государства и будучи в этом близок Гоббсу, Руссо во многом исходил из принципиально отличных от гоббсовских установок. Руссо полагал, что человек по природе своей добр, и только социальные учреждения превращают его в того, кем он является. Он был убежден (в противоположность Гоббсу) в благотворности естественного состояния, ибо в этот период существовало полное равенство людей (за исключением физического). Наконец, Руссо защищал модель радикально-демократического правления, в условиях которого получили бы практическое воплощение идеи народного суверенитета и прямого народовластия. Гоббс же, как известно, обнаружил себя последовательным сторонником абсолютизма и идеи неограниченной власти монарха. Тем не менее, я не случайно сказал о типологической близости позиций данных мыслителей. Эта близость связана с тем, что и тот, и другой, хотя и по разному, обосновали модели авторитарного правления. Принципы развивающейся демократии перешли у Руссо (как позднее произошло и с Марксом) в собственную противоположность. Вот почему Б. Рассел был безусловно прав, когда писал, что "его учение, хотя оно на словах превозносило демократию, имело тенденцию к оправданию тоталитарного государства" (39). Поэтому вклад Руссо в теорию политических режимов, прежде всего, состоит в развитии этой линии аргументации (40).

Причем Руссо, в отличие от многих других мыслителей, говорил не только о статических формах общественного устройства, или иными словами, о нормативных преимуществах радикально-демократическо

го способа правления. Его теория интересна и тем, что он один из немногих попытался проанализировать социальный механизм перехода к желаемому им общественному устройству. Здесь Руссо весьма последователен, и все элементы его концепции хорошо состыкуются друг с другом.

Во-первых, он довольно определенно формулирует негативное отношение к институту частной собственности. «Первый, кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: "это мое" — и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества», — писал мыслитель в своем труде "Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми". «От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: "не слушайте этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!"» Экономический фундамент желаемого для Руссо общественного устройства хорошо знаком тем, кто воспитан в условиях социалистической системы: "Я хочу, одним словом, чтобы собственность Государства была настолько велика и сильна, а собственность граждан настолько мала и слаба, насколько это возможно".

Во-вторых, он крайне негативно относится к идее представительства народных интересов, причем его аргументация весьма близка гоббсовской. Но если Гоббс писал: "Делить власть — значит разрушать ее", то Руссо формулирует данную мысль следующим образом: "Цель правительства — осуществление общей воли, мешают ему в достижении этой цели — препятствия частных волеизъявлений" (41).

В-третьих, условия, на которых он предлагает гражданам заключить общественный договор с государством, не оставляют для них никакой политической свободы. Путь к достижению идеального общественного состояния — это "полное отчуждение каждого из членов ассоциации со всеми его правами в пользу всей общины". Сам же договор в редакции Руссо звучит следующим образом: "Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого" (42).

Словом, перед нами довольно законченный проект жестко-авторитарной системы и путей перехода к ней. Руссо описал его на редкость точно и задолго до практической реализации. Для такого перехода требуется слабость института частной собственности, неразвитость структур гражданского общества, сосредоточенность в руках государства всей полноты власти. Не хватает лишь мощной идеологической

индоктринации и всемогущего репрессивного аппарата, железной рукой ведущего неразумных "к счастью". Однако любой желающий безо всякого труда обнаружит о работах Руссо эти недостающие элементы.

Другими представителями теории развивающейся, активной демократии были замечательный французский мыслитель А. де Токвиль (1805—1859) и приверженец его идей англичанин Джон Стюарт Милль (1806—1873). Богатство идей Токвиля, корректность его формулировок, наконец, изящество стиля изложения привлекали и будут привлекать к себе внимание. С Руссо его роднит то, что внимательно изучив опыт американской демократии, он также был убежден в возможности и необходимости широкого участия индивидов в государственном управлении. Но, пожалуй, на этой констатации все их сходство и заканчивается, ибо и по своим позициям, и по своим исследовательским интересам Токвиль ближе всего к демократии, точнее, к некоему соединению демократии и аристократии.

Проблема такого соединения — одна из главных в его творчестве, проходящая сквозной темой через две главные, написанные в начале и в конце жизни, работы ("О демократии в Америке" и "Старый порядок и революция"). Проявляя первостепенный интерес к социальным основаниям политики, Токвиль анализирует взаимосвязь и возможности совмещения ценностей свободы и равенства. Причем, делает он это, подобно Макиавелли, в опоре на сравнительно-исторический инструментарий, что придает его выводам особую убедительность. Отсюда возникает интерес мыслителя к исследованию не только функционирования политических систем, но и проблем, связанных с их установлением и консолидацией. Так, например, неудачу Французской революции Токвиль рассматривает как результат чрезмерно укрепившихся еще до ее совершения деспотических, противоречащих развитию свободы учреждений и отсутствия в широких массах стремления к свободе. Революции происходят, когда люди, недовольные своим экономическим положением, обращают свой гнев против господствующих политических учреждений, используя для этого лозунги свободы и демократии. Если же эти учреждения делают шаг навстречу народным требованиям, то тем самым они лишь демонстрируют собственную слабость. Дав людям свободу и, кажется, несколько облегчив им их участь, государственные институты оказываются не в состоянии быстро и кардинально улучшить их экономическое положение. Происходит резкий, невиданный ранее взлет массовых ожиданий, крепнут иллюзии, что политическая свобода быстро улучшит бедственное положение людей. Но главное, что обнаруживается — это все более угнетающее воздействие процессов социальной дифференциации.

Получается, что люди стремились не столько к свободе, сколько к установлению социального равенства, которое, как оказалось, вполне совместимо с развитием деспотических учреждений.

С этим связан так называемый "парадокс Токвиля", до сих пор активно используемый в сравнительном анализе политико-переходных процессов, развивающихся в условиях политической либерализации режима. Сам мыслитель формулирует его следующим образом: "Можно сказать, что французы находили свое положение тем более невыносимым, чем более оно улучшалось... Не всегда приводит к революциям переход от худого к худшему. Чаще всего случается, что народ, переносивший без жалоб и как будто нечувствительно самые тягостные законы, буйно сбрасывает с себя их бремя, как только оно облегчается" (43). О том, сколь точно схвачена здесь проблема, легко может судить тот, кто является непосредственным наблюдателем переходных процессов, происходящих, в том числе, в постсоветской России. Существование "парадокса" состоит, таким образом, в том, что уровень общественного недовольства достигает высшей отметки, когда снижается, несмотря на повышение степени политической свободы, уровень социального равенства. Выясняется не столь уж парадоксальная вещь: народные массы видят в революции отнюдь не только движение к свободе и даже не только улучшение своего социального положения, но, прежде всего, улучшение этого положения в условиях сохраняющего или крепнущего социального равенства.

Эти позиции развивал в своих работах и Джон Ст. Милль, сын известного философа Джеймса Милля. Главная его работа с интересующей нас точки зрения — трактат "О свободе", рассматривающий проблему тирании большинства, в исследовании которой философ предвосхищает многие положения теории тоталитаризма. Подобно Токвилю, Милль озабочен опасностями безоглядной демократизации, одним из феноменов которой он считает тиранию общественного мнения. Подавление личности обществом имеет множество различных граней. Одна из важнейших — навязывание ей распространенных в обществе стереотипов, которая не менее опасна, чем монополизация информации. "Даже век ошибается, также как и личность" (44), — считает Милль, и общество не в состоянии называться свободным, если в нем не соблюдается свобода дискуссий. В этой связи мыслитель считает необходимым отвергнуть идею, согласно которой правда все равно рано или поздно восторжествует. В атмосфере рабского подчинения и всеобщего конформизма истину постигают мыслители-одиночки, но отнюдь не народ.

Милль, таким образом, развил либеральную концепцию демократии, убедительно показал необходимость активных, прежде всего ин

теллектуальных усилий для предохранения общества от деспотизма. Главный его вывод заключается в том, что ценность государства определяется ценностью его граждан. В этом, в конечном счете, состоит залог и его величия, и стабильности. "Государство, которое превращает людей в карликов, чтобы они были послушными орудиями в его руках, даже если его цели благородны, обнаружит, что великие дела не совершаются мелкими людишками и что совершенная машина, ради которой пожертвовано всем, в конечном счете ничто, так как не хватает жизненной силы, которую уничтожили, чтобы эта машина действовала без помех".

В политической философии несколько особняком стоят достижения американской мысли, представители которой сыграли роль, подобную той, что в период возвышения Римской империи сыграл Цицерон. Подобно Цицерону, американские политические мыслители (например, Т. Джефферсон, А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Б. Франклин) играли активную практическую роль в государствовроении. Само название философов применимо к ним с определенной долей условности. Ведь в то время как в Европе обсуждались проблемы естественного права и социального договора, природы человека и критериев справедливости общественного устройства, по другую сторону Атлантики дискутировались преимущества двухпалатной системы законодательных органов по сравнению с однопалатной, достоинства проведения прямых президентских выборов или непрямого голосования через представителей, система оплаты деятельности выборных официальных лиц, основы судебной системы и роль правительств штатов и федерации. Печать прагматизма неизбежно лежала на всем том, что выходило из-под пера американских мыслителей и политических деятелей.

Характерен в этой связи вклад в развитие политической мысли, сделанный Т. Джефферсоном (1743—1826), блестящим политиком, человеком необычайно ясного ума и поистине энциклопедических познаний. Главный труд Джефферсона (исключая огромную переписку), по признанию современников и его собственному признанию — написание Декларации независимости, оказавшей и продолжающей оказывать влияние на стремящиеся к освобождению народы. И если европейские мыслители провели фундаментальную работу по обоснованию права народа на восстание и по выявлению других, "естественных" прав человека, то Джефферсон воплотил право на восстание в чеканные формулировки Декларации и документально утвердил "определенные неотъемлемые права, среди которых — право на жизнь, свободу и на стремление к счастью" (45). Кроме того, Джефферсон составил проект новой конституции штата Вирджиния, положения которого

впоследствии использовались Дж. Мэдисоном в процессе работы над составлением Конституции США. С точки зрения теории режимов (прежде всего, демократических) представляют интерес и проблемы федерального устройства, не привлекавшие к себе значительного внимания со стороны европейских философов. Здесь важно отметить, что Джефферсон, во-первых, доказал (в противовес Монтескье), что значительные территориальные пространства отнюдь не препятствуют установлению республики, даже наоборот; во-вторых, он выступил против чрезмерной концентрации власти в руках федерального правительства и ограничения суверенитета штатов.

Противоположные позиции отстаивал А. Гамильтон (1757—1804), представитель консервативных кругов плантаторов—рабовладельцев и торгово-промышленной буржуазии. Дискутируя с Джефферсоном и его сторонниками, Гамильтон фактически воспроизвел все те аргументы в защиту олигархических режимов, которые уже высказывались европейскими философами. В своей боязни привлечь народ к управлению и призывах к установлению сильной государственной власти он фактически приблизился к Гоббсу, причем, немало сделал для перевода теоретических аргументов на язык практической политики. Заявляя, что "править должна та власть, в руках которой прочно находится кошелек", Гамильтон предлагал предоставлять места в правительстве согласно имущественному положению граждан. Кроме того, он выступал за установление конституционной монархии, а позднее — за установление пожизненной президентской власти, выступал против включения Билля о правах в Конституцию страны, а также защищал идею крепкой центральной власти, способной не только пресекать народные восстания, но и налагать (если потребуется) вето на законы штатов.

Приводя описание той мыслительной традиции, которая свое основное внимание уделила исследованию и обоснованию жизненности политических режимов и систем авторитарного типа (Конфуций, Шан Ян, Платон, Гоббс, Руссо, Гамильтон), нельзя не упомянуть и о политической философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770—1831). В разные периоды своей жизни Гегель поддерживал якобинцев и Наполеона, но в конце концов сделался преданным поклонником прусского полицейского государства. Гегель выступает несомненным противником демократических форм правления. И его вклад в теорию режимов есть, несомненно, вклад наблюдателя и исследователя одной из разновидностей авторитаризма. В гегелевской теории нелегко отделить рациональное от идеологического, ибо замысел философа в значительной степени состоял в том, чтобы освятить сущест

вующее государство и, оценив его на шкале "Добро—Зло", воззвать к необходимости смирения перед ним.

По всем показателям гегелевские рассуждения пополняют наши знания об авторитарных системах. Если Гегель говорит о правах личности, то непременно указывает, что "личность обретает свободу в выполнении долга". "Свобода, — пишет он в другом месте, — реально существует в самопожертвовании". Если мыслитель рассуждает о гражданском обществе, то, прежде всего, считает необходимым подчеркнуть его зависимый от государства характер. С точки зрения мыслителя, цель частных лиц государства можно рассматривать в качестве средства, поскольку "эта цель опосредована всеобщим", т.е. государством. Если Гегель рассуждает о законах общества, то обращает внимание на их божественный, находящийся вне сферы гражданской компетенции характер. Он отрицает договорную природу государства, а о Конституции пишет, что ее "нельзя рассматривать как нечто созданное, хотя бы она и возникла когда-то. К ней следует относиться как к чему-то существующему само по себе, божественному и вечному, находящему превыше всего сделанного человеком". Наконец, говоря о суверенности народа, Гегель утверждает следующее: «...противостоя суверенности государя, суверенность народа — одна из путаных мыслей, основанных на нелепой идее "народа". Народ без монархии — бесформенная масса, а не государство».

В гегелевской концепции особенно показательно отсутствие всякой случайности или альтернативности. Все здесь плотно взаимосвязано и взаимосогласовано и все замыкается на государстве. Кроме того, сама форма преподнесения философских идей вряд ли может быть названа демократической. Длинные фразы, отсутствие "самодialogов" или вопросительных форм, перенасыщенность сложнейшей и самобытно нагруженной философской фразеологией создают некий ореол сакральности, поднимают рассуждения философа на совершенно иной статус — статус учения.

Все отмеченные характеристики позволяют, по мнению ряда исследователей, увидеть в гегелевской философии предтечу фашистских построений. "Несмотря на звучные философские термины, — пишет, например, В. Эбенстайн, — политическая теория Гегеля содержит все основные элементы фашизма: расизм, национализм, "вождизм", правление не по согласию, а силой авторитета и, главное, обожествление власти как высшего проявления человеческих ценностей" (46). Такие обвинения представляются не вполне корректными, т.к. не принимают

* «В философски-логическом плане, — пишет один из исследователей творчества немецкого мыслителя, — гражданское общество) расценивается Гегелем как момент государства, как то, что "снимается" в государстве» (Нерсесянц В.С. "Философия права": история и современность. — Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 21).

в расчет того значения, которое Гегель придавал праву и правовой легитимации государственной власти (47). Гегелевскую теорию поэтому не следует отождествлять с тоталитаризмом или фашизмом. В то же время описанная Гегелем теория не допускает и какой-либо спонтанности, не предусмотренной государством гражданской самодеятельности. Поэтому правильнее всего рассматривать ее как разновидность обоснования абсолютистского государства, своего рода "правового этатизма", как сформулировал В.С. Нерсисянц. И в этом качестве Гегель по праву может считаться наследником философии Т. Гоббса.

3. МАРКС И МАРКСИЗМ

Классический марксизм — одно из самых интересных и неординарных течений социальной и политической мысли. Вопреки распространившимся в российской публицистике в первый постперестроечный период взглядам, его вклад в осмысление политических режимов трудно переоценить. Этот вклад может быть представлен по следующим двум направлениям.

Маркс и Энгельс создали впечатляющую теорию социального и политического процесса, основные положения которой помогают осмыслить и реальности современного общества. Конечно, марксизм как теория далек от последовательности, концептуальной завершенности. Внутри него уживаются различные, даже исключают друг друга подходы. Эта фундаментальная раздвоенность сопровождает марксистскую теорию с самого ее возникновения. В России в этот период стало чуть ли не правилом рассматривать только одну и не самую интересную версию марксистской теории исторического процесса. Весьма условно ее можно охарактеризовать как "идеологический" (или нормативный) марксизм, который особенно легко подвергнуть уничтожающей критике. Однако совершенно необходимо переосмыслить и включить в оборот российской науки принципиально иную версию теоретического анализа — "поисковый" (или антинормативный) марксизм. Основные идеи этой версии весьма плодотворны и с полным правом входят в классический фонд социологического и политологического наследия. Их с успехом использует франкфуртская школа (Ю. Хабермас, К. Оффс, М. Джей, Т. Боттомор), феноменологическая традиция (П. Бергер, Т. Лукман) и, конечно, структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Л. Козер, С. Липсет и др.). Перечислим только некоторые из этих идей.

— Это идея субъекта исторического развития, формирующегося под влиянием социальных и технологических новаций. Маркс ошибоч

но считал таким субъектом пролетариат, рассматривал его в качестве провозвестника "нового строя". Сегодня обсуждаются гипотезы о том, что социальные перемены в современном обществе все определеннее следует связывать с растущим влиянием интеллигенции, "нового знающего класса". Но как бы то ни было, политическая теория и теория режимов, в частности, не могут оставаться безучастными к такого рода идеям. Из истории известно, что восхождение класса буржуазии дало огромный толчок становлению и консолидации современных демократических институтов (не случаен в этой связи получивший распространение термин "буржуазная демократия"). Кто знает, как в дальнейшем будут строить свои отношения политическая система общества и социальные группы, занятые в наиболее перспективных в технологическом отношении производствах.

— Это идея взаимосвязи возникновения и эволюции общественных классов с превалирующим в обществе типом общественного разделения труда, определенной стадией развития производства. Кстати говоря, эта идея, как справедливо заметил В. Вильчек, служит обоснованием скорее классового сотрудничества, нежели классовой борьбы. Важность этой идеи для интересующих нас целей — ее способность стать опорной в анализе экономических и — шире — социальных оснований политики. Кроме того, здесь, с нашей точки зрения, принципиально заложено понимание той простой истины, что политика есть особый род общественной деятельности, требующий профессионализации и специализации не в меньшей степени, чем, скажем, экономика или культура.

— Это, наконец, и формационная идея — главный вклад Маркса в теоретическую социологию XIX и XX-го вв. Не приснопамятная истматовская "пятичленка", высшим достижением которой было выяснение взаимосвязей "базиса" и "надстройки", а взгляд на общество как целостный, универсальный организм, где подчинены друг другу, сложно согласованы между собой формы духовной и материальной культуры, типы знания, политического и экономического устройства.

Как видим, каждая из этих идей так или иначе затрагивает экономическую подсистему общества, то, что Маркс называл "способом производства". Такой подход, конечно же, не исчерпывает собой всего многообразия и богатства политической жизни. Но ведь и нелепо было бы рассчитывать на то, что теоретик сумеет представить универсальный метод для анализа реальности. Маркс, хотя и претендовал на создание такого метода, не был и не мог быть в данном отношении исключением из правила. Его анализ бесспорно является по своей

* Вильчек В.М. Алгоритмы истории. Философско-социологические очерки. М., 1989. С. 42.

природе политэкономическим, способствующим прояснению многих важных вопросов в осмыслении политических режимов. Не освещая подробно идеи "поискового марксизма", важно подчеркнуть, что формирование теории политических режимов невозможно без актуализации потенциала классической марксистской теории.

Заслуги классического марксизма не сводятся лишь к продуцированию оригинальных теоретических аргументов. Не менее существенно для всестороннего рассмотрения режимов принять во внимание те работы, которые посвящались ситуационному исследованию политической жизни. Здесь особенно важны политическая публицистика Маркса и Энгельса, письма Маркса с разбором политической ситуации во Франции и, конечно, работа "18-е брюмера Луи Бонапарта", давшая превосходный анализ нового, неизвестного ранее типа политических режимов — бонапартизма. Важность осмысления бонапартизма, его социальных основ и особенностей политического функционирования была убедительно продемонстрирована XX веком. Режимы бонапартистского толка, т.е. единоличные в своем существе, но опирающиеся на народное волеизъявление, были установлены не только в России, но и самых разных странах Третьего Мира. Практически везде, где произошли революции — в Китае, Кампучии, Иране, ряде африканских стран, — сложились благоприятные для возникновения бонапартистских социальных предпосылки. Это и было предтечей установления разновидностей тоталитаризма и популизма.

Раньше или позднее, но должно было наступить время, когда внутренне противоречивый, содержащий в себе свою собственную противоположность, классический марксизм распался на две различные, плохо стыкующиеся между собой традиции мышления. В теоретический спор вступили представители революционного и эволюционного толкования социально-политических реальностей. Со временем этот спор породил и два типа политических организаций, два политических течения — коммунистов и социал-демократов, отстаивавших в корне отличающиеся тактические и программные установки. При этом оба направления претендовали на получение права аутентичной преемственности с классическим марксизмом, оба находили в нем весомые аргументы и оба были действительно связаны с ним многими нитями.

Одним из наиболее влиятельных направлений радикально-революционного понимания классического марксизма стал российский большевизм. Большевизму во главе с его вождем В.И. Лениным выпала уникальная роль практического воплощения идей Маркса, точнее говоря, тех идей, которые хотя и были препарированы Лениным и Троцким, все же во многом брали свое начало в "Манифесте Коммунисты

ческой партии" и других классических текстах. В этом смысле с деятельностью большевиков отчасти напоминает деятельность Цицерона и отцов-основателей США, ведь большевикам было суждено не столько закладывать основы нового мышления, сколько практически проверять верность теории. Именно эту задачу выполнял в свое время Цицерон, опиравшийся в своей практической деятельности на наследие античности (главным образом, работы Аристотеля) и Т. Джефферсон, апробировавший в своем президентстве положения европейского либерализма (сформулированные в работах Локка, Монтескье и других мыслителей). Разница заключается лишь в том, что большевики апробовали авторитарный в своей основе марксистский проект, в то время как и Цицерон, и первые политики США придерживались принципиально иных представлений об оптимальном общественном и политическом устройстве.

Поэтому работы теоретиков и практиков большевизма (В. Ленина, Л. Троцкого, Н. Бухарина, И. Сталина и др.) представляют для исследователя политических режимов несомненный интерес, прежде всего, как материалы знатоков функционирования коммунистического режима. Заметим здесь, что не только марксизм, но и большевизм никогда не были идейно единым течением. Идеологические превращения, зигзаги укреплявшегося режима также являются свидетельством его гибкости и должны стать предметом изучения в анализе политических режимов.

Заслуживает и внимательного исследования та часть большевистского теоретического наследия, которая посвящена осмыслению предпосылок революции, условий взятия политической власти и — шире — проблематики политического перехода. Здесь в этой части содержится бездна интересных и поучительных наблюдений о стагнации "старого режима", о распаде новоявленных и плохо укоренившихся демократических форм, о формировании социальной коалиции противников системы. Ленин выделял, например, целую группу факторов, благоприятствующих революции. Характерно, что в качестве одного из таких индикаторов нестабильности основатель большевизма рассматривал растущую инфляцию.

Аналитикам также следует обратить внимание на те стратегические и тактические установки большевизма, которые, как правило, отличались достаточной гибкостью и выдвигались искусными бойцами, прекрасно разбиравшимися в правилах политической игры. Обращаясь к этой части большевистского наследия, было бы особенно полезно рассматривать их стратегию и тактику как политическое поведение оппозиции, использующей все возможные средства для получения достаточной социальной поддержки своей политики. Этот опыт

должен быть изучен с особой тщательностью, исходя хотя бы из того простого факта, что это был успешный опыт — большевики добились своего. Здесь помогли бы и глубокие работы Л. Троцкого, особенно созданные в период его пребывания в оппозиции сталинскому режиму. Троцкистская теория бюрократического государства, проводившийся Троцким и его последователями анализ социальных оснований режима И. Сталина ("Что такое СССР и куда он идет?" и другие работы) до сих пор не оценены по достоинству теоретиками режимов.

Другое, социал-демократическое или эволюционное понимание марксизма в российской мысли связано с именем Г. Плеханова, а в немецкой — с именами К. Каутского, Э. Бернштейна, Р. Люксембург и целой плеяды других теоретиков и политиков, видящих стратегию и тактику своего движения, мировоззренческие позиции принципиально в ином свете. Позднее, в западных странах зародилось и развивается академическое направление, не связанное непосредственно с какими-либо политическими течениями, будь то социал-демократия или большевизм, но сохраняющее преемственность с марксизмом. Теория неомарксистов берет свои истоки из работ итальянского марксиста А. Грамши, ранних трудов венгра Д. Лукача (прежде всего, его "Истории и классового сознания") и деятельности т.н. "Франкфуртской школы", связанной с именами Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймера и других.

Неомарксисты неоднородны: работы Г. Маркузе и Г. Бравермана, с одной стороны, и работы К. Оффе, Н. Пулантзаса, Ю. Хабермаса, с другой, выдержаны в различной тональности и с трудом вписываются в одну парадигму. Стремления Маркузе увидеть новый субъект революционного исторического действия в студентах и маргиналах существенно отличаются, например, от аргументации Пулантзаса, который полагает, что насильственное революционное изменение существующего западного строя вообще вряд ли возможно и рассматривает государство не как "репрессивную" силу, а как сферу соперничества различных социальных групп. Но так или иначе, это течение объединяет между собой принципиально критический взгляд (другое название направления — "критическая теория") на современное общество, преимущественный акцент на конфликтной стороне социальной реальности и ориентация на постижение тех тенденций, которые способны преобразовать данное общество в общество иной социальной и политической организации.

Достоинства этого направления связаны с ориентацией на поиск зон конфликта в рамках данного общества. Вряд ли есть необходимость разъяснять специально, что такая ориентация лучше, чем какая-либо

иная способна выявить явления, дестабилизирующие политическую ситуацию, политический режим. Такая ориентация, хотя и преимущественно в теоретическом ключе, способна обнаружить и указать власти те "зазоры", которые образовались между обществом и государством и нуждаются в заполнении, дабы не перерасти в пропасть, разделяющую управляющих и управляемых. Такая ориентация, наконец, обращает внимание исследователя не столько на особенности функционирования режима, сколько на имеющиеся (или отсутствующие) предпосылки его трансформации. Критическая теория рассматривает власть как потенциальную угрозу для общества. В каких бы формах она не существовала, какие бы обличья не принимала, задача ученого заключается в том, чтобы демистифицировать Власть и способствовать созданию условий для ее оптимального функционирования.

* * *

Таковы некоторые высказанные в политической философии (к которой мы относим и марксизм) идеи, которые нам кажутся уместными при анализе политических режимов. Несмотря на то, что печать времени, а иной раз — эмоции, субъективный настрой философов нередко мешают разглядеть содержащийся в этих идеях потенциал, современный аналитик вряд ли сумеет без них обойтись. Политическая философия — не только ценнейший историческо-политический материал или культурное достояние человеческой цивилизации, но и несомненное богатство методологии политического исследования. Не будет таким уж преувеличением сказать, что все новации политической науки (политическая культура, теория коалиций, анализ элит и бихевиористские методики) имплицитно содержатся в трудах политических философов. Надо лишь внимательно их читать.

4. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ИДЕЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

Строго говоря, теоретическая социология имеет весьма отдаленное отношение к политической теории вообще и к анализу режимов в частности. Их различие легко прослеживается как в методологии, та* и в предмете исследования. Нас однако будет интересовать их сходство, та сравнительно узкая зона их пересечения, которая все же существует и требует к себе внимания.

Эта "зона пересечения" — проблема обеспечения социально-политического *порядка* в обществе, которая, с одной стороны, является предметом заботы любого политического режима, а с другой, находится в основании возникновения социологии как науки (48). Любая школа социологической мысли считала для себя обязанностью не только сформулировать отношение к данной проблеме, но и концептуализировать ее в характерной только для нее манере при помощи особого методологического инструментария. Немаловажно и то, что социология, по сравнению с политической философией, сделала значительное усилие преодолеть склонность к морализаторству и заменить ее анализом общества "как такового".

Основание и общее предназначение социологии

Основателем социологической науки по праву считается Огюст Конт (1798—1857). И хотя Конт не сумел дать достаточного определения предмета социологии (для него социология должна была заниматься всем, что не вошло в компетенцию других, выделенных им наук), именно ему принадлежит пионерная роль в постановке вопроса об обществе как целостности. Именно Конт впервые в истории общественной мысли четко указал на то, что общество представляет собой органическое единство всего человечества или какой-то значительной его части, которое связано "всеобщим согласием" (*consensus omnium*) и характеризуется гармоническим функционированием его структурных элементов.

Такой взгляд на общество входил в очевидное противоречие с теориями общества как продукта договора между индивидами, получившими распространение в политической философии. В частности, Конт заострил свою позицию, противопоставив ее убеждениям Дж. Ст. Милля, считавшего, что все социальные законы сводятся "к законам индивидуальной человеческой природы". Согласно Конту, подобный редукционизм не дает возможности адекватно идентифицировать общество, которое может быть понято только в единстве составляющих его частей. С такой позицией тесно связаны рассуждения французского ученого об основных общественных институтах — семье, государстве, религии, — их общественных функциях и роли в деле социальной интеграции. Размышляя об институционализации, Конт иногда очень близко подходит к проблематике, находящейся в центре внимания теории режимов. Так, социальное назначение правительства, с его точки зрения, состоит в том, чтобы предупреждать "эту фатальную склонность к коренному расхождению в идеях, чувствах и интересах, которая, будучи неизбежным результатом самого принципа человеческого развития, могла бы, если бы она не встречала на своем пути

препятствий, неизбежно привести к остановке социального прогресса". Государство, таким образом, оказывается блюстителем общественного порядка и органом социальной солидарности.

Такому пониманию социологии и ее предназначения оказался верен и Герберт Спенсер (1820—1903), идеи которого впоследствии станут очень близки представителям структурно-функционального направления. Многие его рассуждения читаются как толкование работ Т. Парсонса, крупнейшего социолога-функционалиста, жившего на полтора столетия позднее Спенсера. Подобно Парсонсу, Спенсер связывал, например, социальный прогресс с дифференциацией структур и функций общественного организма. "Консенсус функций в процессе эволюции становится прочнее. В сообществах низкого уровня, как индивидуумов, так и социальных, действия составных частей мало зависят друг от друга, в то время как в развитых сообществах обоих видов действия жизненно важных компонентов этих частей становятся возможными только в рамках комбинаций действий, составляющих жизнь целого". Так возникает социальный порядок, который со временем подготавливает и возникновение порядка политического. "В государстве, как и в живом теле, неизбежно возникает регулирующая система... При формировании более прочного сообщества...появляются высшие центры регулирования и подчиненные центры, высшие центры начинают расширяться и усложняться".

Спенсер не только развил представления о социальном порядке, но и создал весьма плодотворную в методологическом отношении типологию обществ, разделив их по типу внутренней регуляции. Речь идет о знаменитом делении обществ на военные и индустриальные. Ошибочно полагая, что индустриализм идет на смену войнам и исключает последние, Спенсер тем не менее сделал целый ряд чрезвычайно тонких, актуальных до сего дня наблюдений относительно обществ, интегрированных принудительно и добровольно. "Сотрудничество, за счет которого поддерживается жизнь в военном обществе, является п р и н у д и т е л ь н ы м сотрудничеством....также как и в организме человека внешние органы полностью зависят от центральной нервной системы". Напротив, общество индустриального типа "характеризуется во всем той же индивидуальной свободой, которую подразумевает любая коммерческая сделка. Сотрудничество, за счет которого существует многообразная активность общества, становится добровольным сотрудничеством. И поскольку развитая стабильная система, склоняющаяся к социальному организму индустриального типа, создает себе, как и развитая стабильная система животного, регулирующий аппарат рассеянного и нецентрализованного вида, она стремится также децентрализовать первичный регулирующий аппа

рат за счет привлечения от различных классов их оспариваемой власти". Фактически Спенсер даст здесь емкое, афористичное определение взаимосвязей социального и политического в различных обществах, в условиях функционирования различных типов политических режимов.

Спенсеру принадлежит и ряд иных важнейших положений, предвосхитивших положения современной социологии. Существенно и то, что наследуя Конту, английский ученый еще более заострил проблему освобождения исследователя от моральных пристрастий: "Определяются условия, а не намерения... Тип политической организации не является предметом намеренного выбора".

Развитие социологических представлений на рубеже XIX—XX столетий

Вторая половина XIX столетия отмечена развитием целого спектра социологических школ и направлений. Возникают и набирают силу психологические течения (Л.Ф. Уорд, В. Вундт, Г. Лебон, Г. Тард) и попытки их синтеза с социологией, усилиями У. Джеймса, Дж.М. Болдуина, Ч.Х. Кули зарождаются предпосылки интеракционистского типа теоретизирования. Появляются новые интересные версии, предваряющие структуралистскую социологию. И все же положение социологии как самостоятельной, полноправной науки остается весьма неустойчивым. Это положение таково, что дает повод знаменитому математику Анри Пуанкаре острить по адресу новой науки, которая де ежегодно изобретает новую методологию, но никогда не дает никаких результатов.

Все это, во-первых, не может не породить определенного разочарования и одновременно косвенно стимулирует социологическую мысль, предъявляет иные, более высокие требования к новому поколению социологов, а во-вторых, по особому рельефно ставит проблему социального порядка как фундаментальную, одну из основополагающих. Эта проблема, необходимость разработки которой углубляется кризисом западного раннеиндустриального общества (оказавшимся питательной почвой для возникновения и развития марксизма, находится в центре внимания таких социологов, как Ф. Теннис (1855—1936), Г. Зиммель (1858—1918), Э. Дюркгейм (1858—1917), М. Вебер (1864—1920), В. Парето (1848—1923). Ключевое значение этой про

* Вклад марксизма в политическую и социальную теорию может рассматриваться в разделе о политической философии, но его концептуальное своеобразие, интеллектуальное богатство, несомненно, позволяют представить марксизм и как социологическую теорию.

** Некоторые из идей Вебера и Парето как исследователей, внесших свой вклад в развитие теории режимов, будут рассмотрены в следующем параграфе.

блемы отмечали многие исследователи. Американский ученый Р. Нисбет отмечал, например, что практически все значимые идеи европейской социологии могут быть поняты как ответ "на проблему порядка, созданного в начале XIX века коллапсом старого режима под влиянием индустриализма и революционной демократии" (49).

Одна из главных идей Тенниса, сформулированная им в небольшой по объему работе "Общность и общество" заключалась в противопоставлении двух социальных типов, различие которых социолог связывает различием моделей интеграции. Переход, свидетелями которого мы являемся, говорит Теннис, есть переход от "*сообщества*" (Gemeinschaft) с недифференцированными социальными группами и отношениями к "*обществу*" (Gesellschaft), в котором обязанности и отношения людей четко закреплены соглашением "ты мне, я тебе". В первом случае порядок обеспечивается тем, что в обществе свободно развиваются те отношения, которые коренятся в эмоциях, привязанностях, душевной склонности и сохраняют собственную самоидентифицированность либо в силу сознательного следования традиции, либо в силу эмоциональных или языковых уз. Во втором случае принципиальной основой общественных отношений оказывается рациональный обмен. "Сущность... этих отношений и связей, — говорит Теннис, — заключается в сознании полезности или ценности, которой обладает, может обладать или будет обладать один человек для другого и которую этот другой обнаруживает, воспринимает и осознает. Отношения такого рода имеют, следовательно, рациональную структуру". Очевидно, что Теннис развивает здесь положения типологии Г.Спенсера, однако, если первый уделял преимущественное внимание способу политической регуляции общественных связей (принуждение—добровольность), то второй описал, какого рода отношения лежат в основе такой регуляции. Поэтому сопоставление двух этих позиций нельзя не признать методологически плодотворным.

Будучи настроенным консервативно, Теннис полагал, что сдвиг от сообщества к обществу нельзя назвать благоприятным. Противоположного мнения придерживался отец современной французской социологии Э. Дюркгейм, считавший, что несмотря на тяжелую цену (аномия) переход от механической к органической солидарности следует признать позитивным. Дюркгейм таким образом осмысливал проблему перехода к современному обществу во многом схожим образом, хотя и с использованием своей собственной терминологии. Будучи по своей ориентации эволюционистом, он, тем не менее, особенно близко подошел к разработке основных подходов и понятийного аппарата структурно-функционального направления современной социологии. Полагают даже, что "указанные Дюркгеймом направления анализа

общества, взятые вместе, составили основной теоретический багаж современного структурного функционализма" (50).

В основе дюркгеймовской концепции типов обществ лежит представление о степени их социальной дифференциации, развивающейся в результате "разделения труда". Доиндустриальные общества удерживались воедино благодаря консенсусу, основанному на "коллективном сознании" и сходстве морали и способов индивидуального поведения. Солидарность была механической в силу абсолютного преобладания над действиями людей стереотипов сознания, основанных на религиозной вере и эмоциях. Подъем индустриальной цивилизации и связанное с этим углубляющееся разделение труда влекут за собой разрушение единства "коллективного сознания", возрастание социальной гетерогенности и индивидуализма, принципиально новые моральные правила и установки. Но переход к органической солидарности, предупреждает Дюркгейм, будет весьма болезненным. Цена этого перехода — явление "аномии", социальной неукорененности, выпадения индивидов из структур общества и традиционного разделения труда. Находящиеся в этом состоянии общества, естественно, испытывают дефицит консенсуса и порядка, в связи с чем социолог в целях поддержания моральной регуляции предлагает использовать корпоративнопрофессиональные ячейки.

Определенный вклад в анализ социального порядка внес и Г. Зиммель, социолог, чьи теоретические воззрения нередко рассматриваются и как конфликтные, и как функционалистские, и даже как интеракционистские. Иногда Зиммеля представляют и как "единственного постмодерниста среди основателей социологии" (51). Можно встретить и такую характеристику зиммелевского творчества, как "социологический импрессионизм". Такой разброс в оценках творчества немецкого социолога вряд ли можно считать случайным. Несмотря на осязаемое влияние на Зиммеля преобладавшего в это время позитивистского эволюционизма, интересы и методология исследователя отнюдь не ограничиваются данным интеллектуальным направлением.

Зиммель взял за основу своего анализа понятие "*абстракционализации*", полагая, что современное общество, прежде всего, отличается степенью абстрактности социальных связей. Два явления выступают в данном отношении как наиболее характерные — нарастающая интеллектуализация социальной жизни и углубление влияния принципов денежного хозяйства. Основной чертой, характеризующей две эти формы, Зиммель считает отсутствие определенных качественных признаков выраженной природы. "Интеллект, — пишет социолог, — согласно чистому его понятию абсолютно бесхарактерен, но не в смысле отсутствия какого-то требуемого качества, а потому, что он целиком находится по ту сторону любой избранной односторонности, которая,

собственно, и дает характер". Что касается денег, то они выступают в роли своеобразного мерила человеческого отчуждения, ибо сообщают людям качества "одномерности". Не случайно Зиммель усматривает общность имеющихся у денег характеристик с характеристиками другого социального явления — проституции. "Безразличие, с которым они (деньги и проститутки — *А.Ц.*) предаются всякому новому употреблению, легкость, с которой они покидают любого субъекта, ибо поистине они не связаны ни с одним, исключая всякое сердечное движение вещьность, свойственная им как чистым средствам, — все это заставляет провести роковую аналогию между деньгами и проституцией". В "Философии денег" и ряде других работ немецкий социолог дал впечатляющее описание социально-культурных противоречий индустриальной цивилизации. Таким образом, он, во-первых, существенно пополнил дюркгеймовское описание трудностей перехода к современному индустриальному обществу, а во-вторых, продолжил, хотя и весьма своеобразно, идущую от Маркса традицию конфликтного анализа. В отличие от Дюркгейма, зиммелевские исследования рассматривают конфликт не столько как отклонение от социального порядка, сколько как неотъемлемую от общества характеристику.

Новейшие направления социологического теоретизирования

XX век дал мощный толчок развитию теоретической социологии. Число имеющихся сегодня социологических направлений и школ едва ли поддается какому-либо подсчету. Мы не можем претендовать на сколько-нибудь полное (или даже просто систематическое) описание того, что они собой представляют сегодня. Наша цель иная — выделить принципиальные подходы, позволявшие социологам—теоретикам изучать проблему социального порядка, показать различие этих подходов и возможность использования полученных социологами результатов в теории политических режимов. Поэтому мы сможем упомянуть лишь о некоторых из современных направлений мировой социологии.

Прежде всего, необходимо сказать о символическом интеракционизме, направлении, сформировавшемся в начале столетия и тесно связанным с именами Дж. Мида и Г. Блумера. Вобрав в себя ряд идей функционалистов и представителей ролевой теории, интеракционисты сосредоточились на символических аспектах социального взаимодействия. Поскольку же в социальной жизни символы выступают как выразительная (хотя и предельно формализованная) возможность социальной коммуникации, закрепления массовых представлений и получения новых знаний об обществе (отсюда "посредническая", по словам Т. Парсонса, роль, которая принадлежит языку, власти, деньгам), то тем самым они способствуют и разрешению интересующей нас

проблемы порядка. Проблема значений, символов, полагают представители интеракционистской социологии, фундаментально важна для функционирования общества, ведь в соответствии с ее решением в значительной мере происходит и перераспределение социальных ролей, формирование новых социальных структур. Но значения не возникают из небытия. Их источник — взаимодействие индивидов и социальных групп. "Человеческие существа...живут в мире значимых объектов...", — писал Г. Блумер, — Этот мир имеет полностью социальное происхождение, ибо значения возникают в процессе социального взаимодействия. Различные группы вырабатывают различные миры, и эти миры меняются, когда объекты, их составляющие, меняют свои значения".

Интеракционисты обратили внимание на символическую основу социального порядка, увидели, что этот порядок в немалой степени складывается из устойчивых и взаимосогласующихся образов, складывающихся в сознании людей. Разрушение и структурирование таких образов и составляет символическую основу социального мира, учитывать которую необходимо и в политическом анализе. Ведь такие символы способны, например, играть политически стабилизирующую или, напротив, деструктивную роль. Думается, что проблема согласования наличной политической и символической структуры вполне достойна стать предметом рассмотрения политологов и исследователей режимов.

Теории обмена и бихевиористская социология (Дж. Хоманс, П. Блау и др.) рассматривают не столько внутренний мир индивидов (например, структуру их образов и восприятий общества, как это делают интеракционисты) или способы субъектного конструирования социальной реальности, но само поведение индивидов и те факторы, которые оказывают на него влияние. Эти факторы (так называемые "подкрепители"), возникающие из окружающей индивидов среды, распадаются на вознаграждения ("позитивные подкрепители") и наказания ("негативные подкрепители"), которые соответственно увеличивают и уменьшают вероятность повторения поступка индивида в будущем. Например, в качестве позитивных подкрепителей выступают деньги и поддержание социального порядка. Решающим для индивидуального поступка, утверждал, в частности, Дж. Хоманс, полемизируя с функционалистскими позициями Дюркгейма, являются не макросоциальные факторы, а поведение индивида, подчиненное закону вознаграждения. И если Дюркгейм и Леви-Стросс верили в приоритетную значимость коллективного сознания и коллективного бессознательного, то Хоманс, отрицая их существование, исходил из принципиального сходства людей с животными. Поэтому социальное общение, обмен рассматривались им как процесс, исключаящий всякое

посредничество надиндивидуальных структур и связанный исключительно с факторами индивидуального вознаграждения или наказания. Любое явление, будь то заключение брака или увеличение прибыли в производстве хлопка, Хоманс связывал с действием индивидуальных, психологических в своей основе факторов.

П. Блау попытался преодолеть ограниченность теории Хоманса, особенно отчетливо представшую в критике функционалистов, и показал, что социальная и политическая структура тесно соприкасается с индивидуальными отношениями (обменом). Он показал, что хотя индивидуальное поведение подчинено поиску вознаграждения, индивиды не существуют сами по себе, а социально организуются, причем, в соответствии с теми же самыми стимулами — надеждой получить большее вознаграждение. Постепенно, говорит Блау, в группе выделяются те, кто извлекают из пребывания в ней наибольшие выгоды (лидеры). Происходит дифференциация статуса и власти* (см. схему 1), а впоследствии — новая интеграция и потенциальные изменения. Блау, тем самым, сохранив обменную ориентацию, ввел совершенно новые образцы обмена. Например, он рассматривал возможность обмена по линии "индивид—коллектив", а в своих рассуждениях о различиях малой и большой группы и о необходимости учета признаваемых обществом ценностей и социальных норм приблизился к совершенно иной парадигме — структурно-функциональному анализу. Заслуги его перед теоретиками политических режимов, как видим, весьма значительны. Особенно это касается вклада Блау в изучение способов обеспечения общественного консенсуса и, прежде всего, имеющего ценностную основу. Социолог высказывался об этом следующим образом: "Консенсус в вопросе о социальных ценностях служит основой для выведения социальных взаимодействий за рамки прямых социальных контактов и для установления социальных структур на период более долговечный, чем протяженность человеческой жизни". Блау создал свою типологию ценностей — партикуляристские, универсалистские, ценности легитимного авторитета и оппозиции — закладывающую серьезную основу для изучения вопроса о стабильности политической системы.

Схема 1

<i>Ступень I</i>	межличностный обмен
<i>Ступень II</i>	дифференциация статуса и власти
<i>Ступень III</i>	легитимизация и организация
<i>Ступень IV</i>	оппозиция и изменение

* Ист.: История социологии в Западной Европе и США. М., 1993. С.297

Одно из интереснейших направлений — этнометодология (Г. Гарфинкель, Г. Закс и др.), которая совершенно особым образом ставит проблему социального порядка. Для нее социальный порядок — результат повседневных, обыденных, практических действий людей и тех методов, которыми они пользуются для осуществления управляемости той или иной жизненной ситуацией (*ethno*, т.е. народ или люди + *method*, методы). Если для интеракционистов общество возможно в силу взаимодействия индивидов и порожденных в результате символов, для теоретиков обмена важнейшим является общение с целью отыскания вознаграждения, то для представителей этнометодологии рождение порядка связано с индивидуальными стратегиями, которые каждый раз различны и которые объединяет лишь то, что они рождаются как результат повседневного практического действия. Одним из классических для Гарфинкеля примеров является очередь, плод ситуационного совпадения индивидуальных методов. Вообще специфика этнометодологического подхода, по мнению английского исследователя Э. Ливингстона, может быть суммирована в следующих пунктах, Этнометодолог подразумевает, что речь идет о деятельности, которая: 1) ординарна (обычна, узнаваема всеми); 2) организована (обладает определенным, специфическим именно для этой деятельности порядком своего осуществления); 3) организована локально (сиюминутна, ситуационна); 4) организована естественно (ее специфическая организация есть ее неотъемлемая часть, то, что делает эту специфическую деятельность тем, чем она является); 5) рефлексивна (т.е. объяснима именно тем специфическим для нее образом, каковым она производится как специфическая деятельность) (52). Этнометодология, таким образом, попыталась выявить наиболее, может быть, фундаментальные основы социального, а следовательно, отчасти и политического порядка.

Но, пожалуй, наибольшей для теории режимов значимостью обладают различные версии структуралистской и структурно-функциональной версий социологии. В этот ряд социологического теоретизирования по большому счету могут быть зачислены не только "система социального действия" Т. Парсонса и его последователей, но и достижения марксистской (и неомарксистской) социологии, которую едва ли справедливо было бы противопоставлять функциональному анализу. На некорректность такого противопоставления справедливо указывал С.М. Липсет, отмечавший, что методологически Марксов подход был, как и функционалистский, обращен к анализу механизмов поддержания общественного консенсуса (53). Марксизм же, в свою очередь, явился лишь разновидностью конфликтного анализа, связанного с именами Зиммеля, Д. Дарендорфа, Л. Козера и других. В эту же

группу исследований в принципе можно зачислить и "интегральную социологию" П. Сорокина, уделявшего огромное внимание осмыслению социальных и культурных структур в их статическом и динамическом преломлении. Понимаемое столь широко структурно-функциональное направление внесло без преувеличения огромный вклад в развитие политологических исследований вообще и политических режимов в частности.

Во-первых, в рамках этого направления были разносторонне осмыслены социальные основания политики и функционирования политических систем. Идеи Сорокина и Дарендорфа о социальной мобильности между правящим и управляемым классами, теории стратификации и мобильности в разработке П. Сорокина, введенные Дарендорфом и Козером понятия "встроенного социального конфликта", "функций социального конфликта" могут с полным правом войти и в арсенал теории режимов.

Во-вторых, "структуралисты", хотя и не всегда точно указывали на действительные причины происходящих в обществе изменений, достаточно разносторонне описали сами эти изменения. Развернутая теория Парсонса представила общество как сложнейшую систему, состоящую из ряда подсистем, каждая из которых наделена своими собственными функциями, подчиняется своей собственной логике и находится в комплексном соподчинении с другими подсистемами. Причем именно парсоновская конструкция продемонстрировала возможность осуществления впечатляющего синтеза в корне различающихся философских и социологических построений. Идеи Дюркгейма и Вебера соседствовали в его теории с понятиями и концепциями Фрейда, Мида, Джеймса, Парето, Тенниса и многих других.

В-третьих, не уделив достаточного внимания (исключая работы П.Сорокина, связанные с анализом "социологии революции") анализу структуры самого переходного процесса, структурно-функциональный анализ создал уникальный по своей эвристической ценности набор идеальных типов и классификаций обществ и социальных форм, показал если не саму динамику их смены, то, по крайней мере, направленность трансформации этих форм, выявил, "от чего к чему" происходят социальные сдвиги.

Идея порядка и теория политических режимов

Таким образом, социологи теоретики уделили в своих исследованиях огромное внимание разработке проблемы социального порядка. Собственно говоря, само возникновение некоторых социологических направлений следует напрямую связывать с необходимостью решения этой проблемы. Но что особенно важно, принимая во внимание цели

данной работы, так это отметить, что сам способ исследования проблемы порядка вполне позволяет предпринимать усилия по соединению разработок теоретической социологии с теорией политических режимов.

Заслуга социологов заключается, с нашей точки зрения, в следующем. Во-первых, была по-новому, по сравнению с политической философией, поставлена и решена проблема взаимосвязей общества и государства. Это во многом связано с тем, что сама социология как наука о социальной интеграции появляется тогда, когда понятие "общество" уже отличается от понятия "государство". Политическая социология (во всяком случае, ее теоретические разработки), берущая свое начало, вероятно, от текстов Ш. Монтескье, приобретает при усилении социологов вполне устойчивое, respectable положение. Макроструктуры общества, которые оказываются предметом внимания Дюркгейма, Тенниса, Зиммеля и других социологов задают исследователю совершенно особенный, не знакомый философам угол зрения, позволяющий увидеть государство и политические институты сквозь призму организмической, системной теории. Вооруженные таким взглядом, социологи легко выявляли взаимосвязь политических факторов с социальными структурами, типами массового и индивидуального восприятия, культурными нормами и системой ролей.

Во-вторых, проблема порядка изучалась социологами не только функционально-методологически, но и функционально-типологически. Социологи дали прекрасные образцы идеальных типов ("военное" и "индустриальное" общество у Г. Спенсера, "община" и "общество" у Ф. Тенниса, "органическая" и "механическая" солидарность у Э. Дюркгейма, типы "социальных систем" Т. Парсонса), изучили символические, поведенческие и ценностные структуры, способствующие упорядочению и разрушению социальных связей и отношений. Немалая заслуга принадлежит здесь конфликтной школе социального анализа (марксистской, немарксистской и неомарксистской), поставившей в центр своего рассмотрения те социальные структуры и процессы, которые побуждают общества к изменению.

Наконец, в-третьих, для социологии оказался характерен особый взгляд на проблематику перехода и социальной динамики. Начиная с Конта социальная динамика рассматривалась как полноправная сфера исследования, хотя нередко и вытекающая из более широкой и значимой проблемы порядка. К анализу этой проблематики в равной степени причастны и макро, и микросоциологи (бихевиористы, интеракционисты, этнометодологи). И если первые выявили возможные алгоритмы действия перехода и изменения, то вторые показали его действительные стимулы и конкретное содержание.

В результате усилиями теоретической социологии существенно обогатилась и сама идея социального порядка. В современной социологии термин "социальный порядок" имеет целый ряд логически связанных между собой значений. Английский социолог П. Козн перечисляет главные из них. Во-первых, "порядок" относится к существованию определенных ограничений, запретов, контроля в общественной жизни. Во-вторых, — указывает на существование взаимности в ней: поведение каждого индивида не случайно и беспорядочно, но отвечает взаимностью или дополняет поведение других. В-третьих, — улавливает элемент предсказуемости и повторяемости в общественной жизни: люди могут действовать социально только в том случае, если они знают, чего ожидают друг от друга. В-четвертых, — может означать определенную согласованность, непротиворечивость компонентов социальной жизни, и, наконец, в-пятых, — устойчивость, более или менее длительное сохранение ее форм. Такая разработка проблемы порядка, несомненно, вносит свой вклад и в осмысление многоаспектной проблематики политических режимов.

5. XX ВЕК: М. ВЕБЕР И ШКОЛА "ЭЛИТОЛОГИИ"

Теория элит и политические исследования М. Вебера существенно отличаются от подходов политической философии и теоретической социологии. Думается, что это отличие в принципе может быть представлено как синтез философского и социологического подходов: у политической философии элитисты унаследовали интерес к изучению политики, а у социологии — специфический метод исследования, связанный с отказом от нормативности и попытками преодолеть влияние субъективных установок на результаты анализа. Строго говоря, теория элит — это не философия и не социология. Ее положение промежуточно, но именно этот "промежуток" и представляется особенно важным для целей нашей работы.

Теория элит — это политическая социология, и ее основные достижения, несомненно, следует включить в арсенал теории политических режимов. О важности разработок "элитологии" свидетельствует, например, тот факт, что некоторые исследователи само содержание режима увязывают с взаимоотношениями масс и элит (54).

Классическая "элитология"

Классики теории элит представлены именами итальянцев Гаэтано Моска (1858—1941), Вильфредо Парето (1848—1923) и немецкого ученого Роберта Михельса (1876—1936).

Важнейшие заслуги в области политической науки принадлежат Г. Моске (55), сделавшем упор в своей теоретической деятельности на изучение политических форм, режимов, способов правления. Моска посвятил этому всю свою жизнь и в работах "Теория правления и парламентского правления", "Основы политической науки" фактически первым использовал понятие режима в близком к современному смысле. Коротко рассмотрим его позиции в сложившейся уже последовательности: структура и функции, типология, динамика политических режимов.

Главный его вклад — формулирование и развитие представлений о внеинституциональных субъектах политики, прежде всего, о тех, что находятся у власти. Он впервые взглянул на властвующую элиту как на относительно целостную, сплоченную в рамках политического класса группу, обладающую особыми социальными и духовными качествами. Управление обществом, заявил Моска, в принципе не может осуществляться большинством, как полагали многие философы Античности и Нового Времени. Но и в тех случаях, когда формально вся полнота власти принадлежит монарху или герою (персонажу работ Карлейля, Либона, Ницше и других), реально властью наделен и осуществляет ее политический, а точнее "господствующий класс". Общество поэтому распадается не просто на героев и толпу, массу, но на управляющих и управляемых. "Среди постоянных тенденций и фактов, которые обнаруживаются во всех политических организациях, — писал Моска, — может быть легко продемонстрировано всем следующее: во всех обществах, начиная с самых среднеразвитых и едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами, в то время как второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым, более или менее законным образом или же более или менее произвольно и насильственно и поставляет ему, хотя бы по видимости, материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма".

Элита, полагал Моска, осуществляет свою власть в соответствии с имеющейся идеологией ("политической формулой") и выработанным юридическим соглашением. По своей внутренней организации элита делится на закрытую (аристократическую) и открытую (демократическую), в соответствии с чем ее обновление происходит каждый раз по-разному — через наследование или выборы. Но так или иначе доступ в элиту открывается лишь тем, кто обладает комбинацией трех качеств: военной доблести, богатства или священства. Поэтому власт

вующая элита пополняется, прежде всего, за счет выходцев из военной, финансовой и церковной элиты.

Моска различал четыре типа политической организации по их внутренней прочности и способам осуществления управления: город— государство, феодальное государство, бюрократическое или абсолютистское и современное представительное государство. Но особый интерес представляет его типология режимов на основании принципа передачи политической власти по социальной лестнице. Если власть передается сверху вниз так, что выбор низшего функционера предоставляется высшему, то речь должна идти о режиме "автократическом". Если же власть делегируется снизу, то режим следует называть "либеральным". Вполне возможны и смешанные формы. Автократический режим предполагает существование автократа, т.е. "личности, которая персонифицирует институт, от имени которого действуют все те, кто наделяется частью или частицей публичной власти". Наоборот, либеральный режим функционирует на основе более или менее совершенной организации избирательной системы.

Моска убежден, что оба рассмотренных режима не могли бы функционировать без решающей роли элиты, господствующего класса. Существенно и то, что хотя его симпатии связаны в целом скорее с либеральным или, по крайней мере, смешанным режимом, Моска стремится объективно оценить достоинства и недостатки обоих режимов. Он полагает, например, что автократические режимы обладают большей "выносливостью", чем либеральные, т.к. последние могут "функционировать только в подходящих условиях, предпочтительно в периоды экономического процветания и большого интеллектуального расцвета". Вклад итальянского ученого в разработку типологии режимов связан, таким образом, во-первых, с выделением аристократического и демократического режимов (на основании принципов рекрутирования господствующего класса), а во-вторых, — режима автократического и либерального (на основании принципов осуществления власти в обществе). Возникает, кстати говоря, удачная и уже использованная в ряде работ возможность (56) для создания более универсальной типологии политических режимов.

Моска также высказал ряд важных положений относительно причин и условий политической трансформации. Начало кризиса он связывал в одних случаях с внешними нашествиями, в других — с политическим упадком среднего класса, в третьих — с устареванием "политической формулы" правящего класса. Так происходит обновление правящего класса. Но так могут происходить и революции. "Французская революция произошла, когда большинство французов перестало верить в божественные права королей. Русская революция наступила,

когда фактически вся интеллигенция, а может быть также большинство русских рабочих, перестали верить в то, что царь получил от бога право самодержавно управлять Святой Русью". Поэтому политическая трансформация может протекать в различных формах и с различными последствиями для удерживаемых господствующим классом позиций. Соответственно, в качестве способов предотвращения революционных событий Москва рассматривает своевременное обновление "политической формулы", а также обеспечение оптимального управления, связанного с выбором правильного механизма обновления правящей элиты.

Позиции Моски во многом независимо от него повторил, уточнил и развил другой итальянский исследователь В.Парето, автор объемного трехтомного труда "Трактат по общей социологии" (1915—1918). Принципиальная установка Парето связана с его взглядом на общество как целостную социальную систему, находящуюся в состоянии равновесия, которое является результатом воздействия и противодействия различных социальных сил. Эта система психологически преломляется внутри каждого индивида, и потому сама представляет собой совокупное взаимодействие человеческих чувств.

В социальном же отношении общество состоит из элиты, контрэлиты и неэлиты (см. схему 2). Парето разработал десятибалльную квалификационную шкалу, применение которой позволяет выявить имеющуюся в любой социальной группе элиту. К элите, в том числе правящей, следует относить тех, чьи баллы являются наивысшими. Правящая элита — те, кто осуществляет управление обществом. Контрэлита — люди, обладающие индивидуальными способностями для того, чтобы войти в элиту, но объективно не располагающие такими возможностями (например, в силу имеющихся разногласий с элитой). Наконец, неэлита — это те, кто не располагает ни субъективными, ни объективными возможностями пополнить элиту.

Обновление правящей элиты — важнейшее место в рассуждений социолога. Любое общество проходит обновление, "циркуляцию элиты", ибо в противном неизбежны его стагнация и последующий упадок. вообще можно рассматривать как "кладбище элит" и их соответствующую регенерацию. В зависимости от элита может обновляться как в поступательной, так и формах. В первом случае сохраняется общественная стабильность, а элита не деградирует, постоянно совершенствуя свое качественное содержание. Элита обладает ка

С х е м а 2

чествами относительной открытости, здоровым механизмом своего самовоспроизводства и сохранения своих привилегий. Во втором случае, прежде всего в силу закрытости элиты, происходит утрата ею наилучших качеств. Разрушается механизм ее постепенного самовоспроизводства, и в результате она может быть пополнена или сменена полностью представителями контрэлиты. Тогда вчерашняя элита неизбежно переходит в число представителей неэлиты. Парето, как видим, будучи убежденным элитаристом, не допускал только одной возможности — пополнения элиты представителями неэлитных слоев общества. Между тем, если рассматривать правящую элиту лишь как группу, осуществляющую управление обществом, такое развитие событий вполне возможно.

С именем Парето связывают и иную классификацию политических элит— в зависимости от того, какими средствами и с каким искусством осуществляется управление. О средствах правления Парето говорит следующее: "Повсюду существует управляющий, относительно малочисленный класс, который удерживается у власти частично силой, а частично согласием большего подчиненного класса. Различия по существу главным образом в пропорциях силы и согласия; а в отношении формы — в способе применения силы и получения согласия". Соответственно, можно выделять правительства, которые пользуются преимущественно материальной силой и силой других аналогичных чувств ("львы") и правительства, пользующиеся преимущественно хитростью и искусством ("лисицы"). Причем, вторые, с точки зрения Парето, могут опираться в своей деятельности как на чувства подданных, так и на их интересы. Такое разделение весьма близко тому, что будет проведено и Максом Вебером в его типологии политического господства.

Интересную эволюцию элитистская теория проделала благодаря вкладу в нее Р. Михельса, который не только показал, что демократия в чистом виде едва ли осуществима, но и довел эту идею до определенного логического завершения. Изучая политические партии, их функционирование и структуру в условиях демократии, Михельс пришел к парадоксальному на первый взгляд заключению: провозглашая борьбу с неравенством и защиту интересов общества, эти партии воспроизводят жесткую авторитарную, "олигархическую" структуру, которая годится лишь для отстаивания своих собственных интересов. Таковы тенденции, препятствующие, по его мнению, осуществлению демократии. "Эти тенденции лежат...1) в сущности человеческой природы, 2) в сущности политической борьбы и 3) в сущности организаций. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию". Подобные суждения высказывал и другой известный исследователь политических партий М. Острогорский, полагавший, что любая полити

ческая организация может превратиться в машину, управляемую кокусом или партийной элитой. Однако немецкий социолог полагал такое развитие событий совершенно неотвратимым, а выявленную им тенденцию в работе "Социология политических партий" (1911) обозначил как "железный закон олигархии".

Феномен олигархии и олигархической трансформации демократических режимов составляет основной вклад Михельса в элитологию и политическую теорию (57). Согласно его логике, этот феномен в значительной степени связан с особым складом "массового человека", формирующегося в условиях буржуазного общества. Оказывая давление на любого типа политическую организацию, "массовый человек" помогает свернуть с демократического пути, выдвигает совершенно новых лидеров, воплощающих массовые устремления. Задача лидера и элиты — оправдать возлагаемые на них задачи, сменить не оправдавшую себя демократическую элиту и сплотить нацию путем использования мобилизующего социального мифа.

Политические идеи М. Вебера

Элитистов иногда рассматривают как "макиавеллистов", или продолжателей традиций политического исследования, связанных с именем великого флорентийца (реалистическая ориентация, преимущественный анализ внеинституциональных форм и т.д.). С не меньшим, а возможно даже большим основанием на это звание может претендовать немецкий социолог, историк, философ и политолог Макс Вебер. Вебер также вполне определенно сформулировал взгляд на политику как на борьбу за реализацию социальных интересов и отказался от ее рассмотрения в терминах "должного" и "желаемого". Ему был также присущ всесторонний, многоаспектный анализ социальной и политической реальности. И не случайно до сих пор Вебера невозможно представить в качестве защитника, а тем более основоположника той или иной исследовательской парадигмы, будь то функциональный анализ, феноменология или бихевиоризм. Его идеи не вписываются в школы и направления, и практика показывает, что и не могут быть вписаны. Поистине, Вебер, этот энциклопедист, интеллектуальный гигант XX столетия сам представляет собой целую школу и направление теоретического (причем, отнюдь не только политологического) поиска.

Основной вклад Вебера в изучение политических форм и режимов может быть представлен по четырем направлениям.

Во-первых, Вебер — автор теории легитимности власти, которая в силу своей универсальности позволяет, по словам В.Моммзена, осмыслить не только современное государство, но, по существу, "все формы

властных отношений" и обществе (58). Легитимность, согласно Веберу, означает признанность власти, ее законность (в неправовом смысле) и выступает в качестве гаранта стабильности имеющихся в обществе структур, процедур, решений и должностных лиц, "независимо от конкретного содержания их действий". Это центральный элемент того явления, которое Вебер называл "политическим господством", подразумевая под этим такой общественный порядок, где приказывают и выполняют приказы. Однако выполнения приказов, по убеждению Вебера, добиваются отнюдь не только применением силы. Более существенно то, что любая власть действует в рамках определенных социально выработанных норм и правил общежития и опирается на эти нормы. Если нормы признаются большинством в обществе и воспринимаются как ценности, можно быть уверенным, что государственная власть имеет под собой достаточно прочные основания. Или иначе говоря, власть обладает легитимной основой для своих действий.

Легитимность может быть трех типов — рациональная, традиционная и харизматическая. Соответственно, власть обретает свои полномочия на основе трех различающихся способов — рационально разработанных правил человеческого общежития, сложившихся в обществе традиций и харизмы лидера(59).

Поскольку легитимность выступает для Вебера в качестве внутреннего основания и смысла политического господства, то на ее основе, считал немецкий ученый, могут быть выделены также три главных типа политического господства (см. схему 3). Кроме того, легитимность власти может быть рассмотрена в качестве одного из важнейших ее ресурсов, позволяющих ей быть значительно менее скованной в своих действиях. Такая, пусть и относительная "свобода действий" предоставляет власти определенный выбор — "проедать" имеющийся авторитет, реализуя лишь свои собственные, противоречащие общественным интересам или осуществлять социально-экономическое развитие в интересах общества в целом.

Вторым важнейшим достижением Вебера была разработка типов политического лидерства, возникающего в условиях стабильных и нестабильных обществ. Основываясь на своей концепции легитимности и политического господства, Вебер соответственно выделял и типы лидерства: рациональный, традиционный и харизматический. Каждому из них был присущ собственный стиль поведения, использования средств управления, каждый опирался на специфический административный персонал и социальные слои. Принципиально важным представляется выделение Вебером лидерства харизматического склада, возникающего в условиях социальной и политической нестабильности.

С х е м а 3 Типы (системы) политического господства

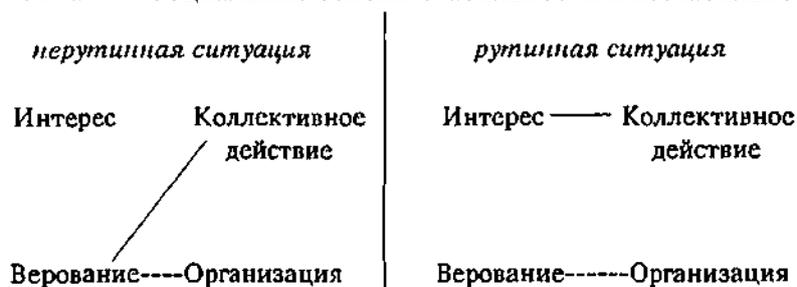
Какие правила (нормы) положены в основу	Легальное господство Рационально разработанные правила	Традиционное господство Патриархальные или сословные нормы	Харизматическое господство
Глава системы (тип "господина")	Избранное должностное лицо или коллегиальный	Монарх или религиозный советник	Пророк, военачальник, демагог, лидер
Источник авторитета главы системы	Делегирование на основе принципа большинства	Традиция, или передача по наследству	Эмоциональное доверие "свиты" к харизматическому лидеру
Форма легитимности системы	Целерациональная вера в корректность предписанной системы норм	Вера в установленный порядок вещей	Аффективная или эмоциональная вера в экстраординарные качества харизматического лидера и в выдвигаемые им
Тип административного персонала	Бюрократия	Персонал, лично зависящий от главы системы ("подданные" господина или представители сословия)	Свита харизматического лидера, или все должностные лица, преданные ему персонально
Тип правовой системы	Инструментально-рациональный закон, разработанный в соответствии с позитивистскими принципами	Строго традиционный закон	Властвующий навязывает или модифицирует закон по своему усмотрению
Доминирующий тип социального поведения	Инструментально или целерациональное социальное поведение	Традиционное социальное поведение	Эмоциональное социальное поведение

* Адаптировано из: Mommsen W.J. The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxford, 1974. P. 76-77.

Третье направление деятельности Вебера — анализ социальных оснований политической стабильности и нестабильности. Вебер строил свой анализ, принципиально противопоставляя его марксистскому, в основу которого было положено гипертрофирование роли экономических факторов. И если для Маркса в основе всего лежал экономический интерес, то Вебер само возникновение такого интереса рассматривал лишь как частный случай реализации социальных ценностей. Фундаментально важной для него оказалась категория ценности, а не интереса. Опираясь на эту категорию, социолог разработал значительно более сложную, многовариантную систему социальной стратификации, нежели классовая. В основе этой стратификации — не одно (классовое, или экономическое), а два начала (статус и класс). Индивиды, считал Вебер, стремятся утвердить в обществе свои позиции, укрепить свой социальный статус. В тех случаях, когда такое укрепление связано с реализацией экономических интересов, как в развитых в экономическом отношении обществах, формируются классовые интересы. Однако сознание индивидов может быть и не связано непосредственно с классовыми ценностями. Люди нередко осознают себя как часть не столько классовой, сколько этнической, сословной или религиозной общности.

Эти рассуждения принципиально важны для понимания механизма мотивации участия в политике различных социальных общностей. Вебер полагает, что индивиды активно вторгаются в политическую деятельность, если задеты их фундаментальные ценности. Экономические интересы вступают в этом случае в неразрешимое противоречие с ценностями (см. схему 4). Возникает опасность неорганизованного, неинституционализированного вовлечения людей в политику, чреватого непредсказуемыми для общества последствиями. В тех случаях, когда коллективное действие является результатом спонтанного, неорганизованного участия масс в политике, возникает "нерутинная ситуация", стимулирующая выход на авансцену лидеров харизматического склада. Наоборот, "рутинная" (или стабильная) ситуация существует, когда интересы людей не расходятся с их ценностями или верованиями, а коллективное действие происходит организованно и в соответствии с имеющимися у людей ценностными установками.

С х е м а 4 Социальные основы стабильности и нестабильности

Наконец, четвертое направление исследований Вебера-политолога — анализ политического процесса как в своей основе элитарного и содержащего в себе угрозу перерождения демократии в диктатуру. Особую, по мнению социолога, опасность представляет в данном отношении бюрократия, владеющая экспертным знанием и получающая поэтому уникальную возможность концентрировать власть в своих руках. Здесь мысль Вебера развивается во многом схоже с направленностью размышлений его друга Р. Михельса. И поскольку в условиях любого политического устройства власть неизбежно концентрируется в руках узкого круга лиц, возникает вопрос, как избежать связанных с такой концентрацией опасностей. Как ограничить власть бюрократии и сохранить общественный строй демократическим, стабильным и развивающимся?

В поисках ответа на этот вопрос Вебер формулирует концепцию "плебисцитарного вождистского" типа демократии, задача которой состоит в том, чтобы, во-первых, обеспечить контроль за действиями административной бюрократии, не допустить ее в политику, а во-вторых, обеспечить необходимый обществу конкурентный отбор политических лидеров. По мысли Вебера, решение этих задач возможно лишь в случае противопоставления харизматической власти лидера власти бюрократического аппарата, в случае его опоры в своих действиях непосредственно на народные массы, "через голову" бюрократии. Только такое соединение рационально-правовой власти, олицетворением которой является бюрократия, и власти харизматической личности, опирающейся на иррациональную веру масс в ее экстраординарные качества, может, согласно Веберу, обеспечить необходимые обществу стабильность и процветание.

* Ист.: Andriole S J., Hoppole G.W. Revolution and Political Instability. Applied Research Methods. L.. 1984. P. 14

Таковы лишь самые основные положения политологического и социологического наследия Вебера.

Современные элитистские теории

Вебер и представители теории элит сформулировали целый комплекс важнейших идей, продолжающих оказывать достаточно сильное влияние на современную политическую науку. По существу, сегодня уже немногие возьмутся отрицать, что политический процесс во многом организуется как элитарный, и в утверждении такого представления заслуги классической "элитологии" несомненны. Дискуссии развиваются теперь вокруг вопроса о том, а каковы действительные масштабы элитарности, и кто именно скрывается за недостаточно проясненным термином "элита". Стремления ответить на эти вопросы породили в политическом анализе, по меньшей мере, четыре различных направления: возникла "элитарная теория демократии"; неоэлитистские модели; леворадикальные концепции "правящего класса" и "властвующей элиты" и теории корпоративизма.

Возникновение "элитарной теории демократии" в значительной степени связано с именем немецкого социолога и экономиста И. Шумпетера. В известной книге "Капитализм, социализм и демократия" (1942 г.) Шумпетер сформулировал во многом принципиально новое понимание демократии — главным образом как процедуры отбора политических лидеров. Немецкий социолог подверг критике классическое определение демократии, согласно которому окончательные и жизненно важные для общества решения принимаются народом, избирающим для этого своих представителей. С его точки зрения, народ лишь избирает группу лиц, которая затем принимает кардинальные решения без всякого народного участия. Определение Шумпетера звучит поэтому следующим образом: демократия — это "институциональная система принятия политических решений, в которой люди получают власть принимать эти решения в результате конкурентной борьбы за голоса народа". Элита, полагал Шумпетер, в любом случае остается у власти, располагая всей полнотой этой власти и осуществляя ее. Но в условиях демократии состав элиты подвергается постоянной ротации, сама же элита открыта переменам и, главное, позволяет лучшим ее представителям опробовать свои силы в избирательной борьбе и, возможно, прийти к власти.

Эти и подобные им позиции отстаивались многими другими исследователями, как находящимися под влиянием Шумпетера, так и развивающимися независимо от него. Большинство исследователей подчеркивало открытый характер элиты в условиях демократии и благо

приятность условий, создаваемых в ходе конкуренции за голоса избирателей, для увеличения компетентности элиты и эффективности ее функционирования. Немаловажно, полагали элитисты, что такая открытость снижает противостояние контрэлиты, укрепляя стабильность политического режима. Стабильность режима вполне определенно связывается ими с "урезанным" участием масс в политическом процессе, с отведением для рядовых граждан лишь одной и не самой важной части политики. "Свобода, — обосновывает эту позицию С.М. Липсет, — этот основополагающий принцип демократического общества — предусматривает способность к ограничению, готовность не совершать поступков, подрывающих фундамент общежития людей с различными идеалами и ценностями"(60). Элитисты, таким образом, едва ли согласились бы с убежденностью Аристотеля, что человек по своему назначению есть "существо политическое".

Неоэлитистские представления несколько отличаются от взглядов защитников элитарной демократии. Подобно последним, неоэлитисты выступили с критикой основных положений плюралистической теории, однако в определенном смысле они пошли еще дальше, создав на смену выдвинутой Шумпетером модели "плюрализма элит" модель "правлящей элиты". В рамках новой модели неоэлитисты, во-первых, исходят из наличия определенного единства элиты по сравнению с остальной частью общества, во-вторых, отводят ей роль реализатора особых функций, в-третьих, убеждают в том, что элита обладает особой мудростью, она более последовательна, рациональна и активна в достижении идеалов демократии. Примером такого рода позиций может служить высказывание американских политологов Т. Дая и Х. Зиглера: "Наша теория утверждает, что элиты отличаются от масс не только по своим социоэкономическим характеристикам, но и по своим установкам и ценностям. Именно элиты осуществляют наибольшую поддержку принципам и верованиям, лежащим в основе демократической политической системы"(61).

Еще дальше от оценок элиты, как открытой и демократичной, уходят представители леворадикальной концепции "правлящего класса" (62). Странники этой теории (Р. Милле, М. Паренти, У. Домхофф и др.) убеждены в полной закрытости "властвующей элиты" или "правлящего класса", в чем, с одной стороны, сходятся с представлениями классического марксизма, а с другой, с концепцией олигархизации, сформулированной в работах Р. Михельса. Кроме того, такой взгляд на элиту близок представителям т.н. "ревизионистской школы" (Л. Троцкий, М. Джилас, М. Восленский), в центре внимания которой находился советский правящий класс. Для Миллса и его единомыш

* Позиции этой школы будут несколько подробнее рассмотрены в 3-й главе.

ленников элита представляет собой замкнутое, своего рода "кастовое" образование, объединяющее в себе политическую, экономическую и военную элиту, самодовлеющую над обществом и защищающую интересы, противоположные интересам остальной части общества. И если Милле в своих работах ("Властвующая элита", "Причины третьей мировой войны" и др.) допускал наличие трех центров власти в политической системе США, то в определении У. Домхоффа элита обладает почти абсолютным единством и целостностью, Домхофф включал в состав элиты "активных членов высшего класса и их наемников, занимающих руководящие посты в политических институтах, контролируемых высшим классом. Властвующая элита имеет корни в этом классе и служит его интересам. Она является действующим орудием высшего класса".

Приблизительно с конца 50-х годов в западной политической науке начали усиленно развиваться технократические, или корпоративистские концепции, которые обратили внимание на научно-инженерный потенциал элиты. Независимо от позитивного или негативного отношения к роли научно-технической и производственной элиты, исследователи этого направления показали, сколь велики ее возможности определять ситуацию в обществе. Это и огромные возможности и ответственность, но одновременно это немалая угроза свободе и самостоятельности общественного развития. Эти опасности связаны, во-первых, с предрекавшимся Вебером возрастанием роли экспертного и технического знания, а во-вторых, с растущим участием представителей крупных корпораций (например, переплетающихся, срастающихся между собой руководителями компаний и профсоюзов) в принятии жизненно важных решений. Р. Даль, в частности, в работе "Введение в экономическую теорию демократии" писал о том, что на смену экономике свободной конкуренции в американском обществе все заметнее приходит власть крупных корпораций, которая препятствует реализации демократических принципов. Проблема, полагает Даль, заключается в том, чтобы демократическим путем ограничить непомерные ресурсы корпораций и создать большее равенство возможностей для участников политического процесса. Такого же рода опасения могут быть высказаны и в отношении укрепляющейся власти экспертного знания.

"Элитология", таким образом, есть полноценная часть теории политических режимов, помогающая объяснить их функционирование и динамику, предложившая интересные (особенно, в случае Моски) классификации политических форм.

6. XX ВЕК: ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И НОВЕЙШИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ РЕЖИМОВ

После Второй мировой войны политическая наука начинает развиваться особенно быстрыми темпами и с применением новейших, не использовавшихся до сих пор методов исследования. Если политическую философию в основном интересовали и интересуют принципы установления и функционирования так называемого "хорошего общества", определение и постановка перед человечеством моральных и иных стратегических задач, то в центре внимания политической науки — выяснение особенностей повседневного существования политики. Этот сдвиг в интеллектуальных установках исследователей можно заметить и в работах ряда политических философов. Еще более ощутимо он выявился в деятельности социологов и представителей теории элит. Но особенно явно данная тенденция обнаруживается в политических исследованиях послевоенной поры. Именно с этого момента, переплетаясь и сменяя друг друга, развиваются бихевиоризм и структурнофункциональный анализ, плюрализм и девелопментализм (см. схему 5), открывающие новые горизонты и для развития теории политических режимов.

С х е м а 5 Д. Аптер об эволюции политической науки

Основные политологические	Методологические основания	Сфера, предмет исследования
1. Политическая философия	Логический анализ, выявление принципов "хорошего общества", моральные основы власти	История идей
2. Институционализм	Правовой и исторический анализ, описательные и сравнительные методы	Сравнительная и международная политика, анализ партий и конституций
3. Бихевиоризм	Экспериментальные методы, психологический анализ, изучение принятия политических	Общественное мнение, голосование, коалиции, политический протест, идеология

* Ист.: Apter D.E. Introduction to Political Analysis. Cambr., 1977. P. 13

Основные политологические	Методологические основания	Сфера, предмет исследования
4. Плюрализм	Эмпирические методы, теория коалиций, политического участия	Политические партии, электоральные системы, законное поведение, национальное
5. Структурализм	Теория обмена и ролей, классовый анализ, функциональный, лингвистический анализ	Класс и элита, изменение и революция, идеология и социальная позиция, стабильность и
6. Девелопментализм	Теории перехода, роста, инноваций, нестабильности политических режимов	Развивающиеся общества, революция, колониализм и империализм, новые нации, национализм

Институциональные подходы

Попытки институциональных подходов без труда обнаруживаются уже в работах политических философов. В значительной степени они связаны со стремлением выявить определенные юридические нормы, проанализировать основные законы общества, начиная от конституции, и их смысл для существования и нормального развития общества. Немалую услугу оказали здесь идеи Ш. Монтескье, Дж. Локка, Э. Берка, Т. Джефферсона и американских "федералистов".

В данном подходе основное внимание уделяется политическим институтам (парламенту и правительству, партиям и избирательным процедурам, механизмам разделения властей и конституционному устройству). Представители данного направления не обязательно являются по своему профилю и интересам юристами, но непременно строят свой анализ, исходя из сложившихся и общественно укорененных политических форм. Эти формы или институты, с одной стороны, являются логическим продолжением и закреплением социальных отношений и норм, а с другой стороны, призваны вносить в общество стабилизирующее, упорядочивающее начало.

Совокупность и способ взаимодействия политических институтов нередко называют политической системой общества, подчеркивая тем самым, что она включает в себя лишь те формы, которые уже обрели статус легитимных и существование которых закреплено в законном порядке.

Представители институционального подхода в своих исследованиях политических режимов описывают процессы их функционирования и перехода, главным образом, на языке смены и упорядочения институтов. Общепринятые в политической науке типологии режимов составляются преимущественно с учетом того, какие институты существуют в данном режиме, в какой комбинации и каким образом они функционируют. Демократия, например, понимается, прежде всего, как система, организованная в соответствии с процедурой всеобщих, равных и тайных выборов; легитимизирующая все, в том числе, оппозиционные партии и движения; предоставляющая своим гражданам широкий набор прав и свобод и т.д. Авторитаризм, согласно такому объяснению, напротив, характеризуется наличием одной, правящей партии или институциональной группировки, осуществляющей руководство с опорой на силовые структуры. Тем самым, при всех достоинствах институционализма из его поля зрения выпадают те политические явления и процессы, которые по различным причинам находятся за пределами существующих институтов. Построенные таким образом рассуждения едва ли способны адекватно объяснить, например, в чем причина падения Веймарской республики с существовавшими в ней демократическими политическими институтами.

В то же время, лучшие представители институционализма неизбежно выходят в своем анализе за пределы данного направления, понимая его ограниченность. Примером могут служить работы С. Хантингтона, одного из самых известных представителей институционального направления. Хотя Хантингтон рассматривает институты как приоритетные в решении задач политического развития, он противопоставляет им неинституциональное, неупорядоченное начало общественной жизни — политическое участие. Поэтому политика под его пером предстает как динамическое единство институционализации и тех социально-политических процессов, которые не только укрепляют имеющиеся политические институты, но и подрывают их прочность. С логической точки зрения эта позиция безупречна и открывает широкие возможности для исследования.

Бихевиоризм, структурализм, плюрализм

Бихевиоризм, структурализм, плюрализм представляют собой очередной этап в эволюции политической науки. На Западе эти направления развиваются примерно в одно и то же время, с середины 50-х гг., и объединены интересом к внеинституциональным основаниям политической жизни (63). Институционализм подвергается этими направлениями критике за неприятие всей полноты имеющихся в обществе политических позиций и типов политического поведения, их со

циальных и групповых оснований. Бихевиоризм, структурализм и плюрализм оказались близки друг другу и еще по одной причине. В отличие от институционализма, они не упускали возможности подчеркнуть свои сугубо сциентистские ориентации, стремление получить "объективное", "беспристрастное" и в этом смысле конечное знание о политических явлениях. Характерно в данном отношении высказывание одного из основателей бихевиоризма Д. Истона, который полагал, что задача исследователей — "исключить из научных исследований все субъективные факторы: цели, намерения, желания, идеи — и оставить лишь данные верифицируемых наблюдений".

Заслуга бихевиоризма состояла в активном вовлечении в политический анализ психологических методов исследования. Сама категория политического поведения, понимаемого как спонтанное, несанкционированное взаимодействие субъекта политики с окружающей его средой, возникла в рамках бихевиористского направления. При этом подходе политический анализ проводился, отталкиваясь не столько от имеющихся институтов, сколько от наполняющего их человеческого содержания, не столько от норм, сколько от реальности. Соответственно возникал и иной, более современный взгляд на политические режимы, на их способность изыскивать для себя социально-психологическую поддержку, яснее осознавать среду своего функционирования и характер зависимости от факторов психологического порядка. В центре внимания бихевиористов оказались вопросы общественного мнения, политических мотиваций и предпочтений людей, причины возникновения явлений политического насилия и абсентеизма и многие другие.

Плюрализм в методологическом отношении оказался непосредственным продолжением бихевиористских исследований. Однако его представители обратились к исследованию иных вопросов, связанных, прежде всего, с особенностями функционирования демократической системы, представительством и разделением властей, принципами рекрутирования и взаимодействия политических элит. И если бихевиоризм строил свои постулаты, исходя из концепции "методологического индивидуализма", то плюрализм рассматривал политический процесс как взаимодействие групп. По существу, плюралистическую теорию можно рассматривать и как защиту множественности групп, причастных к власти и делящих ее между собой, придерживаясь единства в отношении базовых ценностей социального сообщества. Возникновение плюралистической теории иногда связывают с выходом в свет в 1961 г. книги Р. Даля "Кто управляет?", в которой автор, полемизируя с концепцией "властвующей элиты", стремился на примере одного из американских городов показать плюралистический характер западно

го политического устройства. Именно с плюрализмом, или упорядоченным взаимодействием групп и политических позиций представители данного направления связывают стабильность демократических систем. Вообще вклад плюралистической теории в теорию политических режимов следует, по-видимому, связывать именно с исследованием процедурных особенностей демократических режимов.

Структурализм также проявил интерес к осмыслению внеинституциональных особенностей политической жизни, однако с использованием своего, весьма своеобразного методологического инструментария. Вообще каждое направление политической науки ранее или позднее формулирует своего рода "пароль", ключевой термин, в основном определяющий его методологическое кредо и исследовательские установки. Для институционализма таким "паролем" было и остается понятие социальных норм и законов, для политической философии — моральные нормы, бихевиоризм сформулировал понятие политического поведения, плюрализм чаще других оперировал термином "интерес". Для приверженцев структурализма характерно особое значение, которое они придавали категориям "структура" и "функция". Представляется, что этому направлению принадлежит особая роль в развитии исследований политических режимов.

Структуралисты проделали значительную работу по обобщению имеющихся теоретических разработок, интегрировав в свою концепцию огромный интеллектуальный материал. Структурализм внес свой вклад в осмысление не только процедурных особенностей различных режимов, но и фактически заново открыл направление, получившее затем наименование исследований процессов политической модернизации. Легко заметить, что большинство основных представителей теории модернизации (Г. Алмонд, М. Леви, Т. Парсонс, Д. Аптер и др.) привержены именно методам системно-структурного анализа. Кроме того, структурализм достаточно разносторонне проанализировал роль социальных оснований политики, уделив внимание игнорировавшимся в бихевиоризме макроструктурным образованиям (классам, этносам, нациям и т.д.). Т.е. фактически на новый уровень была поднята политическая социология. Значение структурализма состоит также в том, что ему удалось избежать прямолинейного и амбициозного стремления получить "абсолютно достоверные" научные данные. До сих пор структуралисты входят в число критиков теорий "рационального выбора" и "методологического индивидуализма".

Предприняв попытку макроанализа социальной и политической жизни, структуралисты рассматривали политику как одну из существующих в рамках социальной системы подсистем, выполняющих функцию формулирования стратегических целей общества и мобилизации

ресурсов для их достижения. Ими было сформулировано понятие политической системы, ее структуры и функций. Думается, что и само понятие политического режима, прежде всего, обязано своим возникновением системной теории, ведь строю говоря, режим представляет собой состояние системы в данный момент, динамический срез этой системы, позволяющий раскрыться, реализоваться всем ее компонентам и подсистемам. С этой точки зрения функционирование политического режима есть способ выполнения политической системой приданных ей функций в данный период времени. Основные же функции политической системы структуралистами чаще всего разделяются на две основные группы: установление в обществе социальных норм и создание в рамках этих норм условий для свободного протекания политической жизни. К первой группе относятся такие функции, как целеполагание, мобилизация общественных ресурсов и легитимизация власти, а ко второй — политическая социализация, выявление и объединение интересов и политическая коммуникация.

Существенным оказался вклад структурализма и в осмысление типов и переходной динамики политических режимов. Общесистемные разработки помогли понять не случайную, а в немалой степени закономерную природу переходных процессов, показали, на каких основаниях и с каким запасом времени политическая система или режим могут функционировать, не опасаясь распада или ослабления. Методология взаимодействия системы с ее окружением помогла выявить адаптивные или открытые политические системы, показать принципы их существования и развития наряду с системами автаркическими или закрытыми, неспособными адекватно реагировать на вызовы социальной среды.

"Постнаучные" подходы и девелопментализм

"Постнаучная" стадия политических исследований связана с ясным осознанием того факта, что политическая, как и вообще социальная наука, изначально, в силу своей природы не может претендовать на получение эмпирически безупречных, абсолютно объективных фактов. Ее прогнозы могут носить сугубо вероятностный характер, ибо всегда оставляют за рамками анализа важнейшие, но не поддающиеся точному учету и верификации явления социальной жизни. Прежде всего, речь идет о таких явлениях, как ценности, привычки, неосознаваемые навыки поведения — обо всем том, что укладывается в понятие "иррационального" и составляет неотъемлемый компонент политической жизни. В этой связи острой критике подверглась теория "рационального выбора" — методологическое основание политологии

ческих разработок 50—70-х годов. Характерно высказывание в адрес этой теории видного американского теоретика Г. Алмонда: "Теория рационального выбора стала противоречить знанию и открытиям социальной науки, которые связаны с детальным исследованием ценностей и культуры...поэтому теория рационального выбора охватывает собой лишь небольшую часть реальности, которую хотели бы объяснить социальные аналитики. В ситуации, где принимают участие абсолютные ценности, где важны привычки и традиции или же играют существенную роль эмоции и аффекты, что бывает отнюдь нередко, прогнозы и допущения рационального выбора вводят нас в заблуждение..." (64).

Учитывая сказанное, становится ясно, почему на данном этапе возникает особый интерес к аналитическим подходам, стремящимся понять иррациональное в адекватных ему терминах. В частности, получают свое развитие семиотические подходы, политическая семиотика, поставившая своей задачей анализ политического дискурса, выявление не только содержательных аспектов политической жизни, но и ее смыслозначимых, ценностных аспектов. Новый импульс к развитию своего учения получают приверженцы методологии М. Вебера, стремившиеся, прежде всего, осмыслить иррациональные явления в терминах рациональности и рационализации.

В качестве одного из направлений политического анализа, сформировавшегося на этой волне, выдвигается изучение политической динамики и процессов перехода к новым формам общественного устройства, преимущественно в развивающихся странах. Этому направлению, называемому иногда "девелопментализмом" (от английского *"development"*), принадлежит особая роль в развитии исследований политических режимов. Прежде всего потому, что содержательно концепции режимов и, в значительной степени, политической модернизации, перехода от тоталитарно-авторитарных режимов к демократии, становления светских государств-наций, революционного и эволюционного способов развития, политических кризисов, стабильности и нестабильности были сформулированы в рамках девелопменталистского направления политического анализа. Режимы, таким образом, были названы "своим именем" и отделены достаточно четкими границами от общества и государства именно в рамках данного направления. Это констатировал, в частности, и Д. Аптер (см. выше его схему).

Важно также отметить, что методологически девелопментализм сформировался как направление, претендующее на выборочное использование различных, уже получивших признание достижений структурализма, институционализма и других подходов. Девелопментализм, ключевым термином которого стало "развитие", попытался

показать, что изучение развития не может ограничиваться только анализом институтов или же только образцов политического поведения. Политическое развитие — многомерный процесс, исследование которого невозможно уложить в рамки какого-то одного из направлений анализа. В ходе этого процесса и результате взаимодействия различных политических сил происходят изменения в политическом поведении, политической культуре, политической системе общества. Но если это так, полагал, например, Д. Аптер, то анализ политического развития должен объединить в себе и институциональный подход, представители которого (С. Хантингтон, Дж. Нельсон и др.) считают политические институты приоритетными в преобразовании режимов и решении задач политического развития; и бихевиористский подход, сторонники которого (Г. Алмонд, С. Верба) обращаются к осмыслению имеющихся в обществе позиций и типов политического поведения; и достижения структурализма (Д. Истон, Э. Шилз, С. Липсет), сосредотачивающего внимание на выявлении внеинституциональных ролевых, социальных, групповых оснований политического процесса.

Наконец, достоинством девелопментализма стал его интерес к обобщению опыта политического развития, предложенного XX веком. Именно XX век предоставил политологам возможность (не вполне использованную и поныне) по-новому взглянуть на достижения классической политической теории, используя и ревизуя, если потребуется, классические парадигмы анализа для осмысления современных политических изменений. В рамках девелопментализма зародился интерес к развитию макрополитического анализа политики и политических режимов.

Понятие "международного режима"

Теория международных отношений — самостоятельная область политической науки, обладающая своим собственным, в значительной степени автономным исследовательским аппаратом. Поэтому теория режимов лишь косвенно, как и любая другая теория в социальных науках, соприкасается с международной теорией. Любопытно однако, что в 80-е годы здесь сформировалась весьма популярная (особенно в США) теория "международного режима". Причем, содержательно понятие "международного режима" оказывается близким сформулированному в начале данной работы определению политического режима.

Впервые концепция международного режима была сформулирована в англосаксонском мире в одном из выпусков журнала *International Organization*, вышедшего под общей редакцией профессора Стенфордского университета С. Краснера (1983). Сам Краснер определил меж

дународные режимы как совокупность принципов, норм, формализованных или неформального характера соглашений и процедур принятия решений, управляющих особой областью международных отношений (65). В той же книге Дж. Ружжи сравнил их с языком государственного действия. Согласно его трактовке, возникновение и преобразование международных режимов выражает конкретный способ интернационализации политической власти. Присоединяясь к "режиму", государства соглашались на то, чтобы пожертвовать своими непосредственными интересами в целях создания условий для более долговременного сотрудничества. Тем самым они устанавливали институциональные и нормативные основы мировой политики или же регионального порядка. Причем, если принципы и нормы представляют собой собственно характеристики режима, то договора и процедуры принятия решений относительно самостоятельны и могут меняться в рамках одного и того же режима. Теоретики режима также использовали это понятие для обозначения "правил игры" специфических институтов.

В качестве примера называют международный режим соблюдения прав человека, долговых обязательств, контроля за распространением вооружений, режим морского права, регулирования отношений между сверхдержавами, МВФ и ГАТТ. Таким образом, понятие международного режима уточняется до специфической процедуры урегулирования или превентивного разрешения различных международных конфликтов — торговых, политических, финансовых и иных. Это совокупность институтов, характеристик и механизмов, не имеющих соответствующего юридического оформления, но способных выполнить возложенные на них задачи. Благодаря международным режимам государства осуществляют процесс их сближения, выражающийся в экономической и политической интеграции мирового сообщества.

Итак, международники сформулировали определение, содержательно сходное с определением политического (т.е. внутривнутриполитического) режима. В обоих случаях подразумевается состояние, промежуточное между "естественным" (или предгражданским) и тем, существование которого закреплено в соответствующих юридических процедурах и механизмах. И там, и там понятие "режим" конкретизирует понятие "система", наполняя ее реальным содержанием и раскрывая динамику ее функционирования и развития (хотя в международных отношениях эти понятия разведены значительно более четко — их просто невозможно перепутать или употребить как взаимозаменяемые, что в политической науке вполне допустимо). Наконец, в обоих случаях режим рассматривается как тип взаимодействия правящих структур и общества, как тип упорядочения их отношений и разрешения социального конфликта.

Отечественная политическая наука

К сожалению, нельзя сказать, что на сегодняшний день российская политическая наука в состоянии конкурировать со школами и направлениями, развивающимися в развитых странах Запада. И дело здесь не в отсутствии интеллектуального потенциала или традиций самобытного мышления. Проблема заключается в другом — в отсутствии нормальных условий для развития социальных, и в частности, политических наук. Проблема в том, что в России уже около 80-ти лет отсутствует общественное уважение к независимым исследованиям и разработкам. Неизвестно, что хуже — рассматривать социальную науку на манер "дышла", которое может использоваться партийными чиновниками для обоснования "кукурузных" проектов, или забыть о ее существовании в "период реформ" под предлогом существования задач "более неотложных", чем развитие фундаментальной и прикладной науки или хотя бы предотвращение их деградации. В результате вместо научных школ и направлений политологии мы имеем, главным образом, газетную публицистику и теоретические заимствования и переводы в академической периодике.

В отечественной политологии и социологии, в том числе в советский период, было проведено немало полезных эмпирических и региональных исследований. Однако нельзя не признать, что, во-первых, даже эмпирические исследования нередко оказывались весьма идеологизированными, во-вторых, ограниченным, "дозированным" был сам выбор круга этих исследований, а в-третьих, уровень и своеобразие национальной политической науки не могут формировать лишь работы странового или регионального профиля. Наука представляет собой целостное, хотя и иерархическое образование (66), и не может развиваться нормально, если теоретические разработки не поспевают за эмпирическими, если отсутствуют "теории среднего уровня", если, наконец, политический анализ российской ситуации является "табу" или делом узкого круга изготовителей для узкого же круга потребителей.

Все сказанное в полной мере относимо и к теоретическому анализу политических режимов. В России был издан целый ряд важных и интересных работ, посвященных осмыслению политических процессов в странах Запада и Востока, таких, например, как "Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс" (М., 1983); "Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного" (М., 1984); "Классы, партии и политика на Востоке" (М., 1988); "Политические сдвиги в странах Запада (конец 70-х—80-е гг.)" (М., 1989); "Буржуазное общество в поисках стабильности" (М., 1991). Выпуска

лись работы и ознакомительного характера, посвященные осмыслению тех концепций, которые получили распространение в западной литературе: "Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии" (М., 1982); "Современный капитализм: критический анализ буржуазных политологических концепций" (М., 1989) и другие. Однако в российской науке не существует специальных монографий, посвященных развитию или оценке состояния теории политических режимов. Есть отдельные статьи, обзоры, которые в принципе имеют к теории режимов прямое отношение, но нет фундаментального, систематического приращения знаний в этой сфере, постоянного сопоставления и переосмысления мнений и позиций. Характерно, например, что теория режимов практически никогда не являлась предметом дискуссий и круглых столов. Только в конце 80-х— 90-х годах журналы профильной ориентации ("Латинская Америка", "Мировая Экономика и Международные Отношения" и др.) начинают проявлять к этому интерес. По-видимому, не будет большим преувеличением предположить, что у значительной части отечественных политологов отсутствуют систематические познания в области проблематики режимов. Весьма нередко эти познания ограничиваются изучением материалов памятной дискуссии в "Литературной Газете" об условиях российского перехода к демократии и просветительскими статьями А. Миграняна о сущности и природе тоталитаризма.

Надо отметить, что такое положение уже начало меняться в лучшую сторону. Бурное развитие политического процесса в России и СНГ создало принципиально новую интеллектуальную атмосферу, выявило новые оригинальные умы журналистов и публицистов, уровень политического анализа которых не может не радовать тех, для кого не безразличны судьбы отечественной социальной науки. Но эта атмосфера может стимулировать научные исследования, создавать условия для благоприятного развития теоретической науки лишь в том случае, если в обществе имеются для этого соответствующие условия — если неколебим социальный статус и материальное положение профессора или доктора наук, если власти прислушиваются к разработкам специалистов и стимулируют их взаимную конкуренцию, если профессия социолога или политолога пользуется спросом и уважением, а выпускники вузов не должны на ходу переквалифицироваться в брокеров, менеджеров. Нужны стабильность и уважение ко всякому труду, если он качественен. Только в этом случае политическую науку в России может ожидать национальное возрождение и развитие, связанные с возобновлением великой российской мыслительной традиции прочной именами известнейших философов, правоведов, социологов,

а также с активным подключением к мировым политологическим разработкам и преодолением информационной изоляции от всего того, что уже стало "аксиоматикой" в зарубежных исследованиях.

Непозволительно забывать, что развитие науки, ее независимость являются в конечном счете одним из важнейших гарантов нормального существования любого общества, уважающего себя и свою историю.

Трудно сказать, как, в каком направлении пойдет развитие дальше. Но нельзя не отметить две чрезвычайно опасные тенденции. Во-первых, размывание существовавшего корпуса представителей российской социальной науки, а во-вторых, низведение и без того не слишком многочисленных "романтиков науки" до положения одиночек, не имеющих технических, финансовых и иных условий для нормальной работы и обреченных потому на постепенное вымирание. Если эти тенденции примут характер доминирующих, то шансы на формирование отечественной школы и традиций политического анализа будут утрачены.

II. СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Данная глава описывает структуру и особенности функционирования политического режима. Прежде чем двигаться дальше, прежде чем типологизировать режимы по различным основаниям и анализировать процессы их распада и трансформации, необходимо ответить на "простой" вопрос: как работает режим? Какие задачи в обществе он выполняет? На что опирается в их решении? Каким образом преодолевает воздействие внешнего окружения или, напротив, меняется в результате такого воздействия? Какие ресурсы задействует и какие средства использует? Прояснение этих и подобных им вопросов, думается, поможет понять режим, оценить общие источники его жизнеспособности и условия эффективности.

1. СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕЖИМА

Роль среды в функционировании политического режима

Любой политический режим существует в некоем окружении — социальном, психологическом, географическом и т.д. Взаимосвязи режима и его окружения могут быть самыми различными. Вполне очевидно, например, что становление режима чаще всего протекает в условиях мощного влияния социокультурных факторов. В этом легко убедиться, если обратиться к разновидностям современной демократии. Универсальные демократические институты — всеобщее избирательное право, многопартийность, разделение властей и др. — функционируют по-разному в Западной Европе и Юго-Восточной Азии. Демократии в Скандинавии, Америке и Японии существенно различаются между собой, несмотря на их процедурно-правовое сходство. Но очевидно также, что режим, сформировавшись, способен и сам

выступать в качестве активного преобразующего начала. Примеров такой активности также предостаточно.

Анализ окружения, или среды, в которой функционирует политический режим, необходим потому, что, с одной стороны, позволяет понять, откуда и каким образом он возникает, а с другой стороны, дает аналитику возможность увидеть действие глубинных социальных и внесоциальных тенденций, которые, говоря условно, сообщают режиму свои цвет и звучание, оказывая на его формирование влияние даже в тех случаях, когда сам режим отказывается признать факт такого влияния.

В политической науке анализ влияния среды на политику связывают, главным образом, с деятельностью представителей системного подхода в политологии (особенно с работами Д. Истона "Системный анализ политической жизни" и "Политическая система"), хотя проблема, например, взаимосвязей общества и государства анализируется еще с античности. Представления Истона и его последователей были результатом исследования, прежде всего, политических систем (а не режимов). Но они вполне могут послужить и целям нашего исследования, учитывая, что понятие "политического режима" весьма близко (хотя отнюдь не всегда тождественно — см. вводный раздел) понятию политической системы.

С точки зрения Д. Истона функционирование политической системы — это практически всегда результат взаимодействия с внутренней и внешней средой. В политическую систему поступают импульсы в виде требований и поддержки общества, а система, воспринимая эти импульсы, перерабатывает их в решения и конкретные действия по осуществлению решений. Восприятие импульсов означает, по Истону, реализацию системой ее входящих функций, а переработка импульсов — ее исходящих функций. Немаловажный, с точки зрения ученого, момент — наличие не только прямых, но и обратных связей между "входом" в систему и "выходом" из нее (1). Обратная связь — это фактически механизм самоконтроля и саморазвития системы. Если система по каким-то причинам утрачивает этот механизм, то одновременно она перестает быть открытой внешним воздействиям. В ней необратимо нарастает энтропия, которая подготавливает условия для последующего разрушения системы. Таким образом, важность среды, учета ее импульсов для поддержания стабильности системы, не подлежит какому-либо сомнению. В самом же общем понимании среда политической системы или режима — это все то, что его окружает и способно оказывать определенное влияние.

В зависимости от исследовательских целей среда режима может подразделяться по различным основаниям. Правомерно, например, разграничивать сильную и слабую среду по степени ее воздействия на

политические структуры. Распространенным является разделение среды на внутреннюю и внешнюю, или же интра- и экстрасоциетальную, как вслед за Д. Истоном называет это П. Шаран (2). Но чаще всего в политическом анализе рассматривается влияние социальных факторов на политику, прежде всего, экономических и социокультурных.

Политика, а значит и режим в значительной степени представляют собой социальные явления, и социальная среда заслуживает внимательного рассмотрения. В то же время неправомерно было бы умалять и роль внесоциальной среды и стабилизации и функционировании политических режимов. Внесоциальная среда — это совокупность факторов, существующих относительно независимо от общества, но, тем не менее, оказывающих определенное, иногда значительное влияние на политику. Ведь политика отнюдь не является лишь простым отражением социальных факторов. Ее вообще недостаточно было бы рассматривать как нечто "вторичное", или надстроечное. Природа политического слишком сложна, чтобы быть исчерпывающе описанной в детерминистских терминах. Если в политике и действуют какие-то линейные закономерности и односторонне-каузальные связи, то выявления такого рода связей еще отнюдь недостаточно, чтобы получить о ней представление. В этом легко убедиться, если обратиться, например, к феномену политического лидерства. Зададимся вопросом — от чего зависит поведение лидера? Его способность повести за собой массы людей? Переломить стереотипы своего ближайшего окружения? Неспособность подыскать удовлетворительные ответы на эти вопросы с помощью обращения только к социальным факторам уже была продемонстрирована классическим марксизмом. В самом деле, объясняет ли феномен немецкого тоталитаризма утверждение — "Гитлер был выходцем из мелкобуржуазных слоев"? Исчерпывает ли его? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным — очевидно, что без изучения фигуры Адольфа Гитлера невозможно понять, как, по каким законам функционировал фашистский режим.

Следовательно, есть необходимость проанализировать не только социальные, но и внесоциальные факторы, воздействующие на политический режим. Какие же это факторы? Прежде всего, как уже стало понятно, психологические. Конечно, вполне правомерно рассматривать психологию лидера не столько как среду режима, сколько как неотъемлемую его характеристику. Но как тогда быть с психологией массовых социальных и этнических групп? Как учесть влияние географических и экологических факторов, которые иногда способны сыграть важную роль в укреплении или, напротив, ослаблении позиций политического режима? Таким образом, есть необходимость рассматривать любое политическое действие как результирующую взаимодействия социальных и внесоциальных факторов или процессов.

Социальная среда

Социальная среда играет особое, а часто и решающее значение в функционировании режима и в оценке его эффективности. Чаще всего, в данном случае, внимание обращается на экономические и культурные факторы.

Социально-экономические связи и структуры пронизывают все общество, обеспечивая его технологическими ресурсами. На основе социально-экономического развития нации достигают новых ступеней технологического совершенства, постоянно трансформируя различные сферы человеческого общежития. С возникновением общественного разделения труда экономика оказывает все возрастающее влияние и на существование отдельного индивида, который с определенного времени самореализуется как "человек экономический". Поскольку же экономика — это всегда дифференциация производственных функций, человек раньше или позже ощущает себя частью какой-либо социально-экономической группы (класса или слоя). Такая причастность способствует формированию у индивидов интересов, в основном разделяемых определенной социальной группой, которые он готов отстаивать различными, в том числе и политическими средствами.

Таким образом, социально-экономические структуры оказываются своего рода "кузницей" для формирования политических предпочтений индивида. Конечно, экономические интересы не являются, как утверждалось в ортодоксальном марксизме, единственно определяющими структуру ценностных ориентации. Но степень развитости в обществе социально-экономических интересов оказывается способной в известной степени предопределять и характер политического режима. Там, где интерес работника связан в первую очередь с социально-профессиональной группой и лишь во вторую или в третью — с этнической или религиозной группой, кланом или племенем; где экономика функционирует на расширенной основе и с использованием современных технологических достижений; где существует ее открытость внешней торговле, инвестициям и коммуникации; где сравнительно высоки доходы работника и его образовательный уровень — политический режим, как правило, значительно более либерален, нежели в тех странах, где подобные предпосылки отсутствуют. Режимы, функционирующие относительно длительное время в благоприятной экономической среде, отличаются и по их поведению, и в структурном отношении.

Рассматривая вопрос о социально-экономической среде функционирования политического режима, важно упомянуть и о роли рыночных, капиталистических стимулов развития. Нельзя сказать, что между капитализмом и демократией или между капитализмом и полити

ческой стабильностью существует прямая и однозначная связь. В реальной действительности отношения между этими явлениями значительно сложнее. Но во всяком случае сегодня, на исходе XX столетия кажется очевидным, что именно с капитализмом как экономической системой следует связывать основные технологические достижения человеческой цивилизации. Известный социолог П. Бергер сформулировал в этой связи кажущуюся вполне убедительной гипотезу: "Экономика, ориентированная на производство на рынок, создает оптимальные условия для долгосрочной и наиболее масштабной производительной эффективности на основе современной технологии" (3). Это означает, что рыночная экономическая среда гарантирует режиму стабильность, по крайней мере, в долгосрочной перспективе. Напротив, социализм, достигший значительных экономических показателей, игнорируя при этом рыночные стимулы и заменяя их бюрократической централизацией и планированием, создал специфическую среду для возникновения и реализации авторитарных и тоталитарных режимов.

Социокультурные связи и традиции. В человеческом сознании в зависимости от того, на каком этапе развития находится индивид, переплетаются между собой различные интересы и ценности. Можно с уверенностью сказать, например, что наряду с рациональными элементами, прививающимися в сознании индивида в ходе производственной деятельности, немалое место занимают культурные ценности. В отличие от экономических, культурные ценности эмоционально окрашены и призваны фиксировать в сознании прежде всего то, что связано с традициями и социальным опытом, а не то, что сделалось результатом размышлений.

В одних случаях говорят о религиозных, в других — об этнических, в третьих — о кастовых или сословных ценностях. Но во всех случаях они оказываются своего рода "мировоззренческой подпоркой", помогающей человеку найти ответы на самые сложные вопросы существования. Любая ценность поэтому совершенно безгранична и должна восприниматься или осмысливаться особым способом — как писал об этом М. Бахтин — "в категориях не-бытия, в категориях цели и смысла" (4). В этом, собственно говоря, и заключается главная причина устойчивого и долговременного воспроизводства ценностей (в том числе и в превращенных формах) в общественном и индивидуальном сознании. Один из примеров такой долговременности — сакральное восприятие марксизма в России после Октябрьской революции 1917 г., ставшее результатом насильственного искоренения из общественной жизни религии и церкви. Вместо ожидаемого замещения религиозных ценностей рациональными, "научно-атеистическими" произошла подмена одной религии (православия) другой (коммунизмом).

Поскольку социокультурные факторы трансформируются в человеческом сознании в определенные ценности, то совершенно очевидной оказывается тесная корреляция между политикой и культурой. Эта корреляция сделалась предметом отдельных политологических исследований относительно недавно (50—60-е гг. нашего столетия), с приходом в мировую науку таких признанных ныне ученых, как Г. Алмонд, С. Верба, Г. Пауэлл, Л. Пай. Их разработки прочно закрепили в арсенале политической науки понятие "политическая культура", означающее чаще всего преобладающие в общественном сознании политические ориентации, позиции, навыки и ценности. Это объемная и недостаточно разработанная в политологии проблематика. Не имея возможности останавливаться на ней подробно, отметим лишь, что было бы чрезвычайно важно внимательно проанализировать, в частности, взаимосвязи между характером политической власти и различными носителями культурной традиции в обществе — языком, обычаями, верованиями, мифами и обрядами, официальным и народным искусством. Несомненно, в дальнейшем прояснении нуждается и сам термин "культура", чрезвычайно емкий, многозначный и потому не всегда вполне операциональный.

Таким образом, социально-экономическая и социокультурная среда оказываются взаимодополняющими, помогая осмыслить особенности функционирования политического режима, а значит, и саму его природу, более разносторонне. Эти факторы являются как бы "фоновыми" в политическом процессе, но они могут и будут нами рассматриваться в дальнейшем и как долгосрочные ресурсы режима, а потому без их учета анализ природы и перспектив его жизнеспособности не может быть полным.

Внесоциальная среда

Мы будем рассматривать внесоциальную среду как комплекс тех факторов, которые по разным причинам нельзя отнести к социальным, но которые, тем не менее, оказывают существенное влияние на политику, участвуют в политическом процессе. Прежде всего это биологические (филогенетические) свойства человека, его индивидуальные бессознательные влечения (в том числе сексуальные, на которых акцентировал внимание Зигмунд Фрейд), а также географические и демографические факторы. Разумеется, термин "внесоциальная" весьма условен, так же как и термин "социальная", — в реальной жизни биологическое начало тесно переплетено с общественным и экологогеографическим. И все-таки это не одно и то же — природа их различна и нуждается в дифференцированном рассмотрении.

Бессознательные влечения. Еще Б. Спиноза (и не он один) обращал внимание на то, что "люди скорее следуют руководству слепого жела

ния, чем разума ..." (5). Однако предметом целенаправленного и систематического анализа бессознательное сделалось только у основоположника психоанализа З. Фрейда. Заслуга Фрейда заключается, прежде всего, в том, что он заложил основы принципиально иного, по сравнению с предшествовавшими, понимания структуры индивидуального и массового человеческого сознания. Он предположил, что наряду с рациональными элементами на поведение индивидов свое воздействие оказывают механизмы бессознательного, которое может быть разделено на коллективное бессознательное (имеющее социальное происхождение) и подсознание, состоящее из а-социальных, биологических по своей природе инстинктов.

Фрейд полагал, что воздействию инстинктов подвержено любое, в том числе и политическое поведение индивидов. Многообразие таких, биологических инстинктов в целом может быть сведено к двум: эротическому влечению и агрессии. Причем, если эротическое или сексуальное влечение (т.н. энергия либидо) означает инстинктивное стремление человека к выживанию, самосохранению и объединению с себе подобными, то агрессия, напротив, неразрывно связана с разрушительными, деструктивными началами (позднее последователи Фрейда связывали их реализацию с так называемой "энергией мортидо"). Агрессивное поведение по Фрейду было, главным образом, связано с неудовлетворенностью сексуальных инстинктов, и в результате, бессознательное, по сути дела, сводилось им лишь к сексуальному влечению. Именно в этом, фрейдистском, духе некоторые психоаналитики и по сей день объясняют акты политического насилия или аномального лидерства в политике (Ленин, Гитлер, Сталин).

Подобным же образом может объясняться и политическое поведение режима, который (неважно, осознает он это или нет) опирается в своей деятельности не только на экономику и культуру, но и на те психологические пласты массового сознания, которые неукоренены социально. При этом прочность режима, следуя логике основателя психоанализа, сопряжена с тем, способен ли он и в какой мере способствовать высвобождению сексуальной энергии в человеке или созданию условий для сублимации (переносу сексуальной энергии на самые различные объекты). Демократические режимы формируют условия для осуществления сексуальной свободы, когда люди, реализуя заложенное в них животное начало, любят друг друга. Жесткоавторитарные режимы делают все от них зависящее, чтобы люди "полюбили режим", абстрактную и обезличенную структуру, отдали режиму не столько выработанные в ходе рационального осмысления убеждения, но прежде всего — эмоциональные привязанности; чтобы психическая сфера личности, связанная с любовью к семье, детям, близким была заполнена чувствами благодарности и любви к режиму.

Немалый вклад в анализ бессознательного внесли ученики и последователи Фрейда. В частности, А. Адлер и К. Юнг выявили иные, кроме эротических, мотивации патологического поведения. Юнг, например, разработал оригинальную концепцию "коллективного бессознательного", согласно которой индивид, помимо собственной воли, нередко оказывается в плену массовых предрассудков и стереотипов (6). Немецкие психологи Э. Фромм и Т. Адорно проанализировали психоаналитические истоки авторитарного сознания, сделав упор в своих исследованиях на причины возникновения и прочности нацистского режима в Германии (7). Немецкий зоолог Конрад Лоренц уделил первостепенное внимание инстинктивным началам бессознательного, которые он называл филогенетическими (т.е. родовыми, общими для животного мира), тому, как эти начала связаны с распространенным в животном мире агрессивным поведением. Он показал, что явление агрессии присуще для всего животного мира, в том числе, для мира людей (8). Значение наблюдений Лоренца существенно и для анализа политических режимов, способных не только создавать благоприятные условия для психологической разрядки индивидов и для выхода агрессивной человеческой энергии, но и искусственно подавлять характерную для всех живых существ "видосохраняющую" функцию агрессии. Лоренц убедительно показал, что человеческая деятельность (в том числе, и в политике) не может быть избавлена от целого ряда качеств, присущих животным. Богатство методологии ученого позволяет, например, проанализировать в терминах агрессивного поведения национально-политические процессы, развернувшиеся на территории бывшего СССР. Поведение участников этих процессов позволительно интерпретировать и как поведение тех, в ком длительное время искусственно сдерживалась функция агрессии, а значит ее потенциал накапливался в условиях "бесконфликтного общества" и раньше или позднее должен был выплеснуться в особенно опасных, деструктивных и агрессивных формах.

Географические и демографические факторы. Изучением взаимодействия географического и политического занимаются геополитология и политическая география. В нашу задачу не входит подробно останавливаться на характеристике этого интеллектуального направления, богатого именами и западных, и российских исследователей. Нам важно лишь показать, что в ряде случаев географические (и демографические) факторы способны оказывать влияние на характер и особенности функционирования политического режима.

Анализ географических (и экологических) факторов функционирования режима может быть полезен, во-первых, с точки зрения осмысления его пространственной организации. Здесь могут иметь зна

чение общая численность населения, размер территории, климат и рельеф местности и многое другое. Так, например, политическое устройство России можно, хотя бы отчасти, рассматривать как результат недостаточной освоенности ее территориального пространства. При наличии такого запаса свободных, незаселенных территорий для недовольных политикой Центра всегда существовала возможность выйти из-под сферы влияния такой политики вместо того, чтобы создавать политический механизм сосуществования и взаимоприемлемого сотрудничества власти и оппозиции. В этом смысле представляет интерес формирующийся в данном случае сам тип национального характера. Во-вторых, географические факторы несомненно помогают в осмыслении положения политического режима с точки зрения его стабильности/нестабильности. В этом случае климат, рельеф местности и т.д. вполне могут рассматриваться и как ресурсы. В международном аспекте этот фактор географического влияния на политические структуры был проанализирован в целом ряде работ западных авторов (А. Мэхен, Г. Макиндер, Г. Духет, К. Хаусхофер, Ф. Ратцель, В. де ла Бланш и другие).

В последнее время специалисты проявляют все больший интерес к экологическим условиям, рассматриваемым не только как детерминанты политики, но и как факторы, влияющие на восприятие действительности участниками политики (как внутренней, так и международной), и ограничивающие их деятельность там, где раньше никаких ограничений не существовало.

Анализ демографических оснований политики, пожалуй, не имеет столь глубоких традиций, как геополитические исследования, однако он является неотъемлемой частью современной политической науки. Особое внимание этой проблеме уделяют исследователи, изучающие условия внутривнутриполитической стабильности и нестабильности. Например, существенное негативное влияние на стабильность правящих режимов в африканских странах к югу от Сахары оказывают повышенные темпы демографического роста. Специалисты подсчитали, что с конца 70-х годов в этом регионе наблюдается неуклонное падение жизненного уровня. Только для его поддержания здесь потребовался бы экономический рост, составляющий 5.5% в год, — экономическое чудо, в которое никто не верит. (9) Такое положение не может не усугублять политическую лихорадку в африканских обществах. Вовторых, демографический фактор может рассматриваться в ряде случаев и как позитивный, способствующий упрочению устоев государства и его могущества.

В целом проблематика среды (социальной и внесоциальной) политики, конечно же, значительно шире. В частности, этнические или

конфессиональные факторы вполне могут быть проанализированы с этой точки зрения. Важно, однако, представлять себе скорее общие принципы функционирования политического режима, одним из которых выступает многосоставная природа той среды, социальной и внесоциальной, в которой они существуют и развиваются.

Внешняя среда функционирования режима

Необходимо также сказать хотя бы несколько слов о роли внешнего фактора в функционировании и трансформации политических режимов. Проблема эта часто недооценивается исследователями. В большинстве своем они не только отдают предпочтение анализу внутреннего контекста режимов, но нередко и вовсе игнорируют внешнее окружение. К сожалению, сравнительная политология все еще функционирует в отрыве от достижений международно-политических исследований, хотя перспективы междисциплинарного синтеза в данной области могли бы быть весьма плодотворными.

Не вызывает каких-либо сомнений то, что любой режим подвергается воздействию внешней среды. Другое дело, что характер и фазы такого воздействия могут различаться, и весьма существенно. В зависимости от степени стабильности того или иного политического режима позволительно говорить, по крайней мере, о четырех фазах его взаимодействия с внешним окружением.

Первая. Режим может быть весьма стабильным и легитимным за счет внутренних факторов, не ощущая особенно значимого влияния международных. Таким, например, был режим И.Сталина в середине 30-х и конце 40-х годов. Таким или в основном таким был южно-африканский режим апартеида в 60-е годы, существовавший за счет мощной эксплуатации внутренних экономических ресурсов (прежде всего золотодобычи).

Вторая. Режим в силу различных внутренних и внешних причин может существенно ослабнуть, и тогда воздействие международных факторов окажется более значимым, а в ряде случаев и определяющим дальнейшую судьбу режима. Аналитики признают, что особенно важная роль в этой ситуации принадлежит идеям. Границы становятся условными, информационное пространство все более открытым, и идеи, например, либеральной демократии и рыночной экономики, практически беспрепятственно проникают внутрь страны, пополняют интеллектуальный капитал правящей элиты и подготавливают поле для дальнейших преобразований. Подобным образом это происходило в Советском Союзе, странах Восточной Европы в начале—первой половине 1980-х годов.

Третья. В случае перехода режима в новое состояние. Именно на данном этапе внешняя поддержка перестает быть лишь внешним фактором в чисто материальном смысле слова и начинает играть важнейшую, преобразующую роль в политических преобразованиях. Особое влияние оказывают здесь уже не столько идеи, и большинстве случаев одержавшие полную и безоговорочную победу, сколько международные организации, типа ЕЭС, НАТО, МВФ.

Наконец, можно и нужно выделять фазу политической консолидации нового режима, когда возникает необходимость закрепить наметившийся перелом в экономической и политической организации общества, соотнеся с международными реальностями. Фактически в этом случае следует говорить о стабилизации нового режима, выработавшего качественно иные принципы функционирования. И если во втором и третьем случаях преимущественная роль принадлежала идеям и организациям, то на данном этапе успех предприятия практически целиком определяется фактором включенности в мирохозяйственные и финансовые связи, способностью режима принять внешние вызовы и обеспечить себе устойчивое место в системе экономической конкуренции.

В поле зрения аналитиков находится также вопрос о степени и характере воздействия внешней среды на состояние режима. Известный американский исследователь Дж. Розенау посвятил проблеме адаптации политических устройств к условиям внешней среды специальную книгу под названием "Изучение политической адаптации". По его мнению, "все внешнеполитические действия, предпринимаемые национальным сообществом, вне зависимости от того, какой окажется степень адаптивности этих действий, диктуются одной и той же общей необходимостью — удержать жизненно важные структуры сообщества в приемлемых границах и достичь баланса между изменениями и запросами, возникающими внутри общества, с одной стороны, и изменениями и запросами внешней среды, с другой стороны" (10).

Давая описание такого рода внешнеполитических действий, Розенау выделяет четыре типа политической адаптации: уступчивая (*asquiescent*) адаптация; неуступчивая (*intransigent*) адаптация; содействующая (*promotive*) и консервирующая (*preservative*) адаптации. Ученый полагает, что общества могут пассивно подстраивать свое поведение под запросы внешней среды (уступчивая адаптация); общества могут пытаться отвергнуть и никак не использовать эти запросы (неуступчивая адаптация); вполне возможно, что запросы извне и внутри общества будут сбалансированы и как бы "разделены пополам", и общества смогут использовать эти запросы в своих собственных национальных интересах, активно преобразовывая их (содействующую

щая адаптация) — баланс между импульсами извне и изнутри будет таким образом сохранен и открыт новым изменениям. Наконец, возможен вариант, когда этот баланс будет законсервирован, а импульсы внешнего окружения окажутся подавленными запросами внутренней среды (консервирующая адаптация). Этот вариант отличается от неуступчивости лишь степенью слабости использования влияния внешнего окружения (11).

На следующих страницах книги Розенау поясняет, что первые два варианта представляют собой модели взаимодействия с нулевой суммой в результате. В результате уступчивой адаптации в полном проигрыше оказывается национальный актор, в результате неуступчивой адаптации проигрывает внешнее окружение. В ситуации же с последними двумя вариантами дело обстоит значительно сложнее: никто из игроков не может быть однозначно признан победителем или побежденным. Результат такого взаимодействия не может считаться победой с нулевой суммой. В выигрыше (а отчасти — в проигрыше) оказываются оба участника взаимодействия, различным оказывается лишь соотношение взаимовлияния внешних и внутренних импульсов. Все четыре базовых типа взаимодействия национальных политических устройств и их внешнего окружения оказывают свое влияние и по-своему соотносятся с самыми различными сторонами деятельности сообщества: размещением имеющихся ресурсов, стилями лидерства основных действующих лиц, особенностями партийно-политической системы, позициями массовых слоев общества и т.д. Особенно существенно, по мнению Розенау, то, что различается сама природа принятия решений (см. схему 6.)

Таким образом, подходы в исследовании взаимовлияния политических режимов и их внешнего окружения могут быть различными. Могут различаться стадии эволюции и степень устойчивости режимов в зависимости от их среды. Может, наоборот, быть классифицировано само внешнее окружение, как это, например, сделано в работе Дж.Розенау. Возможно также подразделение среды на идеи, организации и экономику (региональную и мировую), как это сделано в работе Р.Хага и М. Нарропа (12).

Существуют и другие, по-своему интересные и оригинальные подходы (13). В целом однако нельзя не признать, что современной теории политических режимов пока что недостает тесной связи с международными эмпирическими и теоретическими исследованиями. Это можно объяснить различными причинами, но факт остается фактом: эти сферы политического анализа все еще слабо "стыкуются" друг с другом, а их представители нередко говорят "на разных языках", с трудом понимая друг друга.

С х е м а 6 Природа принятия решений и различных моделях политической адаптации

Образцы адаптации	Запросы и изменения внешней среды	Запросы и изменения внутренней среды
Уступчивая	+	—
Неуступчивая	—	+
Содействующая	—	—
Консервирующая	+	+

+ официальная реакция на изменения и запросы либо под влиянием их силы и масштаба, либо под влиянием ощущения, что их интенсивность будет возрастать
 — официальное молчание на изменения и запросы либо по причине их недостаточной интенсивности, либо в силу уверенности в их уменьшающейся силе и масштабе

2. СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ОППОЗИЦИИ

Из сказанного ранее следует, что политический режим существует в определенной среде и формируется под ее влиянием. Задумаемся теперь, какова структура режима? Анализ каких его составляющих позволяет судить о поведении режима в целом? В данном случае прежде всего принято рассматривать особенности и характер взаимодействий правительства и оппозиции.

Далеко не всегда режим включает в себя легитимную оппозицию, гарантируя ей права самостоятельного отстаивания своих интересов. С этим связано встречающееся в исследовательской литературе противопоставление режима и оппозиции, подразумевающее, что оппозиция запрещена режимом, а ее действия выведены за пределы правового пространства. Такой подход, как нам уже приходилось отмечать в первой главе, является характерным для политико-правовой традиции изучения политических режимов. Что касается политико

* Ист.: Rosenau J.N. The Study of Political Adaptation. L., N.Y., 1981. P. 61

социологической традиции, то здесь структура режима рассматривается как состоящая из правительства и оппозиции хотя бы на том основании, что политической истории не известны общества, в которых не существовало бы критических по отношению к правительству представлений и действий.

Рассматривая в данном разделе отношения правительства и оппозиции, мы уделим преимущественное внимание структурным характеристикам режима, с тем, чтобы в следующем разделе перейти к анализу его функционального измерения.

Правительство (правлящая группа) и его основные характеристики

Большинство политических режимов предполагает наличие правящей и оппозиционной группировок, или наличие правительства и оппозиции. Задача правительства — выработать и проводить в жизнь определенный политический курс, задача оппозиции — сопротивляться его проведению, оспаривая правомерность избранного правительством курса, предлагая альтернативные проекты и организуя акции протеста и неповиновения власти. В том случае, если действия оппозиции принимают характер антисистемных, правительство может быть отождествлено с режимом. Именно так чаще всего происходит в условиях авторитарных политических устройств. Однако, методологически понятия "режим" и "правительство" следует отличать друг от друга, ведь далеко не во всех случаях их значения могут совпадать. Например, в условиях демократической политики эти значения весьма четко различаются.

Правящая группировка может осуществлять власть в существенно различающихся условиях. В одних случаях власть принадлежит ей практически бесконтрольно. В других — правительство также реально осуществляет власть, однако его деятельность подчинена строгому контролю со стороны законодательных и судебных органов и может быть сравнительно легко скорректирована. Однако в обоих случаях правящая группировка чаще всего представляет собой относительно целостное образование, с более или менее четкими и едиными представлениями о направлениях своей деятельности и об источниках своей власти. (Такое единство особенно характерно для начального этапа деятельности правящей группы и особенно легко поддерживаемо в условиях политической стабильности общества.) Таким образом, правящую группу отличает наличие реальных полномочий в управлении обществом.

В центре внимания исследователей эта группа оказалась сравнительно поздно, с развитием теории элит (см. подробнее 1.4.). Однако анализ правящих групп необыкновенно важный для уяснения природы и особенностей режима, в той или иной степени предпринимался политической наукой с самого ее возникновения. От того, как, в соответствии с какими принципами организована правящая группировка, каковы ее идеологические убеждения и позиции, взаимоотношения с остальной частью общества, в огромной степени зависит дальнейшее развитие этого общества. Особенно важную роль здесь могут играть взаимоотношения правящей элиты с элитой финансово-экономической, военной, профсоюзной и пр. Например, широкую известность получили случаи, когда деятельность правительства была в значительной степени поставлена в зависимость от воли промышленных магнатов. В США огромным влиянием пользовались кланы Моргана и Рокфеллера, во Франции — наиболее богатые "двести семей". Всемирно известным стало и высказывание немецкого промышленника Круппа в 1932 году: "Мы наняли г-на Гитлера".

Все сказанное убеждает, что характеристики правящей элиты заслуживают того, чтобы быть сформулированными как можно более четко. Воспользуемся для этого критериями, предложенными американским ученым Р. Макридисом (14). Согласно Макридису, правящие группировки могут различаться между собой по следующим признакам.

Степень однородности. Действительно ли элита представляет собой единую группу с общими характеристиками (как например, уровень богатства, развитости организационных навыков, образование, статус и пр.) или же это скорее разнородное образование, состоящее из различных групп с различными и часто конкурирующими навыками и ресурсами в обществе? Можно ли в этой связи вести речь о единстве и гомогенности элиты или о ее разнородности и диверсифицированности?

Степень монополизации власти. В какой степени элита сосредоточила в своих руках власть принимать решения и несет за них ответственность? Чем больше эта ответственность, тем значительнее монополизация власти.

* Элита означает наиболее развитую, отборную по своим качествам группу. Поэтому понятие "правящая элита" очень близко к только что использованному нами и более нейтральному понятию "правящая группировка". В дальнейшем, следуя общеупотребимости термина "правящая элита", мы будем использовать его в том же значении, что и термин "правящая группа". В то же время считаем необходимым подчеркнуть различия правящей и властвующей элит. Властвующая элита значительно шире и многочисленней, т.к. включает в себя не только тех, кто непосредственно и практически осуществляет власть (правительство), но и тех, кто ее контролирует и уравнивает (парламент, судебные органы, а нередко и руководство наиболее известных СМИ).

Самовоспроизводство. Все элиты предпринимают усилия для того, чтобы закрепиться у власти, продолжать оказывать влияние и передать полученные ими преимущества по наследству. Одним это удастся лучше, другим хуже. Вопрос заключается в том, каковы те инструменты, которые используются элитами в различных политических устройствах для их самовоспроизводства.

Степень открытости или закрытости. Некоторые элиты закрыты для аутсайдеров, используя для своего пополнения необычайно сложную систему отбора. Мобильность, перемещение представителей неэлиты в элиту может зависеть от возраста, богатства, образования, религии и политических связей, статуса и семейного положения. Элиты нередко вступают между собой в брачно-семейные отношения, объединяют собственность, создавая аутсайдерам все новые и новые препятствия для проникновения в элиту. Закрытые элиты часто обладают значительным опытом управления и, как правило, ценят стабильность гораздо выше изменений. Напротив, открытые элиты больше расположены к управлению в условиях быстрых перемен. Они часто отваживаются на инновации, даже если им явно недостает опыта в реализации поставленных целей.

Каналы рекрутирования. Техника и каналы рекрутирования элитами новых членов представляет собой дополнительный показатель их открытости или закрытости. Распространяется ли рекрутирование только на узкие сегменты общества или же открыто широким общественным слоям? В какой степени барьеры для перехода в элиту преодолимы, например, людьми, не обладающими богатством или знатностью семейного происхождения?

Трансформация элит. Никакие, даже самые закрытые элиты, не могут освободиться от влияния перемен и заблокировать обновление своего состава. Социально-экономические сдвиги и новые формы богатства неотвратимо формируют новые группы, представляющие новые формы влияния, богатства и власти. Аристократия уступила место высшим слоям буржуазии. В свою очередь из среднего класса выделились новые группы влияния; менеджеры, технические и научные работники. Вопрос в том, как, каким путем, с какой долей внутреннего сопротивления происходит трансформация элит.

Ограничения деятельности. Существуют ли и каковы ограничения, накладываемые режимом на деятельность правящей элиты? Или же эта деятельность не сдерживаема практически ничем? Любая элита, стремясь к эффективности своих действий, должна осознавать возможную реакцию общества на эти действия. В том случае, если эта реакция будет негативной, элита заинтересована в том, чтобы социальное недовольство было институционализированным, а не перерастало

в массовое насилие, несанкционированные забастовки и восстания. Под институционализированными ограничениями власти элиты имеют ввиду деятельность судов, выборов, законодательных органов, средств массовой информации и т.д. Наличие этих ограничений существенно меняет само поведение правящей элиты и общества в целом.

Гарантии для управляемых. Со времени средневековой аристократии люди, занятые сельскохозяйственным трудом, чувствуют себя значительно независимее и свободнее в своей деятельности. Изменилось и положение рабочих — сегодня оно существенно отличается от времен Ч. Диккенса. С течением времени управляемые приобрели вес более прочные гарантии — социальные, экономические, политические — стабильности их положения и способности противостоять возрастанию могущества элит.

Идеология. Наконец, элитные группировки всегда с большим или меньшим успехом стремятся к выработке и распространению идей, которые облегчили бы им поддержку и легитимизацию их могущества. Именно элиты вырабатывают тот комплекс идей, которым общество руководствуется в своей повседневной деятельности. Элитная идеология должна быть относительно целостной, способной сплачивать, преодолевать различия и внутреннюю разнородность группы. Выявление такой идеологии — первый шаг в анализе элиты и ее внутреннего потенциала.

Оппозиция (оппозиционная группа): понятие и условия возникновения

В принципе, под оппозицией принято понимать политический институт, созданный для выражения и отстаивания интересов, которые, формируясь в центре и регионах, отличаются от интересов, реализующихся в политике центральной власти (правительства). Хотя если стремиться к точности, далеко не во всех случаях оппозиция существует как социальный и политический институт, со своим, определенным в законодательном порядке, статусом и набором прав в обществе. Иными словами, не везде оппозиция существует как институт. Но везде она существует, по крайней мере, как совокупность определенных идей и настроений, связанных с критическим отношением к политике официальной власти. В этом смысле оппозиция может рассматриваться как критический "дух", неважно, принимает он институциональное оформление или нет.

Так, например, принципиально отличен статус оппозиции в советской и "постсоветской", современной России. В первом случае оппозиция существовала в виде невыявленных позиций и настроений

— будь то внутри эшелонов власти или вне их. После распада коммунизма возникли условия не только для оформления этих позиций и настроений и интересы, но и для создания политических партий и движений, позволяющих бороться за практическую реализацию таких интересов.

Оппозиция существовала, как мы отметили, всегда и везде. Однако попытки закрепить и институционализировать ее место в обществе возникают лишь с крушением полисной организации человеческих сообществ и возникновением государств-наций. Поэтому следует четко различать условия существования оппозиции как определенных политических институтов. В первом случае условием оппозиции является само человеческое сообщество, принципиально не способное поддерживать состояние гомогенности и монолитности сколько-нибудь длительное время. Во втором случае следует выделять целый комплекс таких условий. С точки зрения известного американского политолога Р. Даля, наличие такого рода условий позволяет говорить о возникновении с образованием государств-наций совершенно нового типа политического устройства — "полиархии", которая впервые даст возможность большинству общества осуществлять контроль за политическими лидерами в значительном территориальном масштабе. В политической сфере такими условиями, согласно Далу, являются следующие:

- 1) широко распространенное сегодня и близкое к универсальному избирательное право;
- 2) право участвовать в общественных делах;
- 3) справедливо организованные выборы, в которых исключено всякое насилие или принуждение;
- 4) надежная защита свободы выражения своего мнения, включая критику правительства, режима, общества, господствующей идеологии и т.д.;
- 5) существование альтернативных и часто конкурирующих между собой источников информации и убеждений, выведенных из-под правительственного контроля;
- 6) высокая степень свободы в создании относительно автономных и самых разнообразных организаций, включая, что особенно важно, оппозиционные политические партии;
- 7) относительно высокая зависимость правительства от избирателей и результатов выборов (15).

Соблюдение всех этих условий и позволяет говорить о стабилизации полиархии, а следовательно, и легитимизации института политической оппозиции в обществе.

Каковы же социальные условия существования института оппозиции

ции? Очевидно, что в качестве института, закрепляющего на политическом уровне имеющееся в обществе разнообразие интересов и позиций, оппозиция одновременно легитимизирует имеющиеся в нем социальные конфликты. Именно социальные конфликты и расслоения, экономические, национальные, религиозные и иные, являются почвой для возникновения оппозиционных по своей ориентации партий и движений. Конечно, сами по себе эти конфликты еще отнюдь не гарантируют, что оппозиция будет институционализована. Известно немало случаев, когда, находящееся в кризисном состоянии, раздираемое конфликтами общество приходит в итоге к установлению жестко-авторитарного режима, стремящегося первыми же своими действиями уничтожить оппозицию. Такой результат и такое поведение правящего режима вполне естественны, ведь развивающиеся в условиях социального кризиса бунт и anomia способны породить лишь непримиримую, угрожающую стабильности режима оппозицию.

Но в современном обществе конфликты и расслоения все определеннее воспринимаются как неотъемлемый аспект социальной и политической жизни, своего рода "дух" существования гражданского общества. Потенциально политическая жизнь содержит конфликты, ведь она вбирает в себя весь спектр, все огромное многообразие имеющихся в обществе позиций и интересов. Именно это, само по себе очевидное обстоятельство дало толчок формированию "конфликтной школы" политической мысли (Р. Дарендорф, Л. Козер и др.), представители которой считали "наличие конфликта в социальных процессах естественным и не обязательно угрожающим системе при ее сохранении и изменении" (16). В отличие от К. Маркса, Дарендорф утверждал, например, что в современных индустриальных обществах классовый конфликт хотя и существует, но институционализирован, "встроен" в их социально-экономические структуры. Конфликт в нормальном обществе, развивал эти позиции Л. Козер, не просто нейтрализован, но и выполняет целый ряд весьма важных функций. "Эластичное общество, — писал он в одной из своих работ, — извлекает из конфликтов пользу, поскольку такие процессы помогают модифицировать и создавать нормы, обеспечивающие его воспроизводство в изменившихся условиях" (17). Таков социальный статус конфликта в современном обществе. И таков, кстати говоря, системный смысл существования и деятельности в нем политической оппозиции.

Таким образом, конфликты, во-первых, способствуют возникновению политической оппозиции, а во-вторых, способны помогать ее институционализации, т.к. в принципе они не только не отменяют сотрудничества различных социально-политических сил, нахождения ими компромиссов, но и предполагают их. Напротив, в тех обществах, где оппозиция существует, но не легализована, последствия конфликта

способны оказывать деструктивное воздействие. Сотрудничество и конфликт являются здесь скорее взаимоисключающими, чем взаимодополняющими началами. "Тоталитарный монизм, — отмечал в этой связи Р. Дарендорф, — основан на убеждении, что конфликт может и должен быть уничтожен, что гомогенный и унифицированный социально-политический порядок является желательным состоянием дел ... С другой стороны, плюрализм свободных обществ опирается на признание и приемлемость социального конфликта. В свободных обществах конфликт может и не быть столь ожесточенным и интенсивным, но он сохраняется в принципе и будет существовать впредь" (18).

Общество, принявшее практику изгнания конфликта и оппозиции модусом своего существования, со временем неизбежно утрачивает механизмы саморегулирования и саморазвития, постепенно разрушает сложившийся баланс власти. Динамика социально-политических взаимодействий оказывается здесь строго регламентированной. Политический режим лишается необходимого ему динамизма, а политические связи, структуры, нормы приобретают все большую жесткость и неподвижность. Поэтому естественно, что такого рода режимы хуже адаптируются к возмущающим воздействиям внешней среды. Конечным же результатом адаптации чаще всего оказывается кардинальная смена, а не реформирование внутренней организации системы. Что касается процессов, ведущих ее в этом направлении, то они протекают бурно и в крайне болезненных для общества формах: войны и революции в данном случае — скорее правило, чем исключение.

Типы оппозиций

Если оппозиция существует (хотя и в разных формах) в любом обществе, то каким образом могут строиться ее отношения с правительством? Как, в соответствии с какими критериями оппозиции могут быть классифицированы?

Чаще всего политические оппозиции разделяют в зависимости от степени их терпимости по отношению к действиям правительства. На этой основе выделяют лояльную, полулояльную (умеренную) и нелояльную (непримиримую) оппозиции. Режим может считаться достаточно стабильным, если большая часть оппозиционных партий и движений лояльны к действиям правительства, а непримиримые, которые, хотя и имеются практически в любом современном обществе, тем не менее не в состоянии получить поддержку массовых социальных слоев. Напротив, режим неустойчив, подвержен изменениям, если центральная власть постепенно утрачивает легитимность, оказываясь неспособной оказать сопротивление непримиримой оппозиции, не рискуя при этом быть опрокинутой.

Непримиримая (нелояльная) оппозиция. Пользующийся поддержкой общества режим в состоянии нейтрализовать непримиримую оппозицию, которая сильна лишь во времена кризиса, когда в состав непримиримых входит значительное число вчерашних умеренных.

По мнению известного политолога Хуана Линда, к непримиримой оппозиции могут быть отнесены те партии, движения и организации, которые четко и недвусмысленно отвергают существующую политическую систему (19). К числу таких организаций в принципе могут быть отнесены анархо-синдикалисты, выступающие против авторитета любой власти, наделенной средствами принуждения. Другой пример — сепаратистские движения, которые в условиях нации—государства противопоставляют себя центральным авторитетам.

В принципиальном плане непримиримая оппозиция может эволюционировать в двояком направлении. Во-первых, она способна интегрироваться в систему, особенно, если это система конкурентной демократии. Во-вторых, при неумелых действиях правительственной власти и наличии объективных, препятствующих общественному развитию обстоятельств, оппозиция нередко приобретает статус общенационального лидера и способствует ниспровержению существующего режима. Примером первого сценария может служить эволюция европейской социал-демократии, примером второго — эволюция коммунистических и фашистских организаций в послевоенной Восточной Европе и межвоенной Западной Европе.

Существует несколько выделяемых политологами критериев, позволяющих судить об уровне лояльности оппозиционных правительству движений.

Во-первых, любое оппозиционное движение раньше или позднее обнаруживает свое отношение к легальным средствам достижения политической власти, признавая их публично или рассматривая как недостаточные в достижении поставленных целей. Весьма характерно в этой связи заявление российской "духовной оппозиции", обнаруженное в июле 1993 года в газете "День": "Сегодня оппозиция остается в рамках правил политической игры, которые навязаны правящим режимом... Вопрос же в том, чтобы самой оппозиции начать формировать новые правила внесистемного (выделено мной — *А.Ц.*) политического взаимодействия" (20).

Во-вторых (что вполне согласуется с первым), лояльная оппозиция откажется прибегнуть к поискам военной поддержки своим действиям и будет стремиться к достижению своих целей исключительно политическим путем. Для непримиримых же не существует каких-либо препятствий, связанных с необходимостью соблюдать правила, установленные в законном порядке.

В-третьих, нелояльная оппозиция, как правило, не признает над

собой авторитета тех партий и движений, которые получили власть в результате поддержки электората. Традиционный тип политического поведения непримиримой оппозиции — отказ от участия в парламентских дебатах или в свободных выборах как санкционированном режимом.

В-четвертых, непримиримые нередко прибегают к массовому давлению на правительство, используя для этого профессиональные объединения, организуя граждан на проведение забастовок или других акций массового протеста и, тем самым, чиня правительству препятствия в выполнении возложенных на него обязанностей.

В-пятых, непримиримую оппозицию, без сомнения, отличают те средства, которые избираются для дискредитации политических оппонентов. Конечно, само стремление представить противника выразителем интересов узких социальных слоев характерно для большинства, если не для всех участников политического процесса. Но вместе с тем, непримиримые отличаются здесь особой бесцеремонностью и изобретательностью. Хуан Линц пишет, что весьма типичными в данном отношении оказываются стремления непримиримых убедить общество в том, что правительство является проводником интересов внешних сил или тайных группировок — масонов, международного капитализма, Ватикана или Израиля и т.д. Не менее типичны обвинения в коррупции, распространяемые не только на отдельных лидеров, но и на целую партию и даже на систему в целом. Еще одно средство — организация публичных скандалов, призванных изобличить, представить власть придержащих в крайне невыгодном для них свете, сфокусировать на них недовольство широких слоев населения (21).

Таков стиль и основные стратегические установки непримиримой оппозиции, "Очевидно, — пишет Линц далее, — что ожесточенные атаки скорее на политическую систему, чем на отдельные партии или участников политического процесса; систематическая клевета на политиков, представляющих партии системной ориентации; постоянная обструкция парламентскому процессу; поддержка предложений, сделанных преимущественно нелояльными партиями и в разрушительных целях, а также объединение с ними практических усилий в ситуации кризиса, падения авторитета правительства, не оставляя ему никакой возможности составить новое большинство — таковы типичные формы поведения непримиримой оппозиции".

Отличить полулояльную (или умеренную) оппозицию — задача в чем-то, видимо, даже более сложная, ибо умеренные занимают более широкие и менее определенные позиции — от неприятия существующего режима и стремления (хотя и не столь безоглядного и радикального, как в случае с непримиримыми) сменить его до принципиального согласия с основными стратегическими установками режима при наличии некоторых расхождений тактического характера. Поэтому в

ряде случаев лидеры умеренных с готовностью идут на участие и тайных сделках и переговорах с непримиримыми, кооперируются в целях организации и проведения совместных акций против правительства. Представители полулояльной оппозиции способны поддерживать, к том числе публично, антисистемные акции непримиримых, не принимая в них непосредственного участия; выступают против использования режимом различного рода санкций, направленных на пресечение противоправных действий. В то же время умеренные (до тех пор, пока они умеренные) против радикальной трансформации или разрушения существующей политической системы, нередко выступают за сотрудничество с ней и стремятся кооптировать в нее своих представителей.

В российской политической ситуации роль умеренной оппозиционной силы в период с середины 1992 до середины 1993 года выполнял блок "Гражданский Союз", выступавший за поиски общественного согласия и компромисса, но отмежевывавшийся от тех действий правительства и президента (либерализация цен, модель проведения приватизации и аграрной реформы, региональная и кадровая политика, внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность и т.д.), которые вызывали ожесточенные атаки со стороны непримиримых и воспринимались "Гражданским Союзом" как чересчур радикальные. Занимая умеренные позиции, ГС одними политическими силами воспринимался как антисистемная, другими — как просистемная организация. Такое, промежуточное положение умеренных, во-первых, существенно затрудняет выявление их численности и реального политического веса, во-вторых, содержит в себе возможность их эволюции в принципиально различных направлениях.

Вообще сам выход полулояльной оппозиции в качестве правящей силы на политическую сцену нередко рассматривается политологами как свидетельство углубления кризисных тенденций в обществе, ибо укрепление умеренных может происходить лишь за счет сужения лояльной оппозиции режиму. Еще более опасен для стабильности режима следующий сдвиг — от полулояльной к нелояльной оппозиции, когда умеренные больше не удовлетворяются своим промежуточным положением и переходят к прямой конфронтации с режимом. Один из вариантов такого развития событий может быть связан с попытками правящей силы монополизировать популярные в обществе лозунги после прихода к власти. Испанские республиканцы, например, использовали лозунг "республика для республиканцев", сужая возможности заключения компромисса с другими политическими движениями и тем самым подготавливая приход Франко. "Демократическая Россия", укрепившаяся у власти в России после августовского путча 1991 года, хотя и не использовала в своей деятельности лозунг "демократия для демократов", нередко упускала возможности компромиссного раз

решения кризисных ситуаций, предпочитая им путь конфронтационных, силовых решений. В этих условиях большинство шагов правительства и президента — будь то денежная реформа июля 1993 года или вынужденная отставка таких представителей власти, как Ю. Скоков и В. Баранников, не могли не стимулировать укрепления позиций полулояльных и нелояльных политических сил. Так или иначе, но выход из кризиса возможен, если умеренные трансформируются в лояльную, а не непримиримую режиму оппозицию.

Остается рассмотреть вопрос, как можно охарактеризовать лояльную оппозицию политическому режиму? Каковы ее отличительные характеристики? Поясним их на примере лояльной оппозиции демократическому режиму. Уже цитированный нами Х. Линц выделяет десять основополагающих характеристик такой оппозиции (22):

1) безусловное признание того, что власть может достигаться только электоральным путем и непереносимая готовность уступить ее другим участникам политического процесса;

2) ясное и бескомпромиссное отклонение использования насильственных средств в процессе достижения или удержания власти, исключая те случаи, когда речь идет о конституционной защите существующего строя;

3) отказ от любого неконституционного использования вооруженных сил в целях достижения власти или ее защиты от претензий нелояльной оппозиции;

4) недвусмысленный отказ от риторики насилия, используемой для мобилизации сторонников в деле завоевания власти, а также для нанесения ущерба политическим оппонентам, включая не- и антидемократов. Защита демократии должна вестись в конституционных рамках, без апелляции к эмоциям народных масс;

5) обязательство участвовать в политическом процессе, выборах, парламентской деятельности и способствовать созданию условий, способных содействовать гарантиям необходимой гражданской свободы. Иными словами, здесь реализуется одна из важнейших процедур парламентской демократии, когда не только меньшинство обязано с уважением относиться к решениям большинства, но и большинство обязано считаться с мнением и правами меньшинства;

6) принципиальная готовность взять на себя ответственность за управление обществом или составить большинство, когда невозможно создать альтернативное правительство из числа представителей партий системной ориентации. Эта готовность — результат ответственности лояльной оппозиции за поддержание политической стабильности и управляемости в обществе, которые в противном случае были бы поставлены под угрозу;

7) готовность присоединиться к идеологическим оппонентам, если это будет способствовать выживанию демократического порядка. Та

кая готовность в ряде случаев может идти вразрез с политическим поведением идеологических союзников, которые не стремятся к спасению демократии любой ценой и потому не могут считаться лояльной оппозицией режиму;

8) отказ вступать в тайные контакты с непримиримой оппозицией и получать ее поддержку в обмен на терпимость по отношению к антидемократическим действиям, Для лояльной оппозиции характерно стремление оградить себя от сотрудничества с партиями и движениями антисистемной ориентации;

9) готовность объявить иллегитимной любую деятельность оппозиции или вооруженных сил, направленную на свержение законно избранного правительства;

10) принципиальная установка на снижение политической роли нейтральных центров власти, не связанных непосредственно с электоральным процессом (институтов президентства, королевства, судебных органов, вооруженных сил).

Таковы основные представления о лояльной оппозиции правительственным действиям, Нет необходимости доказывать, что своим поведением лояльная оппозиция способствует мирной и относительно безболезненной трансформации политического режима, если последний способен воспринимать конструктивную критику. Примером лояльной оппозиции режиму в российских условиях, по-видимому, могут служить предвыборные блоки демократической ориентации, возникшие в преддверии декабрьских 1994 года парламентских выборов (Блок Явлинского—Болдырева—Лукина; Партия Российского Единства и Согласия; Движение Демократических Реформ), выступавшие за корректировку реформ Ельцина—Гайдара, но в согласии с принципами либеральной экономики; подвергавшие критике ноябрьский проект Конституции, но критике более умеренной, нежели лидеры "Гражданского Союза" и коммуно-патриотической оппозиции; осуждавшие многие из политических позиций "Выбора России", но согласившиеся вступить с ним в коалицию и на региональном уровне поддержать выигравших кандидатов совместно.

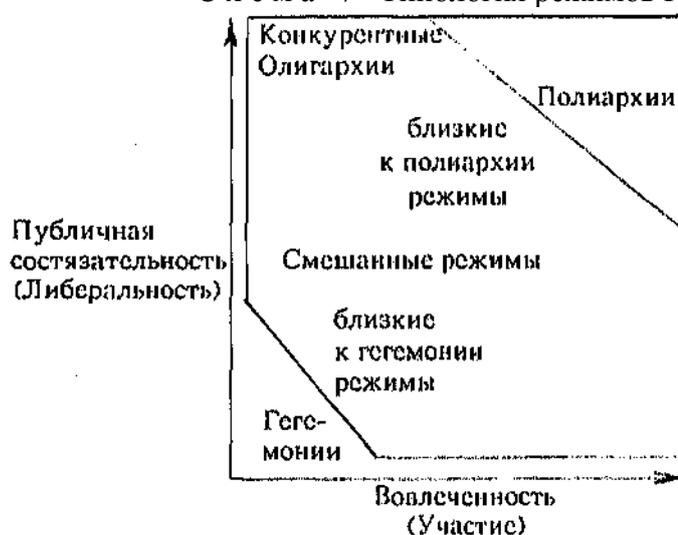
Конечно, на практике отличить лояльную оппозицию от полу- и даже нелояльной довольно сложно. Динамика функционирования политического режима делает неустойчивыми имеющиеся между ними границы, совершенно размывая их во времена кризиса. Но сама методология разделения оппозиций (демократических, националистических, религиозных и других) по уровню их лояльности политической системе, думается, способна помочь разобраться в том, какова структура и варианты эволюции рассматриваемого политического режима.

Типы взаимодействия режима и оппозиции

В зависимости от характера политического режима, степени его гибкости и восприимчивости переменам извне и изнутри, а также от характера и ориентации оппозиции, могут быть выделены различные модели взаимодействия режима и оппозиции.

В данной связи воспользуемся типологией политических режимов, разработанной Робертом Далем и его известной работе "Полиархия" (23). Даль использовал в своей классификации два критерия — степень либеральности режима, или его способность обеспечить публичную соревновательность в борьбе за власть и уровень вовлеченности граждан в политический процесс (см. схему 7). Первый критерий определяется степенью открытости политических институтов, а также гарантиями, позволяющими членам политической системы претендовать на управление обществом. Второй критерий определяет общую численность взрослого населения, являющегося участником политического процесса и способного на относительно равной основе контролировать правительственную деятельность. Таким образом, первый критерий объясняет, какие имеются возможности для участия и политической деятельности (в том числе, и для оппозиции), а второй — каким образом эти возможности практически используются.

С х е м а 7 Типология режимов Роберта Даля

* Ист.: Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition, New Haven, I., 1971.

На основе данных критериев Даль выделяет три типа режимов: гегемония, полиархия и смешанный режим (24). Гегемонии отличаются крайне низкой степенью вовлеченности граждан в политический процесс, не обеспечивая для этого каких-либо институциональных возможностей. Полиархии наоборот представляют режимы, обеспечивающие граждан всей полнотой участия в политической деятельности. Гегемонии и полиархии — скорее идеальные типы, нежели реально существующие режимы. Они встречаются в реальной политике, но еще более часты смешанные режимы, представляющие собой самые различные варианты пересечения выделенных критериев. Одним из примеров смешанных режимов могут служить конкурентные олигархии, в которых институты политического участия используются лишь узкоэлитарными группировками.

Данная типология позволяет выделить, по меньшей мере, три модели взаимодействия режима и оппозиции.

В условиях гегемонии формируется жесткая модель взаимодействия правительства и оппозиции. Режим запрещает любую оппозицию и делает все возможное для ее полного искоренения. Причем, возможности возникновения критических настроений искореняются не только вне-, но и внутри правящей партии, как это было, например, в случае с коммунистическими партиями в СССР и Восточной Европе, построенными в соответствии с жесткими принципами "демократического централизма". Граждане таким образом полностью отчуждены от политики и идеологии правительства, от возможностей контролировать социальные, экономические и политические структуры. Поэтому оппозиция, если ей и удается выжить в таких условиях, существует на нелегальном положении и не может не быть нелояльной режиму. Жесткий режим не в состоянии определить, какая оппозиция представляет для него угрозу, а какая является "безопасной". Поэтому принципиальной линией его поведения, пишет Даль, оказывается следующая: "не должно проводиться никаких различий между приемлемой и неприемлемой оппозицией, между лояльной и нелояльной оппозицией, между оппозицией, права которой следует защищать и оппозицией, подлежащей репрессированию". Но если любая оппозиция рассматривается как потенциально опасная и подлежащая репрессиям, развивает Даль свою мысль, то и любая, даже потенциально лояльная оппозиция неизбежно трансформируется в нелояльную. А раз так, то любая оппозиция превращается в условиях гегемонии в потенциально нелояльную, и, следовательно, с точки зрения режима должна быть уничтожена.

Совершенно иначе строятся отношения режима и оппозиции в условиях полиархии. В тех случаях, когда в полиархии относительно

благополучно разрешаются характерные для нее проблемы достижения социального равенства и преодоления конфликтных тенденций, оппозиционные партии и движения выступают преимущественно как лояльные режиму. Но полиархии — системы исключительно гибкие, подвижные, восприимчивые к переменам. Поэтому критическая масса лояльной оппозиции режиму отнюдь не всегда остается постоянной. Число ее представителей может меняться в зависимости от успеха в решении возникающих перед обществом проблем. Если такие проблемы (связанные, например, с технологической перестройкой производственных структур) разрешаются, задевая интересы незначительной части населения, то режим опирается в своих действиях на широкую социальную коалицию, и в обществе сохраняется идейно-политическое единство (см. схему 8.).

С х е м а 8

Зависимость идейно-политического единства общества от степени лояльности режиму социальных общностей*

Степень идеологизации Степень лояльности	Идейно-политическое единство	Идейно-политическая поляризация (би-поляризация)	Идейно-политическая фрагментация
Широкая коалиция		————— —————	
Узкая коалиция			
Частичная изоляция			
Полная изоляция			

Значительно сложнее сохранить такое единство в переходных условиях, когда в основном создаются различного типа смешанные режимы. В таких условиях нередко происходит сужение социальной опоры правительственной политики. Соответственно и оппозиция, представляя определенные социальные интересы, меняет свое отношение к режиму от лояльности к полулояльности. Еще сложнее сохранить социальную интегрированность в обществе, если режим никак не принимает в расчет интересы значительных социальных слоев и представ

* Ист.: Хрусталева М.Л. Теория политики и политический анализ. М., 1991. С. 87.

ляющих их интересы оппозиционных партий. Режим в таком случае оказывается поставленным в положение частичной изоляции от общества, а оппозиция все больше трансформируется в защитницу общественных интересов и становится все менее лояльной по отношению к политике власти. Находящееся в таких условиях общество оказывается в состоянии идейно-политической поляризации, что чревато его фрагментацией и даже полным распадом.

Таким образом, отношения режима и оппозиции в условиях смешанных режимов отнюдь не безоблачны. Это относится ко всем смешанным режимам, в том числе близким по своим структурным характеристикам к демократиям. Но сказанное особенно справедливо в отношении демократий олигархического типа, когда часть демократических институтов установлена, но все еще не укоренена социально — не были созданы адекватные социальные и экономические связи, структуры гражданского общества. Характерный пример — российская ситуация, возникшая после распада СССР с установлением нового политического режима. Структура имеющихся здесь социальных и экономических интересов далека от совпадения с возникшими в 1992-93 гг. политическими структурами, созданными для артикуляции и объединения этих интересов. Проблемы, стоящие перед обществом, сложны и беспрецедентны, и режим не отваживался на серьезные усилия по их решению, подчинял свою деятельность не столько логике системного реформирования, сколько логике аккумуляции политической власти. Между тем, сложность и запущенность ситуации нередко не оставляют властям иного выбора, а тенденции идейнополитической поляризации в случае промедления властей имеют свойство набирать силу уже вне зависимости от реформаторской решимости правящего режима.

3. СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Структура политического режима может и должна рассматриваться не только с точки зрения взаимодействия правительства и оппозиции, но и в аспекте того, каков "конечный результат" такого взаимодействия. Иначе говоря, какие решения принимаются и каков механизм их принятия. Такой угол зрения позволяет проанализировать режим непосредственно с точки зрения его способности эффективно и мобильно решать возникающие перед обществом задачи. В данном случае рассмотрение его структурных элементов будет всецело подчинено тому, как, через какие механизмы и социальные группы, преодолевая сопротивление каких факторов режим принимает решение и проводит его в жизнь, как оценивает эффективность решения по прошествии

определенного времени. Анализируя процесс принятия решений, можно не только выявить структурные характеристики политического режима, но и понять, каков алгоритм их взаимодействия и согласованного функционирования. Поэтому наблюдатель режима в данном случае способен, используя музыкальную аналогию, воспринимать мелодию всего оркестра, а не только его отдельных инструментов — скрипок, контрабаса или трубы.

Базовые институты: лидер — элита — бюрократия — группа

Несомненно, что политические решения принимаются с опорой на институты, располагающие информацией и иными необходимыми ресурсами. Однако среди политологов ведутся продолжительные дискуссии относительно того, кто конкретно несет основную ответственность за принятие решения — лидер, его ближайшее окружение, бюрократия или заинтересованные группы. В этой связи выделяется ряд концептуальных подходов.

Плюралистическая теория рассматривает принятие решений как результат конкурентной борьбы между существующими в обществе силами, в основном, между партиями и заинтересованными группами. Эти группы ("группы давления") действуют относительно автономно и в целом способны оказывать влияние на процесс принятия решений. В то же время, возможности этих групп в зависимости от ресурсов, которыми они располагают, весьма различны. Одно дело — представители крупного бизнеса, способные вкладывать значительные финансовые средства для получения требуемой им поддержки, другое дело — группы, располагающие существенно более скромными возможностями лоббирования.

Развивая эти позиции, представители элитистской теории приходят к более радикальному выводу — о невозможности принятия политических решений демократическим путем. С этой точки зрения, элита, т.е. представители высших слоев общества, занимающие в нем ключевые позиции, во всех ситуациях принимают решения самостоятельно, подчас не считаясь с интересами широких общественных слоев. Один из крайних вариантов элитизма — концепция "заговора", будь то финансовых воротил или всемирного масонства.

Отчасти схожей по аргументации является теория бюрократического принятия решений, согласно которой бюрократия, в силу присущих ей экспертных функций, оказывается способной узурпировать функции элиты и трансформировать решения в своих собственных интересах. Именно бюрократия, согласно такой позиции, оказывается главным социальным агентом в принятии и, особенно, реализации политических решений. В классической теории эта позиция восходит

к размышлениям К. Маркса и М. Вебера. Первый был убежден в буржуазной природе бюрократии, переводя борьбу с бюрократией в плоскость борьбы с буржуазией. Второй полагал, что бюрократия характерна для любого государства и противостоять ей в состоянии только сильный харизматический лидер, обращающийся за поддержкой своих действий непосредственно к народу, "через голову" бюрократии. В этих рассуждениях коренятся идеи и концепции политического лидерства, в частности, харизматического типа.

Несомненно, что лидер играет не последнюю роль в политических решениях. Однако роль эта не может быть одинаковой по всех случаях. Даже если лидер имеет достаточно четко очерченные законом полномочия, он способен в силу своих личностных качеств добиваться большего (или, наоборот, меньшего) в рамках этих полномочий. Примером активного лидерства может служить, например, деятельность Ф. Рузвельта в период реализации его "Нового курса" или М. Горбачева на начальном этапе его пребывания в должности Генерального секретаря, а затем и Президента СССР.

Каждая из этих позиций по-своему уместна и помогает понять специфику функционирования различных политических режимов. Ведь вполне очевидно, что не существует ни одной пары совершенно идентичных, одинаково функционирующих режимов. В одних случаях следует говорить о первоочередности влияния элиты и бюрократии, как, например, в ситуации с брежневским правлением. В других, как, скажем, при Сталине, очевидна решающая роль лидера и его способность осуществлять единоличное правление. Кроме того, важно иметь в виду, что в ситуации стабильности ослабление лидерского потенциала ("рутинизация харизмы", говоря словами Вебера) более вероятно, чем в ситуации глубокого кризиса.

Принятие решений

Механизм принятия политических решений различен в каждом обществе. Но в каждом обществе он подразумевает наличие сходных элементов и стадий. Важность решений трудно переоценить. Любое решение обозначает собой определенный рубеж в политическом процессе, способствуя тем самым упорядочению политической жизни. Можно сказать, что политический процесс состоит из решений, не существует вне решений и является, по-существу, непрерывной цепью различных решений. Поэтому и сами решения было бы неверно рассматривать как единовременный акт. В политологии принято анализировать решения как некоторый процесс, выделяя стадии их разработки, непосредственно принятия и реализации. При этом само решение чаще всего определяется как "акт выбора среди возможных альтернатив в преодолении затруднительной ситуации" (25).

Далеко не всегда решение принимается рационально, с учетом всех возможных последствий и альтернатив. Например, в условиях недемократических систем нередки ситуации, когда решение принимается импульсивно, под влиянием эмоций лидера. Вообще фактор личности играет огромное значение в условиях тоталитарно-авторитарных режимов. Авторитарный лидер располагает всей полнотой власти, создавая и перестраивая "под себя" всю политическую систему, создавая свои собственные правила игры и политического поведения. В случае успеха может возникнуть ситуация, когда вся система будет работать в соответствии с иррациональными принципами. Советская политическая система, по крайней мере, при И. Сталине, во многом была построена в соответствии именно с такими принципами. Харизматический лидер, каким был Сталин, руководствовался лишь своим собственным пониманием ситуации и далеко не всегда был способен принять оптимальное решение. Яркий пример неадекватности сталинских решений — репрессии ценных военных кадров (таких, как маршал Тухачевский) накануне войны, а также игнорирование донесений военной разведки о готовящемся нападении на СССР. Поэтому теория рационального выбора, о которой мы упоминали в первой главе, весьма ограничена в возможностях объяснять и предсказывать характер политических решений в недемократических обществах.

Тем не менее, даже в условиях недемократических, жестко авторитарных режимов существуют процедуры, имеющие универсальное значение и действующие в рамках любой политической системы. К ним относится, прежде всего, учет поступающих к ЛПР* информационных массивов. Информация играет огромную роль в принятии оптимального решения. Вообще решающими в принятии правильного и рационального решения можно считать два фактора — наличие полной, достоверной, умело организованной информации и необходимого запаса времени. В том случае, когда отсутствует хотя бы один из этих факторов, возникает ситуация кризиса, в которой различные лидеры действуют по разному, в соответствии с имеющимся у них личностным потенциалом. Если этот потенциал значителен, то решение в любом случае будет нести на себе заметный отпечаток личности лидера. "В кризисных ситуациях, — замечает Х. Линц, — лидерство или даже просто присутствие личности, наделенной уникальными качествами и свойствами — как, например, Ш. де Голль — может оказаться решающим и не в состоянии быть предугадано никакой теоретической моделью" (26). Однако, если потенциал лидера недостаточен, то решение скорее всего будет принято в опоре на сложившиеся ценностные ориентации и организационные структуры. Нельзя исключать, что при этом решение окажется правильным, однако, очевидно, что в данном

* ЛПР — личность, принимающая решение.

случае личностный выбор будет подавлен имеющимися традициями и стереотипами.

Роль, которая принадлежит лидеру в принятии политических решений, должна обсуждаться специально, т.к. возникающие здесь вариации могут быть самыми различными. Поэтому мы используем лишь одну из распространенных в политической науке типологий лидерства, способную продемонстрировать, сколь существенно может различаться роль лидера в принятии решений, а следовательно, и в функционировании политического режима. Ее автор, Джеймс Барбер, сформулировал теорию "президентского характера" (27), которая может быть суммирована следующим образом. Каждый лидер обладает своим уникальным характером, собственным набором качеств и характеристик, которые могут быть сведены к двум основополагающим измерениям. Первое измерение, или шкала — "активный—пассивный" — помогает понять, каким образом и в какой степени лидер вовлечен в свою работу. Какова длина его рабочего дня? Отвлекается ли он от проведения отпуска, чтобы выполнить свои служебные обязанности? Занят ли он поисками новых сфер приложения своей энергии? Стремится ли к самостоятельному выполнению тех задач, которые в ином случае могли бы быть возложены на плечи подчиненного ему персонала? Вторая шкала — "позитивный—негативный" — помогает понять не только степень и отличительные характеристики, но и внутреннее отношение, источники работоспособности лидера. Позитивная ориентация означает, что лидер получает удовольствие в процессе своего труда. Трудно избавиться от ощущения, пишет Барбер, что президенты типа Ф. Рузвельта, Г. Трумэна или Дж. Кеннеди, по крайней мере, в относительно благоприятные периоды своей деятельности, действительно наслаждались своим пребыванием в должности.

С х е м а 9 Типология президентского характера

Тип	Примеры
1. <i>Активный—позитивный</i>	Франклин Рузвельт, Гарри Трумэн, Джон Кеннеди
2. <i>Активный — негативный</i>	Вудро Вильсон, Герберт Гувер, Линдон Джонсон, Ричард Никсон
3. <i>Пассивный — позитивный</i>	Уильям Говард Тафт, Уоррен Хардинг
4. <i>Пассивный—негативный</i>	Кальвин Кулидж, Дуайт Эйзенхауэр

* Ист.: Hagopian M.N. Regimes, Movements, and Ideologies. A Comparative Introduction to Political Science. N.Y., L., 1978. P. 95.

Изучая деятельность американских президентов и объединив два упомянутых измерения, Барбер получил следующую типологию президентского характера (см. схему 9).

Наиболее благоприятной для президентства Барбер считал комбинацию "активный—позитивный", наиболее неблагоприятной — "пассивный—негативный". Для активно-позитивного президента характерны такие качества, как способность убеждать и своей правоте окружающих, умение учиться и извлекать уроки из происходящего вокруг него, реализм и способность предвидения, гибкость и коммуникабельность. Легко убедиться в том, сколь значительным может быть влияние такой личности на политическую ситуацию, на характер политического режима. По этому поводу уместно вспомнить пример, который приводит другой американский исследователь Ф. Гринстайн (28)

В президента Ф. Д. Рузвельта, избранного в феврале 1933 г., но еще только вступившего в должность, была направлена пуля убийцы. Женщина из толпы отвела руку стрелявшего, и пуля не задела Рузвельта. В следующем месяце Рузвельт приступил к выполнению своих обязанностей. Его новаторское лидерство немедленно привело в действие реформаторские программы "нового курса", которые изменили не только функции, но и саму структуру американского правительства. А что, если бы, задается Гринстайн вопросом, пуля убийцы достигла цели?

В этом случае место Рузвельта занял бы его вице-президент, находившийся на данном посту в течение двух сроков, бывший тexasский конгрессмен Джон Нанс Гарнер. Гарнер был консервативом. Рузвельтовский дух инноваций был ему абсолютно чужд. И хотя Гарнер, вероятно, отреагировал бы на возникшую зимой 1933 г. бедственную экономическую ситуацию, невозможно даже представить, чтобы он инициировал политические изменения того характера и масштаба, которые инициировал Рузвельт. Скорее, по мнению Гринстайна, можно предположить, что президентство Гарнера было бы до такой степени невосприимчивым к кризисным временам, что его результаты изменили бы весь ход американской истории, приведя к крушению демократии, сходному с тем, которое имело место в те же годы в Германии и Испании.

Таким образом, лидерство призвано играть уникальную по своей важности роль в политике. Однако, как уже было замечено ранее, природа любого политического режима не исключает, а, напротив, предполагает, что решения осуществляются в соответствии с определенными принципами и этапами. Иными словами, ответственные политические решения, как правило, принимаются и осуществляются на основе отработанного механизма. Рассмотрим это на примере рации

налистской модели стадий принятия решений, которую приводит М.Н. Хагепан*. (См. схему 10.)

С х е м а 1 0

<i>1. Определение проблемы.</i>	ЛПР четко определяет границы проблемы, ее начало и конец, а также, то, чего он хотел бы добиться и результате решения проблемы.
<i>2. Поиски информации.</i>	Получив ясное представление о проблеме, ЛПР собирает специальную информацию, которой он не располагает для решения проблемы.
<i>3. Оценка альтернатив.</i>	Имея ясное представление о поставленных целях и усвоив всю необходимую информацию об имеющихся препятствиях на пути к ее достижению, ЛПР получает возможность следовать несколькими альтернативными курсами.
<i>4. Выбор наилучшей из альтернатив.</i>	После взвешивания недостатков и достоинств каждой из возможных альтернатив осуществляется выбор наиболее экономичной и эффективной из всех.
<i>5. Реализация.</i>	На этом этапе ЛПР может заняться разработкой субстратегических (тактических) приемов по достижению основной цели и ее непосредственному поэтапному осуществлению.
<i>6. Корректировка.</i>	В ходе реализации решения ЛПР получает живое представление о том, как работает запущенный процесс. На этом этапе он может вносить некоторую корректировку в принятое решение, хотя, по мнению рационалистов, 1 — 4 стадии позволяют свести такую корректировку к минимуму.

насчитывал семь таких стадий: разведка, позволяющая собрать необходимую информацию; рекомендации, позволяющая увидеть весь спектр имеющихся альтернатив; предписание, или авторитетный выбор одной из альтернатив; рассмотрение условий ее реализации; непосредственная реализация альтернативы, нередко с использованием административного или принудительного аппарата; оценка эффективности принятого решения и, наконец, истечение срока принятого решения. Э. Дауне выделял шесть таких стадий (см. табл. выше). В целом для первоначального рассмотрения вопроса может быть использована и более простая и достаточно универсальная схема, включающая в себя три основных этапа: 1) разработка, т.е. ознакомление с возникшей проблемой, оценка ее качественных особенностей и перспектив, взвешивание и учет имеющихся альтернатив; 2) непосредственно принятие решения, или выбор из числа имеющихся альтернатив, сопровождающийся утверждением соответствующих законопроектов и подготовкой финансовых и иных ресурсов для осуществления сделанного выбора; 3) исполнение, или реализация принятого решения и оценка его эффективности по истечении определенного срока времени. В различных обществах могут быть различными характер и способы получения информации, уровень разработки решения, стиль его принятия, даже порядок основных этапов, однако общая структура, механизм принятия решений являются универсальными в своем использовании.

Осуществление решений и оценка их эффективности

Таким образом, принятие любого решения представляет собой некоторый процесс, в рамках которого могут быть выделены этапы и совокупность функциональных институтов (структура). Первое измерение позволяет проанализировать решения с точки зрения длительности их осуществления, второе — с точки зрения их внутренней организации. В первом случае выделяют стадии принятия решений, во втором — обращают преимущественное внимание на взаимодействие управляющих структур (исполнительных, т.е. правительства и бюрократии; законодательных и судебных). Не слишком строгое понятие "механизм", по-видимому, объединяет в себе оба измерения.

После непосредственного принятия решения возникает проблема его практической реализации. И если принятие решения предполагало всестороннее обсуждение проблемы, учет всех влияющих или способных повлиять на ее решение факторов, а следовательно, в значительной степени находилось в сфере компетенции законодательных и консультирующих лидера структур, то осуществление решения целиком подчинено действию исполнительных органов и нуждается не только в нормативной основе их деятельности, но и в соответствующих фи

нансовых вложениях. Таким образом, для эффективного решения проблемы недостаточно, чтобы само решение было легитимным, т.е. признанным основными общественными слоями и правящими группами. Предполагается, что такая легитимность достигается на начальных этапах принятия решения, когда в предложении альтернатив принимают участие все влиятельные в обществе силы, а сам выбор одной из альтернатив является результатом согласования всего набора имеющихся интересов и позиций. Не менее существенно, чтобы такое согласование предусматривало необходимые финансовые ассигнования.

Приведем один пример из недавнего российского прошлого. Эксперимент по демонтажу административной экономики после известных событий в августе 1991 года осуществлялся, во-первых, с опорой на огромный в то время авторитет президента Б. Ельцина, во-вторых, с учетом мнений и советов квалифицированных специалистов в области макроэкономики в стране и за рубежом. Однако уже к концу 1993 — началу 1994 года множество специалистов заговорило о том, что эксперимент этот едва ли удался. Коротко перечислим цели, ставившиеся реформаторами: создание реального и открытого рынка товаров и услуг, который возникает в результате либерализации цен, неуклонно ведущей к их стабилизации и постепенному росту покупательной способности населения; создание реальных стимулов для деловой активности промышленных предприятий и избавление от избыточной рабочей силы, т.е. неизбежные банкротства и определенный уровень безработицы; стабилизация цен и обменного курса. Е. Гайдар считал возможным решение этих задач в течение одного—двух лет, однако по прошествии двух лет было вполне очевидно, что из поставленных целей успешным, да и то лишь отчасти, можно было считать достижение первой из них — наполнение полок магазинов товарами первой необходимости. Можно также с оговорками признать, что у предприятий в условиях нависшей над ними угрозы закрытия появились определенные стимулы активности, однако к отмеченному периоду они не привели, как ожидалось, ни к безработице, ни к увеличению ВВП.

Причины неудачи российского варианта "шоковой терапии" могут оцениваться по-разному (29). Возможно справедливы и оценки экономистов, считающих, что даже в таком варианте "шоковая терапия" подтолкнула движение российской экономики в рыночном направлении. Но нельзя не видеть другого: принятое реформаторами на начальной стадии решение оказалось плохо подготовленным с точки зрения анализа имеющихся ресурсов, прежде всего материальных, финансовых. В этом причина того, что подобно известной программе "500 дней" программа поставгустовских реформ оказалась трудноосуществимой. Не был продуман социальный механизм реализации принятых решений. Советские реформаторы, как, например, Хрущев или Косыгин,

привыкли в реализации решений опираться на партийно-советский аппарат, на сросшуюся между собой политическую и экономическую бюрократию. Очевидно, что эта сила является наиболее могущественной и в постсоветское время. Предпринятая Гайдаром попытка игнорировать или просто недооценить мощь этой силы не могла завершиться успешно. Таким образом, поставгустовский режим оказался во многом экономически неэффективным, неверно оценив имеющиеся в его распоряжении ресурсы и не будучи в состоянии осуществить принятые экономические решения.

4. РЕСУРСЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ РЕЖИМА

Мы выяснили, что одним из ключевых элементов в функционировании политических режимов является наличие достаточных ресурсов, мобилизация которых создает необходимые условия для достижения поставленных целей. И если среду принято рассматривать как нечто, оказывающее влияние, то ресурсы позволяют режиму не столько испытывать влияние на себе, сколько оказывать его на общество. Использование, или мобилизация ресурсов позволяет режиму интегрировать общество перед необходимостью решения назревших задач.

Фактически оценка имеющихся ресурсов, совокупного потенциала, которым при определенных условиях может располагать режим, входит в рассмотренный только что процесс принятия решений. Однако этот вопрос несомненно заслуживает специального рассмотрения. Ясное представление о том, какие ресурсы находятся в распоряжении правящей группировки, в значительной степени определяет правоту проведенного анализа и правильность сделанных на его основе выводов о политическом будущем того или иного общества. Приведем один конкретный пример.

Западная, и в особенности американская, политическая наука известна своей скрупулезностью, своей эмпирической ориентацией, склонностью к теоретическим обобщениям лишь в тех случаях, когда они почти с необходимостью вытекают из исследованного эмпирического материала. Однако большинство представителей одного из самых влиятельных направлений этой науки — советологии, не сумело адекватно предсказать сроки жизнеспособности советской системы. Они были убеждены в том, что в ближайшие десятилетия эта система сохранит свою мощь и стабильность. Некоторые же, как, например, Дж. Кирпатрик, уверовали в абсолютную неизменность застывших форм "тоталитаризма". Меньшинство же советологов допускало, что перемены возможны и даже неизбежны. Но никто, по-видимому, не пред

полагал, что ресурсы этой системы исчерпаны до такой степени, что, создаваясь десятилетиями (а в каких-то своих характеристиках, и столетиями), она рухнет в считанные годы, как это произошло в августе 1991 года.

Ресурсы жизнеспособности режима могут подразделяться по различным основаниям. Г. Биннендикк, например, сформулировал комплексную типологию факторов (которые могут быть рассмотрены и в качестве ресурсов), оказывающих непосредственное влияние на политический режим и потенциально способствующих его изменению. Он выделил семь таких факторов: 1) физический и духовный потенциал лидера; 2) военное состояние и боеспособность режима; 3) положение дел в экономике; 4) уровень социальной напряженности в обществе, способный отделить персонального носителя власти от народа; 5) прочие социальные факторы, способствующие параличу власти (масштабы коррупции в структурах власти, убийства или изоляция ключевых фигур политической оппозиции); 6) наличие политической коалиции на антиправительственной основе; 7) настроения в армии (30).

Существуют и значительно более сложные модели и классификации ресурсов. Важно осознавать, что никакого единообразия в этой области существовать не может — в зависимости от подхода, которого придерживается исследователь, он выбирает при анализе в качестве приоритетных одни ресурсы и пренебрегает другими. Если же попытаться свести имеющиеся объяснительные образцы политической стабильности в относительно единую схему, то она будет достаточно громоздкой и неоперациональной. Эту работу проделали Стефен Андриоль и Джеральд Хоппл в своей работе "Революция и политическая нестабильность" (31). Их схема содержит в себе несколько уровней и подуровней. При этом первый из таких уровней выделяется авторами в зависимости от того, как выделяются ресурсы — как национальные или как международные. Национальные ресурсы далее подразделяются на экономические (краткосрочные и долгосрочные, такие, как уровень развития, социального неравенства и показатели роста); социетальные (масштабы расслоения, восприимчивость к модернизации и др.); степень политического развития (демократизация, устойчивость политических институтов); уровень легитимности и эффективности центральной власти; психологическое состояние общества (уровень фрустрации, предрасположенность к насилию и агрессии, способность внимать лидерам-демагогам); состояние элиты (уровень стабильности элиты, масштабы репрессий, позиции и убеждения). В свою очередь международные, или эстранациональные ресурсы включают влияние и вмешательство (конфликты, войны и виды экономической зависимости).

Рассмотрим несколько более подробно материально-силовые и духовно-психологические ресурсы. Это необходимо не только потому, что, в конечном итоге, к ним могут быть сведены все остальные виды ресурсов, но и потому, что недооценка либо духовно-психологических, либо материально-силовых ресурсов является одной из самых распространенных ошибок политического анализа.

Материально-силовые

К материально-силовым ресурсам чаще всего относят военную боеспособность и экономическую эффективность режима. Эти два фактора тесно связаны друг с другом: военная мощь не является очевидной, если экономика страны полуразрушена или находится в состоянии стагнации. К этой же группе могут быть отнесены демографические и географические ресурсы, которым в определенных ситуациях может принадлежать ключевая роль. Островное положение, лесистая или пустынная местность являются, например, несомненным преимуществом для тех, кому предстоит защищаться от наступления противника и для кого эти условия ведения боя являются предпочтительными. Джунгли, тропический климат, болотистая местность Вьетнама были далеко не единственной причиной поражения США в войне в 60-е гг., но они вне всяких сомнений сыграли в нем заметную роль.

В мирное же время экономическим ресурсам принадлежит определяющая роль в стабилизации режима (32). Устойчивые темпы экономического роста, увеличивающаяся прослойка среднего класса, низкий уровень инфляции и безработицы, конвертируемость национальной валюты — все это является очевидным показателем того, что серьезная опасность режиму в ближайшее время не угрожает. Яркое тому подтверждение — стабильность западных демократических режимов.

Конечно, для того, чтобы экономические ресурсы могли действительно выполнить задачу стабилизации режима, необходимо некоторое время. По словам Р. Даля, демократия будет вполне стабильной после того, как она просуществует беспрерывно около двадцати лет.

Свой срок стабилизации необходим и для авторитарных режимов, которые до определенного времени также могут быть весьма эффективными в экономическом отношении. Сталинский режим в 30—40-е гг., южно-африканский режим в 60-е—первой половине 70-х гг., иранская модернизация Реза Пехлеви-младшего продемонстрировали подчас беспрецедентно высокие темпы экономического роста (от 6 до 30% в год), что сыграло свою роль в достижении свойственной им в эти годы общественной стабильности. Экономические ресурсы по-разному влияют на стабилизацию авторитаризма и демократии. Если, например,

низкая инфляция и безработица обладают и известном смысле универсальной значимостью, то показатели грамотности населения далеко не относятся к числу универсальных. И если демократия лишь укрепится в результате распространения знаний и информационной открытости, то в условиях авторитаризма растущая грамотность может рассматриваться как ресурс поддержки лишь с рядом оговорок. Скажем, советским гражданам в сталинскую эпоху несомненно требовался определенный уровень грамотности для чтения газет и впитывания в себя тех пропагандистских формул, которые навязывались режимом. Но здесь же содержалась и определенная опасность для самого режима, ибо тяга к чтению имеет тенденцию порождать тягу к знаниям, а значит и к размышлениям, рефлексии, критичности восприятия любых (в том числе, навязываемых режимом) авторитетов. В этой связи надо отметить, что экономическое развитие делает демократию возможной (33), хотя это не означает, что ресурсы экономического развития во всех случаях будут использованы для дела демократии. Существует немалое количество богатых с точки зрения темпов роста и душевого исчисления ВВП стран (таких, например, как Кувейт, Саудовская Аравия, Ливия, ОАЭ, Оман или Ирак), политическая система которых далека от демократических стандартов.

Корреляция богатства и политических устройств находилась в поле зрения многих исследователей. Большинство из них склоняется к выводу, что экономическое богатство и развитие характерно скорее для демократических, чем авторитарных режимов. Значительный эмпирический материал для обоснования этого вывода собрал, например, С.М. Липсет (34). Убедительно иллюстрировал эту позицию Хантингтон. В 1989 г., писал он, Всемирный Банк насчитал 24 страны с "высоким" уровнем дохода на душу населения (от 6.010\$ в Испании до 21.330\$ в Швейцарии). Из них лишь три страны, являвшиеся нефтеэкспортерами (Саудовская Аравия, Кувейт и ОАЭ), были в то же время недемократическими. С другой стороны, "бедными", по подсчетам Банка (от 130\$ в Эфиопии до 450\$ в Либерии) оказались 42 страны. И лишь две из них (Индия и Шри-Ланка) действительно имели значительный опыт демократического развития. Среди же "средне-развитых" стран (от Сенегала с 520\$ до Омана с 5.810\$) оказалось 23 демократии, 25 недемократий и 5 стран, находившихся в состоянии политического перехода (35). Таким образом мы видим, что экономическое развитие является важным фактором в движении к демократии и, по-видимому, ресурсом, несравненно более значимым для демократии, чем для авторитаризма.

Однако, экономические ресурсы, при всей их важности, далеко не самодостаточны в обеспечении режимной устойчивости. Без всякого преувеличения огромная роль принадлежит здесь также факторам ду

ховно-психологического порядка. Это особенно справедливо для недемократических режимов».

Духовно-психологические

Как мы уже сказали, роль духовно-психологического фактора в поддержании жизнеспособности режима часто недооценивается. Между тем, значение этого фактора понимал еще Конфуций, утверждавший, что: "всякое правительство нуждается в хлебе, оружии и доверии людей. В крайних случаях оно может обойтись без первых двух, но никогда без последнего".

Корни недооценки духовно-психологического фактора справедливо усматривают в наследии просветительской эпохи, представители которой, как известно, склонялись к рассмотрению человека как рационального существа. Этот взгляд унаследовал и марксизм, отводивший в сноси объяснительной схеме основное место экономическим, производственным детерминантам человеческой деятельности. Как это не удивительно, но современная эмпирическая политология, оперирующая сложным набором аналитических методик и инструментов, нередко оказывается заложницей все той же просветительской аргументации. Теория рационального выбора, оказавшая огромное влияние на современную социальную науку, отчасти оказала этой науке плохую услугу — человек как объект анализа подчас переставал восприниматься во всей его сложности, со всеми характерными для него интеллектуальными и психологическими механизмами.

Одним из первых мыслителей, подвергшим просветительскую утопию справедливой и разносторонней критике, был М. Вебер, оказавший огромное влияние на современную социальную и политическую науку. Развиваясь во многом под влиянием Маркса и непрерывно полемизируя с ним, Вебер показал, что структура человеческих мотиваций значительно сложнее экономических интересов. Что не меньшую, а подчас и большую роль здесь играют ценности, формирующиеся у человека всем культурно-религиозным укладом. Что индивидуальный мир формируется под двояким и непрерывно пересекающимся влиянием ценностей и интересов.

Думаем, что этот подход, сформулированный Вебером для исторического анализа восточных и западных обществ, вполне уместен и при изучении ресурсов политического режима. Умение режима мобилизовать в своих целях духовно-психологическую энергию — одна из важнейших основ его стабильности и жизнеспособности, срабатывающая иной раз даже в тех случаях, когда изрядно истощены материальные ресурсы режима. Один из характерных примеров — эксплуатируемые диктаторами националистические чувства населения. Национализм

как идеология апеллирует не к экономическим проблемам общества, а к чувствам униженности и национальной обездоленности, поискам национальной идентичности. Национализм квебекских канадцев или ирландцев в Великобритании может быть объяснен и экономическими причинами, но такое объяснение едва ли будет исчерпывающим. Феномен прихода Гитлера к власти нередко связывают с экономическим кризисом Германии, однако в США, например, подобный кризис не сопровождался приходом национализма к власти. То, что США оказались стабильнее Германии и Ф. Рузвельту удалось осуществить задуманные реформы, правильнее связывать не только с большей гибкостью американской экономики, но и с мультиэтническим характером американского населения, отсутствием (или относительной слабостью) извечной для Европы проблемы национальной идентичности и национального единства.

Важность факторов духовно-психологического порядка очевидна и для демократических режимов, о которых нередко высказываются как об осуществивших общественную интеграцию прежде всего на рациональных основаниях. Американский социолог Л.Бергер писал в своей "Капиталистической революции", что капиталистические, западные общества представляют собой экономическую систему и ничего больше (36). Эти общества созданы на основе стремления к экономическому процветанию и прогрессу, Справедливо, однако, и то, что типы "экономического человека" различаются в различных обществах, что в основе этого различия лежит их культурно-религиозное своеобразие и особенности национального характера. Значение экономических ресурсов, задействуемых демократическими режимами для поддержания своей жизнеспособности, не было бы столь существенным без культурно-психологической удовлетворенности индивида. •

Какие же конкретно факторы могут быть определены как духовнопсихологические? По нашему мнению, эти факторы могут быть разделены на две основные группы. Во-первых, это те психологические характеристики нации, которые сами по себе, без каких бы то ни было усилий со стороны правящей элиты, способствуют стабилизации режима, укреплению в обществе центристских тенденций и взаимодействия центральной и региональной властей. Сюда могут быть отнесены определенные культурные традиции, глубинные, исторически сформировавшиеся особенности национального самосознания, система мифов и верований. Эти особенности национального сознания, как, например, склонность к мифологизации действительности, служат правителям своеобразной точкой опоры в воздействии на общество и побуждении его к одобрению собственного поведения и действиям и желательном для режима направлении.

Во-вторых, к духовно-психологическим ресурсам, несомненно, следует относить личный потенциал политического лидера и способность правящей элиты сформулировать и распространить в обществе идеологию, принимаемую основными слоями населения и консервирующую выгодный режиму порядок вещей. Сюда относится контролируемая режимом система массовой информации и пропаганды, выполняющая социальный заказ политического режима.

С точки зрения стабильности политического режима идеальной (хотя и довольно редкой) является ситуация, когда базовые социально-психологические характеристики общества и идеологические установки элиты в основном совпадают. Примером такого совпадения отчасти может служить советское общество в 30-е годы. Хотя идеология коммунизма далеко не во всем "вписывалась" в русское национальное сознание, целый ряд социокультурных характеристик дореволюционной России получил в советское время идеологическое признание. И, наоборот, идеология коммунизма нередко и небезосновательно воспринималась как обновление все той же державно-патриотической идеологии монархического государства. Этому посвящены "Истоки и смысл русского коммунизма" Н. Бердяева. Об этом убедительно писали "евразийцы". Подлинная секуляризация в России в 30-е гг. и позднее не состоялась, да и не могла состояться. Мужик, как писал В. Ходасевич, отрекся от бога во имя любви к человеку, а человек только и сделал, что снял крест с церкви да повесил Ленина вместо иконы и развернул Маркса как Библию.

В тех же случаях, когда режим пренебрегает факторами духовнопсихологического порядка и не рассматривает их как важнейший ресурс стабилизации, глубокая дестабилизация и потеря власти являются вполне возможным сценарием. Культура, психологический склад нации — важнейшее измерение стабильности и модернизации. Об этом убедительно писал израильский социолог С. Айзеншатдт, одним из первых проследивший культурные предпосылки, лежавшие в основе явления, которое ученый назвал "крахом политической модернизации". Именно эти предпосылки, по его мнению, подготовили в 50—60-е гг. в таких странах, как Индонезия, Пакистан, Бирма, Судан смену демократических политических институтов авторитарными и полуавторитарными (37). Этот аспект преобразований должен приниматься в расчет реформаторами на Балканах и в странах бывшего Советского Союза, являвшихся составными частями царской и Оттоманской империй и получивших в наследство культурно-религиозные ценности православия и ислама.

В разных ситуациях на первый план могут выходить то один, то другой ресурсы политической власти. Если ослабленным оказывается

один, то "ударным" и нередко весьма эффективным может сделаться другой. Важными ресурсами власти являются, например, занимаемое положение и владение информацией. Президент США, например, располагает властью в определенных границах до тех пор, пока занимает этот пост. Однако, в тот день, когда он покидает Белый дом и вновь становится частным лицом, его полномочия сразу утрачиваются. Иначе говоря, в качестве официального лица президент утрачивает ресурсы своего влияния. Но он вовсе не лишается при этом таких факторов влияния, как популярность в некоторых слоях населения, накопленные им знания и опыт, сосредоточенные каналы неформального влияния или лидерства и т.д. Оптимальной является ситуация, когда режим может рассчитывать на поддержку и материально-силовых, и духовно-психологических факторов. Опасным для режима является упование на экономическую модернизацию без достаточного учета психологического измерения экономических и социальных преобразований. В тех случаях, когда нет возможности рассчитывать на военноэкономический потенциал общества, в силу вступают психологические факторы, способные в крайних случаях обеспечить обществу относительную стабильность. Российская ситуация в период сентября 1991 — августа 1993 гг. может быть описана именно как поиски режимом Б. Ельцина стабильности за счет мобилизации духовно-психологических факторов. Это — ситуация неустойчивости, требующая срочных мер по активизации режимом дополнительных ресурсов. Когда же и эти, психологические факторы перестают играть стабилизирующую роль, возникает угроза изоляции режима.

5. ЗАДАЧИ, РЕШАЕМЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ РЕЖИМОМ: СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ РЕФОРМЫ?

Каждый режим как выразитель непосредственных интересов власти стремится обеспечить максимально широкую поддержку для своего существования. В этом состоит своего рода "инстинкт выживания" власти, имманентно присущий ей консерватизм, страх перед глубокими переменами в общественных структурах. Эти перемены сравнительно редко инициируются властными институтами, а если такое происходит, то только в силу жестокой необходимости и в поисках все той же стабилизации положения правящего режима. Модус консерватизма — "не ремонтировать то, что не сломано" — является в то же время модусом деятельности любой власти. В связи с этим распространено утверждение, что никаких других целей, кроме сохранения или увеличения власти, власть не преследует и преследовать не может.

Но согласиться с этими рассуждениями скорее означает правильно поставить проблему, чем решить ее. Да, власть, да, стабильность, но каким образом и в какой ситуации? С использованием каких методов и средств? И главное — каковы на данное время стоящие перед режимом основные задачи: сохранять институты и социальные устои власти прежними или, во имя все того же сохранения власти, подвергать их в изменившихся обстоятельствах реформированию? Цель режима — выжить, уцелеть. Но как выжить — реформируясь или блокируя любые перемены? Риск одинаково велик. Эта дилемма раньше или позже встает перед любым режимом, и решение ее может быть различным.

Режим и политическая стабильность

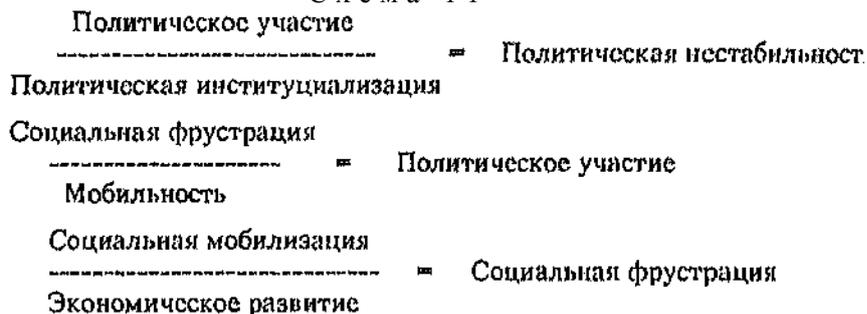
Проблема политической стабильности режима — несомненно, одна из основополагающих в политической науке. С. Хантингтон, внесший весомый вклад в разработку этой проблемы, писал в одной из первых и наиболее известных из своих книг: "Наиболее существенная политическая характеристика различных обществ связана не с формой их правления, но со степенью управляемости". Более, чем через двадцать лет он почти дословно повторил эту мысль на страницах другой работы: "Различие между порядком и анархией носит более фундаментальный характер, чем различие между демократией и диктатурой" (38).

Что такое политическая стабильность? Как она может быть зафиксирована? Какие существуют подходы к анализу стабильных и нестабильных политических режимов? Прежде всего, как мы уже сказали, проблема эта не возникает из ничего или сама по себе. Давление среды, внутренней или внешней, на политическую систему оказывается тем возмущающим обстоятельством, которое заставляет режим искать новые способы и источники стабилизации. Один из самых важных (хотя и не единственный) факторов, на который принято обращать внимание — социально-экономическое развитие. Императив развития выступает на одном из этапов общественной эволюции условием самосохранения власти. Если власть, режим по каким-то причинам не отдают себе в этом отчета и становятся тормозом для проведения назревших социально-экономических преобразований, то исходом подобного "упрямства" чаще всего становится их устранение с политической арены. Устранение, добавим, сопряженное с очень болезненными для общества последствиями. Императив развития поэтому абсолютен и неустрашим. Перспективной может считаться лишь власть, всемерно учитывающая этот императив в своей деятельности. Исходя из такого понимания, стабильным может считаться режим, способный обеспечить интеграцию общества на путях эффективного социально-экономического развития.

Иногда этот вывод ставится под сомнение теми, кто акцептирует внимание на трудностях общественного развития и в состоянии указать на значительное число случаев, когда именно быстрые темпы социально-экономического роста способствовали ослаблению и даже падению политических режимов. Один из примеров — прерывание шахской модернизации в Иране 1970-х гг. и установление жесткого теократического режима. Такая позиция, в частности, была представлена точкой зрения известного ираниста С. Л. Агаева в его полемике с В. Л. Шейнисом по широкому кругу проблем, связанных с развитием Третьего Мира (39).

Действительно, модернизация почти никогда не сопровождается стабилизацией имеющихся политических структур. Ослабление легитимности, лихорадочные поиски властью дополнительной социальной и международной поддержки — вот явления, которые хорошо знакомы наблюдателям современной Российской ситуации и которые гораздо более типичны для любого переходного периода, "Современность, — писал Хантингтон, — нуждается в стабильности, но осовременивание (модернизация) порождает нестабильность" (40). В книге "Политический порядок в меняющихся обществах" Хантингтон резюмировал свои наблюдения о политической стабильности и нестабильности в трех формулах (см. схему 11).

С х е м а 1 1

По его мнению, в условиях модернизирующегося авторитаризма обеспечение стабильности должно быть связано с ограничением роли политического участия масс, которое в противном случае подрвет надежность институтов. Парадокс же заключается в том, что неудовлетворенность (фрустрация) масс своим положением, недостаток существующей в обществе вертикальной и горизонтальной мобильности неизбежно увеличивают массовые запросы на участие в политическом процессе, В свою очередь, уровень социальной фрустрации повышает

* Ист.: Huntigton S.P, Political Order In Changing Socoleties. New Haven, 1968.1». 47-48

ся в связи с ростом социальной мобилизации и усугублением экономической ситуации. "Взятые в целом, урбанизация, растущая грамотность, образование и влияние СМИ, являющиеся детерминантами социальной мобилизации, дают толчок росту стремлений и массовых ожиданий, которые, не будучи своевременно удовлетворенными, оформляют индивидуальные и групповые претензии политически. В отсутствие сильных и достаточно адаптивных политических институтов, такой взлет участия означает нестабильность и насилие" (41).

Однако стабильность вовсе не обязательно означает отсутствие изменений и даже реформ. Более того, относительный, пусть минимальный уровень стабильности совершенно необходим реформаторам для успеха. Уровень стабильности может существенно различаться и варьироваться — от балансирования на грани широкомасштабной гражданской войны до тотальной неподвижности и неизменности политических форм. Поэтому правомерным представляется выделять не только уровни или степень стабильности—нестабильности, но и различные типы политической стабильности. Исследователи выделяют в этой связи, во-первых, динамическую стабильность, адаптивную и открытую переменам и воздействию среды, и во-вторых, мобилизационную, или статическую стабильность, функционирующую на основании принципиально иных механизмов взаимодействия со средой. Примером последней могут быть некоторые политические режимы, функционировавшие в досоветской и советской России. Российский опыт убеждает в том, что авторитарный харизматический лидер способен обеспечить стабилизацию общества на путях прорыва к новым рубежам социального и экономического прогресса. Правление кого бы из сильных, реформистски настроенных политических лидеров мы не взяли — Петра I, Александра II, раннего Сталина — везде мы видим грандиозные социально-экономические результаты, скорость свершения которых не идет ни в какое сравнение с теми сроками, в какие подобные преобразования совершались на Западе. Однако стоило энергии "верхов" по каким-то причинам ослабеть, и развитие общества тормозилось, стабилизация оборачивалась глубокой дестабилизацией.

Рассмотрим теперь несколько подробнее компоненты политической стабильности, дающие представление о том, как может быть измерен ее уровень. Чаще всего в качестве таких компонентов (или условий) стабильности выделяют легитимность и эффективность власти.

Легитимность власти

Проблема легитимности политической власти, поставленная отнюдь не в двадцатом веке, но особенно акцентированная работами М. Вебера, продолжает вызывать немало споров среди социологов, фило

соффов и политологов. Нас в этих спорах будет интересовать лишь один аспект: является ли легитимность необходимым и достаточным условием поддержания политической стабильности. В основном исследователи сходятся во мнении, что легитимность, если она существует, несомненно, способствует стабилизации. Однако остается открытым вопрос, а возможна ли стабилизация без легитимизации власти? Если да, то каким образом? Насколько прочной, "стабильной" будет такая стабилизация? Если нет, то какие факторы, помимо легитимности, должны быть использованы для обеспечения устойчивости позиций власти?

М. Вебер исходил из того (хотя и такая интерпретация Вебера продолжает оспариваться) (42), что легитимность является фактором, позволяющим стабилизировать отношения политического господства в обществе. Под системой господства Вебер подразумевал такой общественный порядок, где приказывают и выполняют приказы (43). По убеждению Вебера, выполнения приказов добиваются не только и даже не столько применением силы. Более существенно то, что любая власть действует в рамках определенных социально выработанных норм и правил общежития и опирается на эти нормы в своей деятельности. Если такие нормы признаются общественным большинством и воспринимаются как ценности, можно быть уверенным, что государственная власть имеет под собой достаточно прочные основания. Или иначе говоря, обладает *легитимностью*.

Легитимность, следовательно, означает совпадение общественных норм и ценностей, признанность или законность (в неправовом смысле) власти. Для Вебера легитимность выступает в качестве гаранта стабильности имеющихся в обществе структур, процедур, решений должностных лиц, "независимо от конкретного содержания их действий" (44). Согласно Веберу, легитимность может быть трех основополагающих типов — рациональная, традиционная и харизматическая. Соответственно, власть обретает свои полномочия на основе трех различающихся способов — рационально разработанных правил человеческого общежития, сложившихся в обществе традиций и харизмы лидера (45). Поскольку легитимность выступает для Вебера в качестве внутреннего основания и смысла политического господства, то на ее основе, считал немецкий ученый, могут быть выделены также три главных типа политического господства (см. схему в первой главе).

Таким образом, легитимность власти может быть рассмотрена в качестве одного из важнейших ее ресурсов, позволяющих ей быть значительно менее скованной в своих действиях. Такая, пусть и относительная "свобода действий" предоставляет власти определенный выбор — "проедать" имеющийся авторитет, реализуя лишь свои собственные, противоречащие общественным интересам, или осуществлять

социально-экономическое развитие в интересах общества в целом. Ближайший пример легитимной власти — власть Б. Ельцина и возглавляемого им режима приблизительно в период сентября 1991 — конца 1992 г. Авторитет президента в этот период был незыблем. Уместно заметить, что авторитет этот был по своему происхождению не только рациональным (процедура всеобщих, тайных выборов, состоявшихся в марте 1991 года), но и иррациональным, связанным с "победой" Ельцина над путчистами-ГКЧПистами. В массовой поддержке российского президента ореол "победителя" пожалуй сыграл не менее существенную роль. Этот авторитет существенно пошатнулся позднее, в 1993 г., когда инициированные президентом экономические реформы в целом потерпели очевидную неудачу.

Легитимная власть, таким образом, содержит противоречие в себе самой и потенциально нестабильна. Наличие этого, подмеченного политическим анализом противоречия способствовало возникновению и разработке в политологии понятия "*эффективность*" власти, а также вновь привлекло внимание исследователей к проблеме стабилизации режима, не имеющего политической и идеологической легитимности.

В политологии по этому вопросу обозначились две основные позиции. Согласно первой, восходящей, как мы заметили, к рассуждениям Вебера, легитимность является не обязательно достаточным, но и необходимым условием стабильности политического режима (политического господства в терминологии Вебера). Такой была позиция Т. Парсонса, С. Липсета (46) и многих других. Это однако скорее теоретическая, хотя и логически непротиворечивая позиция. Например, Вебер был прежде всего социологом культур и религий, изучая преимущественно устойчивые и долговременно существовавшие цивилизации и социальные устройства. Парсонс был социологом-теоретиком и во многом продолжателем традиций Вебера. О Липсете в принципе может быть сказано то же самое, хотя его позиция несколько отличается в связи с введенным им понятием "экономической эффективности" власти (см. далее).

Согласно другой позиции, выдвинутой исследователями конкретных политических систем и процессов, легитимность существенна, но не обязательна для стабилизации режима. В практике режимов могут быть найдены периоды, и иногда достаточно длительные, до двух десятков лет, когда режим существует бесценно, хотя законность, справедливость его власти не признается большинством населения. Об этом, в частности, писал известный исследователь Южной Африки С. Гринберг (47), показавший, что режим апартеида за счет использования военно-экономических ресурсов оказался значительно стабильнее, чем ожидалось, несмотря на то, что в количественном отношении его поддерживало не более одной пятой населения. Подобное мнение

высказывал и А. Пшеворский, исследователь трансформации политических режимов преимущественно на примере стран Восточной Европы. С его точки зрения, утрата режимом легитимности еще не означает утраты им стабильности и начала политической трансформации. "Сама проблема легитимности, — писал Пржеворский в недавней работе "Переходы от авторитарного правления", — по-моему, поставлена некорректно. Что действительно существенно для стабильности любого режима, так это не легитимность специфической системы господства, но отсутствие жизнеспособных альтернатив" (48). Значительно раньше подобные суждения высказывал и Х. Экстейн (49).

Таким образом, проблема легитимности, при всей ее важности, отнюдь не исчерпывает содержания стабильности режима. Обратимся поэтому к следующему важнейшему компоненту политической стабильности.

Эффективность власти

Эффективность власти — параметр, который нередко рассматривается политологами как дополняющий или взаимозаменяющий легитимность и способный стабилизировать систему даже в условиях ее недостаточной легитимности.

Понятие эффективности как таковое было введено в оборот С. Липсетом в вышедшей в 1960 г. работе "Политический человек. Социальные основания политики". Согласно Липсету, стабильность власти определяется не одним (легитимность), а двумя параметрами — легитимностью и экономической эффективностью власти. Он полагал, что сама легитимность системы власти может достигаться двумя путями: либо за счет преемственности, восприятия ею прежних, однажды установленных норм; либо за счет эффективности, т.е. обретения самой системой способности, даже отказавшись от традиционных норм, решить назревшие, прежде всего социально-экономические проблемы общественного развития. В первом случае Липсет, несомненно, имел ввиду выявленный Вебером традиционный тип легитимности, опирающийся на патриархальную или сословную систему социальных связей. Это историческая ситуация, в которой императив экономического развития еще не проявил себя в качестве первоочередного и неотложного. Власть поэтому может быть озабочена и иными, "своими собственными" проблемами (интриги, устранение непокорных, объективно ненужные внешние войны).

Иное дело — харизматическая легитимность, призванная продемонстрировать пророческие свойства лидера и его способность возглавить процесс кардинальной трансформации экономических и ценностных оснований общества, опираясь в этом на аффективную веру масс в его экстраординарные качества. Этот вид легитимности тесно связан

с экономической эффективностью. Во-первых, он не сможет существовать достаточно длительное время без существенных экономических сдвигов, а во-вторых, сам характер и глубина этих сдвигов подчинены влиянию харизматика. Возьмем сталинские преобразования. Авторитет "вождя" в большевистских и народных массах возник и укрепился в силу существовавшего вакуума власти и способности Сталина, воспользовавшись этим вакуумом, постепенно подчинить себе органы государственного принуждения и машину партийной власти. Однако позднее одним из факторов этого авторитета стал экономический скачок, совершенный страной от доиндустриальной к индустриальной экономике. Этот скачок, тиражировавшиеся цифры достижений, непрекращавшаяся пропагандистская кампания в обществе с традиционной политической культурой служили одновременно и источником массового энтузиазма и трудового героизма, и укрепления авторитета "вождя всех времен и народов". Экономическая эффективность режима таким образом служила одним из несомненных источников его легитимности. В определенной степени эта динамика характерна для любой политической системы. Липсет писал, например, что "успех американской республики в установлении постреволюционной демократической легитимности мог быть связан с мощью существовавших в обществе достигательных ценностей" (50). Эффективность, как становится ясно, есть источник легитимности и, одновременно, мост, способствующий смене одного типа легитимной власти другим.

Основываясь на этих рассуждениях, Липсет разделил все политические системы на четыре группы (см. схему 12) : 1 — легитимные, но недостаточно эффективные; 4 — эффективные, но недостаточно легитимные; 3 — политические системы, обладающие и легитимностью, и эффективностью; 2 — системы, в которых утрачена легитимность и отсутствует потенциал эффективности. По этой, хотя и излишне абстрактной схеме, легко, по крайней мере, проследить три ступени политической стабильности— нестабильности обществ: нестабильные, с утраченной легитимностью и эффективностью; относительно стабильные—нестабильные, в которых отсутствует один из параметров схемы; стабильные, в которых легитимная власть является вместе с тем и экономически эффективной.

С х е м а 1 2

Легитимность	1	2
Эффективность	3	4

* Ист.: 2Lipscl S.M. OPolltlcal Man. The Social Bases of Politics. Expanded Edition. Baltimore, 1981. P. 6-8.

Важность "поправки", внесенной Липсетом в концепцию М. Вебера, трудно переоценить. По сути дела, трактовка Липсета уже содержит в себе возможность существования относительно стабильной власти без легитимизации полномочий и оправдывающей свое предназначение путем эффективного решения стоящих перед обществом социально-экономических проблем. Хотя строго говоря, ход рассуждений Липсета едва ли позволил бы ему согласиться с мнением Пшеворского или Эпштейна, что и недостаточно легитимная и эффективная власть может тем не менее быть относительно стабильной. Липсет склонен рассматривать такое состояние скорее как *нестабильное равновесие*, т.к. серьезной угрозы гражданской войны, невзирая на нестабильность власти (в соответствии с параметрами Липсета), не существует. Примеры неустойчивого равновесия, чреватого распадом и дезинтеграцией сообщества в среднесрочной перспективе, могут быть найдены в российской истории, в том числе, в посткоммунистический период. Практически везде, не только и СНГ, но и в Восточной Европе, посткоммунистические режимы уже оказались в крайне сложном для себя положении. Во-первых, пробуксовывают экономические реформы и терпит поражение стратегия "шоковой терапии"; во-вторых, ослабевает доверие к центральной власти и набирают силу центробежные тенденции; в-третьих, растет недовольство властью в широких слоях населения; в-четвертых, такое недовольство носит скорее стихийный характер и не оформляется (или, оформляется очень медленно) пока в альтернативу существующему режиму.

Таким образом, можно заключить, что политическая стабильность власти складывается из двух основных компонентов — легитимности, или признанное™ ее авторитета широкими общественными слоями и эффективности, означающей способность власти использовать имеющиеся в ее распоряжении ресурсы (материальные и духовно-психологические) в целях решения назревших и неотложных задач. Эффективность власти не ограничивается ее способностью контролировать ситуацию в обществе, но и способствует наряду с этим решению социально-экономических проблем. Социальный конфликт оказывается таким образом под контролем власти потому, что ей удастся вовлечь основные слои общества в процесс реформ и развития. Адекватное политическое лидерство, умелое использование и преобразование имеющихся политических институтов расширяют значение эффективной власти, способствуя снижению потенциала общественного насилия (проявления этого насилия могут варьироваться от несанкционированных забастовок и демонстраций до вооруженных действий повстанцев и террористов) и обеспечению интеграции общества.

Тем самым понятие эффективной власти существенно пополняет наши представления о политическом господстве и политических режимах.

* * *

Очевидно, что политический режим, основная цель которого заключается в том, чтобы сохранить завоеванные позиции, вынужден в наиболее ответственные моменты своей эволюции выбирать между реформами или сохранением прежних устоев власти. Поэтому алгоритм действий власти видится нам следующим образом. Сначала выбирается задача, — стабильность или реформы — решение которой по мнению осуществляющих выбор обеспечит режиму выживание. Затем продумываются и взвешиваются имеющиеся в распоряжении режима ресурсы (потенциал) и те средства, которые помогут мобилизовать ресурсы. В итоге возникает определенная стратегия, механизм решения вставших перед режимом проблем. Способность аналитика уловить, понять эту стратегию означает понять не только природу режима, но и увидеть в его поведении определенную последовательность действий, логику, позволяющую до известной степени точно прогнозировать дальнейшую эволюцию режима и общества.

6. СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ

Для достижения поставленных целей и укрепления собственных позиций в обществе режим прибегает к различным, подчас весьма запутанным и сложным тактическим приемам. В поддержании собственной стабильности режим не останавливается ни перед чем. Подкуп, шантаж, клевета, используемые в отношении политических оппонентов, плетение сложной сети интриг, вовлекающих в свой круг представителей элиты и контрэлиты, фронтальное насилие и обильное кровопролитие — все идет в ход, если у режима имеются шансы удержаться у власти или приобрести дополнительный политический капитал. Возможно, точнее и выразительнее других об этом написал Н. Макиавелли в своем "Государе".

Поэтому присмотреться к средствам, используемым режимом, означает в значительной степени вникнуть в его природу и особенности функционирования. В теории политических режимов это самостоятельное, нуждающееся в проработке понятие. Фактически, средства есть те способы, тот достаточно широкий набор тактических приемов, которые режим использует в своей повседневной деятельности для мобилизации находящихся в его распоряжении ресурсов.

Телеологическое понимание власти: соотношение целей и средств

Проблема анализа используемых режимом средств упирается и решение более фундаментального вопроса: что такое власть? Существует, как об этом уже говорилось во Введении, огромное количество различных определений политической власти. Власть рассматривается как способ коммуникации, контроля, влияния. В истории политической мысли были и остаются весьма популярными т.н. "директивные" и "структурно-функциональные" представления о власти (52).

Однако при рассмотрении данного аспекта проблемы, нам кажется наиболее уместным исходить из того, что власть есть в значительной степени то, какие средства она использует. Иными словами, если стремиться к пониманию действительных целей и намерений режима, следует анализировать средства. И если выясняется, например, что режим причастен к развивающимся в соседних государствах вооруженным конфликтам, то декларации о невмешательстве представляют собой лишь хорошую мину при плохой игре. Между намерениями и публичными заявлениями режима, с одной стороны, и избираемыми им средствами стабилизации, с другой стороны, существует дистанция, и нередко, весьма значительная.

Смысл нашего обращения к телеологическому определению власти состоит таким образом в том, чтобы и очередной раз призвать аналитиков судить о режиме, главным образом, па основании используемых им средств, а не декларируемых (причем, иной раз, вполне искренне) целей. В большинстве ситуаций режим не в состоянии точно предвидеть, в каком направлении он эволюционирует, не в состоянии соизмерить конкретные действия, предпринимаемые им в своей повседневной деятельности, с планируемой стратегией. Зафиксировать этот "зазор" (вполне способный перерасти в "разрыв") — задача исследователей, которые только и могут продемонстрировать режиму и заинтересованным наблюдателям, каковы действительные цели и намерения режима.

Средства, используемые режимом для поддержания стабильности своего положения, классифицируются различными исследователями по-разному. Например, М. Хрусталеv подразделяет их на средства убеждения, принуждения и насилия в соответствии с политическими режимами: либеральными, умеренными, репрессивными и террористическими (53). Опираясь, в основном, на эту классификацию, рассмотрим, какие именно средства принуждения и убеждения использует режим в своей практической деятельности.

Государственное принуждение

Государственное принуждение принадлежит к распространенным средствам стабилизации режима и используется не только авторитарными, но нередко и демократическими режимами. В тех случаях, когда ситуация выходит из-под контроля правящей элиты, когда возникает угроза безопасности режима и его граждан, демократическое правительство может прибегать к помощи органов принуждения, причем, не только полиции, но и армии. Характерный пример — события, происшедшие в мае 1992 г. в Калифорнии, в Лос-Анжелесе. Массовые беспорядки и насилие, пожары и разрушения достигли той степени, когда потребовалось вмешательство вооруженных сил. Только с их помощью (круглосуточное патрулирование, комендантский час и т.д.) и по прошествии некоторого времени порядок был восстановлен. Еще чаще по понятным причинам государственное принуждение используется авторитарными режимами.

В то же время государственная власть, которую Вебер в своем известном определении назвал монополией на легитимное насилие, не может держаться и не держится исключительно за счет насилия. В действительности, использование государственного принуждения есть скорее признак слабости, чем силы. Как потерявшая терпение и последние аргументы мать шлепает своего ребенка, власть прибегает к насилию, когда исчерпаны все иные способы достижения цели.

В этой связи могут быть выделены, по меньшей мере, четыре состояния власти:

— Стабильная до такой степени, что в использовании средств принуждения нет никакой необходимости. Это ситуация, более или менее типичная для повседневного существования демократических режимов.

— Стабильная, но в ряде случаев вынужденная обращаться к средствам принуждения, используя поддержку общественного большинства. Такое положение может складываться как в условиях демократии, так и авторитаризма, когда авторитарный режим уже прошел фазу своей консолидации и достаточно стабилен. Время от времени, однако, авторитаризм, прибегает к принуждению и насилию, прежде всего, в отношении к оппозиции. Нередко это делается совершенно открыто, опираясь на поддержку общественного большинства. Сталинские процессы — один из характерных примеров. Имея пропагандистско-воспитательное значение, эти процессы одновременно удовлетворяли волю массовых слоев населения наказать "изменников" и "шпионов".

— Относительно стабильная власть, функционирующая исключительно благодаря использованию средств принуждения. Возможны

примеры, когда режим сохраняет свои позиции достаточно длительное время, опираясь лишь на военно-полицейскую силу. Один из таких примеров — уже упоминавшийся режим апартеида и 1960-е — первую половину 1970-х годов.

— Нестабильная, крайне слабая власть, когда ничто — ни убеждение, ни принуждение — уже не обеспечивает ее стабилизацию. Распад коммунистической системы — результат именно такого ее одряхления, когда убеждение потеряло свою притягательную силу, а принуждение не может быть эффективным по экономическим соображениям.

Использование СМИ и СМК

Это один из самых распространенных средств поддержания режимной стабильности. Кроме того, в век массовой распространенности телекоммуникационных сетей, всеобщей грамотности и образованности широких слоев населения это еще и один из наиболее эффективных способов стабилизации. В целом ряде случаев режиму, нередко потерявшему все социальные основания своей стабильности, удается, используя агитационно-пропагандистскую машину, убедить общественное большинство и самого себя и обратном — в улучшении ситуации и близости процветания и могущества. Владение информацией, как уже говорилось ранее, представляет собой важнейший ресурс могущества, способный принести режиму огромные дивиденды.

Один из примеров эффективного использования режимом СМИ в сложной для него ситуации — проведение в России агитационно-пропагандистской кампании в преддверии апрельского референдума 1993 г. о доверии Президенту. В исключительно сложной для президента обстановке, сразу после неудачного завершения экономического эксперимента, многократно возросшей финансовой и ценовой нестабильности Б.Ельцину удалось одержать на референдуме достаточно впечатляющую победу. В массовом сознании российского общества еще не сформировалось характерное для брежневских времен цинично-равнодушное отношение к власти, когда инициированные ею агитационные мероприятия оказывают на общество прямо противоположное ожидаемому воздействие. Особенно существенным оказалось использование телевидения.

Конечно, далеко не всегда воздействие СМИ способно давать желаемый эффект. Он может быть и прямо противоположным. Вспомним, как провалились попытки демократов одержать победу на декабрьских 1993 года выборах в Государственную Думу, используя тактику апрельского референдума. Успешное использование агитационно

пропагандистской машины — настоящее искусство, требующее достаточно точного замера политической легитимности, удачного подбора агитационных материалов, "независимых" журналистов и многого другого.

Политическая социализация

Политическая социализация — другой важнейший, но рассчитанный на долгосрочное действие регулятор политического поведения общественных слоев. В каждом обществе, при любом режиме существуют свои собственные, достаточно специфические способы "упорядочить" массовые политические действия и настроения. Или говоря иначе, "социализовать" индивида. "Социализация", как впервые в конце прошлого века писал автор данного термина американский социолог Ф. Гиддингс, означает "процесс развития социальной природы челопека". Соответственно, политическая социализация есть процесс развития политической природы человека.

Однако для режима политическая социализация кроме прочего означает весьма эффективный механизм формирования у населения благоприятного имиджа своих намерений и создания массовой поддержки своим действиям. Через систему посредников политической социализации (семья, школа, подростковые группы и т.д.) индивид может не только приобретать необходимые ему в жизни знания и навыки политической деятельности, но одновременно и незаметно для себя попадать под влияние стереотипов и идеологием режима. Именно для этого варианта социализации Г. Маркузе употреблял точный термин "обстругивание".

Чем авторитарнее режим, тем с большим усердием формируется в массах выгодный ему образ власти. Например, в сталинско-брежневской модели политической социализации в качестве посредников использовались даже дошкольные учреждения. Не только через пионерские организации в школах, но и в детских садах, исподволь прививались и культивировались определенные представления и ценности. В сталинские времена дети пели песни, восхваляющие "вождя" и "учителя". В букварях вплоть до конца 80-х гг. можно было обнаружить портрет не только "основателя", но и современного "руководителя Советского государства" со всеми его титулами и геройскими звездами. Эта модель политической социализации оказалась настолько привлекательной, что и сегодня в посткоммунистических государствах ее принципы во многом продолжают работать и оказывать воздействие на граждан. Например, встречаются случаи, когда история, преподаваемая в школах, препарируется и подается сегодня под требующимся

режиму национально-патриотическим уклоном, оставаясь в своем существе по-прежнему лживой.

Обеспечение прав и свобод граждан

В политической науке распространено разделение прав на три основные группы: гражданские, социальные и политические. К гражданским или индивидуальным правам, отвоёванным у абсолютистского государства, относят право на свободу мыслить, исповедовать любую религию, создавать ассоциации, обращаться в суд и обладать презумпцией невиновности и т.д. Под социальными правами, в особенности после Второй мировой войны, подразумеваются права на здравоохранение, образование, социальное обеспечение по бедности и старости, занятость, безопасность и т.п. Наконец, политические права включают в себя право на голосование, право претендовать на занятие политической должности, организовывать политические партии и ассоциации, в том числе, оппозиционные режиму.

Политические режимы могут существенно различаться точки зрения обеспечения ими тех или иных прав своих граждан. Демократические режимы, в основном, гарантируют соблюдение гражданских и политических прав. Что касается социальных прав, то в отношении их гарантий среди демократических государств существуют немалые различия. Скажем, и в США, и в Канаде существует довольно развитая система социального обеспечения для физически неработоспособных граждан. Государственные гарантии существуют и в отношении получения образования (хотя далеко не всегда качественного). Однако система здравоохранения в этих обществах различается существенно. Если канадские граждане пользуются бесплатным здравоохранением и практически все имеют свободный доступ к получению необходимого врачебного ухода, то американцы, даже работающие, далеко не всегда могут позволить себе платить ежегодную полную медицинскую страховку, составляющую около 5 тыс. долларов. Кроме того, в США значительно сложнее получить работу, а выплачиваемое пособие по безработице здесь существенно ниже канадского.

Авторитарные режимы чаще всего представляют в этом отношении полную противоположность. Существуют режимы, обеспечивающие полный и устойчивый минимум социальных прав, но не уделяющие никакого внимания гражданским и политическим. "Право на труд" долгие годы было закреплено в Советской Конституции и считалось основополагающим. Пенсии, социальные пособия и отпуска по болезни или уходу за ребенком, отсутствие безработицы (если не иметь ввиду т.н. "скрытую безработицу") долгое время считались олицетво

рением стабильности Советского государства и важнейшим преимуществом социалистической системы. Действительно, социальные права в основном гарантировались. Однако этого никак нельзя сказать о правах гражданских и политических, что, кстати сказать, могло служить препятствием для реализации того же права на труд. Наиболее характерные примеры — отказы в приеме на работу по т.н. "национальному признаку".

Необходимо выделять и режимы, которые находятся в переходной от авторитаризма ситуации и нередко не способны гарантировать даже минимума социальных (а нередко и гражданских, и политических) прав. Положение таких режимов особенно сложно и чревато их дальнейшей дестабилизацией и упадком.

Стабилизирующая роль политического участия

Политическое участие — важнейшее из политических прав. Политика вообще может быть понята как сфера соперничества различных участников, располагающих различными ресурсами, эксплуатирующих различные образы, наделенных индивидуальными стилями поведения. Участие, однако, есть не любой тип политической деятельности и политического поведения, а только тот, который является в рамках данного политического режима устойчивым и повторяющимся. Политическое участие означает стабильное, подчиненное определенным правилам поведение, исключаящее массовые акции протеста, бунты, войны, революции и т.д. Иными словами, политическое участие есть контролируемое режимом политическое поведение. При этом способы такого контроля в условиях различных режимов могут существенно различаться.

В условиях демократии говорить об одностороннем использовании режимом института политического участия было бы недостаточно — с неменьшим успехом можно говорить и об обратном воздействии. Демократическое политическое участие выступает одновременно основой институционализации и стабильности режима. Наоборот, в условиях авторитаризма, как пишут С. Хантингтон и Дж. Нельсон, политическое участие, если оно имеет место, осуществляется на мобилизационной основе, без действительного осознания участниками их социальных и политических интересов. Эту работу по осознанию и артикуляции интересов проводит за общество правящая элита. Один из примеров — декоративное голосование в условиях советской системы при наличии одного кандидата и при явке в 99,9%

Конечно, при отсутствии необходимых институтов, как показал Хантингтон, участие масс в политике может оказаться дестабилизи

рующим фактором. Еще А.Токвиль писал, что "на время, когда предоставляются политические права народу, который был до этого лишен этих прав, нужно смотреть, как на времена кризиса, часто необходимого, но всегда опасного" (54). Требуется значительное время, чтобы автономное политическое участие сделалось основой политического процесса и гарантом стабильности режима. Это справедливо и для российской ситуации, в условиях которой участие в политике осуществляется пока не на постоянной основе. Конфликты законодательной и исполнительной властей, насильственное прекращение деятельности независимых судов и политических партий имеют тенденцию обретать собственную логику — логику конфронтации. В этих условиях политическое участие не может выступать фактором стабилизации режима.

В то же время режим нередко и подчас небезуспешно использует для поддержания своей стабильности единовременные акты политического участия. В таком контексте участие (прежде всего, электоральное) рассматривается российским посткоммунистическим режимом не столько как верховный авторитет, сколько как фактор поддержки проводимой им политики. Проблема заключается в том, что адаптация демократических норм и процедур требует времени. В переходных же условиях лидер авторитарного склада нередко прибегает к силовым способам разрешения конфликтов и, не встречая со стороны общества серьезного сопротивления своим действиям, вполне может прибегать к проведению выборов и референдумов для подкрепления своего авторитета, если его соперником является заведомо "слабый" в глазах авторитарной толпы лидер. Следует помнить, что Гитлер, прежде чем стать диктатором, был избран вполне демократическим путем. Еще более характерен пример недавней Грузии, где З. Гамсахурдиа был избран на пост Президента 85% голосов избирателей. Следовательно, политическое участие может использоваться подобно козырной карте в политической борьбе вместо того, чтобы служить основой политического процесса.

* * *

Мы назвали и коротко охарактеризовали лишь некоторые из средств, используемых режимами для стабилизации их положения. Существуют и другие, например, искусственное провоцирование голода или массовых беспорядков в целях их последующего подавления и введения чрезвычайного положения; предание огласке фальшивых документов с целью дискредитации политических оппонентов; развязывание военных действий против соседних государств; террор и ре

прессии. Мы еще коснемся этого вопроса в следующей главе, хотя уделить им внимание подробно у нас едва ли будет возможность. Нет сомнения, однако, что средства стабилизации режима играют значительную роль и заслуживают дальнейшего исследования.

7. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПРАВЯЩЕГО РЕЖИМА

Политическое поведение режима — интегральное понятие, учитывающее и вбирающее в себя понятия среды, структуры режима, средств и ресурсов, которыми он располагает, задач, встающих перед режимом и требующих адекватного решения. Поведение в широком смысле означает способ взаимодействия со средой в поисках выживания и стабильности.

Если искать аналогии, то в известном смысле поведение режима можно уподобить поведению живого существа, некоего организма, подчиняющегося сходным с природой законам и обладающего характерными для него инстинктами выживания и самосохранения. Аналогия государства и невиданного чудовища Левиафана, использованная в свое время Т. Гоббсом, весьма плодотворна, но с одной оговоркой: режим не всегда и не обязательно напоминает стремящееся к всепоглощению и всеподавлению чудовище. В зависимости от ситуации его поведение может быть уподоблено поведению различных животных.

В одних случаях поведение режима, располагающего огромным аппаратом насилия и задавшегося целью кардинальной реконструкции общества (ускоренной индустриализации, коллективизации и т. д.), будет напоминать поведение слона в посудной лавке. Значительно чаще, однако, режим ведет по отношению к обществу более сложную и тонкую игру, стремясь к осуществлению более дифференцированного контроля. Такая заинтересованность существенно модифицирует поведение режима, когда наряду с принуждением активно используются средства побуждения (влияния) и убеждения. В данном случае режим может напоминать своим поведением не слона, а скорее лису, стремящуюся, обольстить и задобрить общество (подобно известному персонажу из басни И. Крылова), пообещать ему нечто заведомо невыполнимое, но на вид очень заманчивое; заключить с влиятельными общественными группами ряд взаимовыгодных компромиссов.

Словом, режим в действительности представляет собой значительно более сложную, более восприимчивую и гибкую структуру, нежели чудовище Левиафан. Модус режима — стремление господствовать и подчинять общество своему контролю в максимально возможной форме. Модус же общества — самозащита от притязаний власти, возведе

ние на ее пути новых и новых препятствий возможному с ее стороны насилию, медленное, трудное отвоевывание для себя вес большего пространства свободы. Режим — достаточно мощный противник, и не будь он заинтересован в обществе, вес поиски обществом возможностей к высвобождению закончились бы явно ничем. Однако в силу такой заинтересованности, в силу тесной взаимосвязанное социальной и политической систем, продвижение по этому пути становится возможным.

Потенциал и логика поведения режима

Макроанализ политических режимов ставит перед аналитиками вопрос: возможно ли, не ограничиваясь выявлением влияющих на состояние режима факторов, проследить в предпринимаемых им действиях определенную последовательность или *логику*? Думаем, что до известной степени говорить о логике в политическом поведении режима вполне правомерно.

Прежде всего, логика поведения режима задается потенциалом (совокупностью ресурсов), которым он располагает, и задачами, нуждающимися в решении. Поиск ответов на вопросы "что делать?" и "с помощью чего делать?" задает целый набор возможных ситуаций, в условиях которых различные режимы ведут себя сходным образом.

"Ситуация 1" (логика консервации). Потенциал значителен, задача обеспечения политической стабильности в принципе решена.

"Ситуация 2" (логика распада). Потенциал значителен, режим располагает и материально-силовыми, и некоторыми духовно-психологическими ресурсами, однако задача обеспечения стабильности не решена удовлетворительно. Режиму недостает легитимности для того, чтобы использовать материальные ресурсы и доказать свою состоятельность и эффективность. В данном случае возможны либо смена режима, либо (более вероятно) попытки использовать для стабилизации положения силовые ресурсы.

"Ситуация 3" (логика временной стабилизации). Перед режимом также стоит задача стабилизации, но в условиях, когда ослаблены и материальные, и силовые ресурсы. Это ситуация, в которой сегодня находится большинство посткоммунистических режимов и которая более, чем какая-либо иная, располагает к поиску самых изощренных методик временной, оттягивающей падение или смену режима, стабилизации. Манипуляция общественным мнением, дискредитация политической оппозиции, искусственное создание ситуаций, временно отвлекающих внимание массовых слоев населения от глубокого обще

ственного кризиса, ввязывание по внешнеполитические авантюры и многие другие средства могут быть использованы в подобных ситуациях.

"Ситуация 4" (логика реформации и консолидации). Режим ослаблен с точки зрения материально-силовых ресурсов, однако вполне легитимен, стабилен и может достаточно успешно начать реформы и поиски новых экономических ресурсов.

Вполне возможны и переходы одной ситуации в другую. С учетом только что сказанного рассмотрим подробнее конкретный пример. В августе 1991 г. в России возник принципиально новый вид политического режима, который оказался в довольно сложной для себя ситуации. С одной стороны, не подлежит сомнению, что режим этот был вполне легитимен. Только что одержавший победу Б. Ельцин вызывал в различных слоях населения ликование, получая тем самым значительные кредиты на будущее. Однако потенциал политической стабилизации режима был весьма незначителен. Были расшатаны ресурсы социокультурного порядка — в обществе усиливались центробежные тенденции. Не существовало согласованности в действиях центральной и региональной властей.

Не менее сложно дело обстояло с социально-экономическими ресурсами. Разрушение командной экономики, являвшейся опорой сталинского и брежневского режимов, не позволяло администрации Ельцина проводить прежнюю политику. Процессы смены элиты в "перестроечный" период вывели на суд общественности множество экономических "секретов" стабилизации брежневского режима. Главный из них — активное использование невозобновляемых ресурсов (прежде всего, нефти и угля) для поддержания жизненного уровня основных слоев населения, создание видимости благополучия и, тем самым, временное оттягивание (и потому, приближение) экономической катастрофы. Экономика не работала как таковая. Ослабление экономических ресурсов вытекало из ослабления личностных стимулов хозяйственного развития. Моральные стимулы, энтузиазм первых десятилетий советской власти стали давать сбой сразу же после смерти Сталина, а для создания иных, рыночных стимулов развития требовались принципиально иные экономические механизмы.

Силовые ресурсы режима также были изрядно ослаблены. Процессы общего разложения и деградации не обошли и органы государственного принуждения (армию, милицию, госбезопасность). Режим практически не обладал целостной и единой армией. Начавшаяся военная реформа была далека от своего завершения. Кроме того, не было уверенности, что эта реформа преследовала цель осуществления перехода от "политической" армии, построенной на принципах лояльности власти, к действующей на основании закона армии наемной. Не было

уверенности и в том, что режим смог бы в ближайшее время подчинить огромный военно-репрессивный аппарат своему централизованному контролю. Без этого же трудно говорить об успехе политики стабилизации. В армии, МВД, органах ГБ, как и в обществе в целом, в это время существуют и защищаются самые различные политические позиции, которые, в зависимости от политических обстоятельств, могут привести к кардинально отличающимся результатам.

Ограниченной оказалась и внешнеполитическая маневренность посткоммунистического режима. Уже самим экономическим крахом коммунистической системы режим оказался поставлен в крайне сложные условия приспособления к мировым экономическим реальностям. Мировое сообщество, хотя и не оставаясь в положении безучастного наблюдателя, не воспринимало успех преобразований и России, как свой собственный успех. Массированные капиталовложения, займы и кредиты, создание сети ТНК и ТНБ, всеобъемлющая программа спасения, родственная в своих ключевых положениях "Плану Маршалла" оставались в лучшем случае благими пожеланиями.

Таким образом, со времени своего возникновения новому российскому режиму приходилось иметь дело с нелучшим из доставшегося от Союза наследием. Некоторые составляющие этого наследия — разваливающийся на глазах Союз; ускоренно развивающаяся инфляция; слабость политических сил центристской ориентации; непредсказуемое, а в ряде случаев, откровенно недружественное окружение ближнего зарубежья. В обществе продолжали набирать силу процессы социальной и культурной деградации. Эйфория августовской победы очень скоро сменилась недовольством, которое нарастает не столько потому, что отсутствуют практические перемены к лучшему, сколько потому, что ситуация явственно и с каждым днем ухудшается. Легитимность режима оказалась утраченной. "Ситуация 4" незаметно сменилась "ситуацией 3", а затем, в октябре 1993 г. — "ситуацией 2". Режим почти потерял легитимность и оказался перед необходимостью изыскивать временные источники стабилизации.

Источники могли быть следующими. Во-первых, оппозиционные, способные сменить режим силы еще не сформировались в достаточной степени и не были способны оказать на него существенное давление. Во-вторых, режим располагал определенными возможностями манипуляции массовым сознанием, прежде всего, за счет использования СМИ. В-третьих, временами, как это было в случаях с заменой Гайдара Черномырдиным на VII съезде народных депутатов и с принятием соглашения о гражданском согласии в апреле 1994 г., режим обнаруживал способность идти на компромиссы. Обстановка вынуждала Б. Ельцина считаться с экономическими реальностями. Октябрьские со

бытия 1993 г. показали, что в поисках временной стабилизации режим решил на крайнюю и весьма рискованную меру — переворот и неконституционное, силовое устранение основных фигур оппозиции. Это стало возможным благодаря смене руководства силовых министерств и опоре Ельцина на отборные, преданные ему армейские подразделения. Временная стабилизация была обеспечена, однако основные проблемы остались нерешенными. Поиск ресурсов остался задачей № 1 и после декабрьских парламентских выборов.

Внутренняя и внешняя политика

Анализ политического поведения режима также предполагает уяснение вопроса о взаимосвязи его внутренней и внешней политики. Внешнеполитический ресурс в различных ситуациях может рассматриваться и как усиливающий, и как ослабляющий внутренние позиции режима. Внешняя политика нередко позволяет судить о природе политического режима с большей точностью, нежели попытки увидеть сдвиги в позициях руководства авторитарной системы, предпринимаемые, например, на основе анализа передовых статей центральных газет. Наоборот, крепость внутренних оснований режима, несомненно, позволяет ему укрепить международный авторитет и возможности проводить более результативную внешнюю политику. Каковы могут быть взаимосвязи в политическом поведении режима внутри общества и на международной арене?

Во-первых, типична ситуация, когда внутренне слабеющий режим ищет укрепления собственных позиций за счет участия в международных конфликтах и войнах. Иногда такое участие заканчивается для режима относительно благополучно. В целом же это ситуация, в которой режиму явно недостает чувства реальности, когда он явно рискует, ввязываясь в конфликты, требующие дополнительной и существенной затраты сил. Можно привести, по меньшей мере, два примера, иллюстрирующих данную ситуацию. Первый пример — Иран в начале 1980-х годов, когда пришедший к власти фундаменталистский режим аятоллы Р. Хомейни вместо продолжения начатой шахом модернизации и в целях отвлечения общества от стоящих перед ним социальноэкономических проблем начал длительную и кровопролитную войну с более сильным режимом С.Хуссейна. Результаты — разрушение экономики Ирана, многочисленная потеря людских и материальных ресурсов и необходимость в первой половине 1990-х гг. решать все те же проблемы, но в гораздо более тяжелых условиях.

Второй пример — российские режимы, прежде всего, царские (хотя отчасти и коммунистические), следовали той же "логике" — "вдруг повезет!". Как справедливо писал А. Амальрик, есть мощный фактор, "противоборствующий всякой мирной перестройке и одинаково негативный для всех слоев общества: это крайняя изоляция, в которую режим поставил общество и сам себя. Это не только изоляция режима от общества и всех слоев общества друг от друга, но прежде всего крайняя изоляция страны от остального мира. Она порождает у всех — начиная от бюрократической элиты и кончая самыми низшими слоями — довольно сюрреальную картину мира и своего положения в нем". "Царский режим, — пишет Амальрик далее, — по-видимому, просуществовал бы довольно долго и, возможно, претерпел бы какую-то мирную модернизацию, если бы правящая верхушка не оценивала общее положение и свои силы явно фантастически и не проводила бы внешнеэкспансионистской политики, вызвавшей перенапряжение... не начали правительство Николая II войны с Японией, не было бы революции 1905—1907 годов, не начали бы войны с Германией, не было бы революции 1917 года" (58). Чрезмерная вовлеченность посткоммунистической России в международные конфликты в СНГ чревата повторением подмеченного Амальриком цикла.

Во-вторых, слабеющий, но способный трезво оценить собственные силы, режим может избрать тактику большей изоляции от международной политики. Характерный пример из недавнего прошлого — выбор китайского руководства, о намерениях которого в конце 60-х годов тот же Амальрик писал, как о явно промилитаристских. Сегодня, к середине 90-х гг. хорошо видны плоды этой политики — относительная умеренность в международных делах, связанных, главным образом, с поисками инвестиций и других форм международной поддержки рыночно-ориентированных реформ, и мучительные попытки разрешить имеющиеся внутри страны социально-экономические противоречия.

Наконец, существует ряд вариантов внешнеполитического поведения внутренне стабильного режима: экспансия, умеренная международная активность, изоляционизм. Различные варианты внешнеполитической деятельности мы можем наблюдать на примере развития Соединенных Штатов, знавших периоды и изоляции, и глубокой вовлеченности в международные конфликты, и грубого вмешательства во внутренние дела других государств.

Взаимосвязи внутренней и внешней политики режима могут выявляться и в зависимости от степени демократичности его внутреннего устройства. Существует, например, довольно устойчивый, но едва ли подтверждающийся дополнительными исследованиями, стереотип: в природе авторитаризма — внешняя экспансия и подавление; в природе

демократии — стремление к сотрудничеству и урегулированию международных конфликтов правовым и переговорным путем. Проблема выглядит значительно сложнее, чем представлено в этой схеме. Даже если внутривнутриполитическая природа авторитарной и демократической систем глубоко противоположна (это так), было бы опрометчивым исходя из этого строить стратегию и тем более тактику внешнеполитической деятельности. Международная политика подчиняется подчас совершенно иным закономерностям, нежели политика внутренняя. На внешнеполитическое поведение режима поэтому оказывает влияние целый ряд факторов: внутренняя ситуация и степень внутривнутриполитической стабильности; ближайшее окружение, его стабильность и настрой государств-соседей; ядерный фактор; прочность мирохозяйственных связей; степень соблюдения прав человека; влияние идей демократического и ненасильственного разрешения международных споров и многое другое. В разной ситуации и в различной степени эти факторы могут как усиливать, так и охлаждать милитаристские настроения режима.

III. ТИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Рассмотрев общие принципы функционирования режимов, можно обратиться к их типологизации. При этом мы будем опираться на изложенные ранее подходы в рассмотрении решаемых режимом задач, особенностей его функционирования, а также находящихся в его распоряжении ресурсов и средств. Тем не менее в данной главе основное внимание будет уделено не столько тому, в чем сходятся между собой различные режимы (смотри вторую главу), сколько имеющимся между ними различиям. Главным здесь будет сравнительный, а не структурно-функциональный метод анализа. Кроме того, в данной (также как и во второй) главе режимы все еще будут рассматриваться преимущественно в статике — сам метод типологизации, увы, располагает к использованию статичных форм и конструкций. Надеемся, однако, что такое рассмотрение послужит основой для анализа политической динамики режимов в заключительной главе книги.

1. СУЩЕСТВУЮЩИЕ КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ И УСЛОВИЯ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Наиболее принятой классификацией режимов является разделение их на демократические, авторитарные и тоталитарные. Следуя отчасти традиции, а отчасти учебным целям настоящей работы, мы также будем строить свое изложение, преимущественно исходя из этой классификации. В то же время считаем важным подчеркнуть, что типологизация во-первых, недостаточно развитое в общей теории режимов направление, а во-вторых, классификации режимов отнюдь не во всех случаях могут быть сведены к дихотомии "демократия—авторитаризм". В силу различных причин эта дихотомия нередко несет с собой, помимо научной, значительную идеологическую нагрузку и непре

менно нуждается в уточнении и адаптации к целям конкретно проводимого исследования.

Возьмем, например, режим, возникший с падением коммунизма в России. Очевидно, что этот режим недостаточно рассматривать в терминах авторитаризма и демократии (хотя делать это совершенно необходимо), даже используя для уточнения термины "посттоталитарный", "поставторитарный" или "полудемократический". Реальная действительность оказывается богаче схем, тем более, что в данном случае мы имеем дело лишь с одной из таких схем. В целях большей наглядности попробуем приложить к российской реальности не одну, а несколько имеющихся в политической науке классификаций.

Классификация первая: "охлократия — олигархия — тирания".

Классификация вторая: "либеральный — умеренный — репрессивный режимы".

Классификация третья: "демократический — авторитарный — тоталитарный режимы". Из этих классификаций применительно к советскому режиму чаще других использовалась третья. Однако, как мы уже сказали, в постсоветских условиях ее аналитический потенциал весьма ограничен.

Кратко напомним, какие критерии были положены в основание данных классификаций, и рассмотрим советский режим в динамике и с трех различающихся точек зрения. Используя первую из перечисленных классификаций, древнегреческие мыслители пытались, главным образом, ответить на вопрос о том, *кому принадлежит государственная* (а точнее, полисная) *власть и от чьего имени осуществляется управление*. Вторая классификация, как нам уже приходилось говорить во второй главе, была предназначена для описания методов, используемых режимом в поддержании своего господства. Наконец, демократические и авторитарные режимы, строго говоря, различаются между собой тем, *каков механизм осуществления власти*. Авторитарные режимы предполагают наличие более или менее жестко централизованной системы власти и контроля, отличающуюся слабостью обратных связей между управляющими и управляемыми, в то время как демократия есть система, созданная "снизу", на основе четкого взаимообмена и регулярной смены лиц, осуществляющих управление обществом. Демократический режим не способен контролировать любую из общественных сфер (экономическую, политическую, социальную) иначе, как на основе закона, это — правление закона, формальной процедуры.

С х е м а 13 Возможные классификации советского политического режима

Классификации	Годы 1929—1953-	Годы 1956—1985
Первая (олигархия — тирания)	Тирания (правит один)	Олигархия (правит группа)
Вторая Умеренный — репрессивный (либеральный— террористический)	Репрессивно-террористический (массовый террор и репрессии)	Умеренно-репрессивный (репрессии против отдельных групп населения)
Третья (авторитаризм — демократия)	Тоталитарный режим (почти тотальный контроль всех сфер общественной)	Авторитарно-тоталитарный режим (контроль значительной части общества)

Рассмотрим с этой точки зрения советский режим и его эволюцию от сталинского к брежневскому способу правления (см. схему 13). Используемая схема наглядно демонстрирует, что один и тот же политический режим может быть назван по-разному и рассмотрен с различных точек зрения. Один и тот же режим может быть в одно и то же время олигархическим, умеренно-репрессивным и авторитарно-тоталитарным. Напротив, двум явно различающимся режимам могут быть присущи одни и те же характеристики, например, способность контролировать значительную часть сфер общественной жизнедеятельности.

Конечно, между приведенными классификациями прослеживается корреляция. Например, вполне очевидно, что тоталитарный режим едва ли может довольствоваться репрессиями, не прибегая к террору. Еще труднее поверить в то, что тоталитаризм может быть умеренно-репрессивным. С другой стороны, тирания вполне может совмещаться с неспособностью подчинить своему контролю все общество и быть авторитарной, а не тоталитарной по своей природе. Корреляция несомненна. Однако различие приведенных типологий может иметь и вполне принципиальное значение. Скажем, вряд ли справедливым будет полагать, что олигархический режим — переходный на пути от тоталитаризма к демократии, ибо разделение этих режимов сделано по различным основаниям и характеризует режим с существенно различающихся сторон.

Таким образом, каждая ситуация достаточно сложна, содержит в себе несколько уровней и может быть рассмотрена с различных точек зрения. Простой пример, иллюстрирующий эту мысль — возникший в России посткоммунистический режим. Ожесточенность споров относительно того, демократический это режим или все еще авторитарный, способна запутать любого, кто задался целью прояснить вопрос о постсоветском политическом устройстве. Между тем, вполне очевидно, что этот режим не может быть ни исчерпывающе, ни даже удовлетворительно описан с помощью характеристик "авторитаризм" и "демократия". Эти характеристики могут быть в лучшем случае "рамочными", организующими исследовательскую концепцию. Вполне очевидно также, что вывод, полученный исключительно с использованием этих категорий будет достаточно банальным и едва ли стимулирующим дальнейший теоретический поиск. Скорее всего этот вывод будет заключаться в том, что посткоммунистический режим — переходный от авторитаризма (вариант: тоталитаризма) к демократии, своего рода полудемократия или полуавторитаризм.

Действительная проблема поэтому состоит в том, чтобы использовать преимущества рамочной концепции "демократия—авторитаризм—тоталитаризм" для анализа конкретной ситуации, для более точного уяснения формирующихся властных механизмов и способов разрешения политического по своей природе конфликта между обществом и государством. Это представляется нам бесспорным. Бесспорно однако и то, что первым шагом на этом пути должно стать освоение "азов" — принципов и механизмов функционирования демократических и авторитарных устройств. Третья глава будет, главным образом, посвящена этому.

2. ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ

Значение демократии и ее современное понимание

В последнем десятилетии XX в. мир вновь захвачен демократическими переменами. Вслед за странами Южной Европы и Латинской Америки влияние демократизации распространилось еще на два региона — Восточную Европу и бывший Советский Союз. Новая волна демократизации эхом отозвалась и в странах Восточной Азии, и Тропической Африки. Практически везде процессам освобождения от власти различного рода авторитарных режимов сопутствует укрепление влияния демократических лозунгов. Даже в тех странах, где процесс этот по разным причинам замедлился или еще не был начат, большинство

политических сил выступает под лозунгами демократии. "Удивительно, — пишет по этому поводу Ф. Шмиттер, — как мало современных партий и движений открыто защищают недемократические способы правления" (1). Симптоматично, что и в России дискредитация сил, ассоциировавшихся в глазах людей с демократией, отнюдь не всегда и не во всех случаях означает поражение демократической идеи. Немало лидеров и партий, защищающих принципиально отличающиеся от Гайдара экономические взгляды и подвергающих резкой критике курс и позиции Б. Ельцина в 1992—94 гг., продолжают тем не менее считать себя демократами.

При этом само понятие демократии, вопреки (или, наоборот, благодаря) своей распространенности, отнюдь не отличается ясностью формулировок. В сентябре 1993 года Б. Ельцин, принимавший вопреки конституции решение о роспуске парламента, и поддержавшие его лидеры западного мира руководствовались своими представлениями о демократии. Однако и принципиальные оппоненты действий Ельцина, сторонники Р. Хасбулатова и А. Руцкого также настаивали на том, что их действия были демократическими, а действия Президента — авторитарными и неконституционными. До известной степени сентябрьско—октябрьский конфликт был конфликтом различных концепций демократии.

Среди теоретиков режимов также нет полного единства в том, что следует понимать под демократической формой правления. Однако большинство исследователей склонно проводить принципиальную грань между традиционно-греческой и современной, или либеральной формой демократии. Греческая (или античная, прямая, а также полисная — существует множество различных терминов) демократия несомненно допускает прямые и равные выборы правителя. Однако, как об этом напомнил Р. Даль, в Греции побежденный на выборах вываливался в дегте и изгонялся за пределы полиса на том простом основании, что он побежденный. И это было справедливо, ибо таковы были правила функционирования демократии.

Такая демократия мало чем напоминает современную, отличительное свойство которой — либерализм, проявляющийся в уважении и легитимной защите прав оппозиции, прав на выражение и отстаивание мнения тех, кто в настоящий момент находится в меньшинстве (т.е. как раз тех, кто в Древней Греции изгонялся из полиса), права ставить под сомнение правильность курса действующего правительства и отстаивать необходимость альтернативной политики. В той или иной форме эта мысль может быть обнаружена в работах большинства известных теоретиков политической науки. Напомним лишь некоторые из наиболее известных определений демократии.

Хуан Линц: "Демократия ... это законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех эффективных политических институтов; обеспечение условий политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений ... Демократия не требует обязательной смены правящих партий, но возможность такой смены должна существовать, поскольку сам факт таких перемен является основным свидетельством демократического характера режима" (2).

Ральф Дарендорф: "Свободное общество поддерживает различия в его институтах и группах до уровня действительно обеспечивающего расхождение; конфликт — жизненное дыхание свободы" (3).

Адам Пшеворский: "Демократия представляет собой такую организацию политической власти ... [которая] определяет способность различных групп реализовывать их специфические интересы" (4).

Арендт Лийпьярт: "Демократия может быть определена не только как управление посредством народа, но также, согласно знаменитой формулировке Президента Авраама Линкольна, как управление в соответствии с народными предпочтениями... демократические режимы характеризуются не абсолютной, но высокой степенью ответственности: их действия находятся в относительно близком соответствии с пожеланиями относительного большинства граждан на протяжении длительного промежутка времени" (5).

Рой Макридис: "Несмотря на рост взаимозависимости между государством и обществом, а также растущую деятельность государства (особенно, в экономике), демократия, во всех ее разновидностях от либеральной до социалистической, обращает особое внимание на разделение сфер деятельности государства и общества" (6).

Можно без труда продолжить список подобных определений демократии. При всем их разнообразии каждое из определений обращает прямое или косвенное внимание на наличие законодательно закрепленных возможностей участвовать в управлении обществом для всех социальных групп, независимо от их позиций, состава, социального происхождения. Эта особенность и отражает специфику современной демократии. Таким образом, в отличие от античной, современная демократия включает в себя не только выборность правителей, но и гарантии политической оппозиции на соучастие в управлении обществом или открытую критику правительственного курса. Либерализм современной демократии институционализирован и закреплен законодательно.

Универсальные характеристики демократий

Либерализм современной демократии может быть пояснен с помощью выявления универсальных характеристик демократического устройства, каждая из которых иллюстрирует свободу возникновения и волеизъявления оппозиции. А. Пшеворский выделил шесть таких характеристик.

1. Существование и организация конфликтующих интересов, означающие, в частности, что: а) для защиты своих интересов могут формироваться самые различные группы; б) эти группы имеют гарантированный доступ к политическим институтам; в) соблюдавшие правила, но потерпевшие поражение участники игры не лишаются права на ее продолжение.

2. Развитие и разрешение конфликтов осуществляется в согласии с правилами, которые определены заранее, являются ясными и доступными для всех участников. В этих правилах определяются: а) особенности допуска к процедуре политического участия; б) возможные направления деятельности, совокупность которых представляет собой признаваемые стратегии поведения; в) критерий, позволяющий ограничить сферу действия конфликта. В условиях демократии, подчеркивает Пшеворский вслед за Л. Козером, конфликты скорее ограничиваются, чем разрешаются.

3. Некоторые направления действий исключены в качестве возможных стратегий, как например, постоянное обращение к использованию физической силы. Использование силы регулируется правилами, специально предусматривающими те случаи, в которых это может допускаться. Тем не менее физическая сила все же может быть использована, поэтому демократии могут испытывать чувство страха перед лицом возможности приобретения этой силой статуса независимости.

4. Как и любая иная система, демократия стремится к стабилизации отношений, возникающих между действиями различных групп и результатами этих действий. Итогом этого стремления оказывается переплетение защищаемых различными акторами стратегий. Но специфика демократии заключается в том, что здесь каждая группа обладает возможностью самостоятельного выбора стратегии, каждая из которых имеет индивидуальные и вполне осязаемые последствия.

5. Поскольку каждый индивидуальный и коллективный участник имеет право выбора стратегий, ведущих к различающимся последствиям, результаты конфликта в условиях демократии до известной степени разнонаправлены. Нельзя сказать заранее, какой будет позиция участников в различных типах социальных отношений, включая и производственные. В условиях демократии капиталисты далеко не

всегда одерживают победу в конфликтах; им приходится вести постоянную борьбу для защиты собственных интересов. Одержат победу раз и навсегда оказывается невозможным. Даже занимаемое в политической системе положение не является гарантией преуспевания в будущем. Такое положение может обеспечить определенные преимущества в электоральной конкуренции, но не является достаточным, чтобы обеспечить перевыборы в будущем.

6. Результаты демократических конфликтов не просто разнонаправлены. Они непредсказуемы, поскольку демократия предоставляет возможность реализации интересов каждой политической группе. Исходя из распределения экономических, идеологических и иных ресурсов, демократическое устройство определяет, у каких из этих интересов существуют наибольшие шансы быть удовлетворенными, у каких — средние, а какие — удовлетворить будет почти невозможно (7).

Демократические институты

Таковы, согласно Пшеворскому, основные характеристики демократического устройства. Их следует отличать от институтов демократии. Характеристики позволяют описать, как именно функционирует демократия, но не вдаются в объяснение причин такого функционирования. Институты же представляют собой базовые механизмы, делающие политическое устройство самодостаточным и стабильным. Институты означают не просто взаимодействие различных акторов и социальных агентов, о котором говорит Пшеворский, но и, по выражению Г. О'Доннелла, "упорядоченные образцы взаимодействия, которые известны, практикуются и признаются (хотя и не обязательно одобряются) социальными агентами, намеренными продолжать это взаимодействие, подчиняясь при этом определенным правилам и нормам, закрепленным в этих образцах на формальной или неформальной основе" (8).

Назначение демократических институтов состоит в том, чтобы уберечь демократию от эволюции в диктатуру, гарантируя права меньшинств (9). Исходя из этого, наряду со всеобщим, равным и тайным избирательным правом принято выделять и целый ряд иных демократических институтов (10). Среди них традиционно принято обращать внимание на следующие:

1) наличие конституции, закрепляющей приоритет прав личности над государством и обеспечивающей одобренный гражданами механизм разрешения споров между личностью и государством;

2) реально существующее и функционально работоспособное разделение властей по вертикали (законодательная, исполнительная, судебная) и по горизонтали (власть центра и регионов);

3) свобода выражения политических суждений и согласующееся с этим наличие разнообразных источников информации;

4) свобода артикуляции политических интересов и согласующееся с этим наличие развитой многопартийной системы.

Таковы основные институты демократии, Конституирование и консолидация этих институтов составляет существо перехода к стабильной демократической системе.

Демократия и демократические институты отнюдь не связаны неразрывными нитями с экономикой, материальным благосостоянием и социальной справедливостью. К сожалению, это не всегда осознается в странах, осуществляющих демократические переходы. Как заметил в 1994 году один из наблюдателей посткоммунистической демократизации в России, "сегодня, как и в XIX веке, для многих русских демократия есть синоним "хорошего общества", которое может быть создано, если разумные, демократически мыслящие политики займут ключевые позиции, а антидемократическая оппозиция будет беспощадно сокрушена. Кажется, что именно это убеждение заставляет столь многих российских интеллектуалов связывать сегодня судьбу демократии в их стране с персональными успехами Президента Бориса Ельцина" (11).

Однако стремление связывать с демократией надежды на справедливость и материальное благополучие — характерно не только для российского перехода. Подобные процессы наблюдаются в подавляющем большинстве стран, осуществляющих переход от авторитаризма к демократии. Анализ данных, собранных в Чили, показывает, например, что 64 % опрошенных ожидают от демократии снижения безработицы, а 59 % — ломки барьеров социального неравенства. Опросы девяти восточно-европейских государств свидетельствуют о том, что люди ассоциируют социально-экономическую трансформацию с наступлением демократии. Соотношение респондентов, снижающих с демократией улучшение социально-экономических условий, колеблется от 72 % в Чехословакии и Словении до 96 % в Румынии (12). К сожалению, в России укоренению этого вредного в восприятии демократии стереотипа способствовало и центральное правительство, развернувшее в 1991—1992 гг. под флагами демократии крайне болезненную по своим социальным последствиям и сомнительную по своей эффективности программу шоковой терапии.

Демократизация — необыкновенно сложный по своей природе процесс, не обязательно ведущий к благосостоянию и справедливости. В то же время существуют определенные условия, наличие которых способно помочь укоренению и слаженному функционированию демократических институтов. Рассмотрим эти условия.

Условия стабильности демократии

Важнейшее условие стабильности демократического режима — наличие в его распоряжении достаточных материальных и духовно-психологических ресурсов. В этом отношении демократия ничем не отличается от любого иного режима. В то же время специфика демократии заключается в том, что ее ресурсы обладают способностью к самовозобновлению в рамках сложившейся системы институтов. Демократия не избавлена от опасностей, но, достигнув состояния стабильности, ей оказывается по силам задача проведения экономических и социальных реформ без существенного потрясения имеющихся норм и институтов. Один из наиболее распространенных примеров — Соединенные Штаты в эпоху Ф. Рузвельта. "Социально ответственное государство", впервые возникшее в условиях самого "безответственного" в мире государственного устройства, произвело колоссальные перемены в функционировании экономики и самих структурах общественного мнения. Однако система политической демократии при этом не только сохранилась в своих основах, но и получила новый толчок для последующего развития.

Среди условий стабильности демократии правомерно выделить внутренние (экономические и социокультурные факторы, фактор лидерства) и внешние. По-видимому, есть смысл поставить вопрос и о ряде иных (бессознательно психологических, филогенетических, географических) условий демократической стабильности, однако в данном разделе эти условия рассматриваться не будут. Отчасти потому, что мы уже имели возможность охарактеризовать эти факторы во второй главе (2.1). Отчасти потому, что вопрос этот особенно сложен и нуждается в специальных исследованиях. До сих пор нет ясности в том, имеют ли внесоциальные факторы какое-либо специальное значение в стабилизации демократических институтов.

К внешним условиям демократической стабильности вполне правомерно отнести наличие такого окружения, которое исключало бы или сводило к минимуму возможности вмешательства в целях разрушения существующей политической системы. В зависимости от размеров и ресурсов страны, не связанных с характером политической системы и позволяющих ей противостоять потенциальному агрессору, как относительно благоприятные могут рассматриваться самые различные условия. Небольшие по своему размеру и ресурсам страны европейской демократии чувствовали себя относительно комфортно в условиях сложившегося во время "холодной войны" баланса сил мировых держав. Наоборот сегодня такие страны, как Австрия и Германия, оказавшиеся в окружении модернизирующихся посткоммунистиче

ских стран, значительно в меньшей степени застрахованы от пограничных конфликтов, вспышек национализма и многих иных проявлений нестабильности.

Экономические условия могут отслеживаться по самым различным критериям. С. Липсет, например, был первым, указавшим на зависимость между стабильной демократией и высокими показателями ВВП (13). В свою очередь П. Бергер специально указывает на важность относительного социально-экономического расслоения и рыночную организацию экономики (14). И хотя демократия отнюдь не является синонимом капитализма, утверждение Бергера, что "капитализм — необходимое... условие демократии" (15), применительно к демократии стабильной представляется корректным.

Конечно в реальной действительности немало обществ, как например, южнокорейское, или не так давно южноафриканское, которые могут соединять капитализм с недемократическими политическими системами. Предсказывать направления дальнейшей эволюции такого рода "смешанных" обществ не входит в нашу задачу. Но важно подчеркнуть, что капитализм "родственен" демократии, ибо, как и демократия, ограничивает абсолютизм государственной власти, творит собственную "негосударственную" реальность, укрепляя позиции автономных хозяйственных субъектов. Наоборот, социалистическая экономика, как показывает опыт, органически чужда демократии и чаще всего сопровождается диктатурой, будь то "диктатура пролетариата" или "авангардной партии".

Еще более сложной предстает зависимость стабильности демократии от социокультурных условий. Сама капиталистическая экономика, как показывают, начиная от М. Вебера, многочисленные исследования, функционирует значительно менее продуктивно, если отсутствует соответствующий для этого культурно-этический фундамент. Таким фундаментом не обязательно должен быть протестантизм, как полагал Вебер, однако ряд компонентов является для него обязательным. П. Бергер, например, описывает эти компоненты как "активизм, рациональную склонность к инновациям и самодисциплину" (16). Несомненно, что способствуя экономической эффективности, социокультурные установки оказывают свое, и достаточно мощное, влияние и на прочность политических, в частности, демократических институтов.

Анализ роли социокультурных факторов в стабильном функционировании демократии по многом связан с именами американцев Г. Алмонда, С. Вербы, Р. Инглехарта. Заслуга первых двух состоит в выявлении и кросс-национальном исследовании феномена "гражданской культуры", системы ориентации и установок массового сознания, укрепляющей демократические институты (17). Что касается Инглехар

та, то ему в заслугу может быть поставлено восстановление роли концепции "гражданской культуры" на новом эмпирическом материале, придание ей иного смысла и звучания. С его точки зрения, гражданская культура включает в себя два основных компонента — "склонность доверять другим" и "удовлетворенность жизнью", являющиеся предпосылками как объединения граждан в добровольные ассоциации, так и отсутствия в их сознании установок на кардинальное изменение существующих условий (18).

И социально-экономические, и социокультурные условия принципиально важны для нормального функционирования демократии. В то же время было бы неверным переоценивать их значение, ибо здесь огромная роль может принадлежать компетентному лидерству. Подчеркивающие значение этого фактора исследователи, такие, как А. Лейпьярт, Д. Рустоу, А. Пшеворский, полагают, что сосредоточенность на социальных условиях способна стать помехой в выявлении целого спектра практических возможностей, связанных с разработкой правильной стратегии и искусством ее проведения в жизнь. Конфронтационный стиль политического лидера, его неспособность и нежелание видеть дальше сегодняшнего дня, отсутствие политической воли играют важнейшую роль в дестабилизации даже тех демократических устройств, которые покоятся на сравнительно прочном экономическом и социокультурном фундаменте.

Демократия, таким образом, может быть подвержена как серьезным структурным опасностям, связанным с действием только что описанных макрофакторов, так и опасностям, вытекающим из недостатков лидерства. По сравнению с авторитаризмом, внешне напоминающим агрессивного драчуна, демократия в зависимости от возраста может походить либо на достаточно капризного и нежного ребенка, либо на вполне солидного и зрелого по своему возрасту человека, не разучившегося, однако, сомневаться в правоте своих действий и потому нуждающегося в руководстве. В отсутствие компетентного руководства, демократия имеет немалые шансы переродиться в разновидность авторитаризма. В то же время сомнение в собственной правоте — внутренняя особенность демократии, составляющая в одно и то же время и ее слабость, и ее силу, ибо только сомневающийся обладает достаточной гибкостью, чтобы уловить необходимость перемен и, своевременно приняв правильное решение, избежать краха.

Угрозы демократии и их источники

В известном смысле отсутствие описанных выше условий и есть достаточно полный список тех опасностей, которые нередко возникают на пути демократии. Отсутствие благоприятного внешнего окружения,

компетентного лидерства, слабость экономических и социокультурных предпосылок демократии вносит свой вклад в дестабилизацию ее институционального устройства и возможное последующее перерождение или взрыв. Механизм такого перерождения может быть описан следующим образом.

В том случае, если описанные выше условия по каким-то причинам отсутствуют или оказываются слабыми, демократия лишается благоприятной для нее "среды обитания". Эта среда, или условия оказывают все более существенное негативное воздействие на политических и социальных акторов, конкурирующих в условиях демократии. Главная опасность такого воздействия — создание ситуации очевидного неравенства и распределении и использовании политических ресурсов. Например, внешнее вмешательство может способствовать существенному укреплению оппозиции. Значительные масштабы финансовой помощи, оказываемой одной из групп, конкурирующих в избирательной кампании, способны поставить под сомнение сами принципы правового эгалитаризма демократии. Опасность, как писал Р. Даль, состоит в данном случае в постепенном создании условий для формирования дуалистической системы, совмещающей в своих рамках характеристики гегемонии и полиархии (19).

Демократия, понимаемая как свобода формулировать и отстаивать политические альтернативы, представляет собой верховенство закона, законодательно закрепленное равенство возможностей, предоставляемое всем имеющимся и обладающим политическими амбициями группам. Неравенство ресурсов всегда входило и будет входить в противоречие с законодательно закрепленным равенством политических возможностей. Этот парадокс, описанный Токвилем как парадокс примирения свободы и равенства, составляет неотъемлемую характеристику демократического устройства. Искусство примирения этих противоположностей в рамках самой системы есть искусство сохранения демократии. Политические ресурсы могут быть ограничены в законодательном порядке — например, путем создания социально ответственного государства или введения системы двухступенчатых выборов законодателей (как это до сих пор существует в США) — однако проблема, хотя и в разных формах, будет существовать всегда: как укрепить систему свободной конкурентной борьбы без нанесения серьезного по своим последствиям ущерба равенству участников.

В том случае, если стратегия совмещения свободы использовать имеющиеся для приобретения политического капитала ресурсы и равенства возможностей для участия в конкурентной борьбе оказывается неудовлетворительной, могут возникнуть следующие неблагоприятные для стабильной демократии результаты.

Во-первых, демократия может прекратиться в защитницу интересов политического меньшинства, не уделяя достаточного внимания большинству. Фактически это означает возникновение гибрида авторитаризма и демократии, в результате которого либерализация не сопровождается процессами демократизации или существенно отстает от них, подключая к политическому процессу массовые социальные слои с ущербным для стабильности демократии запозданием. В политической науке этот феномен получил наименование *диктократии* (от испанского "diclablanda"). В этом случае режим отдает предпочтение тем социальным группам, которые далеки от того, чтобы выступать выразителями интересов широких общественных слоев, хотя и располагают значительными политическими ресурсами.

Во-вторых, режим может выступать защитником скорее массовых, чем элитных социальных групп и обращаться за прямой поддержкой своих действий к народу. В том случае, если такие действия режима становятся регулярными, высока вероятность возникновения иного гибрида демократии и авторитаризма, нередко именуемого *демократурой* (от испанского "democradura"). В отличие от диктократии, демократура пренебрегает процессами либерализации и поддержкой политического меньшинства, нередко владеющего значительными ресурсами, весьма напоминая своим функционированием традиционнореческую форму демократии. Оба режима нередко выступают в качестве своеобразного фасада, скрывающего авторитарное управление (20).

Наконец, третий и весьма вероятный результат описанной дилеммы — *поляризация и сегментация политических групп*. В данном случае особое значение наряду со структурой сосредоточения ресурсов различными группами приобретает отсутствие среди них базового консенсуса относительно правил и норм демократического процесса. Ресурсы могут быть распределены относительно равномерно среди основных участников политического процесса, однако именно это, наряду с неуважением к демократическим процедурам, может вести к возникновению иммобилизма системы. Иммобилизм, или сегментированное политическое устройство означает возникновение, по формулировке Р. Даля, системы взаимного вето, когда главные сегменты общества обладают де-юре или де-факто правом вето на правительственную политику (21). Такой иммобилизм может вести к постепенной, через поражения и откаты, консолидации демократической системы. Однако он также чреват, как показали события в Ливане, развязыванием длительной и кровопролитной гражданской войны.

Таким образом, демократии угрожают как внутренние, так и внешние опасности. Ей предстоит не только сбалансировать наличие фак

тического неравенства политических ресурсов и юридическое равенство возможностей конкурентной борьбы. Демократии также предстоит на этой основе познать искусство компетентного и своевременного принятия политических решений, не разрушая при этом системы достигнутого согласия. Ей предстоит научиться в целях сохранения способности управлять системой преодолевать давление различных групп интересов. Ей предстоит наконец приобрести навыки примирения в рамках самой системы тенденций конфликта и консенсуса (22).

Специфика и многообразие демократических режимов

В исследовательской литературе уделяется недостаточное внимание концептуализации различий, имеющихся среди демократических систем. Существует огромный поток региональных исследований предпосылок и особенностей демократии (как, например, 4-томная работа американских специалистов "Демократия в развивающихся странах") (23). Есть немало работ, посвященных осмыслению процедурных и структурных особенностей демократии. Но нельзя сказать, что феномен многообразия демократических режимов пользуется на сегодняшний день широкой популярностью среди исследователей. В западной литературе еще не столь давно демократия почти исключительно ассоциировалась с ее западным, особенно американским образцом. Возможно поэтому еще нередко утверждения, что в Японии, например, демократия не привилась, что демократия не может существовать в ином, кроме западного социокультурного или экономического, контексте, что происходящие в постсоветских республиках изменения не имеют с демократией ничего общего,

Демократия, однако, весьма далека от того, чтобы представлять собой какой-либо жесткий стандарт или образец для подражания. Напротив, опыт свидетельствует, что "пересадка" демократии, ее навязывание извне без достаточного учета своеобразия страны-реципиента чаще всего оборачивается далекими от ожидаемых результатами. Навязываемая извне политическая модернизация ведет к восстановлению авторитарных или полуавторитарных режимов (24). Скорее можно полагать, что демократия представляет собой такую совокупность универсальных характеристик, которые выполняют роль своего рода рамочного устройства и достаточно свободно совмещаются с социокультурным, экономическим, географическим, историческим своеобразием различных обществ. Если это предположение верно, то опасения утратить такое своеобразие в результате адаптации демократических институтов, являются сильно преувеличенными. Восточная демократия, несмотря на отсутствие здесь индивидуализма личности, или регулярной сменяемости политических партий у власти, тем не

менее остается демократией (25), т.к. содержит в себе все основные институты демократического устройства: наличие различных партий и разделения властей, независимости прессы и демократической конституции. Политические права в восточных демократиях гарантированы и закреплены законодательно, хотя и используются во многом иначе, чем на Западе.

Таким образом, в основе разделения демократических устройств лежит принцип их *социокультурной уникальности*, своеобразия исторического наследия. Это своеобразие накладывает глубокий отпечаток на функционирование демократических институтов. Модификация, которой в этой связи подвергаются институты, может быть весьма значительной. Наиболее характерный пример — формы разделения властей, складывающиеся в условиях президентской и парламентской форм правления. В президентской системе разделение властей между парламентом и президентом обеспечивается процедурой их раздельных выборов. Напротив, в парламентской системе всеобщим голосованием избирается только парламент. Премьер-министр избирается и может быть отозван парламентом, однако его независимость проявляется в гарантированной ему законом возможности при определенных условиях распустить парламент и назначить новые парламентские выборы. Не менее существенным может быть различие однопалатных и двухпалатных парламентов, систем выборов, типов партийных систем. Однако едва ли наличие такого рода различий может поставить под сомнение имеющиеся принципы демократического устройства.

Другой пример — различие так называемой мажоритарной и консенсусной демократий. Согласно А. Лейпярту, демократические режимы могут быть описаны с точки зрения степени многопартийности правительственной власти (минимальное число партий, составляющих правящую коалицию парламентского большинства и т.д.). Исходя из этого критерия, мажоритарным будет считаться режим, в котором партии сменяют друг друга, а правящая коалиция формируется по принципу большинства. Наоборот, в консенсусной демократии правящая коалиция формируется на основе пропорционального представительства партий (26). Примеры мажоритарной и консенсусной демократий — соответственно Великобритания, США (Вестминстерская модель) и скандинавские страны. Специалисты выделяют три особенности консенсусной демократии, по сравнению с мажоритарной: 1) низкий уровень оппозиции имеющимся в рамках существующего государства способам и правилам разрешения конфликтов; 2) низкий уровень конфликта относительно существующей государственной политики; 3) высокая степень согласованности в проведении общественной по

литики (27). Согласно Лейпярту, режимы могут различаться и по уровню централизации государственной власти — на федеральные и унитарные (28). Таким образом, в рамках системы демократических институтов могут существовать самые различные способы организации их функционирования.

В контексте сказанного особый интерес представляет вопрос о том, могут ли режимы, возникшие в постсоветских государствах, в частности в России, быть охарактеризованы как демократические, по крайней мере, в период 1992—94 гг. На этот вопрос существуют как положительные, так и отрицательные ответы (29). Противоречивый, переходный характер российского общества, сожительство старых и новых форм, воспроизводящиеся попытки соединить институционализацию демократических институтов с практикой насильственно-авторитарного разрешения политических споров — все это чрезвычайно затрудняет определение нового режима в терминах авторитаризма и демократии. В зависимости от исследовательских целей, политических симпатий и антипатий в практике этого режима могут быть обнаружены характеристики принципиально различных способов политического устройства.

Любопытно однако обратить внимание на то, что и среди критиков российского режима, использующих и его описания самые различные наименования, так или иначе присутствует термин "демократия". Эта демократия может быть "посткоммунистической" (И. Клямкин), "номенклатурной" (Г. Водолазов, Б. Буртин), "вождистской плебисцитарной" (Э. Ожиганов), "колониальной" (Г. Зиновьев, С. Говорухин) (30), но это демократия, подразумевающая в себе наличие (хотя и в урезанном виде) не только характеристик, но и институтов демократического устройства. Признание этого факта прочитывается и в статьях А. Миграняна, последовательного сторонника обозначения этого режима термином "авторитарный" и парадоксальным образом использующего для подкрепления своих аргументов концепцию "делегативной демократии" Гилермо О'Доннела (31), а также в определениях, фиксирующих конкурентную природу посткоммунизма (32).

Российская демократия весьма далека от образцов демократии вестминстерской и пока что отнюдь не является гарантией дальнейшего движения вперед. Ее социальная база крайне узка, и возвращение к авторитарным формам правления никак не может быть исключено из числа возможных альтернатив. В ближайшие годы альтернативы исторического пути в России кроются внутри самой внутренне нестабильной "номенклатурной демократии", в том, какое из начал в ней возобладает и будет укрепляться — номенклатурное или демократическое. Пока на этот вопрос нет ответа.

3. АВТОРИТАРНЫЕ РЕЖИМЫ

Важность анализа авторитарных режимов обусловлена уже тем обстоятельством, что большая часть человечества до сих пор довольствуется именно этим типом политического устройства. Чем же привлекателен мир авторитаризма? Каковы его перспективы и основы стабильности? Что отличает и что объединяет между собой различные виды авторитарных политических устройств? К рассмотрению этих вопросов мы теперь обращаемся.

Универсальные характеристики авторитаризма

Термин "авторитаризм", несмотря на его распространенность, не является строго определенным. В известной степени мир авторитаризма значительно более богат и разнообразен, чем мир демократии. Об этом свидетельствует опыт истории и современности. Ибо если демократические системы при всех имеющихся среди них различиях объединены между собой наличием процедуры конкурентных выборов, то авторитарные режимы не могут похвастать ничем таким, чтобы их принципиально объединяло. По справедливому наблюдению С. Хантингтона, единственное, что их объединяет, — это отсутствие свойственной демократиям процедуры выборов (33). В остальном они имеют между собой довольно мало общего. Тем не менее, выделение авторитарных режимов представляется нам методологически важным, ибо оно позволяет провести четкую границу между демократиями и не-демократиями, отделить друг от друга две принципиально отличающиеся политические вселенные.

Очень часто авторитарные режимы определяют, как правление силой (34). Смысл такого правления заключается в концентрации власти в руках одного или нескольких лидеров, не уделяя первостепенного внимания достижению общественного согласия относительно легитимности их власти. Поэтому в своем чистом виде авторитаризм почти всегда может быть отождествлен с использованием инструментов принуждения и насилия. Армия, полиция, тюрьмы и концентрационные лагеря выступают для режима повседневными "аргументами" в доказательстве как неколебимости его устоев, так и обоснованности претензий на власть.

В то же время было бы преувеличением сказать, что все авторитарные режимы отвечают этому определению. В реальной действительности такие режимы сплошь и рядом стремятся использовать дополнительные средства стабилизации, опираясь, по возможности, на традицию и харизму лидера. Более того, исторический опыт убеждает в

том, что ценности традиций, религиозных и культурно-региональных оказываются в условиях авторитаризма достаточно сильны. Испания при Франко, Португалия при Салазаре, Аргентина при Пероне могут служить убедительным тому подтверждением. В этом смысле авторитаризм следует отличать от тоталитаризма, который является как бы продолжением тенденций, имеющих в условиях авторитарного режима, — таким продолжением, которое порождает совершенно новое качество, новую разновидность политического режима со своими специфическими характеристиками, институтами, принципами стабилизации и осуществления власти (см. подробнее 3.4.). По сравнению с тоталитарным правлением, авторитаризм не свободен в отправлении своей власти. В обществе сохраняются институты, которые представляют для режима реальную угрозу: семья, род, церковь, социальный класс, городская и деревенская культура, социальные движения и ассоциации. Иными словами, в обществе сохраняется довольно мощный потенциал для формирования и деятельности оппозиционных политических групп.

Поэтому оппозиция авторитаризму, как правило, существует, хотя и существенно отличается от оппозиций в условиях демократии. Что отличает оппозиции в условиях авторитаризма и демократии, так это уровень их терпимости к правящей политической группировке. Нетерпимость режима с необходимостью порождает адекватную реакцию со стороны оппозиции — ее главной целью и смыслом деятельности становится устранение режима с политической сцены. Естественно, что избираемые для этого средства далеко не всегда являются правовыми и часто вступают в конфликт с тем, что является официально признанным (35).

Хорошей иллюстрацией различий трех режимов — демократии, авторитаризма и тоталитаризма — является часто используемая в сравнительной политологии шутка. Согласно этой шутке, в которой конечно же заключена немалая доля справедливости, политические системы Великобритании, Испании и Советского Союза в 50-е годы отличались следующим образом. В Великобритании разрешалось все, что не запрещалось (принцип правового государства), в Испании запрещалось все, что специально не разрешалось, а в Советском Союзе было запрещено все, включая и то, что официально считалось разрешенным. Если мы рассмотрим Великобританию, Испанию и СССР соответственно как примеры демократического, авторитарного и тоталитарного политического устройства, то перед нами возникнет достаточно емкое сопоставление основных особенностей трех типов режимов.

Большую работу по такому сопоставлению и деталям проделал уже упоминавшийся нами Р. Макридис. Он проследил как и посредством

каких механизмов различные режимы осуществляют свою власть в обществе (см. схему 14).

С х е м а 14

Различия и сходства авторитарных, тоталитарных и демократических режимов

Механизмы осуществления власти	Авторитарный	Тоталитарный	Демократия
1. Ограничения деятельности правящих структур			Да — множество
2. Ответственность правящих структур	—	Слабая (полит, партия)	Значительная
3. Организация структуры правления: государство бюрократия / военные индивидуальный лидер	Да Да Да	Да Под контролем партии Да (коллект. руководство)	Государство и госорганы Подчинены Выборны
4. Проникновение политических органов в структуры общества	Слабое	Сильное	Ограниченное
5. Мобилизация поддержки	Слабая	Сильная	Различная
6. Официальная идеология	Слабая	Сильная	Слабая
7. Партии	Слабая/нет	Одна партия	Множество
8. Полиция, сила, запугивание	Да	Да	—
9. Права индивида (защита) по форме по существу	?	Да	Да Да, в основном

* Ист., : Mucridis R.C. Modern Political Regimes. Patters and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 15.

Таким образом, можно выделить следующие, универсальные для авторитаризма характеристики. Все авторитарные режимы отличает:

- стремление исключить политическую оппозицию (если таковая существует) из процесса артикуляции политических позиций и принятия решений;

- стремление использовать силу в разрешении конфликтных ситуаций и отсутствие демократических механизмов контроля за осуществлением власти;

- стремление поставить под свой контроль все потенциально оппозиционные общественные институты — семью, традиции, группы интересов, средства массовой информации и коммуникации и пр.;

- относительно слабая укорененность власти в обществе и вытекающие отсюда желание и, одновременно, неспособность режима подчинить общество всеобъемлющему контролю;

- перманентные, но чаще всего не слишком результативные поиски режимом новых источников власти (традиции и харизма лидера) и новой, способной сплотить элиту и общество идеологии;

- относительная закрытость правящей элиты, которая сочетается с наличием внутри нее разногласий и борющихся за власть группировок.

Все сказанное было рельефно отражено в определении авторитаризма, данном Х. Линцом. Согласно этому определению, авторитарными являются "политические системы, для которых характерен ограниченный, хотя и не инициируемый сверху, политический плюрализм, отсутствие разработанной и ведущей идеологии при наличии однако определенного типа ментальности, отсутствие широкой и интенсивной политической мобилизации, исключая отдельные периоды развития. Это — системы, в условиях которых лидер или узкая группа осуществляют власть в нечетко определенных, но вполне предсказуемых границах" (36).

Разновидности авторитаризма

Такое широкое определение авторитаризма оставляет значительный простор для классификации авторитарных режимов. Сюда могут быть отнесены и известные в истории абсолютные монархии, и феодальные аристократии, и режимы бонапартистского типа, и военные диктатуры, и многие иные смешанные формы, с трудом поддающиеся определению. Однако исследователи современных авторитарных режимов чаще всего выделяют следующие три группы: однопартийные системы, военные режимы и режимы личной власти (37). Главный критерий такого разделения режимов — правящая группировка, ее

основные характеристики и способы взаимодействия с обществом. Во всех трех случаях существует, по определению Хантингтона, устойчивое стремление свести к минимуму конкуренцию элит и массовое политическое участие. Единственное в этом ряду исключение — Южно-Африканский режим апартеида, представлявший собой расовую олигархию и исключавший из участия в политике более 70% населения, практикуя одновременно довольно широкую конкуренцию в рамках белого сообщества. К этим трем группам авторитарных режимов может быть добавлена еще одна — бюрократически-олигархические режимы. Власть в этих режимах осуществляется группой лиц, нередко представляющих интересы различных общественных слоев, однако в формулировании и принятии решений главная и безусловная роль принадлежит здесь государственной бюрократии.

1. Однопартийные системы. Термин "однопартийность" может использоваться, как отмечал Дж. Сартори, в трех случаях. Во-первых, применительно к ситуации, когда одна партия *монополизирует* политическую власть, не допуская существования никаких иных партий и политических организаций. Во-вторых, когда одна партия выступает в качестве *гегемонистской*, а все остальные, существуя, не имеют шансов конкурировать с ней на равной основе. В-третьих, возможна ситуация *доминантной* партии, когда одна и та же партия постоянно получает подавляющее большинство голосов в парламенте. В этой ситуации партии не только существуют как легитимные, но и, несмотря на свою недостаточную эффективность, имеют в политической борьбе равные стартовые условия (38). Третий образец выходит за рамки авторитарной политики, ибо в нем присутствует свободная и справедливая конкуренция — главное условие демократических систем. Следовательно, этот образец выходит и за рамки рассмотрения в данном разделе. Отметим лишь, что три приведенных образца однопартийности вполне могут переходить друг в друга: гегемонистская партия имеет шансы эволюционировать в доминантную, а доминантная — вырождаться в гегемонистскую и даже монополистическую.

В большинстве случаев однопартийные системы либо устанавливаются в результате совершения революций, либо навязываются извне. Так было, например, со странами Восточной Европы, в которых однопартийные системы стали послевоенным результатом насаждения опыта СССР. Сюда же, помимо стран с коммунистическим режимом правления, могут быть отнесены Тайвань и Мексика. В таких системах партия монополизирует и концентрирует власть в своих руках, легитимизирует свое правление при помощи соответствующей идеологии, а сам доступ к власти непосредственно связывается с принадлежностью

к партийной организации. Такого рода системы нередко достигают весьма высокого уровня институционализации, иногда (СССР, Германия) вплотную подходя к тоталитарной организации политической власти.

Однопартийные системы могут существенно отличаться друг от друга. Это вполне объяснимо, ведь различия могут касаться степени централизации власти, возможностей идеологической мобилизации, взаимоотношений партии—государства и партии—общества и т.д. Несколько упрощая, такие различия можно свести к двум основным группам.

1. До какой степени успешно партия преодолевает конкуренцию со стороны других претендентов на политическую власть. Среди этих претендентов следует выделить лидеров, наделенных харизматическими качествами; традиционных акторов (прежде всего, церковь и монархия); бюрократических акторов (чиновничество); парламентских акторов (национальные ассамблеи и парламенты, местные органы власти); военных; отдельные социально-экономические группы (крестьяне, рабочие, управленцы, предприниматели, технократы и интеллектуалы) (39).

2. До какой степени партии успешно удается изолировать основные общественные слои от свободного участия в политике и мобилизовать эти слои на поддержку своей собственной власти.

Исходя из этих двух признаков, М. Хагопиан разграничил следующие четыре вида однопартийных режимов: 1) доминантно-мобилизационные; 2) подчиненно-мобилизационные; 3) доминантно-плюралистические; 4) подчиненно-плюралистические (40). *Доминантно-мобилизационные режимы* очень близки к тоталитарным режимам и фактически смыкаются с ними. Конкуренция среди элит сведена здесь к минимуму, а мобилизация общества достигает весьма значительных масштабов. Противоположностью этим режимам выступают *подчиненно-плюралистические* однопартийные системы, которым оказывается не под силу ни существенно ограничить внутриэлитную конкуренцию, ни привлечь к поддержке своего правления основные слои общества. Советское общество в конце 30-х и на рубеже 70-х—80-х годов может служить удачной иллюстрацией эволюции режима из доминантно-мобилизационного в подчиненно-плюралистический. В промежутке между этими полюсами находятся *подчиненно-мобилизационный* и *доминантно-плюралистический* режимы. Примером второго может быть брежневский режим в первой стадии его функционирования, когда партии, в основном, удавалось сохранять контроль над другими элитными группировками, однако общество все меньше и меньше могло быть приведено в действие с помощью некогда безотказ

ных идеологических формулировок. Что касается подчиненно-мобилизационных режимов, то большевистский режим на начальных этапах своей стабилизации, по-видимому, может быть рассмотрен как один из примеров такого рода режимов. Существовавшие различия между ленинской и сталинской концепциями партии никак не затрагивали массовые слои российского общества, поддерживающие формирующийся большевистский режим.

2. Военные режимы. В отличие от однопартийных, военные режимы чаще всего возникают в результате государственных переворотов против осуществляющих управление гражданских лиц. В политической науке пользуется известностью также наименование этих режимов как "преторианских" — термин, введенный С. Хантингтоном в его книге "Солдат и государство" (1957 г.). В задачи Преторианской Гвардии, существовавшей при императорах в последние дни Римской Империи, входила охрана их безопасности. Однако стратегическое положение преторианцев нередко вело их к действиям, прямо противоположным ожидаемым — убийствам императора и продаже его должности тому, кто предлагал наибольшую цену.

В этой связи в политологии нередко используется и термин "*преторианское общество*", означающий, что в обществе весьма высока вероятность военных переворотов как средства разрешения накопившихся политических противоречий. Дэвид Раппопорт выделяет четыре основных характеристики "преторианского общества":

1) Серьезный недостаток консенсуса в отношении основных функций и методов правления. Иначе говоря, в обществе отсутствуют правила игры среди политических акторов.

2) Борьба за власть и богатство принимает особенно острые и грубые формы.

3) Сверхбогатые меньшинства сталкиваются с огромными нищающими слоями общества почти так же, как это описано у Маркса при характеристике им завершающей ступени капитализма.

4) Существует низкий уровень институционализации политических и административных органов, ибо уровень легитимности власти крайне низок, а уровень нестабильности очень высок. Упадок общественной морали, коррупция и продажность приводят к дискредитации политической жизни и ее последующему прерыванию. У военных возникает сильный соблазн вмешаться, руководствуясь либо стремлением положить конец слабому и коррумпированному гражданскому режиму, либо жадной получить большую по сравнению с имеющейся долю в управлении обществом и распределении общественного богатства (41). Формирующийся военный режим чаще всего осуществляет

власть на доставшемся ему в наследство институциональном основании, управляя либо коллегиально (как хунта), либо периодически передавая главный правительственный пост по кругу высших генеральских чинов.

Огромное количество практических примеров военного правления в Латинской Америке, Африке, Греции, Турции, Пакистане, Южной Корее и других странах, с одной стороны, уже позволило создать достаточно разработанную теорию взаимоотношений между военными и гражданскими лицами. Важнейшие составляющие этой теории — классификация военных переворотов (реформистские, консолидирующие, консервативные, вето-перевороты) и вызвавших их причин, анализ особенностей ментальности и этических ценностей военных (национализм, коллективизм, негативное отношение к политике, внутренняя дисциплина, пуританский образ жизни и пр.), отношение военных к модернизации и их потенциал в ее осуществлении (42). С другой стороны, многосторонний исторический опыт постоянно требует развития этой теории и внесения в нее дополнительных корректив. Новый в этом отношении регион потенциально "преторианских обществ" — бывший Советский Союз, где армия стремится ко все более активному участию в политической деятельности. Мы не можем позволить себе останавливаться на этом более подробно, хотя и затронем еще эту тему при обсуждении проблематики перехода от авторитаризма.

3. Режимы личной власти. За этой категорией также скрывается достаточно широкое разнообразие образцов осуществления политической власти. Их общей характеристикой является то, что главным источником авторитета выступает индивидуальный лидер и что власть и доступ к власти зависят от доступа к лидеру, близости к нему, зависимости от него. Нередко режимы личной власти вырождаются в то, что М. Вебер определял как султанистские режимы, с характерными для них коррумпированностью, отношениями патронажа и непотизма. Португалия при Салазаре, Испания при Франко, Филиппины при Маркосе, Индия при Индире Ганди, Румыния при Чаушеску являются более или менее убедительными примерами режимов личной власти.

Кроме того, существует целый ряд смешанных режимов, способных эволюционировать в режим личной власти, первоначально располагая иными источниками авторитета и осуществления власти. Переворот в Чили, осуществленный группой военных, впоследствии привел к установлению режима личной власти генерала А. Пиночета как в силу имевшихся у него личных качеств, так и продолжительности его пребывания в должности. Очевидный и напрашивающийся пример — ре

жим Сталина, прошедший самые различные стадии эволюции, опиравшимся первоначально на популистские лозунги, затем на отлаженную партийную машину и, наконец, все в большей и большей степени — на харизму "вождя".

4. Бюрократически-олигархические режимы. Эти режимы часто рассматривают вместе с вопросом о военных режимах (43). Это вполне правомерно, ведь военные, как мы сказали выше, придя к власти, используют унаследованный ими государственный аппарат и политические институты. Тем не менее, в структурах лидерства могут существовать различия относительно того, кто именно — военные или государственные чиновники — обладают инициативой и последним словом в принятии жизненноважных политических решений. Эти различия и позволяют выделить бюрократически-олигархические режимы в отдельную группу.

В бюрократически-олигархических режимах формальные полномочия чаще всего принадлежат парламентским органам, однако на практике и партии, и фракции парламента оказываются слишком слабы, чтобы конкурировать с мощным корпоративным блоком сил. Этот блок могут составлять представители официальных структур правления (Президент, глава Правительства, спикер Парламента и пр.); мощные группы интересов, представляющие, например, крупный финансовый капитал; руководители силовых ведомств и другие силы, которые заключают временный альянс и устанавливают корпоративные правила политической игры для обеспечения относительной стабильности в обществе и достижения ими взаимовыгодных целей. Как правило, такого рода режимы весьма нестабильны и устанавливаются в промежуточном для общества состоянии, когда прежний источник авторитета (всеобщие выборы) ослабевает, утрачивает силу скрепляющего общество обруча, а нового, способного прийти ему на смену способа общественной интеграции не возникает. Власть придерживающиеся опасаются всеобщих выборов, идеологическая мотивация не имеет каких-либо перспектив в мобилизации общественной поддержки, поэтому режим удерживается у власти, используя подкуп потенциально могущественных соперников и постепенно открывая для них доступ к власти.

Важнейшая характеристика бюрократически-олигархических режимов — корпоратизм, т.е. формирование и относительно успешное функционирование особого типа структур, связывающих общество с государством в обход политических партий и законодательных органов власти (44). Официально представляя перед государством частные интересы, такие структуры формально подчинены государству и отсекают все легитимные каналы доступа к государству для остальных чле

нов общества и общественных организаций. Отличительными чертами корпоратизма становятся: а) особая роль государства в установлении и поддержании особого социально-экономического порядка, в основном, существенно отличающегося от принципов рыночной экономики; б) различной степени ограничения, накладываемые на функционирование либерально-демократических институтов и их роль в принятии политических решений; в) экономика в основном функционирует в опоре на частную собственность на средства производства и наемный труд; г) организации производителей получают особый промежуточный статус между государством и общественными акторами, выполняя не только функции представительства интересов, но и регулирования от имени государства (45). В той или иной степени эти характеристики корпоратизма проявляются во всех бюрократически-олигархических режимах.

Один из наиболее характерных и весьма детально исследованных образцов данного вида режимов — *бюрократический авторитаризм*, описанный на примере Аргентины и ряда других стран Латиноамериканского континента аргентинским политологом Г. О'Доннеллом. Во многом описание О'Доннелла напоминает рассуждения другого известного исследователя Б. Мура, который выделял три принципиальные разновидности исторического движения к индустриальной цивилизации — западный путь (Англия, США), путь социализма (СССР, Китай) и путь фашизма или запоздалого и потому государственного капитализма (Германия, Италия, Япония) (46). Подобно Муру, О'Доннелл рассматривает потребность в ускоренном развитии капитализма как основную в укреплении политической роли государства. Государство в условиях бюрократического авторитаризма отстаивает интересы блока, состоящего из трех основных движущих сил, Это, прежде всего, национальная буржуазия, контролирующая крупнейшие и наиболее динамичные национальные компании. Затем, международный капитал (именно присутствие этого фактора существенно, по мнению О'Доннелла, отличает модель его бюрократического авторитаризма от разработанной Муром модели фашизма), который тесно связан с национальным капиталом и во многом составляет движущее начало экономического развития данной страны. Такое взаимодействие национального и интернационального капитала привело, в частности, к формированию дополнительного количества дочерних компаний мультинациональных корпораций. Высокая степень нестабильности, острые политические конфликты, "коммунистическая угроза", периодически возникающие экономические кризисы побудили этот блок опереться еще на одну важнейшую силу, способную предотвратить возможную социальную дезинтеграцию — на армию.

Отстаивая интересы этого блока сил, государство оказывается наделенным рядом близких фашистскому характеристик — высокой степенью авторитарности и бюрократизма, а также активным вмешательством в ход экономических процессов. Эта роль государства укрепляется тем явственнее, чем очевиднее становится необходимость защищать интересы национального капитала от возросших притязаний капитала международного. Государство все больше и больше выступает как патрон национальной буржуазии. "Государство, которое мы имеем в виду, — пишет О'Доннелл, — не является традиционно авторитарным типом, когда оно возвышается над политически инертным населением; оно также не является популистским, взывающим, хотя и под определенным контролем, к оживлению народного сектора... Бюрократический авторитаризм представляет собой систему политического и экономического вытеснения народного сектора... что достигается уничтожением канала политического доступа к государству для народного сектора и его союзников, захватом и контролем организационной базы их деятельности" (47). Такой образец существовал в ряде стран Латинской Америки, пока не развился и обнаружил свои претензии на участие в политической деятельности тот самый народный сектор, рост которого тщательно контролировался государством, пока не диверсифицировались интересы национальной буржуазии, которые более не могли быть разрешены в рамках авторитарного режима.

Другой, гораздо более спорный пример — едва нарождающийся *бюрократически-олигархический режим в пост коммунистической России* и ряде других государств, возникших на территории бывшего Советского Союза. О формировании в России такого, близкого к авторитаризму режима исследователи писали уже в 1991 — 1993 гг. (48), а к 1994—1995 году количество публикаций, указывающих как на стабилизацию постсоветского режима, так и на возникновение в российской политике устойчиво-авторитарных тенденций (49), значительно возросло. Этот режим еще только формируется и пока что трудно с уверенностью предсказать его дальнейшую эволюцию. Элементы демократического устройства пока причудливо совмещаются здесь с характеристиками только что описанного бюрократического авторитаризма, прежнего однопартийного режима и даже автократии (как например, в октябре—декабре 1993 г., когда вся полнота власти оказалась сосредоточенной в руках Президента). Появляются в нем и элементы корпоратизма (50). Только время поможет ответить на вопрос о действительной природе этого режима и потенциале его устойчивости.

Проблема институционализации авторитарных режимов

Еще одно существенное отличие авторитаризма от демократии и тоталитаризма — слабость политической институционализации. Как и тоталитаризм, авторитаризм — дитя незаконнорожденное. Более того, если тоталитаризм появляется на свет в результате революции, т.е. при поддержке массовых слоев населения, то происхождение авторитаризма значительно более сомнительно. Легитимность его власти весьма относительна. В случае военных переворотов главным источником власти выступает опора на силовые структуры. Режимы личной власти также весьма уязвимы, ибо, во-первых, свита лидера не обладает его авторитетом, во-вторых, харизма при всей мощи ее мобилизационных способностей явление недолговечное и в случаях с тоталитарными режимами сочетается с другими механизмами социального контроля, прежде всего, с партийной машиной. Еще менее стабильны бюрократические режимы, которые не обладают чаще всего ни легитимностью, ни эффективностью. Источником их относительной стабильности, как правило, является отсутствие жизнеспособной оппозиции. Единственное исключение из этого ряда — однопартийные системы, опирающиеся в своем функционировании на достаточно отлаженные механизмы. Однако и здесь, если мы ведем речь об авторитаризме, правящая партия не способна выработать и внедрить в общественные структуры столь важную для закрепления ее власти идеологию, равно как и мобилизовать общество на успешное решение экономических задач.

Тоталитаризм в этом отношении гораздо более последователен, устойчив и надежен для власти придержащих. Однако путь от авторитаризма к тоталитаризму долог и тернист — редкие из авторитарных режимов могут пройти его до конца. Кроме того, даже в тех случаях, когда тоталитаризм установлен и функционален, а его политические институты производят впечатление сильных и эффективных, власть не может успокаиваться в поисках все новых и новых способов своей стабилизации и убеждения общества в ее единственной законности и справедливости. Тоталитаризм, как показывает опыт, отнюдь не бессмертен и со временем теряет опоры своей устойчивости, вырождаясь в режим, чьи институты дряхлеют и который начинает все более напоминать авторитаризм. В этой связи имеет смысл выделить два типа авторитарных режимов — предтоталитарные и посттоталитарные. Конечно, теоретически нельзя исключать возможности их взаимотрансформации. Режим, возникший исторически как посттоталитарный, при соответствующих условиях может изыскать идеологическую и материально-силовую основу для нового прыжка в утопию. Однако шан

сы для такого прыжка у посттоталитарных режимов несравненно менее значительны.

Предтоталитарные режимы возникают на свет в результате углубления противоречий, особенно характерных для раннего капитализма. Функционирование представительных учреждений нарушается, и власть оказывается в руках лиц, опирающихся в своих действиях на силу, и авторитет которых не подкреплён процедурой всеобщих выборов. Два основных агента авторитаризма — бюрократия и военные — не справляются с решением проблем институционализации, ибо исторически им отведены в обществе совсем иные функции. Институционализация или связь государства, политической системы с обществом осуществляется совсем иными агентами — партиями и представительными учреждениями. Однако именно эти учреждения и преследуются авторитаризмом из опасения подрыва его и без того не слишком надежных устоев. Несколько иначе обстоит дело в условиях *посттоталитарных режимов*. Перед этими режимами не встает проблема формирования новых институтов, которые бы качественно отличались от их предшественника. Посттоталитарные режимы всячески подчеркивают свою преемственность и близость с давшими им рождение тоталитарными режимами. Однако проблема институционализации существует здесь в не менее, а порой в еще более острой форме, ибо все, на чем держался прежний режим, либо вообще отказывается функционировать, либо функционирует плохо, неохотно, выставляя наружу пороки режима и делая их посмешищем. В известном смысле, посттоталитарный режим является, по сравнению с тоталитарным, режимом лицемерия. Не обладая источниками доверия тоталитаризма, посттоталитаризм пытается насколько это возможно использовать авторитет своего гигантского собрата-предшественника, спрятаться за его спиной, либо декларируя в основном те же самые цели и намерения, либо лишь поверхностно модернизируя их. Однако результаты такого лицедейства, как правило, весьма плачевны.

Наиболее характерный пример посттоталитаризма — политический режим, возникший в СССР после смерти Сталина. Мы не хотели бы здесь вдаваться в обсуждение всех тех аргументов, которые нередко приводятся исследователями в доказательство (или в опровержение)

* Мы используем термин "посттоталитарные режимы", вкладывая в него несколько иное содержание, нежели автор термина Х.Линц, впервые использовавший термин в известной работе "Авторитарные и тоталитарные режимы" (см.: Lihz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. — Handbook of Political Science. Ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Vol. 3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975). Для нас посттоталитаризм означает не столько открытую смену режима с официальным провозглашением отказа от прежней (например, коммунистической) идеологии и декларированием намерений формировать новую институциональную основу, сколько плавную, хотя содержательно и весьма существенную эволюцию тоталитаризма, его «вырождение в качественно иной по своему типу режим, который лишь на официальном уровне декларирует свою приверженность прежним политическим институтам.

новой природы режима, возникшего с уходом в мир иной "вождя всех времен и народов". Но если важнейшей характеристикой авторитаризма полагать появление в нем условий для функционирования различных центров власти, если допустить возникновение в условиях постсталинского режима различных элитных группировок и групп интересов, то с этой точки зрения режим придется признать скорее авторитарным, нежели тоталитарным по своей природе (51). Различия элит и наличие групп интересов не было институционализировано этим режимом, однако и прежние институты в их ослабленном, одряхлевшем виде предоставляли немалые возможности для артикуляции и постепенной консолидации новой структуры интересов. Политические институты сталинизма, приспособленные к нуждам харизматического вождя, в новых, постсталинских условиях наполнились качественно иным, неревOLUTIONным содержанием. Они функционировали скорее по традиции, да и сам авторитет Генерального Секретаря и партии воспринимался скорее как традиционный, чем как харизматический. Идеология эволюционировала в ослабленный миф, выборы из места демонстрации массового ликования в поддержку режима превратились в посмешище. Источник власти режима утратил первоначальную ясность, определенность очертаний, приобретя взамен угрожающую самой власти множественность.

Институты авторитаризма таким образом представляют собой, в зависимости от обстоятельств, удивительную и не слишком функциональную смесь институтов традиционных, демократических и тоталитарных. Именно эта множественность оснований власти подрывает ее устои, воспроизводя имеющиеся для этой власти угрозы и порождая новые.

Факторы ослабления стабильности авторитаризма

Таким образом, любой авторитаризм внутренне противоречив, трудно предсказуем и потенциально нестабилен. Как правило, условия, позволяющие ему удержаться у власти, не столько политические, сколько социальные и экономические. Политически, как мы уже сказали, у авторитаризма чаще всего нет ни стабильного источника власти, ни надежной опоры в виде массового движения. Более того, авторитаризм нередко приживается и существует в условиях сегментированного общества, в котором ни одна из конкурирующих политических группировок не имеет шансов всерьез поколебать шансы правящей элиты.

В то же время социально, как например, в случае с брежневским режимом, авторитаризм имеет хорошие шансы для выживания. Демократия имеет тенденцию к стабилизации лишь в относительно благоприятных социально-экономических условиях, устойчивого роста

валового внутреннего продукта и доходов населения. Тоталитаризм, как правило, также демонстрировал значительные и притом достигнутые в рекордно короткие сроки экономические достижения. Яркий пример — двадцатипроцентные темпы роста советской экономики в 30-е годы. Начало конца тоталитарных режимов во многом и связано с их недостаточной социально-экономической эффективностью. Если же в экономическом фундаменте происходят заметные изменения к худшему, то под угрозой распада оказываются как тоталитарная, так и демократическая формы правления. В этом распаде социально-экономических тканей и кроется, на наш взгляд, главная причина возникновения авторитарных режимов. Если по приходе к власти этим режимам не удастся изменить положение к лучшему, то скорее всего их постигнет участь предшественников.

Суммируя сказанное, можно сформулировать, по меньшей мере, пять основных факторов ослабления авторитарных режимов, пять основных дилемм, с которыми эти режимы вынуждены сталкиваться в повседневной деятельности.

Во-первых, это социально-экономическая нестабильность, нередко связанная с ослаблением стимулов экономической активности и разочарованием масс в политике и политических деятелях.

Во-вторых, это дилемма легитимности авторитаризма, связанная с отсутствием четко выраженного источника власти, авторитет которого не может быть поставлен общественным большинством под сомнение. Режим может быть по своей природе военным, бюрократическим, партийным или персонифицированным, однако чаще всего эта власть армии, партии, бюрократии или спиты вождя оказывается недостаточной для мобилизации общественной поддержки и организации общественного консенсуса.

В-третьих, с этим же связана и идеологическая импотенция авторитарных режимов.

В-четвертых, авторитаризмы постоянно встают перед дилеммой конкуренции элит, явления в общем неизбежного в подавляющем большинстве обществ, но постоянно вызывающего у правящей группировки раздражение и новые трудности. Выбор, который возникает в этой связи перед авторитарным режимом — это выбор между институционализацией конкуренции элит или ее окончательным подавлением. Первый путь — огромный и практически необратимый шаг в сторону демократии, второй путь — к тоталитаризму.

Наконец, в-пятых, существует и дилемма участия, без решения которой никакой авторитарный режим не может считать решившим фундаментальную задачу обеспечения социальной и политической стабильности. Проблема здесь может быть кратко сформулирована

следующим образом. Отсекая себя от массового политического участия, режим тем самым изолирует себя от общества и раньше или позднее окончательно повисает "в воздухе". Однако подключая к политике массовые слои населения, позволяя свободные или даже сначала не слишком свободные всеобщие выборы, режим делает еще более существенный по направлению к демократии шаг. Однажды решившись на это, режим должен будет примириться с тем, что в дальнейшем процедура выборов имеет шансы превратиться в неотъемлемую характеристику политического процесса.

Таковы основные угрозы, подрывающие стабильность авторитарного режима и создающие раньше или позднее ситуацию политического перехода.

4. ТОТАЛИТАРИЗМ: КОНЦЕПЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Понятие тоталитаризма

Понятие тоталитаризма не является в словаре политической науки общепринятым в том смысле, в каком общеприняты термины "демократия" и "авторитаризм". Сама концепция тоталитарных режимов как принципиально отличающихся от авторитарных, продолжает подвергаться критике, и немалое число авторитетов политической науки предпочитает избегать оперирования термином "тоталитаризм", рассматривая его в лучшем случае как разновидность авторитаризма. Отчасти это оправдано — нам уже приходилось отмечать, что авторитаризм с известной долей приближенности и упрощения можно определить как неудавшийся тоталитаризм, как режим, предпринимавший все возможные усилия для подчинения общества своему контролю, но не достигший на этом пути впечатляющих результатов. С другой стороны, и тоталитаризм может быть определен как развившийся до своей крайности авторитаризм.

Тем не менее, в выделении тоталитарных режимов в самостоятельную группу имеется своя логика, которая убеждает не только в сходствах авторитаризма и тоталитаризма, но и в их типологическом своеобразии. Кроме того, практический опыт, прежде всего, опыт XX века демонстрирует такие образцы политического устройства, которые не только обнаружили фундаментальные различия с демократическими и авторитарными режимами (в том смысле, в каком мы определили их выше), но и на протяжении среднесрочной исторической перспективы оказались достаточно жизнеспособными. Прежде всего, речь идет о пост-Веймарской Германии и о сталинской России. Эти два примера

оказали на политическую мысль особое влияние, стимулируя формирование концепции тоталитаризма. Между опытом России и Германии имеются свои различия, однако характеристик, их объединяющих, такое множество, что не проводить между ними параллелей, удержаться от обобщений просто невозможно.

Термин "тоталитаризм" стал употребляться журналистами и политиками в конце 1920-х—начале 30-х годов и практически всегда в его определениях имелись ссылки либо на российский, либо на германский опыт. Этот опыт не был обойден вниманием и в Советском Союзе, свидетельством чего стало включение термина "тоталитаризм" в издававшиеся энциклопедии (хотя, содержание термина по идеологическим мотивам было, конечно же, существенно искажено). Приведем в качестве иллюстрации три наиболее известные, вошедшие в энциклопедии и подчеркивающие структурные особенности тоталитаризма определения.

Немецкий энциклопедический словарь, ссылаясь на опыт нацистской Германии, фашистской Италии и коммунистической России, писал: "Тоталитаризм представляет собой крайнюю форму возвышения тенденции к централизации, унификации и одностороннему регламентированию всей политической, общественной и духовной жизни".

Английская Британика: "Тоталитарное государство — выражение, используемое по отношению к нацистскому правительству в Германии, к фашистскому в Италии и к коммунистическому в России, в которых существует полная централизация контроля. В тоталитарных государствах политические партии уничтожены или "координированы" в составе одной партии и конфликт между классами скрывается подчеркиванием органического единства в государстве".

Наконец Большая Советская Энциклопедия: "Тоталитарное государство — разновидность буржуазного государства с открытой террористической диктатурой наиболее реакционных империалистических элементов. Тоталитарными государствами были гитлеровская Германия и фашистская Италия" (52).

Таким образом, первое, что следует отметить — тоталитаризм отличается от других форм политического устройства масштабом централизации, унификации и односторонней регламентации. Другим ключом к пониманию его природы может служить изучение происхождения тоталитаризма. В отличие от авторитаризма и демократии, тоталитаризм появляется на свет не в результате выборов (демократия) или политического кризиса и следующего за ним переворота (авторитаризм), а в результате всеохватывающего социального, экономического и политического кризиса. Важнейшее измерение этого кризиса — международное. "Первая мировая война явилась тем между

народным фактором, без которого не было бы большевистской революции, — справедливо писал в свое время немецкий историк Ф. Боркенау, — точно также мировой экономический кризис стал тем международным фактором, без которого не было бы немецкой революции" (53). Добавим, что и нефтяной кризис середины 1970-х, несомненно, подтолкнул революционный сценарий в шахском Иране.

Результатом такого всеохватного общественного кризиса оказывается массовая мобилизация населения вокруг политических сил экстремистской ориентации, призывающих к скорому и радикальному разрешению накопившихся в обществе противоречий. Такая мобилизация в конечном счете становится одним из решающих факторов прихода — чаще всего в результате революции (Россия, Иран) — этих сил к власти. Более того, груз накопившихся противоречий оказывается настолько велик, что архетипом дальнейшей эволюции общества может стать его ускоренная модернизация, осуществляемая на волне массового энтузиазма и героического самопожертвования во имя "светлого будущего". Уместно заметить, что в определенных условиях пришедшая к власти тоталитарная группировка обладает реальными шансами практически реализовать имеющуюся у нее программу.

Универсальные характеристики тоталитарных режимов

При всем разнообразии тоталитарных режимов для них, как правило, характерны следующие общие черты, неоднократно суммированные в различных работах (54).

1. Наличие развернутой идеологической доктрины, которая охватывает все жизненно важные стороны человеческого бытия, которая стремится ответить на все потенциально возникающие у членов общества вопросы и которой предположительно придерживаются все, живущие в данном обществе. Эта идеология ориентирует общество на некое конечное совершенное состояние ("коммунизм", "расово чистое" общество, "исламское государство"). Иначе говоря, она содержит в себе хилиастический призыв, основанный на категорическом неприятии существующего общества и стремлении завоевать мир ради построения нового общества. "Образ врага" всегда выступает важнейшим компонентом тоталитарной идеологии, позволяющим режиму сплотить общество перед угрозой как со стороны вредителей и диверсантов внутри общества, так и со стороны враждебного внешнего окружения.

2. Единственная массовая партия, как правило, возглавляемая одним человеком, лидером харизматического склада и вбирающая в себя

относительно небольшую часть населения (до 10 %); партия, чье ядро страстно и непоколебимо предано идеологии и готово всемерно способствовать ее широкому распространению; партия, которая организована по иерархическому, олигархическому принципу и, как правило, либо стоит над бюрократической государственной организацией, либо полностью слита с нею.

3. Система террористического полицейского контроля, поддерживающего партию, и одновременно осуществляющего надзор над ней самой в интересах ее вождей. Такая система может быть направлена не только против "врагов" режима, но и против произвольно выбираемых классов населения, причем террор тайной полиции систематически использует современную науку, в особенности, психологию.

4. Технологически обусловленный и почти всеобъемлющий контроль партии и ее преданных кадров над всеми средствами массовой коммуникации и информации — прессой, радио, кино.

5. Аналогичный, технологически обусловленный и почти полный контроль над всеми вооруженными силами.

6. Централизованный контроль над всей экономикой и руководство ею посредством бюрократической координации ее ранее независимых составных частей; этот контроль, как правило, распространяется также на большинство других общественных организаций и групп.

Признавая важность этих характеристик для анализа природы тоталитаризма, следует отметить, что в определенной степени они могут быть свойственны и авторитарным режимам, которые, хотя и с несравненно меньшим успехом, также стремятся к установлению над обществом максимально широкого контроля. Степень различия авторитаризма и тоталитаризма может быть, согласно Р. Макридис, выявлена с помощью схемы 15. Макридис полагает, что те режимы, которые набирают от 0 до 5 очков, могут скорее считаться авторитарными, чем тоталитарными, в то время как набравшие от 5 до 10 очков — скорее тоталитарными, чем авторитарными.

для очень немногих роскошью и богатством. Режим Н. Чаушеску в Румынии, например, вполне заслуживал данного ему народом определения — "социализм в отдельно взятой семье". Однако в огромной массе общества тоталитарные стереотипы равенства, поклонения режиму, упорного кропотливого труда во имя скорого достижения "светлого будущего" действительно становятся институтами и на протяжении достаточно длительного времени выполняют в обществе стабилизирующую роль. Каждый, кто возьмется проследить эволюцию выделенных выше характеристик на примере советского, немецкого или китайского обществ, найдет этому немало подтверждений.

Идеология, несомненно, выступает инструментом массовой индоктринации и внедряется (также как и разрабатывается) элитами, т.е. "сверху". Однако степень успеха тоталитаризма измеряется тем, как эта идеология воспринимается массовыми слоями общества. Массовизация общества и неизбежно связанные с ней процессы люмпенизации, развивающиеся в массовом сознании, оказываются оборотной стороной всепобеда правящей группировки. Это совпадение массовых ожиданий и устремлений с устремлениями элиты — ключ к объяснению стабильности тоталитарных режимов. Ненависть большевизма к богатству и богатым никогда не завершилась бы массовым обнищанием общества, если бы не распространенность уравнилельно-распределительных представлений в крестьянских слоях и в российской интеллигенции. Национал-социализм в Германии имел бы значительно меньше шансов на успех, если бы не развитые в сознании интеллигенции представления о необходимости формирования и сознательного подчинения "сильному государству", представления, которые, вероятно, ведут свой отсчет еще от рассуждений Гегеля о прусской монархии как о совершенном государстве и столь емко отражены в гегелевской формуле "свобода есть осознанная необходимость".

Единственная массовая партия не имела бы тех возможностей приобрести известную мощь и организационный потенциал, если бы не наличие и успешное функционирование в Веймарской Германии и царской России множества подпольных кружков и террористических организаций, если бы не политика властей, закрывающих глаза на рост популярности военизированных и никак не вписывающихся в нормальный демократический процесс групп.

Террор и всеобъемлющий полицейский контроль над обществом — также реальный факт. Однако, анализируя тоталитаризм, нельзя забывать, что террор в условиях сталинизма был не только полицейским, но и бытовым. Следует помнить не только то, как сотрудники НКВД практически каждую ночь подъезжали за новыми жертвами, но и то, по чьим доносам отыскивались и арестовывались все новые и

новые "враги народа". Следует помнить, что еще до примирительного отношения сельской бедноты к раскулачиванию "зажиточных" имела место ненависть крестьян по отношению к тем, кто получил "отруба" во время реформы Столыпина. Следует помнить реализовывавшуюся практически — в поджогах и разграблении имущества соседей — прибаутку "Господи, мне ничего не надо для моего собственного счастья, пусть только мой сосед будет несчастлив".

Всеобъемлющий контроль над силовыми структурами и СМИ также не мог быть столь всеобъемлющим без соответствующей готовности подчиняться и выполнять волю партии и ее вождей. Укрепление могущества и силы государства здесь рассматривалось в качестве главного императива, на службу которому должно быть поставлено все остальное. Кроме того, постепенно представления и мировоззрение журналистов, редакторов, военных, сливались с представлениями и мировоззрением режима. Картина мира предельно упрощалась властью придерживающимися в целях легкости ее восприятия широкими массами. Эта картина предлагала простые, примитивизированные ответы на все могущие возникнуть вопросы, отсекая всякую необходимость и возможность их самостоятельного осмысления. Со временем такая необходимость отпадала сама собой — инфантильное сознание крайне нуждалось в том, чтобы ему объяснили происходящее и его "действительные" причины. Так называемое "передовое материалистическое мировоззрение", провозглашавшееся, например, большевистским режимом, внедрялось в сознание людей "сверху", подобно тому, как в первобытных племенах шаман освящал божественным авторитетом действия вождя. Разница заключалась лишь в технологической развитости средств убеждения — каждый, кто читал газеты и смотрел кино, оказывался в плену тех представлений, позиций, идей, которые формировались и отстаивались режимом для укрепления его власти. "Мы контролируем события, потому что мы контролируем разум, — описывал этот механизм Дж. Оруэлл в своей знаменитой книге "1984". — Реальность находится внутри черепной коробки... Не существует ничего, что мы не могли бы сделать... с законами Природы. Мы сами формируем эти законы".

Наконец, всеобъемлющий централизованный контроль экономики. Это важнейшая характеристика тоталитаризма, стремящегося уничтожить всякую оппозицию и конкуренцию не только в политической, но и социально-экономической сфере. Идеальная экономика тоталитаризма — это экономика крупных предприятий, работающих на оборону и управляющихся из единого центра. В условиях тоталитаризма нет места для частной или кооперативной собственности, для мелких хозяев, для самовыражения интересов и устремлений труда. Здесь отсутствует частный капитал, а значит излишними оказываются

и рабочие. Им на смену приходят "работники" (В. Ленин), выполняющие роль винтика» в государственной машине и не имеющие никаких шансов защищать свои интересы перед государством. Профсоюзные организации выполняют здесь принципиально иную, нежели сплочение рабочих и отстаивание их требований, роль. По точной формулировке Сталина, профсоюзы (в условиях тоталитарного государства) — это "приводные ремни" партии. Однако и здесь, и экономической области насаждаемое режимом накладывается на традиции, массовые ожидания и стереотипы. Успех большевистского огосударствления был бы невозможен без толкавшей к чрезвычайным мерам экономической разрухи и гражданской войны 1918—20 гг. Ненависть к негосударственным формам собственности не укрепилась бы без распространенного в русском народе пренебрежения к богатству.

Как результат институционализации отмеченных выше характеристик возникает достаточно стабильное образование, исторически жизнеспособное на протяжении определенного отрезка времени (55). Обществу оказывается по силам сокращение разрыва со странами—лидерами в военно-экономической области. Причем, чем более успешен тоталитаризм, тем более впечатляющими оказываются отмеченные результаты. До известной степени тоталитаризм оказывается тем более стабилен, чем более он тоталитарен. Структурно эта тоталитарность ведет к формированию совершенно особенного, существенно отличающегося от авторитарного, режима. Архитекторы тоталитаризма отдавали себе в этом ясный отчет. Создатели национал-социализма, например, проводили существенное различие между их режимом и фашизмом. "Фашизм, — писал Геббельс, — ничем не похож на национальный социализм. В то время как последний идет вглубь, к корням, фашизм — только поверхностное явление". Дуче, по мнению Геббельса, "не революционер, как Гитлер или Сталин. Он так привязан к своему итальянскому народу, что ему не хватает широты мирового революционера и мятежника". Подобную мысль выразил в свое время и Гиммлер, утверждавший, что "фашизм и национал-социализм — это два глубоко различных явления... абсолютно не может быть сравнения между фашизмом и национал-социализмом как духовными, идеологическими движениями" (56).

Поэтому фактически, тоталитаризм — это не только режим, понимаемый как политическая подсистема или ее специфическое поведение. Это масштабное взаимопроникновение власти в общество, результатом которого оказывается глубокое ослабление общества, его полуйсчезновение. Именно это имеется в виду в звучащих парадоксальными утверждениях, что в Советском Союзе не существовало общества и государства. Возникает так называемое "массовое общество" (Х. Арендт, Х. Ортега-и-Гассет), в котором рушатся и слабеют все

имевшиеся прежде социальные перегородки. "Истина в том, — писала Х. Арендт, — что массы выросли из осколков чрезвычайно атомизированного общества... Главная черта человека массы — не жесткость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений" (57). В этом смысле тоталитаризм можно отличать от тоталитарного режима. Тоталитаризм представляет собой не столько политическое, сколько социальное образование.

Угрозы благополучию тоталитаризма

Тоталитаризм, следовательно, это общество, в котором не существует социальных и политических противоречий, где нет партий и конкурентной борьбы за победу на выборах, где все являются работниками государства, трудятся для укрепления его мощи и равны в своих доходах и социальных притязаниях. Тем не менее, тоталитарное общество отнюдь не столь благополучно и неуязвимо, как это может показаться на первый взгляд. Угрозы его благополучию могут быть разделены на внутренние и внешние.

Внутренняя угроза тоталитаризму связана с постепенной утратой им экономических и социокультурных основ выживания. Каждое общество обладает относительной свободой существования вне государства и имеющегося режима. Однако тоталитаризм, как никакой другой режим, стремится уничтожить эту свободу и поставить общество под свой контроль. Тем самым, тоталитаризм уничтожает и все то, что делает общество своеобразным, саморазвивающимся, дышащим и функционирующим, — классы, традиции, религию, трудовую этику, семью и т.д. Представляя собой рационалистическую, механицистскую утопию, тоталитаризм стремится создать "нового человека" — полную противоположность свободной демократической личности, полностью предсказуемого и повинующегося режиму винтика, "солдата системы". "Новый человек" не должен иметь какого-либо внутреннего содержания, отличающегося от предписываемого ему режимом. Его трудовая инициатива не должна выходить за рамки той, что регламентируется сверху, его политическая активность не может быть ничем иным, кроме как одобрением деятельности партийных вождей и иерархов. У "нового человека" не может быть и каких-либо иных стимулов трудиться плодотворно и производительно, нежели стимулы морально-идеологического характера, ибо, проповедуя аскетизм, тоталитаризм отвергает частную собственность и материальное вознаграждение.

Здесь и кроется главная угроза благополучию, а затем и жизнеспособности тоталитарного режима. Будучи вознесенным на олимп власти на волне массового энтузиазма и нещадно эксплуатируя этот энтузи

азм, режим постепенно, год за годом подтачивает его основания. Обещая людям скорое пришествие "светлого будущего", режим переводит сам смысл их существования в идеологическое измерение, всячески препятствуя удовлетворению их растущих материальных потребностей. Тем самым режим эксплуатирует те людские ресурсы, которые не могут быть постоянной основой его стабильности, т.е. являются невозобновимыми.

Лучшим примером здесь является опять-таки советский режим как добившийся наиболее впечатляющих результатов на пути к подчинению общества тотальному контролю и, одновременно, как режим, потерпевший в итоге сокрушительное поражение. Советскому режиму в целом удалось осуществить в обществе глубокие социально-экономические перемены, продвинуть его к новым рубежам материальной цивилизации. Достигнутые при Сталине экономические результаты нельзя не признать значительными. К такому выводу приходит множество советских и зарубежных исследований. Более того, по-видимому, именно экономическая эффективность режима обеспечила ему столь длительную устойчивость, наделила его огромной степенью свободы по отношению к своим подданным.

Вместе с тем, уже с самого своего возникновения сталинский режим оказался в двойственном и потому опасном для себя положении. С одной стороны, функционируя в обществе с ослабленной социальной памятью и предпринимая значительные усилия по ее окончательному уничтожению, режим был практически бесконтролен и потому стабилен. В обществе не было ни одной сколько-нибудь влиятельной социальной силы, обладавшей потенциалом стать базой для возникновения политической оппозиции. Со времени убийства Кирова режим практически беспрепятственно создавал те политические институты (верховенство коммунистической партии над всеми остальными органами в государстве; уникальная концентрация власти в руках правящей партии; сведение избирательной процедуры и всех советских органов к роли "декоративных"; навязывание определенных социальных ролей СМИ, профсоюзам, церкви и т.д.), которые помогли ему обрести статус структуры самодержавного правления.

Но с другой стороны, как это не покажется парадоксальным, именно в бесконтрольности и безнаказанности сталинизма заключалась его внутренняя ущербность и ограниченность. Ресурсы, которые он использовал, оказались, в основе своей, невозобновимыми. И речь в данном случае — отнюдь не только о природных богатствах и экологическом равновесии, что само по себе, конечно, весьма существенно. *Основная проблема режима* видится в невозобновимости задействованных им человеческих ресурсов, в его безоглядной ориентации, во-пер

вых, на трудовой энтузиазм и моральное стимулирование, а во-вторых, на жесткое принуждение. И тот, и другой способы есть экстенсивная эксплуатация работника, его мобилизация, которая поначалу служила источником политической стабилизации, но со временем превратилась в непреодолимое для решения таких задач препятствие. Мобилизация не может не убивать в конечном счете стимулы трудовой активности. Доказательства этого простого тезиса обнаружились уже к концу 30-х годов и, особенно, после смерти "вождя". Чем дальше, тем очевиднее становился крах предпринятых режимом попыток лишить работника всяческой инициативы к свободе, сохранив, одновременно, высокими темпами экономического роста. Воспользовавшись слабостью социокультурных связей в обществе, режиму удалось свести к минимуму ту угрозу, которая теоретически могла исходить со стороны осознавших свои экономические и политические интересы социальных слоев. Но возникла непредусмотренная ранее угроза совершенно иного характера — оказалось, что теперь для поддержания экономической эффективности режиму не хватало как раз прочности социокультурных ценностей (лежащих в основе любой, и в том числе, экономической активности и формирующих необходимые для такой активности внутренние стимулы), слабость которых лежала в основе его возвышения и первоначального могущества. Будучи мобилизационным по своей природе, сталинизм исходил из жесткого, линейного представления о повышении производительности труда (в народе такое представление метко обозначено при помощи формулы: "бери больше, кидай дальше"), не допускавшего никакой "самодетельности". Пробуждение такой самодетельности с неизбежностью вело к подрыву мобилизационного и контрольного потенциала правящих верхов, к ослаблению сложившейся модели политической стабильности.

Таким образом, главной причиной ослабления и последующего падения тоталитаризма оказалась его ригидность как системы и соответствующая такой ригидности слепота, неспособность увидеть и своевременно устранить возникшие опасности. Именно эта ригидность системы, жесткая эксплуатация ее невозобновимых социальных и людских ресурсов лежит в основе и ее внешней уязвимости. Тоталитарная система, возникнув на идее преодоления международного отставания, перестает по мере своего укрепления и окостенения осознавать воздействие внешнего окружения. Отгородившись "китайской стеной" от своего собственного народа и соорудив "железный занавес" на границах с внешним миром, тоталитарный режим утрачивает всякую возможность измерять свои успехи в соответствии с общепринятыми в мире критериями. Долгое время внушая народу свою гениальность и непогрешимость, режим наш поверил в это, окончательно лишившись

слуха и зрения. Примеров такой слепо-глухоты и связанных с этим последствий огромное множество. Фанатическая и ничего не имевшая с реальностью вера Гитлера в возможность скорого господства над миром — один из таких примеров. Другой пример — неспособность Сталина увидеть после Второй мировой войны, что экономическая конкурентоспособность больше не определяется количеством производимого чугуна и стали, что необходим принципиально новый, постиндустриальный технологический прорыв, что только этот прорыв в состоянии поддерживать экономику СССР на уровне мирового развития. Причем, такая внешняя слепота сталинского режима — лишь результат его слепоты внутренней, проглядевшей возможности развития производственной гибкости и эффективности на основе материально-экономического стимулирования.

Главная угроза тоталитаризму заключена в нем самом, в системе, не имеющей никаких сдержек и противовесов, непрерывно стремящейся сократить разрыв между мечтой и реальностью, системе, с глубоким презрением относящейся к чувству меры и не признающей таких подтвержденных вековым человеческим опытом добродетелей, как толерантность, верность традициям, хозяйственная самостоятельность. Результатом стал полный распад общества и его вырождение в суррогат, населенный маргиналами и люмпенами, утратившими всякий интерес к производительной деятельности, привыкшими существовать за счет государства и абсолютно неприспособленными к жизни в условиях свободы и независимости.

Разновидности тоталитаризма

Среди всех когда-либо существовавших в мире тоталитарных режимов могут быть выделены, по меньшей мере, три основные разновидности. Во-первых, это национал-социализм, прежде всего, в Германии. Во-вторых, коммунизм, оказавшийся значительно более распространенным и исторически устойчивым. Два наиболее очевидных и бросающихся в глаза примера — СССР и Китай, однако в этом же ряду исследователи нередко называют режим Кваме Нкруме в Гане и некоторые другие африканские режимы, Румынию и Албанию в Восточной Европе, Кубу в Латинской Америке. В-третьих, это тоталитарная теократия, представленная, прежде всего, фундаменталистским режимом аятоллы Р.Хомейни в постреволюционном Иране.

Как мы увидим далее, для всех этих режимов в той или иной степени свойственны характеристики тоталитаризма. Тем не менее, вписываясь в аналитические рамки тоталитарных, выделенные режимы обладают и несомненным, заслуживающим осмысления своеобразием,

что можно проследить по следующим основным направлениям: 1) природа идеологии режима и способы ее воздействия на политический процесс; 2) концепция и внутреннее устройство тоталитарной партии;

3) основные черты и социальный состав правящей элиты, роль лидера;

4) степень государственного контроля экономики и силовых ресурсов;

5) пути прихода режима к власти, или его происхождение.

Национал-социализм отличает, прежде всего, его националистическая идеология с мощным компонентом антисемитизма, проповедью чистоты нордической, арийской расы и культом силы. Конечно, коммунизму и теократии тоже не были чужды мотивы национального превосходства и первопрородчества, также как и неприязнь к еврейской нации, однако нигде больше задача избавления мира от евреев не рассматривалась как основополагающая и идеологически приоритетная, нигде больше она не воплощалась с такой неумолимой последовательностью и методичностью. Национал-социализм, кроме того, был по преимуществу националистической идеологией, проповедовавшей идею превосходства одной нации над другими, в то время как большевизм отличал его интернационалистский характер и, по крайней мере, формальная приверженность федеративному, многонациональному государству. Что касается идеологии движения Хомейни, то хорошо известна его приверженность идее "экспорта исламской революции". Хотя, справедливость требует оговориться, что на практике коммунистические государства далеко не всегда следовали интернационалистской политике и убеждениям, а нацизм, подобно коммунизму и теократии, отнюдь не был лишен элементов интернационализма (58).

Еще одна составная и весьма специфическая часть национал-социалистической доктрины — ее принципиальный элитаризм, граничивший с пренебрежением к массам и существенно отличавшийся, например, от коммунистического популизма. Известно, что нацизм недвусмысленно осуждал и отвергал демократию как принцип организации общества или партии, стремясь строить свою организацию в строгом соответствии военного подчинения "снизу доверху". Признак национально-расовой принадлежности был основным и абсолютным в отборе на службу фюреру, и невозможно себе представить еврея или славянина—члена НСДАП. Подобное же пренебрежение к демократии как идее типично западной и безбожной было характерно и для фундаменталистского ислама, в особенности, в том виде, в каком он преподносился и проповедовался Хомейни. Коммунизм же позволял некоторые поблажки для лиц с не слишком благополучным классовым происхождением и выдвигал в качестве своей визитной карточки лозунг подлинной, "пролетарской демократии" и "демократического централизма" как принципа устройства внутрипартийной жизни.

Такое отношение к демократии нашло яркое отражение в концепции о внутреннем строении тоталитарных партий и движений. Хомейни в Иране не пришлось создавать свое движение — он с успехом воспользовался сетью религиозной организации, приобретя авторитет значительной части духовенства и прихожан. Для него "первичными парторганизациями" послужили мечети. Что касается коммунизма и национал-социализма, то здесь различия вполне очевидны. Большевистские представления о массовой организации формировались исходя из опыта социалистических и профсоюзных движений, имевшихся в XIX веке в Европе. Даже ленинская концепция партии "нового типа" как организации профессиональных революционеров была лишь адаптацией этих представлений к специфическим условиям царского самодержавия. Напротив, представления нацистов и фашистов о партии были связаны с совершенно иным историческим опытом, опытом Первой мировой войны, а также с осознававшейся необходимостью противопоставить себя коммунистам и социал-демократам (59). Отсюда разветвленная сеть штурмовых отрядов, без которой Гитлер никогда не получил бы доступа к власти, четко подчеркнутый военизированный характер организации, бросающаяся в глаза любовь к дисциплине и подчинению, а также внешним символам приверженности нацистской идеологии (униформа, свастика и пр.), использованию военной терминологии. В СС и СД не было ничего, напоминавшего бы собой относительную независимость местных партийных коммунистических ячеек, а тесное переплетение высших военных и партийных чинов имело место с самого возникновения партийной организации. При коммунизме же армия всегда оставалась лишь одним из инструментов правящей партии, не более того.

Существуют и различия в характере, внутреннем устройстве лидерства и правящей элиты. Во всех трех случаях харизматическая личность, обладающая способностью магнетического воздействия на массы и ближайшее окружение является неотъемлемой частью системы. Однако если Гитлер и Хомейни были признанными вождями, выдвинувшимися на первые роли в оппозиции режиму задолго до прихода к власти, то Сталину пришлось проделать длительный путь, прежде чем он сумел уверить в своей "гениальности" окружающих.

Легко отличимы и различия в том, до какой степени тоталитарным режимам удавалось поставить под свой контроль экономическую сферу и преобразовать ее в соответствии с их потребностями. Коммунизму, как известно, данная операция удалась значительно лучше, чем какому-то иному режиму. Нацизм, в отличие от коммунизма, не преуспел в повседневном распределении доходов между различными социальными классами — ничего подобного достижению "смычки" меж

ду городом и деревней путем принудительной массовой коллективизации здесь не было. Менеджеры, собственники и рабочие здесь играли совершенно иную, чем в условиях коммунизма, роль, а сама экономическая и социально-классовая структура осталась без каких-либо фундаментальных изменений, в связи с чем ряд исследователей полагает, что такие изменения и не входили в намерения национал-социалистов (60). Что касается Ирана, то и здесь государственный уклад играл важнейшую роль в функционировании экономики. В этом отношении Хомейни ничего принципиально не изменил, лишь усилив этот компонент в доставшейся ему в наследство от шаха и без того централизованной экономической системе. До прихода Хомейни к власти капитализм в Иране был господствующим укладом лишь в технологическом смысле. Однако с точки зрения сформировавшейся структуры собственности сложившуюся в Иране экономическую систему следует охарактеризовать как крайне этатистскую. В послереволюционный период эта тенденция была лишь усилена. "Выявилась очевидная тенденция к еще большему, чем ранее, этатизму, — пишет известный ирановед. — Банки, страховые компании и некоторые важные промышленные отрасли пополнили и без того широкий список государственной монополии. Внешняя торговля и экспорт финансовых капиталов были поставлены под жесткий контроль еще задолго до начала ирано-иракской войны и падения цен на нефть. Теперь же внешняя торговля была национализирована и поговаривали даже о национализации торговли внутренней" (61).

Наконец, принципиально важно для идентификации сходств и различий тоталитарных режимов — их происхождение. Революционный характер иранского и советского режимов вручил в руки их лидеров значительно более высокие полномочия, нежели те, которые получил первоначально Гитлер в результате его назначения канцлером. Его авторитет вырос позднее, когда на волне массовой поддержки Гитлер подверг институты парламентской демократии трансформации и, особенно, когда, пользуясь сверхмощной пропагандистской машиной, он сформировал у нации мощный образ внешнего врага. Эта поддержка масс, оказываемая лидерам со времени их прихода к власти, является ключевой в понимании природы тоталитаризма. Чем значительнее эта поддержка, тем более пренебрежительно тоталитарные лидеры относятся к законности и праву. Осознание собственной силы уже формирует у них их собственные представления о том, что законно. "Приход Гитлера к власти был законным, если мыслить в категориях правления большинства; — пишет Х. Арндт, — ни он, ни Сталин не смогли бы сохранить способность руководить огромным населением, пережить множество внутренних и внешних кризисов и храбро встретить несчет

ные опасности беспощадной внутривластной борьбы, если бы они не имели доверия масс" (62).

Таковы лишь основные из когда-либо существовавших тоталитарных режимов и имеющиеся среди них сходства и различия. Эти различия, а также те, которые обусловлены степенью развитости отмеченных выше характеристик, формируют различные стартовые основания для их распада или разрушения, а также последующего перехода к другим типам политического устройства.

5. ДРУГИЕ ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

В этой главе преимущественное внимание было отведено классификации политических режимов на демократические, авторитарные и тоталитарные. Такой подход вполне обоснован, учитывая то место, которое данная классификация занимает в политической науке. Тем не менее следует еще раз подчеркнуть, что это — лишь рамочная классификация, помогающая организовать многообразие имеющихся в политической науке концепций, сформулировать самое общее представление о том или ином политическом устройстве, но не способная послужить достаточным ориентиром в проведении конкретных исследований. Такие исследования способны, опираясь на общую и рассмотренную выше классификацию, уточнить, конкретизировать, трансформировать ее в соответствии с полученными результатами. Простой пример — недавняя статья Ф. Родера "Разновидности постсоветских авторитарных режимов", опубликованная в американском журнале "Постсоветские события". Рассматривая возникшие на территории бывшего Советского Союза политические режимы, Родер квалифицирует их как авторитарные, выделяя следующие четыре группы — автократии, олигархии, этнически ориентированные и уравновешенные республики (63). Подобным образом мы выделяли в предыдущих разделах несколько разновидностей демократических, авторитарных и тоталитарных режимов.

Концепция режимов может быть трансформирована исследователями и иначе, в зависимости от задач, ставящихся в исследовании. Нам уже приходилось отмечать, что термин "политический режим" может пониматься максимально широко — как способ функционирования системы, способ осуществления власти правящей группировкой и т.д. Наряду с классификацией на демократические и авторитарные, режимы могут быть классифицированы и по иным признакам — по используемым ими методам достижения поставленных целей, по социальному составу правящей группировки и ее политическим убеждениям, по стилю поведения лидера режима и т.д. Это — классифика

ции, которые существуют как бы "перпендикулярно" классификации "демократия—авторитаризм—тоталитаризм", наряду с нею. Рассмотрим коротко лишь некоторые из возможных и используемых в политической науке концепций. Их список, конечно же, может быть продолжен.

Президентские и парламентские режимы

В рамках конституционного правления принято выделять два основных вида режимов — парламентские и президентские. Их различие весьма существенно с точки зрения как организации осуществления власти, так и шансов ее стабилизации в процессе перехода от авторитаризма. *В условиях парламентаризма* основным органом власти является парламент, избираемый народом на определенный срок и наделенный властью выбирать из числа своих представителей премьерминистра. Премьер-министр наделен значительной самостоятельностью в формировании кабинета, однако он не имеет самостоятельной поддержки народа (в отличие от президента) и может быть отозван парламентом в случае утраты его доверия. В классической модели парламентаризма вотум о доверии правительству является главным способом утверждения превосходства законодательной ветви власти над исполнительной. Одно из важнейших последствий такой зависимости премьер-министра от выдвинувших его парламентариев состоит в том, что премьер находится в определенной зависимости и от своего кабинета, выступая в нем скорее "первым среди равных", нежели лидером. Решения кабинета принимаются здесь на коллегиальной основе, ответственность также разделяется поровну, а потому уход в отставку чаще всего осуществляется всем кабинетом. Из этого правила могут быть свои исключения — одни премьеры могут быть наделены качествами лидеров в большей степени, чем другие, — но институционально возможности для проявления лидерства в этой модели относительно невелики.

Другая важная характеристика классической парламентской модели — слияние властей, проявляющееся в том, что большинство членов правительства (если не все) одновременно располагают местами в одной из палат парламента. Это резко отличает данную систему от американского президентства с его четким и последовательным отделением законодательной власти от исполнительной. Наконец, существенно упомянуть, что в условиях парламентской модели статус отдельного члена парламента является гораздо более значительным, чем в условиях президентского режима — прежде всего, потому, что только парламентарии избираются народом.

Таковы характеристики классической модели парламентского режима, существовавшего в Великобритании 19 столетия, во Франции в период Третьей и Пятой республик и, в определенной степени, в современной Италии (64). Парламентаризм постоянно развивается, имеет значительное число вариаций, оказывающих подчас существенное воздействие на осуществление власти. Например, усиление судебной власти ослабило позиции некогда имевшего место полномочия, суверенитета парламента. Вотум доверия правительству отнюдь не используется столь часто, как прежде. Статус независимости члена парламента оказался существенно поколебленным навязыванием ему партийной организации и дисциплины, а кабинет по многим странам едва ли может быть назван подлинно коллегиальным органом.

Основное отличие *президентского режима* от парламентского — независимое избрание народом главы государства, президента, который благодаря этому получает огромную степень независимости, назначает (или представляет на одобрение парламента) премьер-министра, обладает правом законодательной инициативы, руководит вооруженными силами, принимает основные внешнеполитические решения, является нередко лидером правящей партии и т.д. Существуют различные версии президентства — от американской до французской и чилийской, — но во всех этих версиях, хотя и в различной степени, харизме, личности президента институционально отведены немалые возможности для самопроявления, особенно в кризисных политических и экономических ситуациях.

Проблема, которая в этой связи возникает и сравнительно недавно попала в поле зрения исследователей, — в какой степени президентство способствует стабилизации политической власти в условиях становления и консолидации демократических институтов (65). Не вдаваясь в ее рассмотрение подробно (это предмет скорее четвертой, чем третьей главы), скажем лишь, что вопреки распространенному и полученному в результате анализа американского опыта убеждению, президентство способно выступать фактором дестабилизации, а не стабилизации политического процесса. Примеры этому можно найти и в Веймарской демократии, и в современных странах Латинской Америки.

Традиционные, мобилизационные и автономные режимы

Разделение режимов на традиционные, мобилизационные и автономные может быть использовано в нескольких случаях. Во-первых, для того, чтобы показать характер взаимосвязей между правящей элитой

той и обществом, тем, каким образом общество, широкие социальные слои подключены к политическому процессу — в качестве автономных участников, наделенных свободой политического самоопределения в результате всеобщих и равных выборов или же в качестве базы поддержки любых действий правящей элиты. Исходя из такого понимания политическое участие может быть "автономным" или "мобилизованным" (66). Во-вторых, термин "мобилизационный" может быть использован для характеристики способа социально-экономического развития, избираемого обществом и его элитой (67). Еще шире вслед за М. Вебером используется термин "традиционный режим". Наконец, данные термины применимы для анализа сложившегося в обществе типа политической стабильности, того, каким образом то или иное общество обеспечивает для себя базу необходимой устойчивости (68). Остановимся на этом несколько подробнее.

В данном случае принципиально важным для выделения различных типов политической стабильности и различных типов режимов оказывается отношение правящей элиты к императивам социально-экономического развития. В целях самосохранения власть, элита стремится поддерживать сложившийся порядок, ограждая общество от войн, конфликтов и революций. Однако раньше или позднее перед режимом возникает дилемма — выступать инициатором социально-экономических перемен или противиться их наступлению, рискуя в результате подобного "упрямства" быть устраненными с политической арены. С этой точки зрения власть в зависимости от сложившейся социально-экономической ситуации может способствовать сохранению в обществе стабильности двумя путями — либо за счет приверженности традиции, либо на путях эффективного социально-экономического развития.

В первом случае формирующийся политический режим может считаться *традиционным*. Стабильность этого режима обеспечивается, во-первых, за счет абсолютного господства правящей элиты, во-вторых, за счет приверженности людей традиционному типу господства. Еще Макиавелли писал, что "государю, чьи подданные успели сжиться с правящим домом, гораздо легче удержать власть, ибо для этого ему достаточно не преступать обычая предков и впоследствии без поспешности применяться к новым обстоятельствам" (69). Традиционный тип политической стабильности характерен для режимов европейского феодализма или индийской кастовой системы. Эти режимы сохранялись столетиями не столько в силу своей эффективности в решении имеющихся социальных проблем, сколько по привычке, по инерции — до тех пор, пока не подоспел век индустриализации и урбанизации.

Во втором случае стабилизация общества, удержание его от опасности распада обеспечивается благодаря осознанию обществом и его

элитой неотложности социально-экономических перемен. Исторически первыми на путь социально-экономической модернизации вступили общества, сумевшие относительно органично (благодаря непрекращавшейся конкурентной борьбе внутри элиты) перестроить традиционный тип политического господства в легальный и опереться на укреплявшийся класс буржуазии. Сегодня, по прошествии значительного времени, можно говорить в данной связи о политической стабильности, явившейся результатом постепенного укрепления позиций демократического режима, о демократической стабильности. В этих условиях развитие начинается "снизу" всеми структурами гражданского общества. Это развитие никто не стимулирует специально, оно заключено в каждой общественной структуре и выступает цементирующим материалом, своего рода "духом" общества. Поэтому с позиций развития и его источника данный вид стабильности целесообразно определить как *автономный*, т.е. относительно независимый от желания и воли каких-либо конкретных социальных и политических субъектов. Как это ни парадоксально, но единство власти и общества, необходимое для проведения глубоких социально-экономических преобразований и обеспечивающее стабилизацию правящего режима, возникает отнюдь не только в условиях демократии, когда обратные связи между рядовыми гражданами и государством обеспечиваются избирательными процедурами. Такое единство имеет место и в условиях авторитаризма в тех случаях, когда авторитарный лидер выражает интересы значительной части общества — потенциальных агентов модернизации — и за счет умелого использования карательных органов производит селекцию общества, "отсев" несогласных. Исторический опыт, особенно наш, российский, убеждает в том, что авторитарный харизматический лидер способен обеспечить прорыв общества к новым рубежам социального и экономического прогресса. Кого бы из сильных, реформистски настроенных политических лидеров мы ни взяли — Петра Первого, Александра Второго, раннего Сталина — везде мы видим грандиозные социально-экономические результаты, скорость свершения которых не идет ни в какое сравнение с теми сроками, в какие подобные преобразования совершались на Западе. Однако стоило энергии "верхов" по каким-то причинам ослабеть и развитие общества тормозилось. Вывод, который напрашивается в этой связи, достаточно прост: в таких обществах развитие инициируется "сверху", само же общество как бы мобилизуется на требующийся исторический срок. Поэтому данный вид стабильности режима (сталинского, маоистского, кастровского или иного) правомерно *назвать мобилизационным*.

Либеральные и террористические режимы

Разделение режимов на либеральные, умеренные, репрессивные и террористические сделано исходя из того, каким образом, с использованием каких методов правящая элита воздействует на общество и добивается поставленных ею целей. В зависимости от того, какие методы в деятельности элиты преобладают — убеждение или принуждение — режимы считаются более или менее либеральными (70). Политический режим считается *либеральным*, если преимущественное внимание уделяется убеждению общества и политической оппозиции в правильности проводимой политики. Он считается *умеренным*, если в его политике убеждение и принуждение разделены примерно в равной пропорции, если для достижения своих целей режиму приходится прибегать к репрессиям и к использованию органов государственного принуждения в отношении меньшей части общества. Нередко необходимость использования такого рода мер в условиях демократии продиктована кризисной ситуацией, порожденной возникновением внезапной, требующей незамедлительной реакции правительства, угрозой безопасности граждан данного государства. Умеренной может быть и политика авторитарных режимов, если они существенно ослаблены и не в состоянии обращаться к более привычным для них репрессиям. Один из примеров такого рода режимов — хрущевская "оттепель", когда режим впервые в советской истории избрал совершенно новые способы убеждения общества в правильности своей политики и получения для ее проведения необходимой общественной поддержки.

Режим может считаться *репрессивным или террористическим*, если в своей повседневной деятельности преимущественно опирается на репрессии и террор. Используя эти методы воздействия, режим, обладающий легитимностью, нейтрализует или полностью уничтожает политическую оппозицию и впредь преследует всяческие попытки ее возникновения. Здесь нет необходимости останавливаться на данной классификации более подробно — во-первых, она не представляет каких-либо значительных трудностей для понимания, во-вторых, мы уже обращались к ней ранее.

Светские и теократические режимы

Светские и теократические режимы различаются между собой тем, на какой основе происходит легитимизация власти правящей группировкой. Светская власть, независимо от того, авторитарная она или

демократическая, обосновывает свои претензии на управление обществом, опираясь либо на доверие народа (выборами), либо на право силы и способность навязать обществу свое волю. Теократия же всегда стремится подвести под свое правление религиозную основу, утверждая, что в основе государственной власти лежит не только (или даже не столько) доверие народа, но и ее богоизбранность. Теократической была власть российского самодержавия, опиравшегося в своем правлении на известную идеологическую формулировку "православие—самодержавие—народность". Религиозный авторитет в России широко использовался для освящения государственной власти, придания ее действиям дополнительной легитимности.

Другой пример — Иранский теократический режим, установившийся в результате революции 1978—79 годов. К власти пришел представитель духовенства, аятолла Р. Хомейни, широко использовавший религиозность населения для свержения власти шаха и для консолидации своих позиций. Опираясь на один из важнейших догматов шиизма — имапат, — Хомейни доказывал, что его власть не только законна, но и единственно законна, ибо имам есть полномочный представитель, наместник Аллаха на земле. Только имам может руководить людьми. В этом и состоит коренное отличие религиозного правления (теократии) от светского. Вместо отделения церкви от государства и невмешательства ее в дела государственного управления, ислам (во всяком случае ислам в наиболее фундаменталистской версии) проповедует обоснованность и необходимость такого вмешательства. Вместо провозглашенного Христом "богу богово, а кесарю кесарево", ислам утверждает, что "вера неотделима от политики". Рационализация власти и управления отвергается, идея демократии объявляется безбожной, индивидуализм и самостоятельность в выборе органов правления третируются как разрушающие идею общего блага и достижения "общего спасения".

Режимы реформ и контрреформ

Классификация режимов на реформистские и неформистские нередко используется историками при анализе политических изменений. Одна и та же политическая система может функционировать в различных режимах в зависимости от того, каковы намерения правящей элиты и ее лидера. Это легко иллюстрируется примерами из российской истории, в которой периоды стагнации сменялись периодами реформ и "революций сверху" по мере прихода к власти лидера-консерватора или реформатора. Политическая система функционировала в различных режимах при Александре Третьем, Николае Втором, Леониде

Брежнев, с одной стороны, и при Петре Первом, Александре Втором, Михаиле Горбачеве, с другой стороны. Систематически эту смену режимов со времени правления Ивана Грозного проследил американский историк А. Янов (71). С его точки зрения, оппозиция всегда была "органическим компонентом русского социального процесса", однако никогда не обладала достаточным потенциалом для стабилизации процесса реформ и демократических изменений. "Даже самые значительные ее успехи, как возрождение аристократии в XVIII веке, отмена крепостного права в XIX и свержение монархии в XX, неизменно приводили к обратным результатам, т.е. к новым опричным пароксизмам и новому "ужесточению" системы. Иначе говоря, действительно успешной в русской истории до сих пор была только, условно говоря, "правая" фракция оппозиции, последовательно приводившая к власти Ивана Грозного, Петра Великого, Павла I, Николая I, Александра III, Ленина, Сталина" (72). В результате "оттепель" сменялась жестким режимом, подавлявшим все реформистские начинания.

Нечто сходное может быть обнаружено и в политическом развитии западных стран. Например, американский исследователь А. Шлезингер-младший провел подобное исследование на материале американской истории, обнаружив, что американская политическая система развивалась и продолжает развиваться через чередующие друг друга режимы стагнации и реформ (73). В отличие от Янова, он полагает, что система находится в процессе постоянного развития, ибо режим стагнации не позволяет реформам быть свернутыми, он лишь замораживает на некоторое время общественное развитие. Стагнация таким образом не отбрасывает общество вспять и не переходит в стадию контрреформ, означающих, согласно Янову, реставрацию прежних и полуразрушенных реформами опор консерватизма и возвращение к старым порядкам. Стагнация не исключает политического прогресса, а лишь замедляет его, в то время как контрреформистский режим фактически означает регресс.

Таковы лишь некоторые из типологий политических режимов, используемые в современных исследованиях.

IV. ДИНАМИКА РЕЖИМОВ И ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Переходы от одного типа режима к другому — сравнительно новая для политической науки проблематика, еще в 1960-е даже 70-е годы не пользовавшаяся заметным влиянием.

Рассмотрим, например, какое место было отведено этой проблематике в известном и высоко оцениваемом специалистами четырехтомном "Учебнике политической науки" (1). Учебник ставил своей целью познакомить читателей с ведущими направлениями в политологии, включив в авторский коллектив ее виднейших представителей. Получила свое освещение и теория режимов. В частности, третий том был целиком посвящен макрополитике и благодаря усилиям таких известных специалистов, как С. Хантингтон, Р. Даль, Дж. Линц, Ч. Тилли и др., в центре внимания оказались проблемы политического развития и модернизации, взаимодействия правительства и оппозиции в условиях различных политических устройств, анализа и типологии тоталитарных и авторитарных режимов. Однако проблемам политического перехода не было уделено специального внимания. Эти проблемы рассматривались, главным образом, в контексте теорий модернизации и на примере стран третьего мира.

Сегодня, когда международная ситуация формируется, прежде всего, под влиянием распада коммунистических режимов в Советском Союзе и Восточной Европе, проблемы политического перехода все заметнее выдвигаются в центр внимания политологии. Вместе с этим происходит трансформация и самой политической науки. Факт распада коммунизма совершенно иначе разместил стоявшие в социальных науках проблемы, потребовал кардинального обновления прежних подходов, стал выдвигать новые, не пользовавшиеся до сих пор заметным влиянием исследовательские школы и направления. Прежние направления подорвали свой авторитет уже тем, что большей частью исходили из невозможности глубоких демократических изменений в странах коммунизма (2).

Как мы уже сказали, проблематика перехода не обходилась вниманием политической науки — исследования с анализом процессов политической трансформации в странах Южной Европы, Африки, Латинской Америки предпринимались и отнюдь не были редки.

Поэтому рост интереса к этим проблемам, возникший во второй половине 1980-х годов, вовсе не был таким уж "внезапным". Тем не менее, возрастание потока исследований в этой области стало столь заметным и очевидным, что сегодня, во второй половине 1990-х политические переходы, несомненно, одна из самых влиятельных областей политического анализа. Но обострение академического интереса к проблематике переходов было не единственной характеристикой нового состояния политической науки. Вторая его черта — возрастание роли *макрополитического* анализа. После достаточно длительного перерыва сравнительная политология стала вновь уделять заметное внимание широким сопоставлениям политических режимов, которые теперь нередко выходят за рамки страновых сравнений и проводятся на материале целых регионов и континентов.

Удивительно, но отмеченный процесс полным ходом развивается в Соединенных Штатах с их традиционной склонностью к конкретным эмпирическим исследованиям и нерасположенностью к высоким теоретическим обобщениям. В этом отношении опубликованные в 1991 году книги А. Пшеворского "Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке" и С. Хантингтона "Третья волна. Демократизация в конце XX столетия" (3) явились не столько исключением, сколько подтверждением отмеченной тенденции к генерализации накопившихся знаний о политической динамике.

По-видимому, в огромной степени (в какой именно, исследователям еще предстоит выяснить) рост интереса к проблематике политического перехода был и продолжает быть связан с процессами посткоммунистической трансформации. По понятным причинам эти процессы оказались слабо изученными, а их интенсивность, хаотичность и разноплановость стимулировали поиски в обновлении считавшихся устоявшимися теоретических подходов. Коммунизм оказался отнюдь не столь монолитным и неререформируемым, как это представлялось еще совсем недавно ряду исследователей. Имевшиеся теории перехода пополнились новыми данными, потребовавшими новых теоретических усилий для своего обобщения.

Ситуация, на наш взгляд, осложнилась и еще одним обстоятельством. Дело в том, что проблемы перехода сравнительно слабо изучены и классической политической теорией. Если в осмыслении проблем

структуры и типологии режимов классическая теория внесла значительный вклад (см. первую главу), то это едва ли верно в отношении проблем перехода, в особенности, перехода от авторитаризма к демократии. Такое положение дел вполне объяснимо, ведь классическая теория формировалась в иную эпоху, не имевшую возможностей наблюдать процессы развернутой демократической трансформации. В этой теории, несомненно, имеются ценные догадки и меткие наблюдения о процессах перехода (см. первую главу), однако в целом нельзя не признать, что проблема комплексного перехода от авторитарных форм правления в ней не только не разрабатывалась, но даже и не ставилась.

Все это, на наш взгляд, и помогает объяснить тот интерес к проблематике перехода, который переживает современная политическая наука, то многообразие возникшей на эту тему литературы и формирующихся на наших глазах новых теоретических подходов.

1. ПОНЯТИЕ И ПАРАМЕТРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

В данном разделе мы будем называть политическим переходом движение от авторитарных форм правления к демократическим. Такое определение, конечно же, совершенно недостаточно, учитывая как возможность движения в обратном направлении, так и слабо изученные мутации режима, находящегося в промежуточном между тоталитаризмом и авторитаризмом состоянии. Однако мы вполне сознательно ограничиваем себя рассмотрением преимущественно поставторитарных, или демократических переходов. Во-первых, потому что охватить все многообразие материала в одной главе не представляется возможным. Во-вторых, перед нами стоят не столько исследовательские, сколько учебные цели, и пример демократического перехода вполне позволит нам рассмотреть практически все основные проблемы политической динамики. В-третьих, именно демократический переход находится сегодня в центре внимания и мировой общественности, и исследовательской мысли, предлагая социальным наукам все новый и новый материал для раздумий.

Определение политического перехода, как движения к демократическим формам правления предполагает выявление ряда параметров, каждый из которых представляет важность и нуждается в самостоятельном рассмотрении. Содержание этих параметров мы рассмотрим подробнее в нижеследующей главе. Пока же коротко охарактеризуем каждый из них.

Причины перехода. С выяснения вопроса о причинах демократического перехода начинается любое исследование. От того, какова концепция причин, лежащих в основе политической трансформации, в значительной степени зависят и результаты исследования, и характер предлагаемых участникам перехода рекомендаций. Под причинами могут подразумеваться и экономические кризисы, и социокультурные противоречия, и разногласия в высших эшелонах власти, и ослабление идеологической легитимизации режима и многое другое. Эти факторы могут весьма существенно различаться между собой, однако результаты их воздействия чаще всего сходны, ибо оказывают на режим сильное давление, под влиянием которого он либо решается на перемены добровольно, либо оказывается сокрушен насильственно. Мы остановимся на этом подробнее в следующем параграфе, здесь же считаем важным подчеркнуть следующее: вопрос о том, что лежит в основе перехода и является его пружиной — прежде всего, вопрос мировоззренческий, определяющийся политическими убеждениями и интеллектуальными установками исследователя.

Отправной и завершающий пункты. После того, как политический переход становится фактом, возникает необходимость максимально четко сформулировать его границы. Иными словами, необходимо, во-первых, определить, когда именно, на каком этапе завершается эпоха господства авторитарного режима и начинается принципиально иная эпоха — эпоха перехода. Чаще всего непосредственным свидетельством такого начала являются активные выступления оппозиционных правительству группировок и/или изменения в высших эшелонах политической власти, ведущие к укреплению позиций прореформистских групп — кадровые перестановки, декларации лидеров режима о намерениях проводить реформы и пр. Режим вступает в переходное состояние, легитимизируя в той или иной форме права политической оппозиции и постепенно отрезая себе путь к возвращению монополии на власть. Одновременно происходит институционализация демократических институтов. Процесс перехода может считаться завершённым, когда демократические институты уже достаточно укоренились в обществе, а нормы демократического правления и демократического согласования интересов признаются всеми или подавляющим большинством политических акторов.

Процесс и его промежуточные этапы. Процесс демократического перехода представляет собой сложное комплексное явление, и помимо начального и завершающего пунктов может включать в себя целый ряд дополнительных этапов. В зависимости от угла зрения могут вы

деляться самые различные этапы перехода: либерализация; высвобождение энергии политической оппозиции; конституирование диалога и соперничества, разворачивающегося между режимом и оппозицией и т.д. Кроме того, переход редко представляет собой однолинейный процесс, в результате которого завоеванные демократией позиции уже не могут перейти к сторонникам авторитарного варианта развития. Даже процедура свободных выборов отнюдь не является гарантией состоявшегося перехода — опыт стран бывшего Советского Союза демонстрирует, что посткоммунистический режим в состоянии в определенных ситуациях использовать выборы не столько для легитимизации политической оппозиции, сколько для ее дискредитации и раскола.

Способы перехода. В зависимости от стратегии демократизации, избираемой режимом и оппозицией, целесообразно выделять различные способы политического перехода. Их классификация также должна определяться в соответствии с избираемыми исследователями критериями. Однако, несомненно, что переход к демократии в Венгрии и Польше осуществлялся принципиально иначе, чем в Румынии и Албании; переход в странах Балтики отличается принципиальным своеобразием по сравнению с переходами в Казахстане или Киргизстане. Переход может быть мирным и насильственным, эволюционным и революционным, навязанным извне или состоявшимся под преимущественным влиянием внутренних перемен.

Последовательность. Перед режимом, решившимся на демократизацию, и оппозицией, заинтересованной в ее продолжении стоит ряд важнейших, более или менее неотложных задач. Как укрепить авторитет нового, поставторитарного режима? Какими должны быть правовые и конституционные основания нового общества? Как поступить с теми, кто еще недавно отстаивал интересы старого режима, с собственностью, материальным и финансовым имуществом тех, кто потерял власть под влиянием демократических перемен? Как оживить гражданское общество, рекрутировать новых демократических лидеров, заложить новые институциональные основания политической активности в поддержку демократии? Как, с использованием каких процедур быстрее и эффективнее воссоздать рыночную экономику, частный сектор и частную собственность? Как переориентировать на потребителя производство, работавшее преимущественно по государственному заказам и находившееся под государственным контролем? Как сформулировать новые внешнеполитические ориентиры, отвечающие интересам страны в условиях политического перехода? Как будут решаться эти и многие иные задачи — поочередно или одновременно; с участием массовых социальных слоев или, по возможности, изолируя

их; выдвигая на первый план экономические или политические реформы — зависит как от конкретного социальнокультурного контекста перехода, так от стратегии, избираемой режимом.

Внешний контекст. Вопрос о внешнем контексте заслуживает специального рассмотрения, если принять во внимание тот факт, что на исходе XX столетия большинство переходов является не просто переходами к демократической, конституционной политической системе и рыночной экономике, но и переходами к большей открытости международным процессам. Любая демократизация, как сформулировал А. Пшеворский, по определению является и интернационализацией (4), стремлением открыто воспринимать внешние импульсы и развиваться в ориентации на мировые достижения. Внешнее воздействие может быть активным и пассивным, позитивным и негативным, способствующим ослаблению или укреплению поставторитарного режима. Оно может способствовать проведению экономических реформ или защите прав человека и национальных меньшинств, укреплять идейный авторитет реформаторов или способствовать созданию вокруг переходной страны благоприятной системы безопасности. Внешний фактор должен рассматриваться специально и потому, что своей активностью он нередко приобретает статус самостоятельного в формировании внутренней стратегии политико-экономических реформ. Например, международные экономические организации играли и продолжают играть одну из ключевых ролей в осуществлении финансовой стабилизации ряда восточно-европейских стран, нередко выступая на внутренней политической арене в качестве самостоятельной силы, поддерживающей или осуждающей действия правительства. Внешний фактор таким образом способен трансформироваться по масштабности своего влияния во внутренний.

Длительность перехода. Сколько времени займет политический переход, когда будут консолидированы демократические институты — вопрос, на который нет и не может быть определенного ответа. Р. Даль писал в одной из своих книг, что, как показывает опыт, демократия нигде (за исключением Уругвая) не подрывалась изнутри в тех странах, где она просуществовала в течение двадцати лет (5). Но даже если последующий опыт никак не опровергнет этого срока, на протяжении которого демократия устанавливается и консолидируется, то и тогда остается открытым вопрос: а как именно и в зависимости от каких факторов будет варьироваться длительность перехода в различных странах? Именно этот вопрос и заслуживает внимания исследователей. Например, существуют и достойны изучения корреляции между экономическими предпосылками и стабильностью демократического

устройства, между сформировавшимися в эпоху авторитаризма нормами поведения масс и отдельных групп, их прочностью и потребностями и новой демократической культуре и т.д. Анализ этих корреляций способен помочь ответить на вопрос о длительности политического перехода и имеющихся у него шансах на успех.

Результаты. Результаты демократического перехода могут быть выявлены в зависимости от того, в какой степени переход состоялся на рассматриваемый период времени, каковы его перспективы и шансы стать необратимым на пути к демократической консолидации. Такими результатами могут быть успешная, или консолидированная демократия; неконсолидированная демократия, чреватая установлением полувотитарного режима; реванш сил прежнего режима и реставрация прежних порядков; возникновение принципиально нового вида авторитаризма с новой базой социальной и идейной поддержки. Каждый из этих результатов ни в коем случае не является закономерным, хотя и может быть в большей или меньшей степени определяться внешними и внутренними предпосылками перехода.

2. ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Вопрос о том, каковы причины либерализации и демократизации режима, следует рассмотреть подробнее, ибо он в значительной степени определяет современные дебаты о способах и судьбах демократических переходов, об имеющихся у них шансах на успех.

Ранние теории демократического перехода

Важнейший вклад в понимание причин перехода внесла *теория модернизации*. Теория получила новые стимулы для своего развития в 1950—60-е годы в связи с освобождением от колониального господства целого ряда государств третьего мира и возникшими перед ними потребностями экономического развития. Поэтому чаще всего проблема изменений в политической системе модернизирующегося общества обсуждалась в связи с потребностями экономического роста. Существовали конечно и другие подходы, обращавшие внимание на не сугубо экономические измерения модернизации, такие как рационализацию общественных структур или их дифференциацию, национальную интеграцию, психологическую адаптацию, политическое участие, уровень социальной мобилизации и многое другое (6). Но в подавляющем большинстве исследований, проведенных в рамках теории модерниза

ции, демократизация рассматривалась как нечто вторичное, производное от изменений в экономических и социальных структурах.

В рамках теории модернизации сформировалась и весьма влиятельная в свое время *теория политической культуры* (Г. Алмонд, С. Верба, Дж. Коулмен), утверждавшая в отличие от экономических теорий демократизации, что в основе демократического перехода лежат разделяемые большинством общества политические нормы, позиции и навыки поведения. Ее авторы сформулировали понятие так называемой "гражданской культуры", более всего предрасположенной к установлению и функционированию демократических институтов. Эта культура характеризуется распространенной среди ее приверженцев высокой степенью взаимного доверия и склонностью к компромиссам и терпимости по отношению к отличающимся или противоположным интересам и позициям.

Историческое развитие, однако, поставило под сомнение правильность целого ряда положений теорий модернизации и политической культуры. Уровень экономического развития отнюдь не во всех случаях стал гарантом успеха демократических процессов, чему свидетельством стал поворот к авторитаризму и установление бюрократически-авторитарных режимов в целом ряде латиноамериканских стран. Напротив, разработанная Г.О'Доннеллом теория бюрократического авторитаризма утверждала, что этот тип режима более вероятен в условиях относительно развитой экономики. Что касается гражданской политической культуры, то она является скорее результатом демократического развития, нежели его предпосылкой (7). Иными словами, отдавая должное теориям модернизации и политической культуры, следует признать недостаточным предложенное ими осмысление происхождения демократических переходов и причин, лежащих в основе их успеха или поражения.

Динамическая модель Д. Ростоу

Другое объяснение демократического перехода предложила до сих пор популярная динамическая модель Д. Ростоу. Отдавая должное теориям модернизации и называя их функциональным объяснением демократических процессов, Ростоу сформулировал т.н. "генетическое" объяснение, принимающее в расчет историческое происхождение стран, вставших перед задачей адаптации демократических институтов. Статистические корреляции недостаточны, писал Ростоу, ибо они лишь фиксируют совпадения предпосылок и результатов, не предлагая сколько-нибудь вразумительного объяснения логики трансформации предпосылок в результаты. Они недостаточны и потому, что

недооценивают возможное разнообразие путей демократического перехода (8).

Модель, которую предложил Росту, интегрирует в себе историческое измерение и основана на авторской интерпретации исторического опыта перехода к демократии в Швеции в 1890—1920 годы и Турции, начиная с 1945 года. Следуя идее выявления логики, генезиса демократии, ученый выделил четыре основные фазы демократизации, нередко рассматривающиеся современными политологами как неизбежные для любого перехода,

На первой фазе формируются предпосылки перехода. В отличие от упомянутых выше теоретиков модернизации, Росту в качестве необходимой предпосылки перехода выделяет достижение национального единства. Это единство может достигаться различными путями и в различных условиях, но оно, как правило, складывается стихийно и недостаточно вербализовано. В одних случаях экономические факторы, например, низкий уровень развитости экономики, вносят заметный вклад в формирование национального единства, в других случаях оказываются малозначительными.

Вторая фаза демократизации проходит под знаком подготовки к смене существующего типа режима и характеризуется, в отличие от первой, продолжительной и непрерывной политической борьбой. Смысл этой борьбы — возникновение и утверждение новой элиты, опирающейся на репрессированные и нуждающиеся в руководстве социальные силы, хотя их социальный состав, естественно, различается от страны к стране. Неверно полагать, подчеркивает Росту, что демократия была спроектирована заранее. Чаще всего она рождается как побочный продукт борьбы между правящим режимом и контрэлитой, а потому заранее неверно ожидать, что подобный же, демократический, результат постигнет последовавшие за новой демократией страны.

Эта борьба может принимать весьма острые формы, гранича с политической поляризацией, но не отказываясь окончательно от достигнутого на ранней стадии национального единства. Только такая, достаточно ожесточенная по своей форме борьба политических сил, имеет шансы действительно сформировать новую структуру интересов и сделать их конфликт будущей силой общественного развития. Однако и сохранение основ национального единства выступает фактором фундаментальной значимости. В отсутствие такого единства вместо демократии возникнет совершенно иной политический результат — поляризация приведет к дезинтеграции и расколу по региональному, этническому или какому-либо иному признаку.

Процесс перехода к демократии чрезвычайно сложен и может потребовать нескольких десятилетий. Однако для его успеха существенно, что на подготовительной стадии не репрессированы ни свобода

оппозиции, ни избирательное право. Постепенно завершение подготовительной фазы демократизации подводит политических лидеров к сознательному решению принять существование многообразия в условиях единства нации как реальность и институционализировать некоторые важнейшие аспекты демократической процедуры. Фактически это означает наступление третьей фазы — фазы решений. В качестве примера Ростоу называет "Великий компромисс", достигнутый в 1907 году шведскими политиками и базировавшийся на адаптации избирательного права и пропорционального представительства. Опять-таки, решение об институционализации базовых демократических процедур — лишь одно из возможных решений, рождающееся как результат игры целого ряда различных политических сил и отнюдь не исключяющее, а напротив, предполагающее последующую ожесточенную политическую борьбу. И только в результате четвертой фазы, фазы привыкания демократия начинает работать как относительно отлаженный и целостный механизм. Это фаза учебы для граждан и политических элит, фаза освоения техники демократии и приобретения необходимых для ее функционирования навыков и позиций.

Структурная и процессуальная теории перехода

В современных теориях демократизации сформировалось достаточно четкое разделение между сторонниками структурного и процессуального объяснения переходных процессов.

Структурная теория во многом повторяет аргументы сторонников теории модернизации, обновляя их применительно к современной ситуации. В то же время сегодня для приверженцев этой теории уже невозможно использовать распространенные ранее корреляции между демократизацией и такими факторами, как уровень экономического богатства и распределения национального богатства, наличие рыночной экономики, степень прочности феодальных пережитков и позиций буржуазии и среднего класса, уровень грамотности и образованности, характер политической культуры и религиозных традиций, степень развитости гражданского общества и социального плюрализма, уровень гражданского насилия и политического экстремизма, приверженность элит демократическим ценностям, особенности внешнего воздействия и многое другое (9). Аргументы сторонников структурнофункционального объяснения демократических переходов приобрели значительно более утонченный характер. С. Хантингтон, например, обобщая опыт демократических переходов, формулирует следующие ограничения для использования такого рода объяснений. Во-первых, пишет он, ни один из названных (и не названных) выше факторов не

может считаться исчерпывающим в понимании развития демократии во всех или даже в какой-то одной из стран. Во-вторых, ни один из таких факторов не может считаться в этом отношении необходимым. В-третьих, демократизация везде является результатом комбинации ряда факторов. В-четвертых, такая комбинация ведет к установлению демократических устройств, отличающихся от страны к стране. В-пятых, волны демократизации содержат в своем основании различные комбинации факторов. И, наконец, в-шестых, комплекс факторов, инициирующий волну демократического перехода в ряде стран, отличается от того, который ведет к последующим изменениям режима в рамках этой волны (10).

Принципиально иной подход отстаивают сторонники *процессуального объяснения демократических процессов*. Отвергая возможность существования каких-либо предпосылок-демократизации, они защищают значимость и уникальность национального опыта, а также факторов случайности в формировании социальных и политических институтов. Что действительно имеет решающее значение в процессе перехода, полагают сторонники этого подхода, так это реально складывающаяся на момент изменений политическая ситуация, контекст изменений. То, что делает демократию возможной, есть не комплекс тех или иных предпосылок, а сам переходный процесс с присущими для него сложностью и непредсказуемостью.

Так, например, одна из наиболее известных сегодня процессуальных теорий подчеркивает роль политических элит в процессе перехода. Именно принимаемые элитами (как режимными, так и оппозиционными) решения, выбираемые ими стратегии действия прежде всего определяют динамику, а во многом и результаты перехода. Пакт, заключаемый элитами, подчеркивалось в ряде исследований этой школы, оказывается способным определить правила политической игры, срок действия которых будет весьма продолжительным, распространяясь даже на постпереходный период (11). Таким образом, акцент в данном случае делается не столько на структуры, сколько на процесс и искусство основных политических акторов. Макроисторический подход сменяется конкретно-ситуационным анализом, сосредоточенным на модальностях перехода и стратегиях политических акторов. Конечный результат в данном случае не может быть предопределен, а сам подход оставляет значительный простор творчеству элит. Не отказываясь от формирования теории перехода, сторонники данного подхода исходят, тем самым, из так называемого "волюнтаристического понимания политической демократии" (12). В ряде случаев задача элит так и формулируется как задача выхода за пределы отведенной им предпосылками демократизации "зоны выбора" (13).

Таким образом, различия между сторонниками структурного и процессуального объяснения демократических процессов весьма зна

чительны и, несомненно, будут сохранять свое значение для понимания переходных процессов. Оба подхода должны учитываться наблюдателями переходов к демократии, ибо не за горами, видимо, время новых усилий в объединении достигнутых в рамках этих подходов преимуществ. Уже сегодня можно услышать, что "необходима такая теория перехода и формирования режима, которая бы инкорпорировала в себя простое, хотя и теоретически тонкое наблюдение, согласно которому акторы делают свой выбор в рамках тех обстоятельств, выбор которых находится за пределами их возможностей" (14).

Теории перехода под влиянием внешнего фактора

Наконец, есть необходимость особо сказать о теориях, размещающих переходные процессы на широкой шкале международных изменений. Далее мы остановимся на этом подробнее, здесь же считаем уместным проиллюстрировать, что внешние условия вполне могут играть роль самостоятельного фактора демократизации.

Согласно одной из теорий демократизации, отстаиваемой М. Ньюгент, страны, осуществляющие переход, располагают в этом различными возможностями. С точки зрения М. Ньюгента, переходы в посткоммунистических странах будут различаться и протекать с различной степенью сложности, исходя из того, в какой степени были укоренены здесь институты авторитаризма. Сложнее всего переходы будут протекать в СССР и Китае, ибо в этих странах сформировался внутреннеориентированный авторитаризм ленинского типа. Переход будет менее болезненным там, где авторитаризм ленинского типа оказался навязанным извне, как это было в Восточной Европе и Монголии. Конечно, и здесь трудности неизбежны, к тому же в Германии, Польше, Венгрии и Чехословакии переход будет существенно отличаться от иной группы стран — Албании, Румынии, Болгарии, Монголии. И все же у этого перехода больше шансов на успех, ибо названные страны внутренне значительно более предрасположены к демократии, нежели Китай и Советский Союз (15).

Другая теория, защищаемая С. Хантингтоном в его известной книге "Третья волна", утверждает, что демократизация представляет собой международный процесс и осуществляется волнами, захватывая сразу несколько стран и оказывая на них взаимный позитивный и негативный эффект. Внутренняя демократизация осуществляется более или менее успешно в зависимости от того, насколько благоприятно воздействие внешнего фактора. Такая демократизация может привести к зависанию страны между авторитаризмом и демократией, не давая возможности сделать определенный выбор в пользу какого-либо из

режимов, к новым попыткам демократизироваться, к прерыванию демократических процессов, к прямому переходу от стабильного авторитаризма к стабильной демократии (как это может быть типичным, считает Хантингтон, для третьей волны, начавшей свое действие в 1974 году), наконец, к утверждению демократии в результате деколонизации и успешного заимствования опыта демократического правления от стран-метрополий (16).

Таким образом, хотя наше деление весьма условно, факторы, лежащие в основе демократического перехода, могут быть разделены на внутренние и внешние. В зависимости от того, какая из теорий оказывает на исследователя большее влияние, избирается стратегия исследования, в результате которой большее внимание получают либо внутренние или внешние предпосылки демократизации, либо специфика политического лидерства и стратегии действия, выбираемые основными акторами политического процесса.

3. ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ АВТОРИТАРИЗМА И НАЧАЛО ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

Истощение ресурсов жизнеспособности "ancient regime" и режимные дисфункции

Началу политического перехода может предшествовать достаточно длительный период ослабления ресурсов жизнеспособности прежней системы, ресурсов материально-силовых и духовно-психологических. Сформировавшийся и еще недавно справлявшийся со своими задачами режим оказывается больше не в состоянии удовлетворить важнейшие ожидания основных социальных групп. Эти ожидания — личная безопасность, прочность моральных устоев, приемлемый уровень материального благосостояния и др. — могут различаться от общества к обществу, но их неудовлетворенность непременно ведет к внутреннему подрыву устоев авторитарной власти. И хотя такая неудовлетворенность, как показал постсталинский опыт Советского Союза, необязательно сопровождается активизацией оппозиционных режиму движений, сужение базы активной поддержки чаще всего означает приближение опасного для режима времени.

Утрата легитимности режима представляет собой процесс, который может быть прослежен на двух уровнях — массовом и элитном. Для правящей элиты ослабление легитимности означает неспособность убедить массы в единственной правоте избранной ею стратегии развития и выработать такую идеологическую формулу, которая в

основном отражала бы массовые потребности и установки. В условиях коммунистических систем эрозия идеологии и заложенного в ней потенциала массовой мобилизации являлась, вероятно, главным фактором разложения системы и ослабления ее легитимности. В СССР, например, этот процесс претерпел несколько этапов в своем развитии, и прежде чем равнодушие масс к "болтовне" режима стало доминирующим настроением, чистота марксистской идеологии была подорвана элитой — сначала Хрущевым, отказавшимся от принципа "классовых войн" и тем самым отвергнувшим террор, а затем Брежневым, реформировавшим идею партии как авангарда рабочего класса. Последнее же слово было сказано Горбачевым, выдвинувшим идею приоритета общечеловеческих интересов над классовыми. Эта идея окончательно похоронила претензии марксизма возродиться в качестве идеологии советского общества.

Снижение военной и экономической эффективности. Упадок легитимности режима отнюдь не единственное, что ведет к истощению имеющихся у него ресурсов жизнеспособности. Не меньшую, а нередко и большую роль играет здесь снижение эффективности действия экономических и силовых структур. Это тем более справедливо, что множество авторитарных режимов пользуется весьма ограниченной общественной поддержкой, обходясь без помощи четко артикулированной идеологии и опираясь преимущественно на силу. Это особенно характерно для военных режимов, само признание которых обществом нередко связано с их способностью отстоять национальные интересы в вооруженной борьбе с внешним врагом. Такого рода режимам крайне важно "держать порох сухим". Если предъявляемые ими претензии защитить нацию оказываются безосновательными, этого может быть достаточно для перехода власти к группировке, отстаивающей иную политическую программу. Наглядный пример — утрата власти аргентинской военной хунтой и греческими полковниками в результате понесенного ими военного поражения (17).

Другой важнейший показатель — неспособность режима удовлетворить экономические потребности общества. Один из примеров — падение правительства Салазара, которое стало естественным результатом голода в Эфиопии, разразившегося в начале 1970-х годов и унесшего миллионы жизней. Чаще всего переходы происходят на фоне экономического упадка, с негативными или близкими к негативным показателями роста и высокими темпами инфляции. Достаточно типичной, пишет Г. Биннендижк, является переходная ситуация, складывающаяся на втором или третьем году экономического спада, которому предшествовал устойчивый, сформировавший завышенные ожидания рост (18). Например, в Иране падению шаха в 1978 году предшествовало падение темпов роста ВВП вдвое, продолжавшееся с 1976

по 1978-й год. В Аргентине же демонтаж авторитарного режима стал результатом резкого подъема уровня инфляции — со 100 до 350 процентов в год. Напротив, если режимам удастся поддерживать экономическую активность, их положение не безнадежно. Один из примеров — бюрократически-авторитарные режимы, отнюдь не обладающие идеологической легитимацией, но способные удерживать власть на протяжении достаточно длительного времени. В подобной ситуации относительная стабильность режима связана не столько с легитимностью его господства, сколько с отсутствием сформулированной политической альтернативы (19).

Конечно, дестабилизация режима является результатом воздействия не одного-двух, а целой группы факторов. Эрозия идеологии и разочарованность в экономической эффективности коммунистических режимов, справедливо писал К.Познанский, могут быть разделены теоретически, но в социальной реальности они взаимно усиливали друг друга (20), ведя к постепенной и неуклонной дезинтеграции системы. Снижение эффективности системы неизбежно подрывает ее легитимность, в свою очередь, ослабленная легитимность исключает возможность модернизации экономических оснований общества (21).

Наряду с основными — утратой легитимности и ослаблением военно-экономических ресурсов — факторами распада режима, нередко выделяют второстепенные, связанные не столько с действием объективных и трудно поддающихся контролю правящей группировки процессов, сколько со стратегическим выбором правящей элиты. В их числе могут называться такие, как выдвижение лидера с иными политическими ориентациями и программой, попытки насильственного подавления оппозиционных выступлений, провоцирование роста антирежимных настроений в армейской среде, действия, противоречащие принятым в обществе моральным устоям и традициям. Примером последнего может быть брак диктатора Гаити М. Дювалье с богатой мулаткой, приведший к резкому углублению социального расслоения в обществе. Подобным же образом углубилось социальное отчуждение религиозных масс иранского населения от шаха Пехлеви-младшего, предпринимавшего значительные усилия по разрушению социальнорелигиозных перегородок и вестернизации Ирана.

Постепенно утрата старым режимом духовно-психологических и материально-силовых ресурсов ведет к возникновению новых, пагубных для устойчивости режима, процессов. Активизируются оппозиционные правительству движения; из состава контрэлиты выдвигаются новые лидеры; большей свободой пользуется независимая журналистика, обнаруживающая и делающая достоянием общественности все больше фактов режимной коррупции и злоупотребления властью; ре

формистские, склонные к переменам силы внутри правящего блока приобретают новые возможности для укрепления своих позиций. Режим все больше утрачивает прежнюю определенность и целостность, становится все менее предсказуем в своих действиях. Каждое решение требует для своего принятия и реализации значительно большего времени, ибо внутри правящей группировки сталкиваются различные, подчас прямо противоположные суждения. Поведение режима определяется соотношением сил, а со времени ослабления имевшихся в его распоряжении ресурсов это соотношение нередко складывается равновесно — ни консерваторы, ни реформаторы не берут верх, однако при этом никто из них не чувствует себя достаточно уверенно для того, чтобы действовать иными, кроме убеждения "товарищей по партии" средствами.

Таким образом, к ослаблению режима ведет целая группа факторов. Заметим однако, что хотя последствия такого ослабления оказываются для авторитарных режимов сходными, стимулируя процессы их трансформации, последовательность и время протекания переходных процессов всегда уникальны. В значительной степени эта уникальность сопряжена с уникальностью стартовых условий перехода.

Различия в стартовых условиях перехода

Стартовые условия демократического перехода могут классифицироваться по различным основаниям, как, например, в зависимости от уже рассмотренных нами подверженности общества идеологической мотивации или работоспособности имеющихся в нем экономических и силовых структур. Важнейшая роль принадлежит культурным традициям, уровню развитости гражданского общества, наличию оппозиционных центров политической власти и пр. В этой связи показательны различия между бюрократически-авторитарными и однопартийными режимами. Первые, по-видимому, обладают большими шансами на успех, ибо здесь уже проявились независимые от государства экономические интересы, обладающие потенциалом политической самоорганизации.

Сравнительный анализ двух или более режимов обнаруживает имеющиеся между ними различия как долговременного свойства, так и те, что связаны с наличной расстановкой политических сил, присутствием в правящих структурах прагматически настроенных, способных договариваться и идти на компромиссы политиков. Аналитически значимы и более общие классификации стартовых условий перехода, создаваемые на основе анализа большого массива демократизирующихся режимов. Одна из таких классификаций разделяет имеющиеся переходные режимы на две основные группы — Юг и Восток, подразумевая

под ними переходы от двух принципиально отличающихся типов авторитаризма, некоммунистического и коммунистического. Первоначально возникнув как географическое на основе различия европейских режимов, это деление сегодня перешагнуло географические границы и приобрело четко выраженное концептуальное содержание. На сегодняшний день под Югом нередко подразумевают не только Испанию, Грецию, Португалию и другие страны Южной Европы, но и большую часть стран латиноамериканского континента. Что касается Востока, то сюда, помимо Восточной Европы, все чаще относят группу государств, образовавшихся на обломках Советского Союза.

Концептуально различия в стартовых условиях переходов, осуществляющихся на Юге и на Востоке, сводятся к следующему.

Прежде всего, имеет значение *природа сформировавшихся* здесь *авторитарных режимов*. Принципиальное различие Востока и Юга является различием между коммунистически-тоталитарными и капиталистически-авторитарными системами (22). Структурно это различие, при всех вариациях имевшихся на Юге и Востоке режимов, сохраняет свое значение — однопартийные диктатуры существовали и на Юге, однако система *номенклатуры*, монопольного сосредоточения экономической и политической власти в руках партийно-государственного аппарата, представляет собой существо власти, сложившейся в странах с коммунистическим правлением. Система власти, имевшаяся на Юге, была, по замечанию В. Бане, скорее олигополистической, чем монополистической, ибо у власти находилась коалиция политических групп с четко сформулированными и различающимися интересами (23).

Одним из важных проявлений различий в природе демократизирующихся авторитарных режимов является *различие в социально-классовой, социально-профессиональной структуре* обществ Востока и Юга. Несмотря на наличие "теневой экономики" в странах с коммунистическим правлением, система социально-экономических интересов была здесь значительно более аморфной и неопределенной, чем там, где частная собственность, различия в уровне доходов были легализованы, а правящий режим не стремился к тотальной централизации экономических решений. Аморфность социальной структуры создает немалые трудности на пути к демократизации режима. Одна из них — невозможность формирования в относительно короткие сроки многопартийного представительства экономических интересов, без которого политика будет находиться под влиянием иных, значительно менее управляемых и угрожающих стабильности сил. Рост национализма в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза может рассматриваться в этой связи как явление, неизбежное в условиях отсутствия сформулированных и организованных экономических ин

тересов. По масштабу распространения и разрушительности последствий, ничего подобного на Юге не наблюдалось.

Гражданское общество существовало в коммунистических странах в очень урезанных формах. Точнее его было бы назвать "протогражданским" (24), ибо относительный плюрализм и различия интересов существовали скорее на уровне элитных, чем массовых групп. Причем, *уровень осознания элитными группировками своих интересов* был здесь значительно ниже, чем в странах Южной Европы и Латинской Америки. Это особенно легко прослеживается в сравнении уровня осознания своих интересов военными и финансово-экономическими группировками. В последние годы коммунистического правления экономические группы, руководители предприятий и отраслей производства нередко проявляли независимость от государства в принятии различных экономических решений, чего никак нельзя сказать о военных, всегда находившихся под плотной государственной опекой. Последующее развитие событий продемонстрировало, каковы могут быть последствия переходов, начинающихся со столь различных стартовых оснований.

На Юге главным агентом социально-экономических изменений становится национальная буржуазия, которая все более настойчиво вторгается и в политику. На Востоке, где национальная буржуазия отсутствовала, новым двигателем экономических преобразований становится бывшая партийно-хозяйственная номенклатура, обладающая для этого наиболее благоприятными возможностями.

На Юге военные были оттеснены от участия в государственном управлении в результате длительной арьергардной борьбы и переговоров с гражданскими группировками. На Востоке же военные начали осознавать свои интересы уже после начала демократического перехода и, по всей видимости, время их активной политической деятельности еще впереди.

На Юге главным агентом демократического перехода стали элитные группировки, сумевшие сделать переговоры основой в процессе поэтапной передачи власти. Напротив, на Востоке основой противостояния прежней правящей группировке стала массовая мобилизация, которая заставила прежний режим отказаться от власти, причем, в ряде случаев под угрозой (или даже в результате) ее насильственного свержения (25). Сами переговоры режима и оппозиции на Востоке оказались затруднены сравнительно слабым уровнем организации оппозиции, ее митинговым характером и отсутствием четко определенной структуры. Опыт показал, однако, что именно такая оппозиция, существующая скорее в виде движения, чем партии, особенно успешно справляется с задачей мобилизации масс (26).

Наконец, на Юге основные поставторитарные преобразования, по преимуществу, носят характер политических, в то время как на Востоке они затрагивают самые основы социального порядка — проблемы государственного устройства и национальной идентичности.

Наряду с природой прежнего режима и уровнем осознания своих интересов массовыми и элитными группировками следует выделить еще один фактор, существенно отличающий стартовые условия перехода на Юге и на Востоке. Этот фактор — *характер взаимодействия режима с его внешним окружением*. Принципиальная изоляция коммунистических режимов от остальной части мира и относительная интегрированность некоммунистически-авторитарных режимов в мировую экономику и структуры международной безопасности создают для них совершенно различные для демократического перехода стартовые условия. Коллапс советского рынка создал крайне неблагоприятную для стран Восточной Европы ситуацию, требующую срочной и дорогостоящей переориентации их экономики на экономику развитых стран Запада. Отсутствие же требующихся для успешного перехода структур международной безопасности, крайняя неорганизованность возникшего с окончанием "холодной войны" международного порядка диктуют посткоммунистическим странам необходимость вкладывать немалые средства в решение побочных для политического перехода задач.

Таковы лишь основные различия в стартовых условиях демократического перехода. Как мы уже заметили, не менее существенными могут быть и различия внутри самих коммунистически-тоталитарных (Восток) и капиталистически-авторитарных (Юг) режимов. Очевидно, например, что румынский коммунизм с его персонализацией власти и жесткостью практиковавшихся способов принуждения и мобилизации общества кардинально отличался от коммунизма в Венгрии с характерной для него терпимостью как по отношению к либеральной интеллигенции, так и росткам экономической независимости от государства. Развивать эту тему в рамках данной работы у нас нет возможности, хотя она, несомненно, нуждается в дополнительных разработках. Ведь различия в стартовых условиях перехода оказываются, как мы увидим далее, отчасти и различиями в его результатах.

4. ПРОЦЕСС ПЕРЕХОДА К ДЕМОКРАТИИ

Этапы демократического перехода

Процесс перехода к демократии отнюдь не является линейным, или однонаправленным. Тем не менее, имеет смысл выделять промежуточ

ные этапы, помогающие конкретизировать содержание процесса. В зависимости от исследовательских задач этапы процесса перехода могут подразделяться по различным основаниям. Одна из попыток подразделить процесс демократического перехода на различные стадии принадлежала Д. Росту и была рассмотрена нами выше. Несколько таких попыток было предложено наблюдателями посткоммунистических переходов. Рассмотрим их подробнее, прежде чем отважиться на проведение каких-то обобщений.

З.Бжезинский выделил три основные стадии посткоммунистического перехода. На первой стадии, охватывающей от одного года до пяти лет, происходит трансформация политической системы и стабилизация экономической. Это этап установления основных демократических институтов — освобождения прессы от партийного контроля, прекращения действия системы полицейского государства, возникновения коалиции, выступающей за демократические перемены. На втором этапе (3—10 лет) трансформацию претерпевает экономическая система, в то время как политически выдвигается задача стабилизации, принятия новой конституции и закона о выборах, проведения демократических выборов, осуществления децентрализации системы государственного управления и передачи большей власти регионам, укрепления стабильности сформированной ранее демократической коалиции. Наконец, на третьем этапе (5—15 лет) политическая система преследует цели консолидации, а экономика наконец начинает развиваться на устойчивой основе самоподдерживающегося роста, без какого-либо вмешательства со стороны государства. Это время проведения "большой" приватизации, формирования мощного прокапиталистического лобби и предпринимательской культуры (27).

Не менее интересное и значительно более дробное разделение стадий процесса демократического перехода предложил американский исследователь К. Менгес. Анализируя Восточно-Европейские переходы, происшедшие в период 1977—1990 гг., он выделил десять стадий, классифицировав их развитие на примере шести основных стран — Польши, Венгрии, Восточной Германии, Чехословакии, Болгарии, Румынии (28). В каждой стране эти стадии протекали в различное время, занимая по своей продолжительности приблизительно от нескольких месяцев до года и развиваясь в следующей последовательности: 1) возникновение и подъем продемократических групп; 2) снижение репрессивности режима; 3) возрастание влияния реформистских сил внутри правящей компартии; 4) признание режимом продемократических групп через их легализацию или проведение переговоров; 5) обещание режимом провести свободные выборы; 6) проведение первых национальных свободных выборов; 7) время, когда вновь избран

ные демократические органы власти приступают к исполнению своих обязанностей; 8) продолжение напряженности в отношениях продемократических и антидемократических групп, включающих в себя коммунистов, приверженных жесткому реставраторскому курсу и ультранационалистов; 9) проведение второго раунда национальных выборов; 10) начало консолидации демократических институтов в том случае, если выборы были действительно свободны и справедливы.

Наконец, еще одна классификация этапов, циклическая по своему характеру, была предложена В. Шейнисом в его анализе политического развития России и всего посткоммунистического пространства начиная со второй половины 1980-х годов. Шейнис выделил три основные фазы политического цикла. Первая — кризис и морально-политическая изоляция прежнего режима; создание широкой антибюрократической коалиции, идущей к власти с расплывчатой демократической и рыночной программой. Вторая — победа или полупобеда этих коалиций; выход на авансцену "новой", нередко еще более хищнической бюрократии; дискредитация победителей в глазах массовых слоев, размывание их социальной базы, потеря улицы и распад коалиций. Наконец, третья фаза — возвращение к власти лидеров и организаций, генетически связанных с прежним режимом и сумевшими аккумулировать массовое разочарование и ностальгию по старому порядку (29).

Как видим, практически во всех трех случаях авторы обращают внимание на стадии либерализации, или ослабления прежнего режима и начавшейся демократизации, способной вести к различным политическим результатам. Вовсе не обязательно, как показывает Шейнис, таким результатом становится консолидация демократии. В зависимости от сочетания объективных обстоятельств и избираемых режимом и оппозицией стратегий поведения результаты могут быть существенно различными. Отнюдь не во всех случаях демократизация режима проводится последовательно и результативно. Однако логически выделение трех основных стадий демократического процесса (либерализации, демократизации и консолидации) представляется достаточно обоснованным. Из этого разделения мы и будем исходить в дальнейшем.

Либерализация

Либерализация режима является неотъемлемой характеристикой демократического перехода и охватывает собой период, продолжающийся от истощения ресурсов жизнеспособности *ancient regime* и следующих за этим режимных дисфункций и кризисов, до того времени, когда режим перестает сопротивляться натиску сил оппозиции. Либерализация завершается либо падением авторитарной власти, либо,

если режиму удастся изыскать дополнительные ресурсы стабилизации, новыми репрессиями и восстановлением авторитаризма. Демократизация выступает лишь как один из возможных сценариев развития либерализации.

Либерализация протекает по-разному, в зависимости от того, на чем основывалось прежнее авторитарное равновесие — на лжи, страхе или экономическом процветании (30). В первых двух случаях, по-видимому, более характерных для посткоммунистических переходов, равновесие нарушается моментально, как только слово правды о деятельности режима произнесено публично. Казавшийся неколебимым репрессивный режим Чаушеску, напоминает Пшеворский, пал буквально в течение считанных дней, после того, как несколько демонстрантов по возвращении диктатора из поездки в Иран стали выкрикивать обвинения в его адрес. Даже в том случае, если режим идет на изменения добровольно, становясь их инициатором, как происходило в Советском Союзе, это отнюдь не является гарантией против быстрого и неконтролируемого коллапса.

Любопытно, что в случае с Советским Союзом режим во главе с Горбачевым приложил немало целенаправленных усилий, чтобы активизировать массовые социальные слои и получить поддержку для проведения задуманных реформ. Эти усилия далеко не сразу увенчались успехом — народ, привыкший к проведению "компаний" по искоренению, уничтожению, выявлению и т.п., в массе своей полагал, что ни к чему серьезному "разговоры" Горбачева не приведут. Горбачев оказался в нелегком положении. Стремясь получить перевес в оказании влияния на консерваторов внутри руководства КПСС, он нуждался в народной поддержке. Однако народ, на словах "одобряя" перемены, вел себя вплоть до 1988 года весьма индифферентно. Этот парадокс удачно передается шуткой о кризисе современного общества, перефразирующей известную формулу Ленина о революционной ситуации. Согласно этой шутке, кризис состоит в том, что "верхи" больше не хотят жить по-старому, а "низы" — по-новому. Ситуация однако может измениться быстро и неожиданно, и режим, еще недавно стремившийся "раскачать" народные массы, сталкивается с прямо противоположной проблемой — как удержать разбухшую стихию в пределах разумного. Народные массы, ведомые радикальной оппозицией, предъявляют режиму такой счет, который он не в состоянии оплатить. Возникает угроза революции, насильственного ниспровержения прежнего режима — ситуация, замечательно описанная еще Токвилем в его "Старом порядке и революции". Опираясь на опыт Франции, Токвиль утверждал, что революция возникает не столько в результате ухудшения положения народа, сколько как реакция на изменения, направленные на улучшение этого положения. Вызывает своего рода

революция массовых ожиданий, которые не состояниии удовлетворить никакие, даже самые прогрессивные действия режима.

Описанный парадокс либерализации менее характерен для обществ, осуществляющих переход в условиях относительного экономического благополучия. В таких условиях либерализация протекает более плавно и сбалансированно. Один из примеров — процесс перехода в Венгрии, где в результате "компромисса Кадара" экономические реформы и эксперименты начали проводиться задолго до возникновения кризиса коммунизма и начала переходных процессов.

Демократизация и конституирование демократических институтов

Демократизация может быть разделена на высвобождение из-под авторитарного правления и собственно конституирование демократических институтов. В реальности эти стадии часто совпадают (31), но аналитически их следует разграничивать. Высвобождение от авторитаризма связано с демонтажем авторитарных политических институтов и процессом замены прежней элиты новой, поднявшейся на волне критики старого режима. Собственно же конституирование демократии, ее институтов представляет собой процесс легальной канализации массовой политической энергии. Принципиальное отличие демократизации от либерализации как раз и состоит в том, до какой степени массовым социальным слоям открывается доступ для легального участия в политической деятельности. Поэтому институционализацию демократических институтов — формирование конкурентной партийной системы, принятие нового избирательного закона, разработку и принятие конституции, решение вопроса о национально-территориальном устройстве, проведение подлинного разделения исполнительной, законодательной и судебной властей (32) — следует рассматривать в контексте того, в какой степени она содействует массовому политическому участию.

Демократизация и дилемма стабильности. Одна из главных дилемм, встающих перед новой правящей группировкой, связана с тем, будет ли большая открытость системы и ее демократизация способствовать политической стабилизации. На этот счет позиции политологов расходятся. Распространено, в частности, мнение, согласно которому демократизация представляет меньшую угрозу стабильности и протекает с большим успехом там, где уже укоренился институт конкуренции среди политических элит. С. Хантингтон полагает в данной связи, что у южноафриканского перехода относительно неплохие перспективы, ибо несмотря на исключение из политики более 70% населения в эпоху расовой олигархии (апартеида), в рамках правящей группиров

ки сохранялась интенсивная политическая конкуренция (33). Существует и позиция, согласно которой демократизация не должна быть постепенной: чем скорее установлены правила "демократической игры", тем больше вероятность их принятия основными политическими акторами (34).

Демократизация и экономические реформы. Еще более остры расхождения в том, правилен ли выбор в пользу демократизации режима в условиях отсутствия основ рыночного экономического устройства и нерешенности материальных проблем общества. Опыт демократических переходов весьма неоднозначен — известно немало успешных с точки зрения поддержания относительной стабильности системы случаев последовательного перехода к демократии. Отличительная характеристика такого перехода — постепенное возвращение основ рыночной экономики и национальной буржуазии под сенью сильной авторитарной власти, видящей свою задачу в сдерживании политической активности и, одновременно, всяческом поощрении развития предпринимательской инициативы. В этих условиях конституирование демократических институтов стало логическим завершением достаточно длительного этапа авторитарного правления. Так, в частности, осуществлялся переход в Турции и ряде стран Юго-Восточной Азии. В то же время, в условиях посткоммунистических переходов демократизация, как правило, опережает проведение экономических реформ (35), что существенно сужает возможности переноса опыта южноевропейских переходов на почву восточноевропейских реальностей. На аргументы сторонников авторитарного варианта развития событий в России и в ряде стран бывшего Советского Союза и Восточной Европы (в целях "поддержания большей стабильности") можно возразить, что опасность стабильности исходит подчас не столько от промедления с экономическими реформами, сколько от недостатка терпимости посткоммунистического режима по отношению к ускоренно формирующимся независимым политическим интересам и организациям.

Демократизация и избирательный закон. Активно обсуждается и вопрос о том, какая избирательная система является предпочтительной для развития многопартийного представительства политических интересов. Этот вопрос вновь оказался в центре внимания политических наблюдателей после сокрушительного поражения, нанесенного демократическим силам в России в ходе состоявшихся в декабре 1994 года парламентских выборов право-экстремистской партией В.Жириновского. Специалисты доказывали, что если бы не система смешанного выдвижения кандидатов (половина — по партийным спискам, половина — по территориальным округам) в нижнюю палату, Жириновский не сумел бы не только победить, но и вообще составить сколько-нибудь представительную фракцию Государственной Думы (36).

Угроза свертывания демократии, связанная с приходом крайне националистических сил к власти, была бы таким образом отодвинута. Оппоненты такой точки зрения возражали, что игнорирование системы пропорционального представительства наносит демократизации непоправимый ущерб, сдерживая развитие политических партий, важнейшего соединительного звена между государством и гражданским обществом и гаранта против восстановления авторитаризма (37).

Демократизация и тип режима. Еще один вопрос, который предстоит решать сторонникам продолжения демократизации — каким должен быть дизайн демократических институтов для обеспечения их успешного функционирования. В частности, активно обсуждается вопрос о том, какой тип демократического режима — парламентский, президентский или смешанный — является в данном отношении более предпочтительным. Дискуссия на эту тему начата недавно и подводить какие-либо итоги было бы преждевременно. Х. Линц, в частности, высказывал убеждение, что президентские системы, утвердившиеся в США и Латинской Америке, способны выступать фактором политической дестабилизации. Дело в том, писал Линц, что президентство гораздо в большей степени, чем парламентаризм, склонно создавать ситуацию "выигрыша с нулевой суммой", предоставляя отдельному лидеру значительный объем властных полномочий на определенный период времени. Вместо возвращения сотрудничества между режимом и оппозицией, президентство способно усиливать процессы поляризации в нередки и без того разобщенном переходном обществе. Напротив, парламентаризм способен свести эту опасность к минимуму, ограничивая власть первого лидера государства и укрепляя с помощью системы пропорционального представительства институт политических партий (38). Однако опыт посткоммунистических переходов демонстрирует до сих пор противоположную тенденцию — развитие либо президентских, либо смешанных демократических режимов.

Консолидация демократии

Процесс демократического перехода достигает стадии консолидации, когда установлены основные демократические институты, когда состоялись свободные выборы и дееспособность правительства определяется масштабами общественного доверия.

Вопрос демократической консолидации чрезвычайно важен, ибо только его решение позволяет определить временные границы перехода к демократии. Вопрос о том, когда завершается переход — с достижением консолидации новых институтов или сразу же после их конституирования, — не является праздным или даже сугубо теоретическим

ким. От ответа на него зависит, будет ли политическая система продолжать реформироваться или задачей дня станет стабилизация, совершенствование достигнутого. Для одних исследователей, достижение процессом демократического перехода этапа консолидации подразумевает его завершение, что, строго говоря, выводит консолидацию за рамки политического перехода, ибо основные задачи перехода по достижении отмеченных результатов могут считаться решенными. Другие убеждены в том, что переход не может считаться полностью состоявшимся без консолидации установленных демократических институтов.

Ведется полемика и относительно самого содержания термина "консолидация". Позиции исследователей варьируются от минималистского определения до такого понимания, согласно которому в консолидацию включается развитие всех институтов новой демократии: все виды промежуточного представительства интересов, консолидация партийной системы, успешная передача власти в руки оппозиции и пр. (39). Согласно минималистскому же определению, консолидированным можно считать тот демократический режим, в котором не существует ни одной влиятельной политической силы, партии или организации интересов, всерьез обсуждающей иные, кроме демократического, пути приобретения власти или намеренной бойкотировать действия демократически избранных органов власти (40). Это не означает, что в политическом процессе не принимают участия силы, ставящие под сомнение легитимность режима и готовые на использование недемократических средств. Но это означает, что такие силы вытеснены на обочину политической жизни, представляют маргинальные социальные слои и не являются серьезной угрозой стабильности демократии. Это означает, что если демократия и не избавлена раз и навсегда от переворотов и кризисов, то, по крайней мере, свела их возникновение к минимуму.

Стратегия реформ и проблема ее выбора

В зависимости от изменения социальной и политической ситуации выборы стратегического порядка возникают перед режимом и оппозицией на протяжении всего переходного периода. То, каким образом режим и оппозиция планируют свое поведение, чего добиваются в процессе перехода и какую коалиционную стратегию избирают в качестве основополагающей, способно оказать огромное, нередко решающее влияние на ход протекания переходных процессов и их результаты.

Решаясь на либерализацию, режим, как правило, не планирует ее перехода в демократизацию, означавшего бы, как минимум, его от

странение от власти а, как максимум, передачу его представителей в руки судебных органов. Поэтому чаще всего наибольшее, к чему психологически готовы либерально настроенные представители режима, это весьма умеренные реформы, обновление, осуществляющееся в рамках прежней авторитарной системы и связанное с предоставлением обществу больших прав и свобод. Однако по мере активизации гражданского общества и самоорганизации политической оппозиции, либерализаторы режима встают перед качественно новой для них дилеммой — последовать за сторонниками жесткой линии и вернуться к той самой системе, за обновление которой они выступали, или же продолжать либерализацию, вступая в полосу риска и непредсказуемости. Выбор, который делают либерализаторы, всегда конкретен и связан с комплексом обстоятельств, требующих детального и конкретного рассмотрения.

Этот выбор, прежде всего, продиктован имеющейся расстановкой социальных и политических сил на национальной и международной сцене. Во-первых, немаловажно разобраться в том, интересы каких социальных групп защищает режим и различные группировки внутри правящей коалиции, какова структура интересов в самом обществе и каким образом интересы масс и элит могут быть объединены и усилены. Здесь особое значение могут иметь интересы военных, национальной и международной буржуазии, государственного аппарата, рабочих или иных социальных, этнических или конфессиональных групп. Во-вторых, в политическом анализе распространен игровой метод, связанный с рассмотрением возможных коалиции между представителями режима и оппозиции в зависимости от того, насколько сильны умеренные и радикалы как в рамках режима, так и за его пределами. Продолжение либерализации, пишет Пшеворский, оказывается возможным, если складывается необходимая для этого политическая коалиция, в которую входят оказавшиеся более влиятельными сторонники реформ. В этом случае продолжается активизация гражданского общества, укрепление оппозиционных политических движений, и либерализаторы имеют все шансы превратиться в реформаторов (41). Если же формирование такой коалиции оказывается по каким-то причинам невозможным, то верх берут сторонники жесткой линии, твердой рукой подавляющие "беспорядки" и прерывающие процесс начавшейся либерализации. По этому сценарию развивались события в Китае и Южной Корее, когда лидеры режима предпочли вернуться к репрессиям, руководствуясь стремлением сохранить монополию на политическую власть.

В том случае, если в рамках режима возобладали позиции реформаторов, возникает новая стратегическая проблема — как проводить перемены таким образом, чтобы переход к демократии произошел прежде, чем тебя "убили те, у кого в руках оружие, или уморили

голодом те, кто контролирует производственные ресурсы" (42). Каждый раз выбор режимом стратегии продиктован, во-первых, количеством и сложностью накопившихся задач, а во-вторых, политическим поведением оппозиции, степенью имеющейся у нее готовности к сотрудничеству с режимом (43).

В связи с переменами в посткоммунистическом мире активно обсуждается вопрос о стратегии избираемых к бывшему СССР и Восточной Европе политико-экономических преобразований. "Шоковая терапия" и ее разноречивые результаты поставили перед исследователями вопрос, является ли стратегия "шоковой терапии" оптимальной в условиях посткоммунистической трансформации? На сегодняшний день существует, по меньшей мере, три позиции относительно возможной стратегии проведения политико-экономических реформ в странах, освобождающихся от коммунистического наследия. Стратегия "*шоковой терапии*" — лишь одна из них. Меньше распространена, но высказывалась и идея формирования нового "*плана Маршалла*", выделения специальных, масштабных и целенаправленных ассигнований, направленных на восстановление и развитие производства, интеграцию национальных экономик в мировую через ослабление торговых барьеров и достижение макроэкономической стабилизации (44). Наконец, существует и так называемая "*альтернативная*", или социалдемократическая стратегия, ориентирующая, как и план Маршалла, на снижение социальных издержек рыночно-экономических преобразований. В отличие от плана Маршалла, предлагающего стабилизировать национальные политические системы извне (как в послевоенной Европе и Японии), альтернативная стратегия ориентирует на преобразование политической системы изнутри. В отличие же от шоковой терапии, эта стратегия предлагает, во-первых, позаботиться о социальной политике прежде, чем будут развернуты программы финансовой стабилизации и ценовой либерализации; во-вторых, сосредоточиться на возобновлении производственной активности; в-третьих, проводить реформистскую программу в согласии с имеющейся структурой политических интересов и в рамках наличных представительных институтов (45). Такой подход, по мнению авторов, поможет избежать резкого увеличения социальной напряженности, неизбежно возникающей в результате применения "шоковой терапии", ибо ее сторонники нередко (как показывает, в частности, российский опыт) пренебрегают использованием демократических процедур для нахождения общественного консенсуса. Сторонники альтернативной стратегии доказывают, что достижение режимом компромисса с существующей или потенциальной оппозицией, является единственной гарантией против вызревания военных переворотов или социальных революций.

Таким образом, стратегия демократизации, избираемая режимом сообразно сложившейся ситуации, может оказаться для успеха перехода не менее важной, чем имеющиеся социально-экономические и социально-культурные предпосылки.

5. СПОСОБЫ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

Разновидности политического перехода и стратегии, избираемые режимом

Как мы выяснили, процесс перехода к демократии представляет собой совокупность некоторых стадий развития. Но это отнюдь не делает все переходы похожими друг на друга, как две капли воды. Задачи либерализации и демократизации, проведения политических и экономических реформ решаются каждый раз по-разному, в различной последовательности и в различные временные сроки. В связи с этим в политической науке принято выделять несколько способов политического перехода. И хотя для демократизирующихся режимов редко характерна упорядоченность и взаимосогласованность, позволявшая бы без колебаний отнести их к тому или иному типу, выделение "чистых" способов политического перехода — несомненная помощь в анализе переходной динамики. Каждому из способов перехода присущи свои особенности решения возникающих в процессе перехода задач, обусловленные как характером доставшегося реформаторам авторитарного наследия, так и избираемыми ими стратегиями поведения. Для каждого перехода характерны свои особенности взаимоотношения основных политических акторов — масс и элит.

Во-первых, исследователи выделяют так называемые *навязанные переходы* (46). Отличительная особенность навязанных переходов — ярко выраженный элитный характер, причем элиты принимают решение о начале перехода в одностороннем порядке, без решающего давления со стороны оппозиции, и с готовностью используют все имеющиеся в их распоряжении средства (включая силу) для преобразования режима. Подобным образом переход начинался в Советском Союзе, Бразилии, Турции.

Следующая разновидность — *пактовый переход*, также элитный в своей основе, но отличающийся тем, что не навязывается одной из группировок политической элиты, а выступает как результат многостороннего элитного соглашения. В качестве примеров такого перехода обычно называют Испанию, Уругвай, Колумбию, Венесуэлу.

Третий вид перехода — *реформа*, на протяжении которой активными участниками политического процесса наряду с элитами выступают массы. В данном случае мобилизация масс ведет к компромиссному соглашению с правящей элитой без использования насилия с той или иной стороны. Подобным образом политический переход осуществлялся в ряде восточноевропейских стран, например, в Польше, Чехословакии, Югославии.

Наконец, четвертый вид перехода представляет собой *революцию*, т.е. насильственное ниспровержение прежнего авторитарного режима с активным участием массовых социальных слоев (47). В данном случае наиболее характерными примерами являются переходы, осуществлявшиеся в Румынии, Албании и — в августе 1991 года — в СССР.

Способы осуществления демократического перехода могут быть классифицированы и иначе. Например, А. Степан выделил не четыре, а десять таких способов, используя значительно более сложный набор критериев, включающих в себя и внешнее окружение режимов, и характер взаимодействия внутренних и внешних факторов в процессе перехода (48). Переходы, таким образом, могут весьма существенно различаться. Вновь подчеркнем, что такого рода различия отнюдь не могут быть сведены к различиям доставшегося реформаторам авторитарного наследия. Будучи весьма неблагоприятным, это наследие может быть успешно компенсировано адекватным лидерством и искусством реформистской части политического класса изыскивать новые, подчас неожиданные ресурсы для продолжения реформ и формирования коалиции в их поддержку. Напротив, ничто, даже наличие относительно высокого уровня жизни населения или расположенной к переговорам с режимом оппозиции, не спасет реформы от поражения, если режим оказался не способен выдвинуть из своих рядов Лидера, сформулировать набор жизненно важных, стратегически ценных идей по осуществлению перехода и не озабочен ничем иным, кроме сохранения status-quo. В этом отношении характерным примером может вновь служить разграничение ряда стран латиноамериканского и восточноевропейского континента. Теория предпосылок успешной демократизации учит тому, что переход к демократии будет более успешным, если он осуществляется от капиталистического авторитаризма (Юг, включающий в себя и Латинскую Америку), нежели в том случае, если его отправной основой выступает авторитаризм коммунистический. Однако прерывание процессов демократизации в ряде латиноамериканских стран и их упорное продолжение в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, с одной стороны, побуждает к коррекции прямолинейных представлений о "предпосылках" демократизации и характере доставшегося реформаторам наследия, а с другой стороны, позволяет ответственным, всерьез озабоченным воп

росами стратегии реформаторам увеличить собственные шансы на успех.

Навязанные и пактовые переходы

Как мы уже сказали, конкретные переходы редко могут быть однозначно классифицированы как пактовые, навязанные, реформистские или революционные. Чаще всего переход является смешанным, сочетая в себе различные, порой трудносовмещающиеся элементы и приобретая на качественно новых этапах новые особенности. Один из примеров — демократический переход в Советском Союзе. Начавшись как навязанный, инициированный реформистской частью правящего класса, данный переход постепенно приобрел качественно иную, революционную динамику, миновав на своем пути более умеренные пактовые и реформистские альтернативы. Затем, с наступлением 1992 года и утверждением у власти в России режима Б. Ельцина переходная динамика вновь приобрела качественно иные свойства, утрачивая былую революционность и вновь напоминая собой переходы пактового и навязанного характера. Другой пример — польский переход. Начавшись в 1980 году с подъема массового движения "Солидарность", выступавшего за ненасильственную, т.е. реформистскую смену режима, переход перешел в фазу навязывания военного режима, чья цель состояла в прерывании процесса перехода как такового, и возобновился как пактовый, а затем — после июньских выборов — как реформистский лишь в 1989 году (49). Поэтому сравнение способов политического перехода будет иметь большую ценность, если проводится с учетом конкретных различий, возникающих на различных этапах перехода. Тем не менее, наличие в переходе суммарно большего количества особенностей пактового, а не революционного перехода, результирующееся в пактовой же (т.е. без использования процедур, вовлекающих в политический процесс массовые социальные слои, например, всеобщих выборов) передаче власти, позволяет в целом охарактеризовать тот или иной переход как пактовый, а не революционный. В этом смысле переходы, осуществляющиеся в таких странах, как Россия, Румыния, Албания, являются более революционными и менее пактовыми, нежели переходы в Венгрии, Чехословакии, ряде латиноамериканских стран.

Пактовые переходы осуществляются, как мы уже сказали, на основе элитного соглашения и, как правило, не ведут к институционализации массовой демократии. В таких обществах элиты оказываются менее коррумпированны и более открыты рекрутированию свежих, свободно мыслящих представителей. Именно это и позволяет им при

ти к относительно своевременному решению о необходимости реформ и увеличивает шансы реформистски настроенной части элиты получить превосходство над сторонниками жесткой линии. Специальные исследования показывают, что пактовые переходы осуществляются с большим успехом в условиях корпоратистски-авторитарных режимов, как, например, в Испании и Бразилии, где ко времени перехода уже сложились институты социального представительства интересов, где существует, пусть и на правах полулегальной, оппозиция, и где элита и контрэлита обладают возможностями реализовывать свои стратегии в условиях относительной автономии от масс (50). Другой пример успешного пактового перехода — Южная Африка. Начавшись в начале 1980-х гг. как навязанный, проводившийся по инициативе Питера Бота, переход постепенно привел к смещению расстановки сил в рамках белой элиты и сменился пактовым. И хотя сам Бота так и не отважился на подлинную демократизацию режима, едва ли считая это возможным в сложившихся условиях, его перемены проложили путь Ф. Де Клерку, а впоследствии и Н. Манделе. Причем, до сих пор (до конца 1994 года) переход в Южной Африке, несмотря на тяжесть авторитарного наследия и уникальную этническую структуру, осуществляется без революционных дисфункций, в целом успешно справляясь с решением сложнейших задач демократической институционализации.

Навязанные переходы отличаются от пактовых отсутствием среди элит консенсуса по вопросу проведения реформ. Переход начинается в одном из двух случаев: во-первых, если прореформистские силы внутри политического руководства оказываются сильнее и располагают ресурсами для навязывания (по крайней мере, на первое время) своего политического видения; во-вторых, если переход навязывается извне, при вмешательстве во внутренние процессы более сильных и продемократически настроенных внешних сил. Примером первых переходов могут быть многие посткоммунистические переходы на их начальной стадии, примером вторых — переходы в Панаме и Гренаде после интервенции США, а также послевоенная демократизация в Германии и Японии в условиях присутствия оккупационных американских войск.

Стоит подчеркнуть, что навязанные и, особенно, пактовые переходы осуществляются в условиях, когда правительство обладает достаточным авторитетом. Это важнейшее их отличие от переходов реформистского и революционного характера. Как писал А. Степан о Бразилии, когда "началась либерализация, не существовало ни значительной политической оппозиции, ни экономического кризиса, ни разрушения в результате поражения в войне аппарата государственного принуждения" (51). Обладая авторитетом правительство может

быть коммунистическим (Венгрия), военным (Турция, Бразилия, Перу, Пакистан), расово-олигархическим (Южная Африка) или режимом личной власти (Испания, Индия, Чили), но оно должно осознавать необходимость перемен и обладать для этого достаточными ресурсами.

В то же время навязанные переходы чаще всего менее прочны, чем пактовые, ибо оставляют без внимания достаточно мощный деструктивный потенциал, сосредоточенный в консервативной части элиты. Вместе с тем, в политической практике может возникать ситуация, когда переход не может начаться иначе, чем навязанный. Так было в ряде стран, освобождающихся от коммунизма, где правящая элита в основе своей оказалась не способной воспринять идею перемен, и демократизация стала возможной только благодаря личному мужеству и инициативе немногих воспользовавшихся благоприятной ситуацией реформаторов. Тем не менее, реформаторам не следует забывать о временности и относительности успеха навязанных переходов. От избранной ими стратегии зависит очень многое (52). Опыт показывает, что в отличие от пактовых, навязанные переходы не имеют серьезных шансов на успех, ибо осуществляются на крайне узком социальном основании и тяготеют к замене кропотливой работы по демократической консолидации примитивной популистской риторикой. В этой связи может возникнуть серьезная опасность неожиданной смены навязанного перехода революционным, а впоследствии, и утраты со стороны реформаторов всякого контроля за осуществлением демократических процессов.

Один из заслуживающих в данной связи внимания примеров — российская посткоммунистическая трансформация. Экономические и политические реформы Ельцина—Гайдара начали осуществляться в условиях политического вакуума и возникшей у реформаторов относительной свободы рук. Воспользовавшись этим, реформаторы предпочли кажущийся более скорым и легким путь навязывания реформ, пренебрегая при этом долгой, упорной и сомнительно благодарной работой по строительству политического консенсуса и стабилизации демократических институтов. Ситуация политического вакуума, однако, оказалась недолговечной. Уже через несколько месяцев оппозиция правительственному курсу сформировалась и заявила о своих претензиях в достаточно резких, не терпящих возражения формах. Как пактовый, так и реформистский переходы не получили возможностей для последующей реализации. Вместо этого российский посткоммунистический переход осуществляется в революционных условиях крайней уязвимости и непредсказуемости.

Реформистские и революционные переходы

Революционные и реформистские переходы осуществляются в качественно иных, чем пактовые и навязанные, условиях. Их главная отличительная особенность — активное подключение к политическому процессу массовых слоев населения. В обоих случаях переходы осуществляются более динамично и непредсказуемо (если сравнивать их с пактовыми, основанными на элитном соглашении переходами), в обоих случаях возникает серьезная, требующая безотлагательного решения проблема — на какие общественные институты реформаторы могут опереться. В случаях с корпоративскими режимами такими институтами выступали представляющие интересы рабочих профсоюзы, которые обеспечивали служащих и нанимателей механизмом разрешения возникающих проблем и представляли политические интересы рабочих перед лицом государства. Последующая эволюция профсоюзов в рабочие советы, как это было в Испании, позволила переходу к демократии осуществиться в более плавных и не подрывающих основ общественной стабильности формах. Профсоюзные лидеры обладали относительной автономией, использованной ими как для соблюдения дистанции с массами, так и для проведения независимой линии в переговорах с государством (53). Кроме того, наряду с сильными и потенциально оппозиционными режиму профсоюзами в условиях корпоратизма нередко существовали достаточно развитые предпринимательские структуры, также обладающие ресурсами для проведения независимой политической линии.

Принципиально иначе дело обстояло с переходом в тех обществах, что долгое время находились под властью коммунистических режимов. За редкими исключениями (Венгрия), всякая независимая экономическая, социальная и, тем более, политическая активность не одобрялась государством, нередко подвергаясь жестоким репрессиям. Это не исключало наличия в коммунистических обществах автономных начал, проявлявшихся как в независимой от государства социально-экономической деятельности, так и в развивавшейся внутри элиты относительной свободы принятия решений. Однако эта, и без того весьма относительная, свобода от государства в большинстве случаев не получала никакого институционального оформления (что и давало основания целому ряду исследователей рассматривать коммунистические режимы как в основе своей тоталитарные). Это обстоятельство чрезвычайно затрудняет осуществление посткоммунистических переходов, которые — и это отнюдь не случайно — оказываются в своем большинстве реформистскими, а еще чаще революционными.

Формально государство было всеподавляющим, что парадоксальным образом негативно сказывалось на его легитимности и исподволь

формировало условия для возникновения весьма специфической оппозиции. Облик этой оппозиции, по наблюдению опиравшегося на изучение перехода в СССР и Китае Б. Жанга, формировался, главным образом, исходя из недостатка ее институционализации. В подавляющем большинстве случаев оппозиция коммунистическим режимам представляла собой социальное движение, не имеющее четко определенной структуры, не являющееся партией и не напоминающее ее даже отдаленно. В этом смысле структурно оппозиция выступала как "антиорганизация".

Такой оппозиции присущи следующие особенности: 1) ее возникновение отмечено лишь этапом либерализации коммунистического режима; 2) при возникновении такой оппозиции, формирующейся чаще всего из элитных слоев (студенты, интеллектуалы), она по различным причинам не встречает незамедлительных репрессий режима; 3) как следствие неуверенности режима демократическая оппозиция может расширять свои ряды и укреплять социальную базу с необыкновенной для этого скоростью и активностью — в массах исчезает долгое время живший страх перед режимом, и горстка оппозиционных интеллектуальных клубов на глазах превращается в массовое социальное движение; 4) в силу ускоренных темпов роста оппозиции ее участниками становятся представители практически всех возможных социальных групп и слоев. В отличие от политической базы корпоративных режимов, представляющей собой преимущественно организованный рабочий класс, в коммунистических режимах в противостояние государству на данном этапе вовлекаются все основные слои населения (54). Вполне естественно, что для такой оппозиции популизм превращается в основное оружие по рекрутированию сторонников, а социальная и политическая критика в ее риторике явно преобладает над конструктивными программами выхода из глубокого общественного кризиса.

Режим, продемонстрировавший слабость своей готовностью на либерализацию, продолжает терять некогда прочные позиции и довольно быстро встает перед дилеммой: продолжать реформы или использовать еще сохранившие силу органы государственного принуждения для того, чтобы вернуть контроль за ситуацией и сделать оппозицию зависимой от своей политики. Но даже если, как это было в 1989 году в Китае, предпочтение отдается второму варианту, никаких гарантий, что переход утратит революционную динамику в будущем, не существует. Напротив, как мы уже заметили выше, навязанные переходы с несравненно большей легкостью оборачиваются революционными, отсекая шансы на осуществление реформистского перехода. Поэтому для реалистически мыслящих представителей режима дилемма видится иным образом: как, не прибегая к насилию, ввести переход в рамки реформистского варианта и избежать крайней непредсказуемости ре

волюционного перехода (55). Это чрезвычайно сложная, а по мнению ряда исследователей, и неразрешимая в условиях наследия, доставшегося от коммунизма, задача. Тем не менее, тяжесть этого наследия не следует ни переоценивать, ни уравнивать повсеместно, в различных обществах. Гораздо правильнее исходить из того, что шанс для перевода перехода на реформистские рельсы всегда существует и может быть использован (56).

Революционные и реформистские переходы, несмотря на имеющиеся и только что рассмотренные сходства, отличаются заметным и заслуживающим специального внимания своеобразием.

Реформистский переход в ряде своих характеристик больше напоминает пактовый, чем революционный: компромисс, несмотря на использование оппозицией опоры на политическую мобилизацию масс, является здесь все же преобладающей характеристикой. В отличие от пакта, оппозиция, ставшая в известной степени заложницей данных массам обещаний, не ограничивается лишь требованиями раздела или передачи власти, стремясь достичь этого путем институционализации демократических институтов, прежде всего, общенародных выборов в органы власти. Но в отличие от революционного перехода, здесь существуют и взаимно признаются определенные правила политической игры — прежняя элита уступает власть пусть и не в результате переговоров, но добровольно, на основании состоявшихся выборов. Оппозиция, невзирая на традиционализм отстаиваемых ею позиций, признается и рассматривается как полноценный участник политического процесса.

Качественно иначе протекают революционные переходы. В данном случае оппозиция, добивающаяся власти путем выборов, нередко терпит поражение в результате либо путча, превентивно предпринятого прежней правящей элитой (СССР), либо открытого свертывания начатых преобразований (Польша в начале 1980-х гг., Китай в 1989 г., Румыния, Албания). Поэтому власть, оказавшись в руках оппозиции, рассматривается ею как "завоеванная". Политическая борьба приобретает тенденцию вестись по правилам игры с нулевой суммой — победа вновь установившегося "демократического" режима является поражением оппозиции, и наоборот, сокрушение оппозиции (достигающееся безо всякого почтения к имеющимся правовым нормам и процедурам) однозначно рассматривается как очко в пользу режима. Никаких универсальных правил политической игры, сформулированных для всех игроков, строго говоря, не существует. Эти правила постоянно меняются и устанавливаются заново теми, кто одерживает силовую победу.

Конечно, никакой из посткоммунистических или — шире — поставторитарных переходов не является в чистом виде реформистским

или революционным. Чаще всего, переход вовлекает характеристики обоих только что описанных разновидностей. Тем не менее, есть переходы, которые со всей определенностью следует охарактеризовать как более революционные, чем реформистские. Лежащий на поверхности пример — советско-российский революционный переход, продемонстрировавший миру жесткие и непримиримые формы борьбы режима и оппозиции, сделавшие возможными события 3—4 октября 1993 г., запрещение и преследование оппозиционных организаций, временное отсутствие всякой судебной власти, управление указами Президента, совершенно непопулярные в обществе попытки властей насильственно разрешить кризис отношений между Центром и регионами (Чечня) и многое другое, немыслимое в условиях реформистских переходов. Напротив, венгерская парламентская демократия, по наблюдению М. МакФола, скорее напоминает континентальные политические устройства, чем уязвимые и труднопредсказуемые системы времен посткоммунизма. Что касается польского и чешского случаев демократического перехода, то они занимают промежуточное между российским и венгерским положение, являясь одновременно и переговорно-реформистскими, и поляризованно-революционными (57). По словам того же МакФола, происходящее в России было бы неверно дисквалифицировать как становление демократической системы, однако нельзя не видеть и того, что препятствия для формирования сильных демократических институтов в российских условиях гораздо более значительны, нежели во многих иных, осуществляющих переход от коммунистического правления странах (58). Остается только добавить, что наличие такого рода препятствий сопряжено здесь не только с наследием, доставшимся от прежнего режима, но и с политическим поведением основных факторов перехода.

6. ВНЕШНИЙ ФАКТОР И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД

Внешний фактор, его потенциал и способы влияния на внутренние процессы

Мы уже затрагивали вопрос о способности внешнего фактора оказывать влияние на внутренние процессы. В частности, нам приходилось отмечать, что внешний фактор способен играть самостоятельную роль в процессах внутренней политической трансформации (см. 4.2.). На различных этапах развития общества эта роль может принадлежать идеям, международным организациям или системе международ

но-экономических связей (см. 2.1.). Сегодня, в ситуации распада прежней, биполярной системы международной безопасности, потенциал и ответственность мирового сообщества как фактора стабилизации внутривнутриполитических процессов существенно возрастает.

В отношении процессов демократизации режима внешний фактор может быть как способствующим, так и препятствующим их развитию. Иными словами, это воздействие может быть негативным и позитивным. Примером негативного воздействия может служить поведение Советского Союза в странах Восточной Европы в послевоенный период. Введение советских войск в Венгрию в 1956 и в Чехословакию в 1968 годах привело, как известно, к насильственному свертыванию развернувшихся в этих странах демократических процессов. Другой пример — введение военного положения правительством Ярузельского в Польше 1981 года, которое может рассматриваться как превентивная мера, принимавшаяся во избежание ввода советских войск, и следовательно, осуществлявшаяся в условиях внешнего влияния. В отличие от Венгрии и Чехословакии в Польше советское влияние было косвенным, однако результаты оказались во многом сходными.

Что касается позитивного внешнего влияния на демократизацию режима, то оно может осуществляться по нескольким направлениям и с использованием различных средств. Во-первых, такое влияние может распространяться в результате демонстрационного эффекта успешной демократизации. Подразумеваемая заразительную силу такого рода успехов, специалисты нередко говорят об *инфекции* (contagion) демократических преобразований (59), стимулирующей возникновение так называемых "волн демократизации". Во-вторых, внешнее влияние может оказываться международными неправительственными организациями по *согласованию* (consent) с национальными правительствами-реципиентами влияния, преследуя цели привития им разделяемых значительной частью международного сообщества норм поведения. Это также относится к механизмам добровольного восприятия внешнего влияния.

Существуют и принудительные формы оказания внешнего воздействия на демократические процессы, среди которых выделяют контроль, обусловленность (conditionality) и *военную оккупацию* в целях насаждения демократического режима. Под *контролем* и *обусловленностью* подразумевают оказание политического или экономического давления на правительство, нежелающее следовать нормам и предписаниям соответственно одного или группы международных акторов (60). Конечно, далеко не всегда такого рода принудительное воздействие оказывается эффективным. Это определяется не только готовностью внешних сил употребить значительную часть имеющихся у

них ресурсов для оказания давления на недемократические правительства, поддержки молодых, стремящихся к консолидации демократий или отпору силам антидемократической ориентации (61), но и степенью внутренней укорененности авторитаризма (62).

Формы ослабления авторитаризма извне

Роль внешнего фактора может различаться в зависимости от того, на каком этапе демократизации находится авторитарный режим. Если режим еще достаточно силен, чтобы отвергать требования либерализации и демократизации, позитивное влияние внешнего фактора будет заключаться в изыскании всевозможных способов его ослабления.

Среди этих способов правомерно выделять мирные и насильственные. Л. Уайтхед, проанализировав американское поведение в Латинской Америке, выделил три разновидности насильственного ослабления авторитаризма и навязывания демократии — *слияние* (incorporation), *вторжение* (invasion) и *запугивание* (intimidation). В качестве примеров первого, второго и третьего исследователь использует соответственно поведение США в Пуэрто-Рико, Панаме и Никарагуа (63). При этом внешнее вмешательство может преследовать различные цели — от подталкивания режима к самоизменению и стимулирования соответствующих кадровых перестановок до преобразования самой природы режима (64). По мнению Уайтхеда, навязывание демократии чаще всего приводит к прямо противоположным результатам и установлению новой формы авторитарного режима (65). И хотя примеры успешного навязывания демократии существуют (послевоенные Япония и Германия), далеко не во всех случаях такая стратегия поддержки демократизации является оптимальной. Нечего и говорить, что с такими крупными странами—носительницами авторитарного режима, как Россия, Китай и др., всякие попытки насильственной стимуляции демократических процессов обречены на катастрофические результаты.

Значительно более распространены ненасильственные формы подрыва позиций авторитарных режимов. Послевоенный опыт выявил достаточно широкий набор такого рода форм. К их числу относят:

1) Моральное воздействие на антидемократический и не проявляющий никакого уважения к правам человека режим. Заявления президента, влиятельных политиков и официальных лиц с осуждением аморальной природы жесткого авторитарного режима, передаваемые по радио и телевидению, преследуют цели получения поддержки мирового общественного мнения, облегчения участи политических заключенных и оживления внутренней оппозиции режиму.

2) Использование экономического давления и санкций для экономического ослабления режима. США нередко прибегают к такого рода формам ослабления авторитаризма, используя принятие специальных поправок через Конгресс или лоббируя приостановку займов и помощи через международные организации.

3) Ещё один важнейший канал — средства дипломатического воздействия, задействуемые чаще всего через посольства. Один из наиболее эффективных, хотя и трудно достижимых результатов дипломатических акций — налаживание личной переписки между высшими руководителями формально конфликтующих держав. При всей сложности организации работы такого канала пример личной переписки Кеннеди—Хрущева убеждает, что это возможно.

4) Не менее важна многосторонняя дипломатия, осуществляемая на базе международных организаций, таких, например, как СБСЕ.

5) Огромную роль играет прорыв информационной блокады и радиовещание на те страны, в которых информация подвергается тщательной цензуре. В этом отношении трудно переоценить роль, сыгранную вещавшими на СССР и Восточную Европу радиостанциями "Свобода/Свободная Европа", "Немецкая волна" и другими.

6) Неоценима и материальная помощь, оказываемая внутренней оппозиции режиму. В том случае, если оппозиционные организации существуют, внешняя помощь способна стать одним из важнейших факторов их укрепления.

7) Наконец, заслуживают упоминания и различного рода образовательные и профессиональные обмены между странами с авторитарным и демократическим способами правления. Хотя авторитарный режим и стремится свести международные обмены к минимуму, потребность в специалистах вынуждает его решаться на эту меру, рискуя впоследствии приобрести в их лице противников существующего на родине политического строя (66).

Внешнее участие в процессах либерализации режима

В известной степени, внешнее участие в процессах либерализации режима сводится к использованию тех же средств, что и участие в процессах ослабления авторитаризма. Интересная особенность состоит однако в том, как потенциал внешнего участия воспринимается сторонниками реформ внутри режима и за его пределами. Идеализация такого участия, порожденного надеждами на обновление, делает внешнее воздействие одним из ключевых факторов поставторитарного перехода, одним из залогов его успеха. Все больше и больше людей, нередко подогреваемых примитивной популистской риторикой, укрепляются в мысли, что демократизация означает, прежде всего, ма

териальное процветание и социальное благополучие ("как на Западе") и что успехи демократизации в их стране будут восприниматься развитыми странами, как их собственные успехи. Тем болезненнее бывает возвращение к реальности, ибо чаще всего, как показал опыт большинства переходов от коммунистического правления, надежды, связываемые с массивным внешним участием, оказываются иллюзорными. И хотя само существование таких надежд является условием последовательного разблокирования авторитарных форм правления, внешнее участие на этапе либерализации режима выполняет преимущественно идеологическую и пропагандистскую роль.

И дело здесь не столько в заинтересованности сил "международного капитала" в развале страны, как это нередко пытаются представить крайне правые оппоненты реформистского курса, сколько в объективных трудностях внешней поддержки либерализации. Средства, имеющиеся в наличии у международных сторонников продолжения реформ и их перехода в подлинную демократизацию, оказываются не столь многочисленными. Международная помощь на этом этапе еще не может быть ни целенаправленной, ни массивной, ибо не существует гарантий против восстановления жесткого авторитаризма и использования предложенных международным сообществом средств для реанимации его военно-экономической мощи и агрессивности. На этом этапе еще не могут быть ни отменены экономические санкции, введенные против режима на этапе его ослабления, ни заключены международные договоры, преследующие цели финансово-экономического выздоровления.

Тем не менее, международное участие в процессах либерализации режима не должно являться лишь фактическим продолжением стратегии ослабления прежнего авторитарного режима. И хотя оказание материальной помощи режиму на этом этапе является преждевременным, задача развитых демократических государств состоит не только в том, чтобы гарантировать невозможность агрессивного режима, но и в том, чтобы свести к минимуму вероятность революционного развития событий, чреватого последующей эскалацией насилия и гражданской войной. В зависимости от того, как протекает переход, какая стратегия избрана реформаторами, внешнее участие может варьироваться от практиковавшейся ранее массивной поддержки оппозиции до сотрудничества с реформистскими силами внутри режима. На этом этапе для реформаторов необыкновенно важна внешняя поддержка, оказываемая им в виде правительственных заявлений, обещаний отменить в скором будущем условия, препятствующие доступу на международные рынки и развитию экономической активности и т.д. Представляется, что внешнее участие в процессах либерализации советского коммунистического режима было оптимальным

вплоть до августа 1991 года. Основные ошибки были допущены позднее.

Внешняя поддержка, оказываемая становлению и консолидации демократических институтов

Как только произошла смена прежнего авторитарного режима режимом, имеющим демократическое происхождение, внешнее участие в процессах перехода вступает в принципиально новую стадию. Важность такого участия, в особенности на этапе становления демократических институтов, является фундаментально значимой для успешного продолжения перехода. На этом этапе закладываются предпосылки нормального функционирования политической и экономической системы.

Международное участие в процессах становления и консолидации демократических институтов может реализовываться по трем основным направлениям.

Во-первых, чрезвычайно важно способствовать созданию гарантий безопасности, без которых главной проблемой страны в переходный период останется проблема урегулирования взаимоотношений между руководителями военного и гражданского сектора. Создание гарантий безопасности поможет высвободить необходимые для успеха перехода финансово-экономические и психологические ресурсы. Одним из примеров такого рода внешнего участия может служить деятельность блока НАТО по включению значительной части восточноевропейских стран в сферу своей безопасности. После памятных выборов российского парламента в декабре 1993 года, на которых впечатляющих результатов добились экстремисты, после ряда проявлений внешнеполитической агрессивности России в СНГ, а также после российских попыток насильственного возвращения Чечни в состав РФ, восточно- и центральноевропейские страны проявляют особую и вполне естественную заинтересованность в связываемых с членством в НАТО гарантиях безопасности.

Второе важнейшее направление международной вовлеченности — экономические реформы. На этапе демократического становления задача международного фактора — максимально способствовать созданию всех необходимых условий для восприятия страной ширококомасштабных инвестиций и ее полноценного включения в мировую экономику. "Позднее, по завершении первой фазы, — отмечает по данному поводу З. Бжезинский, — западная помощь перестает иметь ключевое значение, ибо значительно более существенными становятся внешние инвестиции и доступ к западным рынкам" (67). Основные задачи, ре

шаемые на данном этапе, сводятся к следующему: стабилизация и достижение конвертируемости валюты; предоставление целенаправленных кредитов и безвозмездной помощи; выделение специальных кредитов для перестройки инфраструктуры; оказание необходимой технической и управленческой помощи; предоставление странам-реципиентам режима особого торгового благоприятствования; первоначальное инициативное инвестирование внешнего капитала (68).

Наконец, в-третьих, международное участие чрезвычайно важно для формирования демократических политических институтов. Как ни важны для успеха перехода гарантии безопасности и экономического выздоровления, только реформа политических институтов превращает демократизацию в последовательный и необратимый процесс. По мнению американского исследователя К. Менгеса, к числу способов американской поддержки демократических институтов в России и других постсоветских государствах после установления здесь посткоммунистического режима могли быть отнесены следующие.

1) Создание на высшем правительственном уровне рабочей группы экспертов, целенаправленно занятых координацией всех видов предоставляемой политической и иной помощи, а также проведение ежемесячных встреч экспертной группы с Президентом и Советом Безопасности для обсуждения уже достигнутого прогресса и проблем, требующих решения.

2) Выявление основных продемократических групп — политических партий, профсоюзов и гражданских ассоциаций — на основе сопоставления их программ и анализа практической деятельности. После внимательного анализа, результаты которого должны перепроверяться в течение, по крайней мере, нескольких месяцев быстроменяющейся и богатой событиями политической ситуации, должно быть выделено 4—5 демократических организаций.

3) Разработка и использование программы специальной помощи продемократическим партиям и гражданским организациям. Такая помощь может включать рекрутирование новых сторонников, создание широкой сети региональных организаций, практический тренинг для лидеров по использованию в их целях современных СМК и СМИ, формированию важных для политической деятельности организационных навыков и т.д.

4) Увязывание предоставления экономической помощи правительству с возможностями, имеющимися у продемократических групп организовываться и нормально функционировать. Запад не может увязать экономическую помощь с существованием демократического правительства, но он в состоянии оказать на существующий режим давление в целях предоставления продемократическим группам возмож

ностей пользоваться основными демократическими правами (свобода слова, собраний и ассоциаций).

5) Проведение определенной части международно-экономической помощи стране через существующие в ней подлинно демократические организации. Помимо сотрудничества напрямую с правительством, для становления демократических институтов было бы полезно, если бы, например, часть помощи на приватизацию была передана МВФ и МБ независимым предпринимательским организациям. Это позволило бы укрепить процесс становления демократических институтов, осуществляющийся "снизу вверх", а не "сверху вниз".

6) Обеспечение роста внутренней и международной популярности продемократических лидеров и организаций. Помимо материальной помощи, продемократические политики нуждаются в моральной поддержке и признании, которое может быть обеспечено через формирование специальной программы их встреч с западными политиками, законодателями, представителями правительства, экспертами и т.д.,

7) Перевод на язык страны и широкое распространение классических произведений, защищающих принципы политической и экономической свободы (Джефферсон, Линкольн, Токвиль, Милль и др.), способствующих целям образования как сторонников продемократических групп, так и более широких слоев населения.

8) Оказание помощи активистам демократических групп в организации и проведении семинаров для студентов высшей школы и университетов, построенных на базе моделирования локальных, региональных и национальных структур власти и с обсуждением возможного поведения лидеров в различных ситуациях. Помимо чисто образовательных целей, такие семинары будут прививать гражданам навыки демократического самоуправления.

9) Использование Демократического Корпуса американских добровольцев, готовых провести достаточно длительное время в странах бывшего Советского Союза, преподавая английский язык и оказывая гражданам этих стран помощь в становлении мелкого бизнеса, гражданских, политических и профессиональных организаций (69).

Внешний фактор и перспективы демократизации: три стратегии

К настоящему времени сформировалось, по меньшей мере, три стратегии международной вовлеченности в процессы поставторитарного перехода. Охарактеризуем их в самых общих чертах, тем более что отчасти нам уже приходилось затрагивать этот вопрос (см. 4.4.).

Доминирующей по отношению к развивающимся, а сегодня и посткоммунистическим странам, выступает западная *стратегия поддер*

жки "шоковой терапии", многократно опробованная в ходе реформирования стран Латинской Америки и Африки. Эффективность этой стратегии весьма проблематична — с разносторонней критикой в ее адрес выступали специалисты и по Латинской Америке, и по России, и по иным странам, где этот подход практически реализовывался. Экономически в этой стратегии основной упор делается на достижение краткосрочных результатов — финансовую и ценовую стабилизацию, немедленное снятие протекционистских барьеров, открытие рынков и достижение конвертируемости национальной валюты, ускоренное (например, с использованием приватизационных чеков) проведение приватизации и т.д. Значительно меньшее, по-существу, маргинальное внимание уделяется структурной перестройке экономики, стабилизации и достижению устойчивых показателей роста.

Чаще всего эта стратегия реализуется без достаточного учета страновой и региональной специфики, социального и политического контекста, имплицитно полагая, что действие "всеобщих экономических законов" отрегулирует социальную и политическую ситуацию без обращения к каким-либо дополнительным мерам. Такая узкоэкономическая ориентация, дефицит макросоциального мышления, уверенность в том, что "экономика — самое главное", что проведение экономических реформ должно быть приоритетным и основополагающим для успеха поставленного перехода, дают основание именовать эту стратегию "экономическим детерминизмом". Все политические и правовые изменения рассматриваются этой стратегией почти исключительно в контексте проведения финансово-экономической стабилизации. Политически это нередко ведет к поддержке не демократических, а авторитарных тенденций, если только они исходят от тех сил национального политического спектра, что уже завоевали себе репутацию защитников либерально-консервативного курса шоковой терапии, к преимущественной ориентации на личность лидера реформаторских сил, а не на демократический процесс в целом. Результатом же, как об этом убедительно свидетельствует опыт российских реформ, вполне может оказаться размывание политического центра, укрепление позиций лево- и праворадикальных политических сил и последующий срыв самого процесса демократического реформирования.

До известной степени — и это отнюдь не случайно — модель шоковой терапии приближается к модели восточно-азиатского реформирования, в которой демократизация вообще не выдвигается в число ориентиров, и полицейское государство, напротив, выступает гарантом стабильности и благоприятного для западных инвестиций экономического климата. Здесь также присутствуют и поддержка авторитарных тенденций, и вера в спасительность "экономического детерми

низма", хотя имеются и существенные отличия, и результаты чаще всего оказываются совершенно иными (71),

Иная стратегия международной вовлеченности в процесс демократических изменений — *План Маршалла*, опробованный в послевоенный период в Германии и Японии. По сравнению с шоковой терапией, это маргинальная и — в силу как ее дороговизны, так и сложностей применения, связанных со спецификой социально-политических условий — более не используемая стратегия. Однако уместность принципов этой стратегии, всесторонний учет ею факторов потенциального торможения хода реформ, ее продуманность и результативность привлекают к ней внимание экспертов в странах, находящихся в процессе посткоммунистической трансформации (72), Экономически План Маршалла близок иной, *социал-демократической стратегии*, существующей пока лишь в работах исследователей и не опробованной практически (73). Основная ориентация Плана Маршалла — на поощрение инвестиционной активности, возобновление устойчивого экономического роста и сопутствующую этому финансово-экономическую стабилизацию (см. подробнее 4.4.). Один из основных рычагов такого реформирования — использование долгосрочных беспроцентных частных и государственных кредитов (74).

В отношении политического реформирования у названных стратегий имеется сходство в принципиальном стремлении установить в реформируемых странах подлинно демократические институты, однако пути достижения данной цели в условиях Плана Маршалла и социалдемократической стратегии существенно различаются, План Маршалла в буквальном смысле слова насаждает демократические институты, гарантируя их функционирование и вращение в национальный контекст силой, благодаря присутствию готовой вмешаться оккупационной армии. Армия является гарантом безопасности страны на период реформ и достижения социально-политической стабильности, гарантом поддержания порядка и даже нормального функционирования установленных правовых институтов. Что касается социал-демократической стратегии, то здесь процесс политико-экономического реформирования задуман без какого-либо нарушения норм национального суверенитета, и задача внешнего фактора заключается не во введении армейских подразделений и насильственном насаждении порядка, а в преимущественном использовании средств обусловливания и экономического контроля. По-видимому, из вышеперечисленных эта стратегия наиболее оптимальна для развития процессов пост-коммунистической трансформации. В то же время, принимая в расчет как ее неопробованность, так и возможное в условиях нарастающей глобализации демократических процессов использование ряда продемонстрировавших свою жизнеспособность принципов Плана Маршалла и шо

ковой терапии, можно предположить, что в будущем скорее всего найдет себе применение какая-то синтетическая стратегия.

7. ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Консолидация и ее критерии

После того, как состоялись первые демократические выборы и власть перешла в руки поставторитарных сил, демократизация достигает качественно новой стадии своего развития и встает перед качественно новыми дилеммами. Главная из них — будет ли процесс демократизации продолжаться и каковы будут результаты? Очевидно, что сам по себе приход новых, поставторитарных сил к власти еще не является гарантией последовательного углубления демократического процесса. Во-первых, новые силы не являются демократическими по определению — они вполне могут быть подвержены авторитарным соблазнам; во-вторых, возникающие проблемы могут оказаться необычайно сложными для решения, а попытки демократизаторов — недостаточно эффективными. В среднесрочной перспективе сочетание этих факторов способно привести к совершенно иному, помимо демократической консолидации, результатам, например, постепенной консолидации неавторитаризма, или — что еще более опасно — неконтролируемому революционному коллапсу основных общественных институтов. Поэтому, как нам уже приходилось отмечать в 4.4., политический переход не может считаться полностью состоявшимся без консолидации установленных демократических институтов.

Консолидация демократии выступает, таким образом, лишь как один из возможных результатов демократизации и отнюдь не может рассматриваться как нечто последовательно-неотвратимое на этом пути. Для продолжения демократизации и ее перехода в стадию консолидации потребуются новые, более значительные усилия, нежели те, что привели *ancien régime* к устранению с политической сцены. Не случайно, как замечает Дж. Мунк, исследовательская литература, посвященная анализу собственно проблем демократической консолидации, отмечена несравненно большим пессимизмом, нежели литература по проблемам перехода и передачи власти (75).

При всей дискуссионности самого термина "консолидация", чаще всего под ней подразумевают достижение режимом такого состояния, в котором ни одна влиятельная политическая сила, партия или организация интересов, не обсуждает всерьез иные, кроме демократических, пути приобретения власти и не использует для этого иные, кроме

демократически признанных, ресурсы (76). Но такое, своего рода "негативное" определение консолидации, оставляет невыясненным целый ряд вопросов.

Является ли проблема демократической консолидации лишь проблемой времени? Специалисты утверждают, например, что ее решение потребует как минимум двадцати лет, связанных со сменой одного или даже двух поколений политиков. Однако правомерно ли называть консолидирующимся демократический режим, в течение нескольких лет не уделяющий никакого внимания институционализации демократических институтов, режим, который использует практику всеобщих выборов как ширму для прикрытия поисков новой концентрации власти и, возможно, возвращения к авторитаризму? Правильно ли сводить проблему демократической консолидации к проблеме выживания демократии? Очевидно, что нет. Явно, что консолидация подразумевает упорную и целенаправленную работу по конституированию и укоренению демократических институтов в обществе, по их взаимосогласованию и притирке. Консолидация подразумевает постоянные усилия режима и оппозиции привить обществу уважение к правилам демократической игры, убедить вчерашних радикалов в том, что жестоко критикуемый ими "оппортунизм" и "соглашательство" в политике весьма нередко являются благотворными и заслуживающими одобрения.

Условия демократической консолидации

Полемика относительно условий демократической консолидации берет свое начало в теориях демократизации, основные положения которых мы рассмотрели в 4.2. Одни авторы придерживаются убеждения, что на консолидацию оказывает огромное значение природа и степень общественной укорененности прежнего авторитарного режима, другие концентрируют свое внимание на модальностях перехода, без особого почтения относясь к его предпосылкам (77).

Например, С. Хантингтон, сравнивая латиноамериканские и восточноевропейские переходы, показывал, что в первом случае основные игроки старого режима (военные) полностью удалились из политики в ходе демократизации и вернулись в казармы, в то время как во втором случае игроки прежнего режима (коммунисты) продолжали оказывать огромное влияние на ход демократических процессов. Это различие, утверждал Хантингтон, оказывается одним из ключевых в том, каким способом и темпами осуществляется консолидация в Латинской Америке и Восточной Европе (78). Развивая его позиции, другой сторонник структурной теории демократии Л. Даймонд выдвигает

гает тезис о наличии и степени развитости гражданского общества как важнейшей предпосылке успешной консолидации демократических институтов. Рассматривая гражданское общество как сферу публичного действия граждан, расположенную между частной сферой и собственно государством и политическим обществом, Даймонд убежден, что гражданское общество — школа "воспитания демократических позиций, таких как терпимость, умеренность, склонность к компромиссу и уважению противоположных точек зрения" (79). Конечно, продолжает Даймонд, решающим для успеха консолидации условием выступает политическая институционализация, ибо и сама консолидация представляет собой процесс, посредством которого демократия все шире и глубже признается гражданами, сводя к минимуму вероятность ее распада. Однако "гражданское общество может и в основном должно играть значительную роль в создании и консолидации демократии ... чем более активно, плюралистично, ресурсоемко, институционализировано и демократично гражданское общество, чем более эффективно ему удастся уравнивать трения с государством — возникающие в связи с вопросами независимости и сотрудничества, сопротивления и лояльности, скептицизма и доверия, агрессивности и цивилизованности — тем более вероятно, что демократия появится и укрепится" (80).

Сегодняшние переходы от коммунистического правления убеждают в важности наличия и степени развитости в обществе независимости в суждениях, общественного мнения и публичной сферы, автономных от государства экономических структур и многого другого. Не преуменьшая важности тактического и стратегического искусства демократизаторов, их способностей отыскать и реализовать оптимальные и в основном приемлемые для оппозиции альтернативы политического развития, следует помнить и о роли историко-политических факторов. В том, что сегодня "консолидация демократии выглядит более вероятной в Восточной Центральной Европе, нежели в России" (81), есть несомненная доля рассмотренных выше структурных, историко-политических факторов.

Проблемы консолидирующейся демократии

Помимо углубления демократизации и привития гражданам ценностей демократической культуры и навыков политического участия, перед консолидирующейся демократией встают и совершенно конкретные, требующие незамедлительной реакции нового режима, проблемы. Назовем лишь некоторые из них.

Во-первых, это проблема очищения поставторитарного режима, связанная с его отношением к тем, кто занимал управленческие дол

жности при авторитаризме и, следовательно, несет прямую ответственность за грубое попрание прав отдельных граждан и социальных слоев, а также с отношением к собственности и финансам прежнего правящего режима и его партии. В разных обществах эта проблема решалась по-разному. В Польше, например, премьер-министр Т. Мазовецкий отменил всякие преследования и запреты на профессии для вчерашних слуг коммунистического режима. В Чехословакии же такого рода запреты были введены согласно закону о люстрациях (люстрация — открытие собранной службами безопасности и хранившейся в секрете информации на должностных лиц прежнего режима и на граждан, тайно сотрудничавших с ним). Проект такого закона существовал и в России (подготовленный Г. Старовойтовой (82)), но так и не был введен в действие. Введение такого рода законов может как способствовать освобождению от авторитарного наследия, так и, напротив, осложнять этот процесс. В тех обществах, где это наследие пустило особенно глубокие корни, закон о люстрациях способен усугубить переходные процессы, увеличивая и без того резко возросшую социальную напряженность и снижая шансы на достижение социального консенсуса. Кроме того, способов проверить достоверность содержащейся в секретных папках информации не существует. Один из курьезных примеров, подтверждающих такого рода опасения, провозглашение в Чехословакии подверженным действию закона В. Гавела, известного диссидента, лидера демократической оппозиции коммунистическому режиму.

Во-вторых, вновь установившемуся поставторитарному режиму приходится сталкиваться с проблемой "перехода лояльности", связанной со снижением вовлеченности в политику прежних акторов *ancient regime*. На Юге такими акторами чаще всего выступают военные, на Востоке — коммунисты (83). Решение этой проблемы в еще большей степени, чем решение первой проблемы, продиктовано не столько моральными соображениями, сколько прагматическим стремлением нового режима выжить и не подорвать основы хрупкого, едва установленного гражданского порядка. Именно из числа прежних акторов будет формироваться потенциально сильная непримиримая оппозиция, если проблема "перехода лояльности" останется нерешенной. Поэтому, возможно, как предполагает Д. Фадеев, что переход аполитичных по своей природе чиновников в новые структуры является допустимым и даже желательным. То же самое справедливо и для большей части офицерского корпуса (84).

В-третьих, перед новым режимом неизбежно (вопрос лишь в масштабах распространения) встанет проблема снижения уровня общественного насилия и коррупции должностных лиц. Именно решение этой проблемы будет в первую очередь способствовать предотвраще

нию авторитарной ностальгии среди тех, кто привычно отождествляет "порядок" с недемократическими формами правления.

В-четвертых, новый режим просто обязан изменить к лучшему положение в экономике, заложить в ней основы динамизма и саморазвития, не позволяющие настроениям массы люмпенов и маргиналов получить поддержку общественного большинства. Экономический динамизм может, конечно, пониматься по-разному. С. Хантингтон, например, сформулировал весьма спорное и совершенно неприменимое к посткоммунистическим переходам понятие "политической переходной зоны", согласно которому вероятность начала переходного-демократических процессов сильно возрастает в тех странах, где ВВП на душу населения размещается в промежутке от одной до трех тысяч долларов (85). Экономический динамизм, особенно, в слаборазвитых странах, не может быть сведен к показателям роста. Большинство исследователей посткоммунистических переходов исходят из совершенно иных показателей экономического динамизма, связанных, например, с выходом из экономического кризиса, проведением структурной перестройки, макроэкономической стабилизации и т.д.

В-пятых, возникает острая проблема рекрутирования новых демократических лидеров. На первых порах новые политики формируются из диссидентов и интеллигенции, т.е. тех, кто находился в оппозиции авторитарно-тоталитарному строю. Однако в обществах, сформировавшихся в условиях такого строя, данная проблема не может быть решена в краткие сроки — недостаток опыта, привычка к критике, а не созиданию обречены еще долгое время тормозить процессы демократической консолидации.

А В-шестых, перед молодой демократией встает проблема создания демократических институтов и организаций, политических партий, групп интересов, ассоциаций добровольцев, идентифицирующих себя с этими организациями и готовых поддерживать установленные правила демократической игры как единственные правила, гарантирующие им свободное существование.

Наконец, в-седьмых, проблема демократической консолидации — это и проблема формирования благоприятного внешнего окружения, выработки адекватной новому режиму внешней политики, формирующейся на основе согласования имеющихся в обществе интересов, в тесном сотрудничестве с парламентом, политическими партиями и с учетом общественного мнения.

Консолидация и институциональный дизайн

Другой, заслуживающий внимания вопрос — какие политические институты и тип режима (парламентский, президентский или смешан

ный) будут в большей степени способствовать консолидации демократии.

В 3.5. и 4.4. мы уже затрагивали вопрос об основных различиях парламентских и президентских режимов. Как полагает ряд исследователей, эти различия оказываются принципиально важными и в ходе демократической консолидации. Гипотеза Х. Линца состоит в том, что наиболее предпочтительными для консолидации демократии являются парламентские режимы. "Парламентские выборы, — пишет исследователь, — предоставляют множество альтернатив: формирование коалиционного правительства; открытое или скрытое сотрудничество правительства и оппозиции в законодательном процессе; надежды оппозиционных партий выиграть на следующих выборах (в особенности при центробежной партийной системе). Это снижает остроту разочарования проигравшего, сохраняет надежды на будущее, нередко дает возможность и проигравшим участвовать в отправлении власти". Напротив, "при президентской системе, получивший 33.1% голосов, получает на точно определенный промежуток времени контроль над исполнительной властью и относительно свободно ее использует, чтобы назначить всех высших служащих, вводить законы и накладывать вето на предложения законодателей. При этом оппозиция чувствует себя беспомощной и склонна к озлоблению. Оппозиция, расколовшаяся в ходе выборов, имеет множество причин объединиться после поражения. В свою очередь, получивший власть вполне может почувствовать страх, что в его программе разочаруются и что на следующих выборах он может потерпеть поражение. Безличный характер магистратуры, публичитарный характер выборов, контраст между общегосударственным уровнем дебатов в контексте президентских выборов и локальным, непотистским местным их уровнем, вполне возможная коррумпированность выборов в законодательные органы, — все это может дать президенту ощущение власти, ощущение мандата, превышающего имеющуюся у него реальную поддержку" (86).

На этапе консолидации демократического режима спрос на маневренность власти сменяется спросом на устойчивость и умение достигать промежуточных соглашений с оппозицией, вовлекая ее в процесс принятия решения и, тем самым, лишая возможности выступать с безответственными призывами к отставке существующего правительства (87). Поэтому принципиально важным может оказаться не предоставление президенту дополнительных полномочий, а напротив, ограничение его власти другими, представительными и судебными органами. Примеры злоупотребления президентской властью в России предоставляют дополнительную возможность рассмотреть гипотезу Линца. Неконституционный роспуск парламента в октябре 1993 года и, особенно, ввод российских войск в Чечню, сопровождавшиеся почти

открыто пренебрежительным отношением к общественному мнению, представительным и судебным органам, едва ли можно рассматривать в качестве факторов стабилизации и достижения общественного согласия. С этой точки зрения, закрепление в российской конституции президентских сверхполномочий едва ли послужит делу демократической консолидации.

Стратегии демократической консолидации

В зависимости от того, какие способы избираются для решения перечисленных выше проблем, выделяют различные стратегии демократической консолидации. Стратегия, охватывающая собой комплексное их решение, очевидно, должна разрабатываться применительно к конкретно складывающейся ситуации. Различными могут быть как приоритеты, так и способы решения возникающих проблем. Один из редких в политической науке примеров разработки такого рода стратегий — известная и уже не раз упоминавшаяся нами работа С. Хантингтона "Третья волна". Рассматривая проблему консолидации демократии, Хантингтон не ограничивается теоретическим обобщением имеющегося (удачного и неудачного) опыта, но и предлагает ряд практических рекомендаций для снижения уровня преступности и вывода военных из сферы политики.

В отношении снижения уровня преступности рекомендации Хантингтона выглядят следующим образом:

1) Если власть перешла к новому режиму в результате пакта или переговоров режима и оппозиции, не следует пытаться предъявить должностным лицам авторитарного режима обвинения в нарушении прав человека. Политическая цена таких усилий перевесит любую моральную цену.

2) Если власть перешла к новому режиму под решающим влиянием масс, и у демократизаторов есть ощущение, что это желательно и с политической, и с моральной точек зрения, следует немедленно (в течение первого года пребывания у власти) предъявить функционерам авторитарного режима обвинения, которые не будут распространяться на должностных лиц среднего и низшего уровня.

3) Необходимо разработать способы полного и всестороннего публичного расследования того, как и по каким причинам совершаются преступления.

4) Признать, что в вопросе "обвинять и наказывать versus прощать и забывать" каждая альтернатива ведет к сложнейшим проблемам и что наименее опасным курсом вполне может быть: не обвинять, не наказывать, не прощать, и сверх всего остального, не забывать (88).

Для вывода военных из сферы политики и обеспечения их профессионализма Хантингтон предлагает демократизаторам:

1) Безотлагательно очистить армию от потенциально нелояльных офицеров, включая как сторонников авторитарного режима, так и реформаторов армии, возможно, способствовавших установлению демократии.

2) Жестко наказать организаторов переворота против нового правительства.

3) Консолидировать командные структуры вооруженных сил. Устранить аномалии и дать ясно понять, что глава правительства — гражданское лицо — является одновременно верховным главнокомандующим.

4) Существенно сократить армию, учитывая, что ее непомерная численность диктовалась потребностями управления обществом.

5) Использовать сэкономленные от сокращения армии средства для увеличения оплаты, пенсий, льгот, для улучшения жилищных условий офицеров.

6) Реорганизовать вооруженные силы в силы быстрого реагирования по устранению угроз внутренней нестабильности — это устраним склонность военных думать о политике в отсутствие угрозы извне.

7) Существенно сократить численность войск, расположенных и предместьях столицы и перевести их ближе к относительно малонаселенным и территориально удаленным местам.

8) Снабдить военных современной техникой и электронным оборудованием, требующими овладения особыми навыками для их управления.

9) Использовать любую возможность для выражения вооруженным силам своего уважения — посещать военные церемонии; вручать медали; подчеркивать, что солдат сосредотачивает в себе важнейшие ценности нации; появляться, если это не противоречит конституции, в военной униформе.

10) Развивать и поддерживать политическую организацию, способную мобилизовать сторонников на улицах столицы на случай, если военный переворот все же произойдет (89).

Следует помнить, что рекомендации по выводу военных из политики распространяются Хантингтоном на те общества, где авторитарный режим был военным по своей природе, где офицеры находились у власти и сформировалась "военная бюрократия", выполнявшая все необходимые функции по управлению обществом. С этой точки зрения, рекомендации ученого относятся скорее к демократизаторам на Юге, чем на Востоке. Однако сама по себе проблема "демилитаризации политики", как нам уже приходилось упоминать, является весьма актуальной и для демократизирующихся посткоммунистических режимов.

8. РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Вариативность результатов демократического перехода

Завершающим разделом нашей работы будет рассмотрение результатов демократических переходных процессов. Разумеется, наша характеристика результатов посткоммунистических переходов будет весьма условной — переходы продолжаются и поныне, и мы можем исходить лишь из знаний, имеющихся на конец 1994 — начало 1995 годов.

Результатом переходов от тоталитарно-авторитарного правления, увы, далеко не всегда оказывается демократическая консолидация и стабильное функционирование демократии. Процесс демократизации может вести также и к смешанного типа режимам, и даже к неоавторитарным формам правления. Такая вероятность не должна восприниматься как нонсенс на том основании, что демократический процесс зашел "слишком далеко". До тех пор, пока хрупко достигнутое в обществе социальное равновесие, пока экономические реформы не дали реально ощутимых результатов, а значительная часть населения еще не сделала своего выбора в пользу демократии, всегда найдутся силы, желающие возврата к *ancien régime* и готовые воспользоваться ошибками реформаторов. Демократизация таит в себе немало сюрпризов и может быть прервана гораздо быстрее, чем иногда представляют себе ее сторонники.

Различные состояния режима могут сменять друг друга в зависимости от самых разных факторов. Режим, находившийся на пути к консолидации, может внезапно лишиться тех достижений, которые многими воспринимались как необратимые. Демократический в своей основе режим может смениться смешанным, а смешанный — неоавторитарным или даже тоталитарным. Если под давлением обстоятельств политические силы соглашаются на демократию как на временное решение — ситуация, рассмотренная А. Пшеворским (90), — то это вовсе не означает, что эти же самые силы не предпочтут возвращения к диктатуре при изменившихся обстоятельствах. В политическом анализе фактору времени принадлежит особое значение — на различных временных отрезках рассматриваемые нами результаты могут отличаться с точностью до своей противоположности. Характерный пример — эволюция российского посткоммунистического режима. В 1990—1992 году большинство социальных сил согласилось на установление ряда демократических институтов, однако в конце 1993—1995 гг. все больше партий и движений (в том числе, и тех, что именуют себя

демократическими) склоняется к авторитарным сценариям выхода из кризиса. Демократия еще существует, хотя и в значительно урезанных формах, но сил, способных удержать ее от дальнейшего распада, остается все меньше.

Ниже мы рассмотрим возможные результаты демократических переходов, следуя классификации Т. Карл и Ф. Шмиттера. С точки зрения исследователей, говоря о результатах, следует рассматривать следующие четыре варианта — консолидированная демократия, неконсолидированная демократия, смешанный режим и возвращение к авторитарному правлению (91).

Консолидированная демократия

В 4.7. мы уже рассмотрели возможность и условия установления консолидированной демократии. Согласно Т. Карл и Ф. Шмиттеру, такими условиями являются: 1) установление контроля за принятием решений избранными должностными лицами; 2) проведение регулярных свободных выборов; 3) всеобщее избирательное право для достигших совершеннолетия граждан; 4) широкие возможности, предоставляемые гражданам для выставления их кандидатуры на выборах;

5) право на свободу самовыражения, речи, предоставления петиций;

6) доступ к альтернативным источникам информации; 7) право создавать ассоциации и партии или становиться их членами; 8) гражданский контроль за вооруженными силами. Когда перечисленные нормы установлены и уважаются всеми политическими силами, консолидированную демократию можно считать достигнутым результатом.

Среди стран, находящихся в процессе перехода от коммунистического правления, демократическая консолидация выглядит как наиболее вероятный результат в Польше, Чехии и Венгрии. С некоторой осторожностью З. Бжезинский добавляет в эту группу Словению и Эстонию, полагая, что будущее этих стран в основном предопределено (92), и что они смогут присоединиться к странам Европейского Сообщества либо в начале следующего, либо даже в этом десятилетии. Конечно, не следует преуменьшать стоящих перед ними трудностей, связанных, в частности, с сокращением значительного отставания в уровне жизни от развитых стран. Ведь даже если предположить, пишет Бжезинский, что Германия и Австрия будут ежегодно увеличивать свой ВВП на 2 процента, в то время как Польша, Венгрия и бывшая Чехословакия будут развиваться вдвое быстрее, то и тогда для полного сокращения упомянутого отставания Чехословакии потребуется 30 лет, Венгрии — 46 лет, а Польше — 63 года (93). Тем не менее, этот

результат является наиболее благополучным, по сравнению с нижеследующими.

Минималистская, или неконсолидированная демократия

Минималистская, или неконсолидированная демократия может существовать в тех случаях, когда легитимность власти непрочна и лишь часть демократических процедур успешно реализуется. Выборы проводятся, ассоциации беспрепятственно создаются, отдельные права уважаются, однако *"комплекс правил и институтов еще не превратился в регулярные, массовоприемлемые и предсказуемые образцы, способные самовоспроизводиться и закреплять лояльность граждан"* (94). Демократия в этом случае имеет слабые шансы быть свергнутой и смениться на что-то еще, однако она удерживается не столько благодаря прочности демократических норм и процедур, сколько в результате отсутствия жизнеспособных альтернатив.

В таком положении долгое время находилась Аргентина. Из посткоммунистических режимов на сегодняшний день, т.е. на конец 1994 — начало 1995 года, сюда, в принципе, могут быть отнесены Словакия, Болгария, Латвия, Литва, а также, хотя и с меньшей уверенностью, Румыния и Хорватия. Бжезинский прибавляет к этой группе Киргизстан и Туркменистан (95), однако их политические устройства вполне могут быть рассмотрены и как смешанные или авторитарные (96).

Смешанный режим

Третий возможный результат перехода — формирование смешанного политического устройства, не способного ни удовлетворить основным требованиям демократии, ни отказаться от нее полностью. Мы уже рассмотрели основные вариации смешанных режимов — диктократии и демократуры — в 3.2. Диктократия пренебрегает политической конкуренцией и регулярным проведением выборов, но признает определенные права и свободы граждан. Напротив, демократура чаще всего является сочетанием регулярно проводимых выборов и резкого ограничения прав граждан и оппозиции. Диктократия элитарна, демократура же носит более популистский характер. Оба эти типа режима широко встречаются в странах Африки и Центральной Америки, а в каких-то характеристиках и в странах посткоммунистического региона. Как правило, смешанным режимам не под силу обеспечить стабильное продолжение переходных процессов, в связи с чем их полезно рассматривать как режимы, находящиеся в промежуточном состоянии на пути либо к демократии, либо к авторитаризму.

В классификации Бжезинского в эту группу с наибольшей вероятностью попадают страны, чье политическое и экономическое будущее неясно и останется таковым по меньшей мере десятилетие или дольше (97). Среди них — Россия, а также Украина, Беларусь, Грузия, Армения, Азербайджан, Казахстан и Узбекистан. Процесс реформирования идет здесь с огромными трудностями, конституционная реформа, приватизация, свобода средств массовой информации сопрягаются с экономическим хаосом, отсутствием эффективной финансовой дисциплины, бесконтрольно растущей инфляцией и безработицей, крайним паразитизмом нового капиталистического класса, взаимным нежеланием режима и оппозиции идти на какие-либо уступки, обнаруживающимися (со стороны России) имперскими амбициями.

Распад демократического режима и возвращение к авторитаризму

Наиболее мрачно, по мнению Бжезинского, будущее перехода выглядит для Сербии, Албании, Македонии, Боснии, Молдовы и Таджикистана (98). По достигнутым результатам эти страны близки к предыдущей группе, однако в силу различных причин (развивающиеся на территории страны военные действия, слабости ресурсной базы, углубляющаяся этническая поляризация и др.) будущее этих стран еще в большей степени чревато прерыванием переходных процессов и возвращением к авторитаризму.

Статистически такой результат, считают Карл и Шмиттер, весьма типичен, если иметь ввиду исторический опыт демократических переходов. Все предыдущие волны демократизации завершались тем, что большая часть демократизирующихся обществ возвращалась к авторитарному правлению. Выживала меньшая часть, закрепляя достигнутые преобразования и увеличивая численность демократий в абсолютном выражении (99). Таким образом, если справедливы утверждения, что продолжительность каждой из волн демократизации насчитывает около двадцати лет, то в период от 2000 до 2010 года мы станем свидетелями отката демократизирующихся сегодня посткоммунистических обществ к новому авторитаризму.

Возвращение к авторитаризму может происходить различными путями, под воздействием внешних и внутренних сил, в результате, как сформулировал Дж. Мунк, "медленной" и "внезапной смерти" демократии (100), в результате переворота или революционного коллапса (101). В рамках теории режимов честь разработки концепции распада демократических режимов принадлежит уже не раз упоминавшемуся Х. Линцу. Линц и его коллеги на материале различных стран внима

тельно проследили процесс укрепления нелояльной оппозиции режиму, завоевание ею значительной части умеренной оппозиции и вчера еще нейтральных слоев населения; процесс возникновения неразрешимых проблем и вытекающих отсюда кризисов; появление в обществе кризисных групп; роль политического насилия в процессе распада демократий; постепенную утрату правительством монопольного владения органами государственного принуждения и отказ от завоеваний демократии; влияние институтов парламентаризма и президентства на углубляющуюся дестабилизацию демократического режима; утрату власти правительством и конец демократического режима; а также последующие проблемы, связанные с редемократизацией и обретением нового политического равновесия (102).

Если ни одна из стратегий выхода из кризиса и последующей стабилизации демократического режима не оказалась эффективной, Х. Линц называет пять вероятных путей его крушения (103). Перечислим вслед за исследователем эти пути,

1) Неконституционная замена демократически избранного правительства группой, готовой использовать силу, действия которой получают легитимацию через институционные механизмы, созданные при введении чрезвычайного положения. Устанавливается переходная власть с намерением восстановить демократический процесс, которая впоследствии сталкивается с определенными отклонениями.

2) Захват власти коалицией представителей недемократических (в основном, додемократических) структур правления, принимающих в свои ряды политиков прежнего демократического режима и лидеров нелояльной оппозиции, но осуществляющих лишь незначительные перемены социальной структуры и институтов демократической системы.

3) Установление нового авторитарного режима, основанного на объединении общественных сил, из которых исключаются ведущие политические деятели прежнего демократического режима, без создания однако новых политических институтов и без какой-либо массовой мобилизации сил в поддержку нового режима.

4) Переход власти в руки хорошо организованной нелояльной оппозиции, имеющей массовую базу в обществе, жаждущей создать новое общественно-политическое устройство и не желающей делить власть с политиками прежнего режима, разве что с второстепенными партнерами по переходному периоду. В результате, пишет Линц, может возникнуть как жесткий авторитарный режим, так и предтоталитарный.

5) Переход власти, если демократический режим, даже ослабленный, не сдастся легко и требуется продолжительная борьба (граждан

ская война). Такой конфликт возникает как результат твердого противостояния демократического правительства отказу от власти при его неспособности справиться с оппонентами и высокой степени общественно-политической мобилизации общества, расколотого в поддержке правительственных или оппозиционных сил.

Проблема редемократизации

Под редемократизацией понимают повторное возвращение к демократическим процессам либо в результате способности слабеющего и разрушающегося демократического режима изыскать новые ресурсы, либо после относительно непродолжительной стадии умеренно-авторитарного режима. Отличительной характеристикой редемократизации выступает ее преемственность — в тех или иных формах — с предшествовавшими ей демократическими переменами. Очевидно, что и после распада демократического режима определенные начала демократии могут сохраниться в виде остатков институтов (полусвободная пресса, полурыночная экономика; наличие гражданских, хотя и не оппозиционных правительству организаций, большие права регионам и пр.), изменившихся позиций отдельных групп элиты и целых социальных слоев.

Редемократизация не является ни неизбежной, ни закономерной, даже если общество и не ожидает установления неототалитаризма. Нельзя исключать возможности, что демократические процессы будут сопровождаться такими явлениями, которые приведут большую часть масс и элит к убежденности в пагубности демократии как таковой (экономическое обнищание и голод, продолжительная и кровопролитная гражданская война, уникальные по своим масштабам факты коррупции демократического правительства). В этом случае каждая новая волна демократизации будет преодолевать те же трудности, сталкиваться с решением во многом тех же проблем, что остались в наследство от прежнего демократического правительства.

В том же случае, если неоавторитаризм будет умеренным, то потенциал реформ в обществе способен не только сохраняться, но и накапливаться. Примером может служить брежневский режим в Советском Союзе, сохранивший в обществе память о хрущевской либерализации и волю к углублению начатых ею процессов. В условиях современной российской ситуации (начало 1995 года) продолжение начавшегося свертывания демократических реформ видится как вполне вероятное развитие событий. Введение авторитаризма может стать инициативой как правительственных, так и оппозиционных кругов. Ли

беральные демократы, как писал Линц, могут прийти к выводу, "что демократия не гарантирует приемлемого общественного порядка". В этом случае "они скорее прибегнут к превентивному военному перевороту, так как будут иметь при этом значительную поддержку общественных слоев, тоже ощущающих эту угрозу. Итогом может быть авторитарный режим со многими чертами фашизма, но природа его будет бюрократически-технократической, без массовой мобилизации" (104). Еще более вероятно, что инициатива авторитарной стабилизации будет исходить от военных или от блока сил, в который военные войдут в качестве одной из составляющих. Возможно также, что главными организаторами распада демократии станут представители непримиримой оппозиции режиму Ельцина.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение тех путей, посредством которых существующий в России демократический режим может быть уничтожен. Вопрос, который мы хотели бы поставить в завершении нашей работы — возможна ли будет редемократизация, если распад российского демократического режима продолжится? Опираясь на уже сказанное, мы ответим на этот вопрос следующим образом: в том случае, если в результате возврата к недемократическим формам правления в России будет установлен режим умеренно-авторитарной ориентации (независимо от того, какими путями это произойдет), редемократизация неизбежна, и демократическая оппозиция должна быть готова к этому.

Вместо заключения

Поскольку наша работа написана в форме учебного пособия и представляет собой своего рода аналитический обзор имеющихся в западной (преимущественно, американской) литературе исследовательских подходов, то у нее нет и не может быть выводов, обычно по пунктам излагающихся в заключении.

Мы будем рады, если в ходе знакомства с нашей работой у читателя возникнет интерес к существующим на сегодняшний день теориям политических режимов и к содержащемуся в их рамках потенциалу объяснения конкретных политических процессов, в том числе, происходящих в странах бывшего Советского Союза, а также неудовлетворенность тем, что большая часть затронутых в книге вопросов рассмотрена неполно, схематично и нуждается в дальнейшем исследовании. Именно это — открытость теорий режимов и их эвристический потенциал — является залогом их дальнейшего развития и совершенствования.

Впереди у такого развития большой и сложный путь. Макрополитические исследования испытывают немалые трудности в связи с углубляющейся дифференциацией и специализацией теоретического знания. Все больший и больший круг вопросов нуждается в систематическом обобщении. Внешняя политика переходных режимов, взаимосвязь внутренней и внешней политики в период поставторитарного перехода, возникновение новых форм технократического авторитаризма, упадок харизматической и мобилизационной политики, глобализация демократии, проблема консолидации демократии, стратегия и тактика демократической оппозиции в период редемократизации — невозможно даже приблизительно очертить весь круг заслуживающих в этой связи внимания вопросов.

Можно, однако, с уверенностью предсказать, какие вопросы в ближайшие десятилетия станут для теории режимов центральными. В первую очередь, вопросом первостепенной важности станет укрепление демократических институтов в отдельных, прежде всего, посткоммунистических странах.

ческих странах, и в этой связи обеспечение необратимости продолжающейся в мире волны глобальных демократических преобразований. Во-вторых, таким вопросом по-прежнему остается вопрос культурной идентификации новых политических систем. Правильно решенный, этот вопрос поможет понять пути дальнейшей стабилизации новых демократий, блокируя их откат к авторитарно-тоталитарным политическим устройствам. Наконец, в-третьих, всестороннему рассмотрению подвергнется роль внешнего контекста демократических переходов. Чем более мрачными будут демократические перспективы в странах бывшего Советского Союза и Восточной Европы, тем большей будет вероятность того, что распад сформированного холодной войной пространства международной безопасности приведет человечество к новой полосе жестоких конфликтов и войн. Такая перспектива побуждает исследователей вновь и вновь возвращаться к обсуждению того, какая из имеющихся в распоряжении политиков идей возобладает в мире в ближайшем будущем. Сможет ли идея демократии, предлагающая хотя и не всегда своевременные и эффективные, но несомненно, наиболее цивилизованные пути разрешения встающих перед различными обществами проблем, возобладать над идеями национализма, коммунизма и религиозного фундаментализма? К сожалению, сегодня эти вопросы звучат отнюдь не риторически.

В этой связи особенно велика цена ошибок реформаторов в странах посткоммунизма, а также всех тех, для кого идеалы свободы и демократии не являются лишь удобными политическими лозунгами. Ведь в конечном счете, как об этом убедительно писал С. Хантингтон, единственным гарантом демократических преобразований является политическая воля основных акторов перехода. Никаких иных гарантов не существует.

Рекомендуемая литература

Гл. I. Происхождение понятия "политический режим" и основные исследовательские подходы

- Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
- Андерсон П.* Размышления о западном марксизме. М., 1991.
- Аристотель.* Политика. — Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1984.
- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
- Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций. Отв. ред. *В.Н. Иванов.* М., 1986.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан. Очерки политической социологии современного капитализма. М., 1985.
- Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
- Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979.
- Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
- Гоббс Т.* Избран. произв. в 2-х тт. М., 1964.
- Грамини А.* Тюремные тетради. В 3-х ч. М., 1991.
- Грималь П.* Цицерон. М., 1991.
- Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989.
- Дмитриев А.* Политическая социология США (очерки). Л., 1971.
- Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 2. М., 1990.
- Из двух эпох: русская философия права и социальная реальность ("Круглый стол" редакции). — Социологические исследования, 1990. № 3.
- История политических и правовых учений. Под ред. *В.С. Нерсесянца.* М., 1983.
- История социологии в Западной Европе и США. М., 1993. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч.

- Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. Соч.
- Медушевский Л.Н.* Демократия и тирания в новое и новейшее время — Вопросы философии, 1993. № 10.
- Монтескье Ш.Л.* Избран. произв. М., 1956.
- Мушинский Б.О.* Антонио Грамши: учение о гегемонии. М., 1990.
- Ожиганов Э.Н.* Политическая социология Макса Вебера. Рига, 1986.
- Ордешиук П.* Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна. — Вопросы философии, 1994. № 4.
- Платон.* Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1990.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М., 1992.
- Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. Под общ. ред. *Г.Х. Шахназарова.* М., 1982.
- Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990.
- Современная западная социология: Словарь. М., 1990.
- Современный капитализм: критический анализ буржуазных политологических концепций. Отв. ред. *К.С. Гаджиев.* М., 1988.
- Токвиль А.* О демократии в Америке. М., 1992.
- Токвиль А.* Старый порядок и революция. 4-е изд. М., 1905.
- Томас Джефферсон о демократии/ Сост.: Сол К. Падовер. СПб., 1992.
- Тэрнер В.* Структура социологической теории. М., 1985.
- Хрусталева М.А.* Теория политики и политический анализ. М., 1991.
- Цыганков А.П.* Предмет и метод политической науки. М., 1992.
- Шан Ян.* Книга правителя области Шан. М., 1992.
- Юсим М.А.* Этика Макиавелли. М., 1990.
- Almond G.A.* A Discipline divided. Schools and sects in political science. L. etc., 1990.
- Apter D.E.* Introduction to Political Analysis. Cambr., 1977.
- Berger B., Berger P.* Sociology reinterpreted. N.Y., 1981.
- Berger P., Luckman T.* The social construction of reality. N.Y., 1966.
- Dahl R.A.* Modern Political Analysis. Englewood Cliffs, 1964.
- Duverger M.* Les regimes politiques. P., 1961.
- Harrison D.* The Sociology of Modernization and Development. L., 1988.
- Held D.* Models of Democracy. Stanford, 1990.
- Lasswell H.D., Kaplan A.* Power and Society. New Haven, 1950.
- Lipset S.M.* Consensus and Conflict. Essays in Political Sociology. Ne Brunswick, 1985.
- Mommsen W.* The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxf., 1974.
- Padioleau J.* L'ordre social: Principes d'analyse sociologique. P., 1986.

Presthus R. Elites in the Policy Process. Cambr., 1974.
Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, 1976.
Quermonne J.-L. Les regimes politiques occidentaux. P., 1986.
Schumpeter J. Capitalism, socialism and democracy. N.Y., 1950.
Taylor M.C., Rhyne L.H., Rosenthal S.J., Dogbe K. Introduction to Sociology. Study Guide. Prepared by L.Rhync. N.Y., 1988.
Theories of Society. Foundations of Modern Sociological Theory. Ed. by
T. Parsons, E. Shils, K.D. Naegele, J.R. Pitts. Vol. Glencoe, 1962.
Yanosh A. Politics and Paradigms. Changing Theories of Political Change.
Berkeley, 1986.

Гл. II. Структура и особенности функционирования политического режима

Амальрик А. Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.
Амелин В.Н. Власть как общественное явление. — Социально-политические науки, 1991. № 2.
Вятр Е. Социология международных отношений. М., 1977. *Галкин А.А.* Общественная стабильность: некоторые теоретические подходы. — МЭиМО, 1990. № 8.
Гринштейн Ф.И. Личность и политика. — Власть и демократия: зарубежные ученые о политической науке. Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1991.
Хрусталеv М.А. Теория политики и политический анализ. М., 1991. *Цыганков А.П.* Правящий режим в постсоветской России: социальные основания, политическое поведение, варианты эволюции (декабрь 1991 — март 1993). М., 1993.
Bunce V. Domestic reform and international change: the Gorbachev reforms in historical perspective. — International Organization, Winter 1993. Vol. 47. № 1.
Dahl R.A. Modern Political Analysis. Englewood Cliffs, 1964.
Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition. New Haven, L., 1971.
Dahl R.A., eds. Regimes and Oppositions. New Haven, L., 1973.
Eckstein. H. Regarding Politics. Essays on Political Theory, Stability, and Change. Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1992.
Hagopian M.N. Regimes, Movements, and Ideologies. A Comparative Introduction to Political Science. N.Y., L., 1978.
Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968.
Upset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. Expanded Edition Baltimore, 1981.

- Macridis R.C.* Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986.
- Putnam R.D.* The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs, 1976.
- Robinson J.A.* Decision Making: Political Aspects. — International Encyclopedia of the Social Science. Ed. by D.L.Sills. Vol. 4. Macmillan Company & Free Press, 1968.
- Roth D.F., Wilson F.L.* The Comparative Study of Politics. Boston etc., 1976.

Гл. III. Типы современных политических режимов

- Авторханов А.* Происхождение партократии. В 2-х тт. Frankfurt/Main, 1973.
- Амальрик А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.
- Аристотель.* Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1984.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан. Очерки политической социологии современного капитализма. М., 1985.
- Восленский М.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. Frankfurt/Main, 1984.
- Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство. — Вопросы философии, 1994. № 3.
- Джилас М.* Новый класс. Разговоры со Сталиным. М., 1992.
- Довлатов С.* Зона. — Октябрь, 1990. № 6.
- Зубов А.В.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.
- Искандер Ф.* Кролики и удавы. Ann-Arbor, 1982.
- Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. — Полис, 1993. № 2.
- Лейпхарт А.* Многосоставные общества и демократические режимы. — Полис, 1992. № 1—2.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 1991.
- Оруэлл Дж.* 1984. Ферма животных. М., 1992.
- Лоппер К.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М., 1993.
- Солженицын А.* Архипелаг ГУЛАГ. В 3-х тт. М., 1990.
- Тоталитаризм как исторический феномен. М., 1989.
- Троцкий Л.* Что такое СССР и куда он идет? Paris, 1937.
- Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 1992.
- Хрусталева М.А.* Теория политики и политический анализ. М., 1991.
- Цитрин П.С.* Западная демократия: основы стабильности. Научноаналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990. С. 7.

- Цыганков А.П. Социально-классовые основания стабильных политических режимов. — США: Экономика, Политика, Идеология, 1992. № 4.
- Шаламов В. Колымские рассказы. М., 1992.
- Янов А. Истоки автократии — Октябрь, 1991. № 6.
- Almond G.A. Capitalism and Democracy. - Political Science & Politics, September 1991.
- Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N.Y., 1951.
- Borkenau F. The Totalitarian Enemy. L, 1939.
- Brzezinski Z., Friedrich C. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. N.Y., 1965.
- Dahl R.A. Polyarchy. Participation and Opposition. New Haven, L., 1971.
- Dahl R.A. Introduction. — Regimes and Opposition. Ed. New Haven and London, 1973.
- Diamond L., Plattner M.F., eds. The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, London, 1993.
- Eckstein, Regarding Politics. Essays on Political Theory, Stability, and Change. Berkeley, 1992.
- Elder N., Thomas A.H., Apter D. The Consensual Democracies? The Government and Politics of the Scandinavian States. Oxford, 1988.
- Hagopian M.N. Regimes, Movements, and Ideologies. N.Y., L., 1978.
- Huntington S.P. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, London, 1991.
- Kirkpatrick J.J. Reflections on Totalitarianism. — Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards. Rationalism and Reason in Politics. N.Y., 1982.
- Lijphart A. Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries. New Haven and London, 1984.
- Linz J.J. Totalitarian and Authoritarian Regimes. — Handbook of Political Science. Ed. by F.I.Greenstein, N.W. Polsby. Vol.3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975.
- Upset S.M. Political Man. The Social Bases of Politics. Baltimore, 1981.
- Macridis R.C. Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986.
- Merkl P.H. Which are today's democracies? — International Social Science Journal, May 1993.
- O'Donnell G. Delegalive Democracy. — Journal of Democracy, January 1994. 1.
- Roskin M.G. Countries and Concepts. Prentice-Hall, 1986.
- Roth D.F., Wilson F.L. The Comparative Study of Politics. Boston, 1976.
- Shapiro L. Totalitarianism. N.Y., 1972.

Schiller Ph.C. Dangers and Dilemmas of Democracy. — Journal of Democracy, April 1994. № 2. P. 58.

Smith H. The Russians. N.Y., 1976.

Weffort F.C. What is a 'new democracy'? — International Social Science Journal, May 1993.

Гл. IV. Динамика режимов и проблемы политического перехода Теории перехода:

Авторитаризм и демократия в "Третьем Мире". Под ред. *Мирского Г.И.* М., 1991.

Маркс К. 18 Брюмера Луи Бонапарта. — Собр. Соч. Т. 18.

Приватизация: опыт Восточной Европы и Азии. М., 1992.

Пишеворский А. Переходы к демократии. — Путь, 1993. № 3.

Скокпол Т. Государства и соцреволюции. — Революции и реформы в XX веке. Отв. ред. Т.М. Фадеева. М.: ИНИОН, 1990.

Сорман Г. Выйти из социализма. М., 1991.

Токвиль А. Старый порядок и революция. Петроград, 1905.

Фадеев Д.А. От авторитаризма к демократии. — Полис, 1992. № 1—2.

Andriole S.J., Hopple G.W. Revolution and Political Instability. L., 1984.

Bierstacker T. The Global Selling of Contemporary Democratization and Political Reform. Draft paper, Brown University, April 1994.

Binnendijk H., ed. Authoritarian Regimes in Transition. Washington, DC, 1987.

Brinton C. Anatomy of Revolution. N.Y., 1938.

Brzezinski Z. The Great Transformation. — The National Interest, No.33, Fall, 1993.

Coleman J.S. Modernization: Political Aspects. — Intern Encyclopedia of the Social Science.

Di Cortona P.G. From communism to democracy: rethinking regime change in Hungary and Czechoslovakia. — International Social Science Journal, 1991. № 128.

Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, 1971.

Dahl R.A. Transitions to democracy. New Haven, 1990.

Diamond L, Plattner M.F., eds. The Global Resurgence of Democracy. Baltimore, London, 1993.

Diamond L., Linz J.J., Lipset S.M., eds. Democracy in Developing Countries. Boulder, London, 1989.

Diamond L. Toward Democratic Consolidation. — Journal of Democracy, July 1994. Vol. 5, № 3.

Eisenstadt S.N. Breakdowns of Political Modernization. — Social Change. Ed. by E.Etzioni-Halevy, A.Etzioni. N.Y., 1973.

- Greenberg D., Katz S.N., Oliviero M.B., Wheatley S.C., eds.* Constitutionalism and Democracy. Transitions in the Contemporary World. N.Y., Oxf., 1993.
- Hagopian F.* After Regime Change: Authoritarian Legacies, Political Representation, and the Democratic Future of South America. — *World Politics*, April 1993, № 3.
- Hertz J., ed.* From dictatorship to democracy: Coping with the legacies of authoritarianism and totalitarianism. Westwood, 1982.
- Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London, 1991.
- Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe: Opportunities and Risks. — *World Security. Challenges For a New Century*. Ed. by M.T.Klare, D.C.Thomas. N.Y., 1994.
- Linz J.* The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, L., 1978.
- Linz J.J.* Transitions to Democracy. — *The Washington Quarterly*, Summer 1990, № 3.
- Mainwaring S., O'Donnell G., Valunzuela S, eds.* Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. South Bend, 1992.
- Munck G.L.* Democratic Transitions in Comparative Perspective, — *Comparative Politics*, April 1994. № 3.
- Muravchik J.* Exporting Democracy. Fulfilling America's Destiny, Washington, D.C., 1992.
- Nugent M.L., ed.* From Leninism to Freedom. The Challenges of Democratization. Boulder, 1992.
- O'Donnell G.* Delegative Democracy. — *Journal of Democracy*, January 1994. № 1.
- O'Donnell G., Schmitter Ph.C., Whitehead L., eds.* Transitions from Authoritarian Rule. Baltimore & London, 1986. 4 Vol.
- Orme J.D.* Political Instability and American Foreign Policy. The Middle Option. N.Y., 1989.
- Di Palma G.* To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions. Univ. of California Press, 1990.
- Pereira L.C.B., Maravall J.M., Przeworski A.* Economic Reforms in New Democracies. A social-democratic approach. Cambr., 1993.
- Poznanski K.Z.* ed. Constructing Capitalism. The Reemergence of Civic Society and Liberal Economy in the Post-Communist World. Boulder, 1992.
- Pridham G., ed.* Encouraging Democracy: The International Context of Regime Transition in Southern Europe. N.Y., 1991.
- Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambr., 1991.

- Przeworski A., ed.* Sustainable Democracy (forthcoming).
Przeworski A. The Fallacy of Liberalism. — Journal of Democracy, July 1992.
Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. — Comparative Politics, April 1970, № 3,
Schmitter Ph.C. Dangers and Dilemmas of Democracy. — J. of Democracy, April 1994.
Vanhanen T. The Process of Democratization. A Comparative Study of 147 states, 1980—1988. N.Y. etc., 1990.
Zhang B. Corporatism, Totalitarianism, and Transitions to Democracy. — Comparative Political Studies, April 1994. Vol. 27, № 1.

Переходы от коммунизма в СНГ

- Амальрик А.* Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969.
Беляева Л. Россия перед историческим выбором. — Свободная мысль, 1993. № 15.
Буртин Ю., Водлазов Г. Номенклатурная демократия. — Известия, 1.6.94.
 Горбачев—Ельцин: 1500 дней политического противостояния. Сост.: Л.Н. Доброхотов и др. М., 1992.
Дилигенский Г. Вокруг демократии. — Новое время, 1989. № 38. Ельцин—Хасбулатов: Единство, компромисс, борьба. Сост.: Л.Н. Доброхотов и др. М., 1994.
Клямкин И. Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. — Полис, 1993. № 2.
 Кому принадлежит власть в России. — Известия, 2—14.7.94.
Максименко В. Политические итоги гайдариномического года. — Независимая газета, 11.01.93.
Миграян Л. Авторитарный режим в России: каковы перспективы? — Независимая газета, 4.11.93.
Ожиганов Э. Кризис власти в России. — Мегapolis-Экспресс, 1993. № 20.
Перегудов С. Демократия пока слаба, но это — демократия. — Независимая газета, 29.03.94.
Рывкина Р.В. Есть ли у нашего общества образ будущего? — Сегодня, 5.08.94.
Тимофеев Л. Фашизм в конце туннеля. — Известия, 20.11.92. *Третьяков В.* Открытое письмо Президенту России г-ну Ельцину. — Независимая газета, 26.03.93.
Фадин А. Модернизация через катастрофу? — Кентавр, 1992. № 3. *Фурман Д.* Российские демократы и распад Союза. — Век XX и мир, 1992. № 1.

- Фурман Д.* Революционные циклы в России. — Свободная мысль, 1994. №1.
- Цыганков А.* Правящий режим в поставгустовской России. — Кентавр, 1993. № 4.
- Шейнис Б.* Политическая интерлюдия. Россия между 93-м и 96-м гот дом. — Независимая газета, 13.07.94.
- Bova R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition. A Comparative Perspective. — World Politics, October 1991. № 1.
- Is Russian Democracy Doomed? Symposium. — Journal of Democracy, April 1994, № 2.
- Breslauer G. W.*, ed. Can Gorbachev's reforms succeed? Berkeley, 1990. *Dallin A.*, ed. Political Parties in Russia. University of California at Berkeley, 1993.
- Fish M.S.* Russia's Fourth Transition. — Journal of Democracy, July 1994. Vol. 5, № 3.
- Fukuyama F.* The Modernizing Imperative. — The National Interest, Spring 1993. № 31.
- Hammer D.P.* The USSR. The Politics of Oligarchy. Boulder etc., 1990. *Karklins R.* Explaining Regime Change in the Soviet Union. — EuropeAsia. Formerly Soviet Studies, 1994. № 1.
- Mc Faul M.* Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe. Washington, DC, 1993,
- Menges C.C.*, ed. Transitions from Communism in Russia and Eastern Europe. Lanham, N.Y., L., 1994.
- Odom W.E.* Soviet Politics and After: Old and New Concept. — World Politics, 1992. Vol. 45(1).
- Roeder Ph.G.* Varieties of post-Soviet Authoritarian Regimes. — PostSoviet Affairs, 1994. Vol. 10, № 1.
- Rose R.* Post-communism and the Problem of Trust. — Journal of Democracy, July 1994. Vol. 5, № 3.
- Tolz V.* Problems in Building Democratic Institutions in Russia. — RFE/RL Research Report, Vol. 3, No. 9, 4 March 1994.

Примечания

Введение и глава I

- (1) *Ильин М.В.* Ритмы и масштабы перемен. О понятиях "процесс", "изменение" и "развитие" в политологии. — Полис, 1993. № 2. С 57 — 58.
- (2) *Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979. С. 159.
- (3) Цит. по: *Комоцкий Б.О.* Мишель Крозье как политолог. — Социально-политические науки, 1990. № 9. С. 94.
- (4) *Easton D.* The Analysis of Political Systems. — Comparative Politics. Notes and Readings. Ed. R.C. Macridis, В.Е. Brown. Homewood, 1961.
- (5) *Macridis R.C.* Modern Political Regimes. Patterns and Institutions. Boston, Toronto, 1986. P. 3; 10.
- (6) *Салмин А.М.* Политический процесс и демократия. — Социальнополитические науки, 1991. № 6. С. 57.
- (7) *Parsons T.* Societies. Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, 1966. P. 20.
- (8) *Аристотель.* Политика. — Аристотель. Сочинения в 4-х тт. Т. 4. М., 1984. С. 444.
- (9) *Traite de science politique.* 4 Vol. P., 1985. Regimes politiques contemporain. Vol. 1.
- (10) *Онан Э.С.* Понятие и классификация политического режима в развивающихся странах. — Право и политика в развивающихся странах. Сборник обзоров. М., 1991.
- (11) Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. Под общей редакцией *Г.Х. Шахназарова.* М., 1982. С. 228.
- (12) См.: *Riggs F.W.* Fragility of the Third World's regimes. — International Social Science Journal. Vol. XLV, № 2, 1993.
- (13) *Шмачкова Т.В.* Из основ политологии Запада. — Полис, 1991. № 2.

- (14) Transitions from authoritarian rule: tentative conclusions about uncertain democracies. Ed. by *O'Donnell G., Schmitter Ph.C.* Baltimore, 1986. Vol 4. P. 73.
- (15) *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан, Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 35—36.
- (16) *Хрусталеv М.А.* Теория политики и политический анализ. М., 1991. С. 51.
- (17) См., напр.: *Political Sociology. Selected Essays.* Ed. by *L.A. Coser.* N.Y., 1966. P. 1; *Upset S.M.* Consensus and Conflict. Essays in Political Sociology. New Brunswick, 1985. 21—24.
- (18) *Hagopian M.N.* Regimes, Movements, and Ideologies. A Comparative Introduction to Political Science. N.Y., L., 1978.
- (19) *Macridis R.C.* Op. Cit. P. 5—6.
- (20) *Barnes J.F., Carter M., Skidmore M.J.* The World of Politics. A Concise Introduction. Second ed. N.Y., 1984. P.204.
- (21) *Apter D.E.* Introduction to Political Analysis. Cambr., 1977.
- (22) История политических и правовых учений. Под ред. *В.С. Нерсесянца.* М., 1983.
- (23) *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 124, 38.
- (24) *Вятр Е.* Указ. Соч. С. 34—35.
- (25) *Гуторов В.А.* Античная социальная утопия. Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 188.
- (26) *Аристотель.* Указ. Соч. С. 412.
- (27) Там же. С. 528.
- (28) *Эбенстайн В.* Платон и Аристотель. — Знание—сила, 1990. № 8. С. 47
- (29) *Аристотель.* Указ. Соч. С. 542.
- (30) Там же. С. 545.
- (31) *Эбенстайн В.* Государство и "Я". — Знание—сила, 1990. № 10. С. 61.
- (32) Он же. Государь, государство, общество. Макиавелли и Локк. — Знание — сила, 1990. № 9. С. 70.
- (33) Там же.
- (34) *Юсим М.А.* Этика Макиавелли. М., 1990. С. 5.
- (35) История политических и правовых учений. С. 221—222.
- (36) См.: *Хорин Е.М.* Прошлое и настоящее политической науки (Аналитический обзор). — Зарубежная политическая наука. История и современность. Вып. 1. М., 1990. С. 29.
- (37) *Held D.* Models of Democracy. Stanford, 1990. P. 70, 78.
- (38) *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона. М., 1992. С. 362-363.

- (39) *Рассел Б.* История западной философии. М., 1959. С. 712.
- (40) См.: *Алюшин А.Л.* Тоталитарное государство в модели и реальности: от Руссо к сталинизму. — Тоталитаризм как исторический феномен. Под ред. *А.А. Кара-Мурзы*. М., 1989. С. 162. *Медушевский А.Н.* Демократия и тирания в новое и новейшее время. — Вопросы философии, 1993. № 10.
- (41) История политических и правовых учений. С. 230—231.
- (42) Цит. по: *Алюшин А.Л.* Указ. Соч. С. 164—165.
- (43) *Токвиль А.* Старый порядок и революция. 4-е изд. М., 1905 С 196.
- (44) *Эбенштейн В.* Дилемма демократии: свобода и равенство. — Знание—сила, 1990. № 10. С. 52.
- (45) Томас Джефферсон о демократии/ Сост.: *Сол К. Падовер*. СПб., 1992. С. 320.
- (46) *Эбенштейн В.* Культ государства. Гегель и Муссолини, — Знание—сила, 1990. № 8. С. 74.
- (47) *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 231, 30—31.
- (48) См.: История социологии в Западной Европе и США. М., 1993. С. 25, 49, 28—29; *Harrison D.* The Sociology of Modernization and Development. L., 1988.
- (49) *Nisbet R.* Sociological Tradition. N.Y., 1966. P. 21.
- (50) История социологии в Западной Европе и США. М., 1993. С. 161.
- (51) *Bauman Z.* Sociology and postmodernity. — Sociological Review. Kcele, 1988. Vol. 36, № 4. P. 795—796.
- (52) См.: Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990. С. 163.
- (53) *Lipset S.M.* Consensus and Conflict. Essays in Political Sociology. New Brunswick, 1985. P. 3.
- (54) *Хрусталева М.А.* Теория политики и политический анализ. М., 1991. С. 51.
- (55) Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. Под общ. ред. *Г.Х. Шахназарова*. М., 1982. С. 27 и далее.
- (56) См. об этом: Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. Под общ. ред. *Г.Х. Шахназарова*. М., 1982. С. 38. См. также типологию Роберта Даля, рассмотренную нами в начале второй главы (2.2).
- (57) *Dahl R.* Modern Political Analysis. Englewood Cliffs, 1964. P.19.
- (58) *Mommsen W.* The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxf., 1974. P. 73.
- (59) См. об этом подробнее: *Вебер М.* Избр. Произв. М., 1990. С. 10—12, 393—406; *Давыдов Ю.Н., Гайденок П.П.* История и рацию

- нальность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. Гл. 1. П. 3; Mommsen W.J. Op. Cit. P. 72—79; Хеттих М. Основные понятия политической науки. — Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. М., 1991. Вып. 4. С. 31.
- (60) Современная буржуазная политическая наука.
- (61) Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 2. М., 1990. С. 93, 100.
- (62) Современная буржуазная политическая наука. С. 100.
- (63) Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. 2. М., 1990.
- (64) *Almond G.A.* A Discipline divided. Schools and seels in political science. L. etc., 1990. P. 134.
- (65) *Senarclens P. de.* La politique Internationale. Paris, 1992. P. 168— 169.
- (66) *Цыганков А.П.* Предмет и метод политической науки. М., 1992.

Глава II

- (1) *Easton D.* The Analysis of Political Systems. — Comparative Politics. Notes and Readings. Ed. *R.C. Macridis, B.E. Drown.* Homewood, 1961. P. 83.
- (2) См.: *Шаран П.* Сравнительная политология. М., 1992. С. 194— 195.
- (3) *Berger P.L.* Capitalist Revolution. Fifty Propositions about Prosperity, Equality, and Liberty. N.Y., 1986. P. 36-37.
- (4) *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1975. С. 103.
- (5) *Спиноза Б.* Избр. Произв. В 2 тт. М., 1957. Т. 2. С. 291.
- (6) *Юнг К.* Диагноз для диктаторов. — Киносценарии, 1990. № 2.
- (7) См. подробнее: *Вятр Е.* Указ. Соч.
- (8) *Лоренц К.* Агрессия (так называемое Зло). — Вопросы философии, 1992. №3. С. 16,26.
- (9) Ударная волна демографического взрыва. — За рубежом, 1990. № 49. С. 10.
- (10) *Rosenau J.N.* The Study of Political Adaptation. L, N.Y., 1981. P. 58.
- (11) Ibid. P. 58—59.
- (12) *Hague R., Harrop M.* Comparative Government and Politics. Basingstoke, 1987. P. 42— 44.
- (13) См. об этом, напр.: Encouraging Democracy: The International Context of Regime Transition in Southern Europe. Ed. by *G. Pridham.* N.Y., 1991. P. 16.
- (14) *Macridis R.C.* Op. Cit. P. 17—19.
- (15) *Dahl R.A.* Polyarchy, Pluralism and Scale. — Scandinavian Political Studies, Vol.7, № 4, 1984.

- (16) *Преториус Р.* Теория конфликта. — Полис, 1991. № 5. С. 139.
- (17) *Coser L.* The Functions of Social Conflict. L., Glencoe, 1956. P. 154.
- (18) *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford, 1959. P. 318.
- (19) *Linz J.* The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltimore, L., 1978. P. 28.
- (20) Оппозиция: стратегия безопасности. — День, 1993. № 29.
- (21) *Linz J.* Ibid. P. 31.
- (22) Ibid. P. 36—37.
- (23) *Dahl R.A.* Introduction. — Regimes and Oppositions. Ed. by R.A. Dahl. New Haven, L., 1973. P. 2.
- (24) Ibid. P. 13.
- (25) См., напр.: *Robinson J.A.* Decision Making: Political Aspects. — International Encyclopedia of the Social Science. Ed. by *D.L. Sills*. Vol. 4. Macmillan Company & Free Press, 1968; *Dougherty J.E., Pfaltzgraff R.L., Jr.* Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. Third Ed. N.Y. etc., 1990. P. 469.
- (26) *Linz J.J.* The Breakdown of Democratic Regimes. Vol. 1. Crisis, Breakdown, & Reequilibration. Baltimore, L., 1978. P. 5.
- (27) *Barber J.D.* The Presidential Character. Englewood Cliffs, 1972. См. об этом: *Hagopian M.N.* Regimes, Movements, and Ideologies. A Comparative Introduction to Political Science. N.Y., L., 1978. P. 90—96.
- (28) *Гринштейн Ф.И.* Личность и политика. — Социально-политические науки, 1991. № 10. С. 68.
- (29) См. об этом подробнее: Миллар Дж. Экономика стран СНГ: реформация, революция или реставрация? — Вопросы экономики, 1993. №2.
- (30) См.: *Authoritarian Regimes in Transition*. Washington, DC, 1987. P. XXVI.
- (31) См.: *Andriole S., Hopple M.* Revolution and Political Instability. L., 1984.
- (32) См. об этом подробнее: *Hibbs D.* Mass Political Violence. N.Y., 1973; *Olson M.* Rapid Growth as a Destabilizing Force. — Journal of Economic History, 1963, № 23; *Kennedy P.* The Growth and Decline.
- (33) См.: *Huntington S.* The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London, 1991. P. 316.
- (34) См. подробнее: *Upset S.M.* Political Man. Social Bases of Politics.
- (35) *Huntington S.* The Third Wave. P. 60.
- (36) *Berger P.L.* Capitalist Revolution. N.Y., 1986. P. 194.
- (37) *Eisenstadt S.N.* Breakdowns of Political Modernization. — Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by *E. Etzioni-Halevy* and *A. Etzioni* and ed. N.Y., 1973. P. 320—331.

- (38) См.: *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 1; *Huntington S.P.* The Third Wave. P. 28.
- (39) *Шейнис В.Л.* Развивающиеся страны и новое политическое мышление. — Рабочий класс и современный мир, 1987. № 4; *Агаев С.Л.* Политические реальности развивающегося мира и социальная диалектика. — Рабочий класс и современный мир, 1987. № 6. С. 95—96.
- (40) Handbook of Political Science. P. 8.
- (41) *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven, 1968. P. 47.
- (42) *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to Democracy. — Transitions from Authoritarian Rule. Prospects for Democracy. Ed. by *G. O'Donnell, Ph. C. Schmitter, and L. Whitehead.* Baltimore, London, 1986. Vol. 3. Comparative Perspective. P. 51—52.
- (43) Цит. по: *Хеммух М.* Основные понятия политической науки. — Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. М., 1991. Вып. 4. С. 31.
- (44) *Dahl R.* Modern Political Analysis. Englewood Cliffs, 1964. P.19.
- (45) См. об этом подробнее первую главу настоящей книги, а также: *Вебер М.* Избр. Произв. М., 1990. С. 10—12, 393—406; *Давыдов Ю.Н., Гайденок П.П.* История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. Гл. 1. П. 3; *Mommsen W.J.* The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. Oxford, 1974. P. 72—79.
- (46) *Parsons T.* The Social System. N.Y., 1964. P. 351 — 352; *Upset S.M.* The First New Nation. The United States in historical and comparative perspective. N.Y., 1967. P. 281—283.
- (47) *Greenberg S.E.* Legitimizing the Illegitimate. States, Markets, and Resistance in South Africa. Berkeley, Los Angeles, London, 1987. P. 209—210.
- (48) *Przeworski A.* Op. cit. P. 51—52.
- (49) *Eckstein H.* A Theory of Stable Democracy. — Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton, 1966. P. 288.
- (50) *Lipset S.M.* The First New Nation. The United States in historical and comparative perspective. N.Y., 1967. P. 281.
- (51) Об этом убедительно свидетельствует его собственное высказывание об устоях феодальной власти. Вместе с Р. Бендиксом Липсет следующим образом объясняет характер и происхождение многочисленных крестьянских восстаний и бунтов в средние века и новое время: "Продолжительное существование феодализма могло быть не столько результатом стабильности социальной структуры или удовлетворенности, которую испытывал каждый индивид от доставшегося ему груза привилегий, сколько тем, что изолированные крестьяне-повстанцы не

- обладали возможностью организовать успешную революцию" (Class, Status and Power: A Reader in Social Stratification. Ed. by *R. Bendix* and *S. Lipset*. Glencoc, 1953. P. 13).
- (52) См. подробнее: *Ильин М.В., Коваль Б.И.* — Политика versus власть. — Полис, 1993.
- (53) См.: *Хрусталеv М.А.* Указ. Соч. М., 1991. С. 59.
- (54) *Токвиль А.* Старый порядок и революция. Петроград, 1905.
- (55) *Амальрик А.* Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам, 1969. С. 38, 41.

Глава III

- (1) *Schmitter Ph.C.* Dangers and Dilemmas of Democracy. — Journal of Democracy, April 1994. № 2. P. 58.
- (2) *Linz J.J.* The Breakdown of Democratic Regimes. P. 5—6.
- (3) *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict. P. 314.
- (4) *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition. P. 57.
- (5) *Lijphart A.* Democracies. Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries. New Haven and London, 1984. P. 1-2.
- (6) *Macridis R.C.* Op. Cit. P. 12.
- (7) *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition. P. 57—58.
- (8) *O'Donnell G.* Delegative Democracy. — Journal of Democracy, January 1994. № 1. P. 57.
- (9) См. подробнее главу о демократических институтах в книге: Sustainable Democracy. Ed. by *A. Przeworski* (готовится к печати).
- (10) См. например: *Dahl R.A.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, 1971. P. 3—20; *Upset S.M.* Political Man. N.Y., 1960. P. 27; *Schumpeter J.* Capitalism, Socialism and Democracy. N.Y., 1947.
- (11) *Tolz V.* Problems in Building Democratic Institutions in Russia. — RFE/RL Research Report, Vol. 3, No. 9, 4 March 1994. P. 1—2; см. также: *Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России. — Полис, 1993. № 2.
- (12) Sustainable Democracy. Ed. by *A. Przeworski*. P. 37.
- (13) См.: *Lipset S.M.* Political Man. N.Y., 1960.
- (14) *Berger P.L.* Capitalist Revolution. P. 33—47.
- (15) Ibid. P. 81.
- (16) Ibid. P. 166.
- (17) *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton, 1963.
- (18) *Цитрин П.С.* Западная демократия: основы стабильности. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1990. С. 7.
- (19) *Dahl R.A.* Introduction. — Regimes and Oppositions. P. 19.

- (20) *Schmitter Ph.C.* Dangers and Dilemmas of Democracy. — *J. of Democracy*, April 1994. P. 60. Иногда исследователи, приняв этот факт как относительно устойчивое состояние, формулируют определение так называемой полудемократии. Вот одно из определений этого явления: "мы называем полудемократиями те страны, в которых эффективная власть выборных должностных лиц существенно ограничена, также как и соревнование политических партий; свобода и справедливость выборов таковы, что их результаты все еще оказываются весьма далекими от предпочтений голосующих; гражданские и политические свободы урезаны до такой степени, что некоторые политические ориентации и интересы не могут быть организованы и самовыражены". (*Democracy in Developing Countries*. Ed. by *L. Diamond, J.J. Linz, S.M. Lipset*. Boulder, London, 1989. Vol. 4. P. XVII).
- (21) *Dahl R.A.* Introduction. — *Regimes and Oppositions*. P. 23—24.
- (22) См. об этих противоречиях подробнее: *Diamond L.* Three Paradoxes of Democracy. — *J. of Democracy*, Summer 1990. № 3.
- (23) *Democracy in Developing Countries*. Ed. by *L. Diamond, J.J. Linz, S.M. Lipset*. 4 Vol. Boulder, London, 1980—1989.
- (24) См., напр.: *Eisenstadt S.N.* Breakdowns of Political Modernization.
- (25) *Зубов А.Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М., 1990.
- (26) См.: *Цитрин П.С.* Западная демократия: основы стабильности. С. 15; *Lijphart A.* Democracies. Patterns of Majoritarian Consensus Government in Twenty-One Countries. New Haven and London, 1984. P. 21 — 36; *Лейнхарт А.* Многосоставные общества и демократические режимы. — Полис, 1992. № 1—2.
- (27) *Elder N., Thomas A.H., Apter D.* The Consensual Democracies? The Government and Politics of the Scandinavian States. Oxford, 1988. P. 10-11.
- (28) *Цитрин П.С.* Указ. Соч. С. 16.
- (29) *Мигранян А.М.* Авторитарный режим в России. Каковы перспективы? — НГ, 4.11.93; *Перегудов С.* Демократия пока слаба, но это — демократия. — НГ, 29.3.94.
- (30) *Клямкин И.М.* Посткоммунистическая демократия...; *Буртин Ю., Водолазов Г.* В России построена номенклатурная демократия. — Известия, 1.6.94; *Ожиганов Э.* Кризис власти в России. — МегapolisЭкспресс, 1993. № 20. С. 23; *Зиновьев А.* Колониальная демократия. — Завтра, 1993.
- (31) См.: *Мигранян А.М.* Авторитарный режим в России.
- (32) См. напр.: *Цыганков А.П.* Правящий режим постсоветской России. Социальные устои, политическое поведение, варианты эволюции (декабрь 1992 — март 1993). М., 1993. С. 88.
- (33) *Huntington S.* The Third Wave. P. 109.

- (34) *Macridis R.C.* Op. Cit. P. 13; *Nisbet R.* Authoritarianism. — Prejudices. A Philosophical dictionary. Cambr., L., 1982. P. 18.
- (35) *Linz J.* Opposition to and under an Authoritarian Regime: The Case of Spain. — *Dahl R.*, ed. Regimes and Oppositions. New Haven, 1973.
- (36) *Linz J.J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. — Handbook of Political Science. Ed. by *F.I. Greenstein, N.W. Polsby.* Vol. 3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975. P. 264.
- (37) См.: *Huntington S.* The Third Wave. P. 110; *Hagopian M.N.* Op. Cit. P. 129.
- (38) См. об этом: *Hagopian M.N.* Op. Cit. P. 142.
- (39) Ibid. P. 145.
- (40) Ibid. P. 144.
- (41) Ibid. P. 130—131.
- (42) См. подробнее: *Huntington S.P.* The Soldier and the State. N.Y., 1957; *Huntington S.P.* Patterns of Violence in World Politics. — *Huntington S.P.*, ed. Changing Patterns of Military Politics. N.Y., 1970; *Stepan A.* The Military in Politics. Princeton, 1974; *Janowitz M.* The Military in the Political Development of New Nations. Chicago, 1967; *Johnson J.J.*, ed. The Role of the Military in Underdeveloped Countries. Princeton, 1962; *Decalo S.* Coups and Army Rule in Africa. New Haven, 1976.
- (43) См., например: *Huntington S.* The Third Wave. P. 110—111.
- (44) См. подробнее: *Williamson P.J.* Varieties of Corporatism. A Conceptual Discussion. Cambr., L. etc., 1985. Introduction; *O'Donnell G.A.* Corporatism and the Question of the State. — *Malloy J.M.*, ed. Authoritarianism and Corporatism in Latin America. Univ. of Pittsburgh Press, 1978. Вполне естественно, что иногда такие режимы именуются корпоративистскими (См. напр.: *Zhang B.* Corporatism, Totalitarianism, and Transitions to Democracy. — *Comparative Political Studies*, April 1994. Vol. 27, № 1).
- (45) *Williamson P.J.* Op. Cit. P. 10.
- (46) См.: *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.
- (47) *O'Donnell G.A.* Op. Cit. P. 59—60.
- (48) См., напр.: *Фурман Д.* Победа демократов: поражение демократии? — *Век XX и мир*, 1991. № 11; *Панарин А.С.* Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра. — *Знамя*, 1992. № 7; *Цыганков А.П.* Правящий режим постсоветской России. М., 1993.
- (49) См. многочисленные статьи в Российской прессе второй половины 1994 года, напр.: *Гутионтов П.* О кадровой политике властей. — *Дело*, № 36; *Буртин Ю.* Номенклатурный капитализм. — *Московские новости*, № 35; *Политковский А.* Политическая цензура. — *Новая еже*

- дневная газета, 9.9.94; *Фурман Д., Быков Д., Рубцов А.* О политической стабилизации. — *Общая газета*, № 35; *Грачев А.* Прилагательная демократия. — *Московские новости*, № 32; *Вильчек В.* Переход от лицемерия к цинизму. — *Общая газета*, № 29; *Roeder Ph.G.* Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. — *Post-Soviet Affairs*, Berkeley. January-March 1994, № 1.
- (50) См. довольно характерную статью Президента Ассоциации Товаропроизводителей *Ю. Скокова* в Независимой газете от 6.10.94. "К политической стабильности через социальное партнерство".
- (51) См. об этом подробнее: *Scilling G.H.* Interest Groups and Communist Politics Revisited. — *World Politics*, October 1983.
- (52) См.: *Власть versus политика.* — *Полис*, 1991, № 5 .
- (53) См.: *Тоталитаризм: что это такое?* (исследования зарубежных политологов). М.: ИНИОН, 1993. Ч. 2. С. 12. На роль внешнего фактора в возникновении глубокого внутреннего кризиса обращают внимание и современные теории революции (См.: *Andriole S., Hoppole M.* Revolution and Political Instability. L., 1984. P. 23 — 25; *Skocpol T.* States and social revolutions: a comparative analysis of France, Russia and China. Cambr., 1979. P. 80—81).
- (54) См., напр.: *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes...; *Neumann S.* Permanent Revolution: Totalitarianism in the Age of International Civil War. N.Y., 1942; *Aron R.* Democracy and Totalitarianism. L., 1968; *Brzezinski Z., Friedrich C.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. N.Y., 1965; *Schapiro L.* Totalitarianism. N.Y., 1972; См. также: *Тоталитаризм: что это такое?* С: 88—89.
- (55) См. напр.: *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30—40-е годы. М., 1989. С. 65 — 68; *Moore B., Jr.* Authority and Inequality under Capitalism and Socialism. Oxford, 1987; *Nove A.* An Economic History of the U.S.S.R. L., 1969. P. 179-180.
- (56) См.: *Тоталитаризм: что это такое?* С. 56.
- (57) Там же. С. 30.
- (58) См.: *Linz J.* Totalitarian and Authoritarian Regimes. P. 233.
- (59) Ibid.
- (60) См. об этом: Ibid. P. 232.
- (61) *Katouzian H.* The Political Economy in Iran Since the Revolution: A Macro-Historical Analysis. — *Comparative Economic Studies*. Vol. XXXI. №3. Autumn 1989.
- (62) См.: *Тоталитаризм: что это такое?* С. 18.
- (63) *Roeder Ph.G.* Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. — *Post-Soviet Affairs*, 1994. Vol. 10. № 1.

- (64) См. подробнее: *Hagopian M.N.*, Op. Cit. P. 56—60.
- (65) На наличие и серьезность этой проблемы впервые указал Дж. Линц в своей работе "Крушение демократических режимов" (*Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration.* Baltimore, L., 1978). В последствии он вновь обращался к ее обсуждению на страницах "Journal of Democracy". См. об этом также: *Riggs F. W. Fragility of the Third World's regimes.* — *International Social Science Journal*, UNESCO, 1993. Vol. 136.
- (66) См.: *Huntington S., Nelson J. No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries.* Cambr., 1976; *Tucker R.C. The Soviet Political Mind.* N.Y., 1963; *Magstadt T.M., Schotten P.M. Understanding politics: ideas, institutions, and issues.* N.Y., 1984. P. 55—58.
- (67) См., напр.: *Галкин А.А.* Общественный прогресс и мобилизационная модель развития. — *Коммунист*, 1990. № 18.
- (68) См.: *Цыганков А.П.* Социально-классовые основания стабильных политических режимов. — США: Экономика, Политика, Идеология, 1992. №4.
- (69) *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 4—5.
- (70) См. подробнее: *Хрусталева М.А.* Указ. Соч. М., 1991. С. 59—60.
- (71) См.: *Янов А.* Истоки автократии — Октябрь, 1991. № 6.
- (72) Там же. С. 149.
- (73) См.: *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1993.

Глава IV

- (1) *Greenstein F.I., Polsby N.W., eds. Handbook of Political Science.* 4 Vol. Mass. etc., 1975.
- (2) М. Ньюгент приводит ряд высказываний весьма авторитетных ученых, которые оказались напрочь опровергнуты ходом событий. Например, С. Хантингтон заявлял в 1984 году, что "вероятность демократического развития в Восточной Европе фактически равна нулю". А П. Холландер уже в 1989 году писал, что в обозримом будущем от Восточно-Европейских стран не следует ожидать радикальных демократических перемен (См.: *Nugent M.L.*, ed. *From Leninism to Freedom. The Challenges of Democratization.* Boulder, 1992 P. 261).
- (3) *Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America.* Cambr., 1991; *Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century.* Norman and London, 1991.
- (4) См.: *Przeworski A.*, ed. *Sustainable Democracy* (forthcoming).
- (5) Цит. по: *Пушевский А.* Переходы к демократии. — *Путь*, 1993. № 3. С. 33.
- (6) См. подробнее: *Coleman J.S. Modernization: Political Aspects.* — *International Encyclopedia of the Social Sciences.* Ed. *D.L. Sills.* L., N.Y.,

1968. Vol. 10; *Братерский М.В.* Теория модернизации: обзор американских концепций. — США: ЭПИ, 1990. № 9.
- (7) *Zhang B.* Corporatism, Totalitarianism, and Transitions to Democracy, — *Comparative Political Studies*, April 1994. Vol. 27, №1
- (8) *Rustow D.A.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model. — *Comparative Politics*, April 1970, № 3. P. 341—342, 345.
- (9) См. подробнее: *Huntington S.* The Third Wave. P. 37—38.
- (10) Ibid. P. 38.
- (11) См., напр.: *Zhang B, Op. Cit, Hertz J.*, ed. From dictatorship to democracy: Coping with the legacies of authoritarianism and totalitarianism. Westwood, 1982; *Karl T.L.* Dilemmas of democratization in Latin America. — *Comparative Politics*, 1990. Vol. 23.
- (12) *Remmer K.L.* New wine or old bottlenecks? The study of Latin American democracy. — *Comparative Politics*, 1991. Vol. 23. P. 484; см. об этом также: *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to Democracy..
- (13) См., напр.: *Di Palma G.* To Craft Democracies: An Essay on Democratic Transitions. Univ. of California Press, 1990.
- (14) *Munck G.L.* Democratic Transitions in Comparative Perspective. — *Comparative Politics*, April 1994. № 3. P. 371.
- (15) *Nugent M.L.*, ed. From Leninism to Freedom. The Challenges of Democratization. Boulder, 1992. P. 267—268.
- (16) *Huntington S.* The Third Wave. P. 40—45.
- (17) См.: *Binnendijk H.*, ed. Authoritarian Regimes in Transition. Washington, DC, 1987. P. 2.
- (18) Ibid. P. 3.
- (19) См. об этом подробнее: *Przeworski A.* Some Problems in the Study of the Transition to Democracy... P. 51—52.
- (20) *Poznanski K.Z.* ed. Constructing Capitalism. The Reemergence of Civic Society and Liberal Economy in the Post-Communist World. Boulder, 1992. P. 207.
- (21) *Linz J.J.* Transitions to Democracy. — *The Washington Quarterly*, Summer 1990, №3. P. 146.
- (22) *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe: Opportunities and Risks. — *Klare M.T., Thomas D.C., eds.* World Security. Challenges For a New Century. N.Y., 1994. P. 48.
- (23) *Bunce V.* Democratization: East and South. Presentation at The George Washington University, Washington, D.C., November 30 1994.
- (24) *Fukuyama F.* The Modernizing Imperative. — *The National Interest*, Spring 1993. №31.
- (25) См. об этом подробнее: *Zhang B.* Op. Cit. P. 124—126.

- (26) Это различие дало основание М. МакФолу сформулировать понятие "революционного характера" посткоммунистических переходов (См.: *McFaul M. Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe. Washington, DC, 1993; McFaul M. Party Formation after Revolutionary Transitions: The Russian Case. — Dallin A., ed. Political Parties in Russia. University of California at Berkeley, 1993).*
- (27) *Brzezinski Z. The Great Transformation. — The National Interest, No.33, Fall 1993. P. 4.*
- (28) *Menges C.C. The Future of Germany and the Atlantic Alliance. Washington, D.C., 1991, Table 5—1.*
- (29) *Шейнис В. Политическая интерлюдия. Россия между 93-м и 96-м годом. — Независимая газета, 13.07.94.*
- (30) *Пуеворский А. Переходы к демократии... С. 9.*
- (31) Там же. С. 17.
- (32) См. об этом подробнее: *Brzezinski Z. The Great Transformation...; Фадеев Д.А. От авторитаризма к демократии. — Полис, 1992. № 1 - 2*
- (33) *Huntington S. The Third Wave. P. 111.*
- (34) См., напр.: *Di Palma G. To Craft Democracies...*
- (35) См., напр.: *Brzezinski Z. The Great Transformation...*
- (36) См. напр.: *Никонов В. Сеанс самогипноза. — Независимая газета, январь 1994.*
- (37) См., напр.: *Fish S. Who Shall Speak For Whom? Democracy and Interest Representation in Post-Soviet Russia. — Dallin A., ed. Political Parties in Russia. University of California at Berkeley, 1993. P. 43.*
- (38) *Linz J.J. Transitions to Democracy... P. 153.*
- (39) *Ibid. P. 158.*
- (40) *Ibid.*
- (41) *Пуеворский А. Переходы к демократии... С. 12.*
- (42) Там же. С. 3.
- (43) О стратегиях оппозиции в условиях демократии и демократизации см.: *Dahl R. Patterns of Opposition in Polyarchies. — Handbook of Political Science. Ed. by F.J. Greenstein, N. W. Polsby. Vol.3. Macropolitical theory, Mass. etc., 1975. P. 167—169; Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes... P. 28—37.*
- (44) См., напр.: *Millar J.R. The Failure of Shock Therapy. — Problems of Post-Communism, Fall 1994. P. 25.*
- (45) См.: *Przeworski A., ed. Sustainable Democracy (forthcoming). P. 77; Pereira L.C.B., Maravall J.M., Przeworski A. Economic Reforms in New Democracies. A social-democratic approach. Cambr., 1993.*

- (46) *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe... P. 49-50.
- (47) *Ibid.* P. 50.
- (48) См. об этом подробнее: *Stapan A.* Pains towards Redemocratization: Theoretical and Comparative Considerations. — *O'Donnell G., Schmitter Ph.C., Whitehead L., eds.* Transitions from Authoritarian Rule. Baltimore & London, 1986. Vol. 3; *Linz J.J.* Transitions to Democracy... P. 148—149.
- (49) См.: *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe... P. 50; *Huntington S.* The Third Wave. P. 112.
- (50) См. подробнее: *Zhang B.* Corporatism, Totalitarianism, and Transitions...; *Huntington S.* The Third Wave. P. 111—121.
- (51) Цит. по: *Huntington S.* The Third Wave. P. 125.
- (52) Более подробный анализ и рекомендации оптимального поведения для политических сил внутри и вне правительства, заинтересованных в успехе пактовых и навязанных переходов, содержится в книге С. Хантингтона (См.: *Huntington S.* The Third Wave. P. 141—142). Хантингтон называет такие переходы "трансформациями" (transformations), отличая их от "замен" (replacements), осуществляющихся под решающим влиянием масс, и "переговорных замен" (transplacements), где решение о смене власти достигается в результате переговоров между правящей элитой и обладающей массовой опорой оппозицией. Эта классификация близка к другим классификациям способов перехода (См.: *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe...; *Binnendijk H.*, ed. Authoritarian Regimes in Transition. P. XVI—XVIII; *Linz J.J.* Breakdown of Democratic Regimes. Baltimore, 1978. P. 35; *Share D., Mainwaring S.* Transitions Through Transaction: Democratization in Brazil and Spain. — *Political Liberalization in Brazil: Dynamics, Dilemmas, and Future Prospects*, ed. *W.A. Selcher.* Boulder, 1986. P. 177—79)
- (53) См. об этом подробнее: *Zhang B.* Op. Cit. P. 114—122.
- (54) *Ibid.* P. 124—125.
- (55) Х. Линц описал поэтому выше сформулированную дилемму (которая ему видится как дилемма "reform or rupture", т.е. выбор элиты между плавной или внезапной передачей власти в руки оппозиции) как "ложную", поскольку в большинстве случаев она вообще не принимает в расчет возможность демократизации и включения масс и политический процесс (См.: *Linz J.J.* Transitions to Democracy... P. 153 - 154).
- (56) См. подробнее у Хантингтона о соответствующем поведении политических акторов: *Huntington S.* The Third Wave. P. 149—151, 162—163.

- (57) *McFaul M.* Post-Communist Politics. Democratic Prospects in Russia and Eastern Europe. Washington, DC, 1993. P. 85
- (58) *Ibid.* P. 95.
- (59) См., напр.: *Przeworski A.*, ed. Sustainable Democracy... P. 5.
- (60) См. подробнее: *Schmitter Ph.* The International Context for Contemporary Democratization: Constraints and Opportunities upon the Choice of National Institutions and Policies. University of Chicago, EastSouth System Transformations, Working Paper № 8, 1991; *Whitehead L.* The International Dimension of Democratization: A Survey of the Alternatives. Paper presented at the XVth Congress of the IPSA, Buenos Aires, 1991.
- (61) См.: *Pridham G.*, ed. Encouraging Democracy: The International Context of Regime Transition in Southern Europe New York, 1991. P. 6.
- (62) См. подробнее: *Nugent M.L.*, ed. Op. Cit. P. 266—270.
- (63) См.: *Pridham G.*, ed. Op. Cit. P. 6—7.
- (64) См. об этом подробнее: *Orme J.D.* Political Instability and American Foreign Policy. The Middle Option. N.Y., 1989.
- (65) *Pridham G.*, ed. Op. Cit.
- (66) См.: *Muravchik J.* Exporting Democracy. Fulfilling America's Destiny. Washington, D.C., 1992; *Huntington S.* The Third Wave. P. 93—94.
- (67) *Brzezinski Z.* The Great Transformation. P. 6.
- (68) *Ibid.* P. 4.
- (69) *Menges C.C.* A Strategy to Encourage Democracy in Russia. — *Menges C.C.*, ed. Transitions from Communism in Russia and Eastern Europe. Lanham, N.Y., L., 1994. P. 5—8.
- (70) См., напр.: *Millar J.R.* The Failure of Shock Therapy. — Problems of Post-Communism, Fall 1994. Vol. 41; *Przeworski A.*, ed. Sustainable Democracy...; *Pereira L.C.B.*, *Maravall J.M.*, *Przeworski A.* Economic Reforms in New Democracies. A social-democratic approach. Cambr., 1993; *Lowenthal A.F.*, ed. Exporting Democracy. The United States and Latin America. Baltimore and London, 1991.
- (71) См. об этой модели подробнее: *Berger P.L.* Capitalist Revolution. Fifty propositions. N.Y., 1986. Ch. 7; In Search of an East Asian Development Model. Ed. by *P.L. Berger*, *H'Н.М. Hsiao*. New Brunswick, Oxf., 1988.
- (72) См., напр.: *Millar J.R.* The Failure of Shock Therapy...; *Савченко П.* Применим ли План Маршалла? — Свободная мысль, 1993. № 10; *Цыганков А.П.*, *Цыганков П.А.* Слагаемые российской безопасности. — Социально-политические науки, 1992. № 9.
- (73) См.: *Przeworski A.*, ed. Sustainable Democracy...; *Pereira L.C.B.*, *Maravall J.M.*, *Przeworski A.* Economic Reforms in New Democracies. A social-democratic approach. Cambr., 1993.

- (74) См. подробнее: *Савченко П.* Указ. Соч.
- (75) *Munck G.L.* Democratic Transitions in Comparative Perspective... P. 362.
- (76) *Linz J.J.* Transitions to Democracy... P. 153; *Mainwaring S., O'Donnell G., Valunzuela S., eds.* Issues in Democratic Consolidation: The New South American Democracies in Comparative Perspective. South Bend, 1992. P. 48—49, 60—62, 70—71.
- (77) См. подробнее; *Munck G.L.* Op. Cit. P. 362—364.
- (78) Ibid.
- (79) *Diamond L.* Toward Democratic Consolidation. — *Journal of Democracy*, July 1994. № 3. P. 8.
- (80) Ibid. 16. Подобный тезис выдвигает и М.С. Фиш (См.: *Fish M.S.* Russia's Fourth Transition. — *Journal of Democracy*, July 1994. № 3. P. 34—35).
- (81) *McFaul M.* Post-Communist Politics... P. 93.
- (82) См. подробнее: Проблемы Восточной Европы, ed. by *F. Silnitsky and L. Silnitsky.* Washington, D.C. № 37—38.
- (83) Такая постановка вопроса, конечно, не исключает из сферы внимания вполне реальную возможность, в результате которой военные станут активной политической силой и в посткоммунистических переходах. Российский переход демонстрирует особенно убедительные примеры в пользу вероятности такого развития событий.
- (84) *Фадеев Д.А.* От авторитаризма к демократии. — *Полис*, 1992. № 1—2. С. 121—122.
- (85) *Huntington S.* The Third Wave. P. 59—60, 315—316.
- (86) *Линц Х.Х.* Крушение демократических режимов. — Проблемы Восточной Европы. Washington, D.C., 1993. № 39—40. С. 120—121.
- (87) "Период консолидации, — как пишет Х. Линц в другом месте, — это в основном борьба за завоевание поддержки относительно нейтральных слоев населения" (Там же. С. 74).
- (88) *Huntington S.* The Third Wave. P. 231.
- (89) Ibid. P. 251—253.
- (90) *Пищеворский А.* Указ. Соч. С. 4—5.
- (91) *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Democratization around the Globe... P. 54—55.
- (92) *Brzezinski Z.* The Great Transformation. P. 10.
- (93) Ibid.
- (94) *Karl T.L., Schmitter Ph.C.* Op. Cit.
- (95) *Brzezinski Z.* Op. Cit.
- (96) См., напр.: *Roeder Ph.G.* Varieties of Post-Soviet Authoritarian Regimes. — *Post-Soviet Affairs*, Berkeley. January-March 1994, № 1.
- (97) *Brzezinski Z.* Op. Cit. P. 11.

- (98) Ibid.
- (99) *Karl T.L., Schmitler Ph.C.* Op. Cit. P. 55.
- (100) *Munck G.L.* Democratic Transitions in Comparative Perspective P. 364.
- (101) В каких-то своих пунктах исследовательская литература, посвященная осмыслению режимов и динамике переходных процессов, пересекается с обширной литературой, анализирующей предпосылки, ход и последствия революций. Мы полагаем, что охват литературы о революциях не входит в нашу задачу и отсылаем интересующихся к соответствующим источникам (См., напр.: *Tilly C.* From Mobilization to Revolution. Addison-Wesley, 1978; *Skocpol T.* States and social revolutions: A comparative analysis of France, Russia and China. Cambr., 1979; *Andriole S.J., Hopple G.W.* Revolution and Political Instability. Applied Research Methods. L., 1984). Эта тема также исследовалась в рамках теорий модернизации, рассматривая специально конфликт современных политических структур с самодовлеющими культурными традициями модернизирующихся обществ (См., напр.: *Eisenstadt S.N.* Breakdowns of Political Modernization. — Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by *E. Elzioni-Halevy* and *A. Etzioni*. N.Y., 1973).
- (102) В 1970-х исследовательская группа под его руководством сделала проблему распада режимов центральной в своем анализе, выпустив по итогам проведенных исследований четыре тома, затрагивающих соответственно теоретические аспекты темы, распад демократических режимов в Латинской Америке, Европе, Чили (См.: *Linz J.J.* The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. Baltimore, L., 1978; *Linz J.J., Stepan A., eds.* The Breakdown of Democratic Regimes: Latin America. Baltimore, L., 1978; *Linz J.J., Stepan A., eds.* The Breakdown of Democratic Regimes: Europe. Baltimore, L., 1978; *Valenzuela A.* The Breakdown of Democratic Regimes: Chile. Baltimore, L., 1978).
- (103) *Линц Х.Х.* Крушение демократических режимов... С. 134—135.
- (104) Там же. С. 138.